

Могучий демон ведет опасную игру с людьми...

ДЭНИЕЛ
АБРАХАМ

ДЭНИЕЛ АБРАХАМ

ТЕНЬ
СРЕДИ ЛЕТА

ТЕНЬ СРЕДИ ЛЕТА

Book
of
Abraham

DANIEL ABRAHAM

«Shadow in Summer»

«The Long Price Quartet»

ДЭНИЕЛ
АБРАХАМ

ТЕНЬ СРЕДИ ЛЕТА
Цикл «СУРОВАЯ РАСПЛАТА»

УДК 821.111(73)-312.9

ББК 84 (7Сое)-44

А16

Серия «Век Дракона» основана в 1996 году

Daniel Abraham

SHADOW IN SUMMER
THE LONG PRICE QUARTET

Перевод с английского Н. Парфеновой

Серийное оформление А. Кудрявцева

Компьютерный дизайн С. Шумилина

В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Александра Корженевского.

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Barog International, Inc. и Permissions & Rights Ltd.

Подписано в печать 10.03.09. Формат 84x108/ 32.
Усл. печ. л. 18,48. Тираж 3 000 экз. Заказ № 0162.

Абрахам, Д.

А16 Тень среди лета: из цикла «Суровая расплата» : [фэнтези. роман] /
Дэниел Абрахам; пер. с англ. Н. Парфеновой. — М.: ACT: ACT
МОСКВА, 2009. — 349, [3] с. — (Век Дракона).

ISBN 978-5-17-057710-1 (ООО «Издательство ACT»)

ISBN 978-5-403-00890-7 (ООО Издательство «ACT МОСКВА»)

Странный, экзотический мир...

Здесь на руинах древней империи образовались города Хайсема, коими
управляют могущественные властители — хай, и коим вечно угрожает
воинственный сосед — царство Галть.

Здесь поэзия имеет магическую силу, ибо только поэты в силах
призывать и подчинять своей власти таинственных духов — андатов,
способных помочь людям и в мирные дни, и в грозную годину войны.

Но одному из андатов — Безымянному — не по вкусу состоять на
службе у Хешая, славного поэта города Сарайкет. Он желает свободы и
власти — а потому затевает рискованную и опасную игру, цель которой —
погубить поэта и способствовать Гальту в завоевании Сарайкета.

Своим орудием Безымянnyy выбирает Ота, знатного юношу,
сбежавшего из школы поэтов и состоящего в обучении у купца, его друга
детства — любимого ученика Хешая Маати и его возлюбленную Лиат...

УДК 821.111(73)-312.9

ББК 84 (7Сое)-44

© Daniel Abraham, 2006

© Перевод. Н. Парфенова, 2009

© Школа перевода В. Баканова, 2009

© ООО Издательство «ACT МОСКВА», 2009

*Посвящается Фреду Саберхагену,
первому из моих учителей*

-

Пролог

Удар пришелся Оте по уху и рассек кожу. Тахи-кво, учитель Тахи, взмахнул лакированной розгой. Та просвистела в воздухе, словно птичье крыло. Ота выдержал: не дернулся, не вскрикнул. На глазах выступили слезы, но руки оставались в позе приветствия.

— Еще раз! — рявкнул Тахи-кво. — Теперь без ошибок!

— Ваш визит — великая честь для нас, высочайший дай-кво, — пропел Ота, словно впервые озвучивая эту церемониальную фразу.

Старик, сидящий перед очагом, пристально посмотрел на него и принял позу одобрения. Тахи-кво удовлетворенно хмыкнул.

Ота согнулся в поклоне и замер на три вздоха, надеясь, что Тахи-кво не станет бить его за дрожь. Молчание затянулось. Ота чуть было не поднял глаза на учителя. Однако не тот, а старик у отца прохрипел традиционные слова:

— Ступай же, отверженное дитя, и возвращайся к занятиям.

Ота повернулся и покорно вышел из комнаты. Лишь закрыв за собой тяжелую деревянную дверь и выйдя в холодный коридор, который вел к комнатам учеников, он отважился потрогать свежую рану.

Другие ребята замолкали, когда Ота проходил мимо; лишь раз или два взгляды задерживались на нем и на новом свидетельстве его позора. Смеялись только старшие ученики: «черные одежды», подопечные Милы-кво.

Ота отправился в свое крыло. Его класс уже спал. Мальчик осторожно снял церемониальное платье, стараясь не запачкать его кровью, и промыл рану холодной водой. Рядом с умывальником стояла глиняная плошка со жгучей мазью для порезов и ссадин. Ота зачерпнул едко пахнущую смесь двумя пальцами и нанес на порванное ухо. Потом, в который раз за время учебы в школе, сел на жесткую койку и заплакал.

— Этот мальчик... — произнес дай-кво, взяв в руки горячую пиалу с чаем. Фарфор почти обжигал пальцы. — Как по-твоему, из него выйдет толк?

— Возможно, — отозвался Тахи, поставив розгу у стены и усаживаясь рядом с учителем.

— Кого-то он мне напоминает.

— Его зовут Ота Мати. Шестой сын хая Мати.

— Братьев я помню. Тоже были способными учениками. Что с ними стало?

— Отучились свое, получили клеймо и были выдворены, как большинство. Сейчас у нас три сотни школьников и сорок «чертых одежд» под началом Милы-кво. Сыновья хайема или честолюбивых утхайемских семей.

— Так много? Я и десятой доли не видел.

Тахи принял позу согласия. Слегка развернутые запястья вносили оттенок не то печали, не то извинения.

— Лишь некоторые сильны и в то же время мудры. А на кон поставлено слишком многое.

Дай-кво потягивал чай и созерцал огонь в очаге.

— Интересно, — проговорил старик, — многие ли понимают, что мы их ничему не учим?

— Мы учим их всему: счету, азбуке. После школы любой найдет себе ремесло.

— Кроме того, которое нужно. Они ничего не знают о поэзии. Об андатах.

— Если они поймут это, высочайший, значит, они на полпути к вашим дверям. А те, кого мы выдворим... что ж, тем лучше для них.

— Неужели?

Тахи пожал плечами и уставился в огонь. Он постарел, подумал дай-кво, особенно глаза. Хотя когда-то и Тахи был зеленым юнцом, до встречи с ним. Стало быть, и морщины, и жесткость — плоды того, что дай-кво в нем посеял.

— Тех, кто не выдерживает испытания, клеймят, а потом отпускают на все четыре стороны. Они вольны идти своим путем, — сказал Тахи.

— Да, но мы отнимаем у них надежду вернуться к родным, занять придворную должность. У них нет семьи. Они не могут подчинять себе андатов, — возразил дай-кво. — Мы выбрасываем этих мальчишек так же, как их выбросили из родного дома. Что с ними происходит, хотел бы я знать.

— То же, что и с остальными, полагаю. Для выходцев из утхайема ничего не меняется. Что до сыновей хаев... клеймо лишиает права наследования и, стало быть, спасает от бойни. Это ли не благо?

Тахи-кво был прав. Жители Хайема из поколения в поколение наблюдали за тем, как льется хайская кровь. Так уж повелось. Если все трое наследников убивали друг друга, верхушка утхайема доставала кинжалы, и города начинало лихорадить от насилия, а поэты безучастно наблюдали за происходящим, словно священники — за собачьими боями. Мальчишки, вверенные заботам учителей, были избавлены от этих войн, взамен лишаясь того, что успевали узнать за свою короткую жизнь. И все же...

— Едва ли унижение можно назвать благом, — сказал дай-кво.

Его старый ученик вздохнул.

— Большего мы предложить не можем.

Дай-кво покинул школу рано утром, едва рассвело. Шагнул за высокие бронзовые двери, которые открывали только для него. Оттуда стоял в рядах своих погодков, замерев в позе прощания. Кто-то за спиной улучил возможность почесаться — было слышно, как скребут по одежде пальцы. Оттуда не стал оборачиваться. Двое учеников Милы-кво закрыли тяжелые двери.

В тусклом зимнем свете, льющемся с высоты сквозь узкие, как бойницы, окна, мельтешили «черные одежды», отдавали распоряжения своим классам. Задания бывали разными. Утро могло быть посвящено работе внутри школы — починке стен или стирке, — либо очистке от наледи садовых дорожек, по которым никто, кроме чистильщиков, не ходил. Вечер отводился на обучение: счет, азбука, религия, история Старой Империи, Второй Империи, Войны и городов Хайема. А еще за последние недели все чаще кто-нибудь из учителей отходил в конец класса, доверяя кому-нибудь из «черных одежд» вести урок и расспрашивать о пройденном. Мила-кво то и дело прерывал своих подопечных, чтобы рассказать шутку или обсудить вопрос, о котором те не говорили. Тахи-кво только наблюдал и направлял наказания. Его лакированная розга прошлась по всем одноклассникам Оты.

Сегодня Риит-кво, из числа старших «черных одежд», отвел класс Оты в погреба. Снаружи вставало солнце, но Ота, не видя его, стирал пыль с камней, которые будто сохранили холод с прошлой зимы, а потом мыл их ветошью, стирая в кровь костяшки пальцев. Наконец Риит-кво построил их, прошелся по рядам, раздал пощечины тем, чья осанка ему не понравилась, и вывел в столовую. Ота не оборачивался, не заглядывал вперед, а смотрел строго в спину товарища.

В обед подали холодное мясо, вчерашний хлеб и жидкий ячменный суп, которому Ота радовался больше всего за то, что он был теплый. Очень скоро Риит отправил их мыть ножи и миски, а потом велел следовать за собой. Ота на беду очутился во главе колонны и первым вступил в холодный лекторий с каменными скамьями и узкими окнами, не знавшими стекла. Там их уже ждал Тахи-кво.

Никто не знал, почему этот хмурый круглоголовый учитель взял их класс под опеку, хотя в темноте общих спален ходили кое-какие слухи. Шептались, будто бы дай-кво выбрал одного из них и поведает ему тайны андатов сразу, в обход Милы-кво и «черных одежд», сделает поэтом, а значит, наделит большей властью, нежели есть у хая. А может, чья-то семья дальних родствен-

ников хая раскаялась, что отослала сына, и хочет вернуть отпрыска в родовое гнездо.

Ота тоже слушал эти сплетни — мечты слабых и робких, — но не верил ни одной. Он понимал: если уцепится за такую мысль, она сломит его навсегда. Мучаясь в этой школе, надеясь лишь на то, чтобы уцелеть, только так он мог сохранить свою душу. «Дотерпеть бы до конца, — думал двенадцатилетний Ота, — а там нас выпустят обратно в мир». Шел третий год его обучения — как раз середина срока. Сегодня надо пережить очередную беду. Так было вчера, так будет завтра. Заглядывать слишком далеко в прошлое и в будущее — себе дороже. Только в самых смелых мечтах Ота представлял, как изучает тайны андатов, а это случалось так редко, что впору сказать «никогда».

Ринт-кво, то и дело поглядывая на учителя в конце лектория, принял декламировать подопечным притчу о Близнецах-Драконах Хаоса. Ота знал эту историю, а потому мало-помалу отвлекся. За узким стрельчатым окном на ветке сидела ворона. Этот вид напоминал Оте о чем-то смутно знакомом.

— Кто из богов усмиряет духов воды? — резко спросил Ринт-кво. Ота собрался и выпрямил спину. Ринт-кво указал на плотного паренька в задних рядах.

— Оладак-странник! — ответил тот, принимая позу благодарности учителю.

— А почему духов, которые не пожелали сражаться ни на стороне богов, ни против них, ввергли в последний круг ада, глубже, чем приспешников Хаоса? — Ринт-кво указал на другого ученика.

— Потому, что надо было сражаться за богов! — выкрикнул мальчик.

Ответ неверный. Потому, что они были трусами, подумал Ота, зная, что прав. Лакированная розга Тахи со свистом хлестнула ученика по плечу. Ринт-кво осклабился и продолжил рассказ.

После урока они еще немного поработали, но уже без надзора Тахи-кво. Потом был ужин, и еще один день подошел к концу. Ота был рад наконец забраться на жесткую койку и накрыться

тонким одеялом по самую шею. Зимой многие ученики спали в одежде, чтобы было теплее, Ота тоже. Впрочем, он любил зиму больше других времен года. Когда снаружи теплело, он порой просыпался и не мог вспомнить, куда попал, надеялся увидеть стены отчего дома, и, может быть, улыбку матери, услышать голоса братьев — Биитры, Даната и Кайина. Эти наплывы воспоминаний были невыносимой розги Тахи-кво. Ота усилиями воли старался стереть образы семьи из памяти. Дома его не любили и не ждали. Он понимал, что слишком частое осознание этой горькой правды убьет его.

В полудреме он вспоминал последний урок, где резкий голос Ринита повторял притчу о духах, которые отказались сражаться. О трусах, приговоренных к изгнанию в самый глубокий и ледяной ад.

Вопрос всплыл неожиданно. Ота распахнул глаза и резко сел. Остальные мальчики спали. Кто-то неподалеку плакал во сне — привычный звук. В памяти звучали слова урока о трусливых духах.

«Что же их там держит? — спрашивал тихий внутренний голос. — Почему они остаются в аду?»

Ота несколько часов пролежал без сна, ломая над этим голову.

Покой учителей выходили в общую гостиную. Вдоль стен громоздились стеллажи книг и свитков. В каменном очаге тлели угли, приготовленные достойнейшими из «черных одежд» Милы-кво. Из широкого окна с двойным стеклом, не пропускающим ни холода, ни летний зной, открывался вид на дорогу, что вела на юг, к главному тракту.

Тахи грел ноги у очага и вглядывался в заснеженную равнину за окном. За спиной у него открылась дверь, и вошел Мила.

— Я ждал тебя раньше, — произнес Тахи.

Мила ненадолго принял позу извинения.

— Аннат Рёта снова жаловался, что кухонная труба чадит.

Тахи фыркнул.

— Сядь. У огня теплее.

— На то он и огонь, — иронично согласился Мила и сел. Тахи ответил вымученной улыбкой.

— Что он сказал о твоем классе? — спросил Тахи.

— Почти то же, что в прошлом году. «Они заглянули по ту сторону пелены и ведут младших братьев к знанию», — отозвался Мила, сложив руки в позе легкой насмешки. — Все, что они умеют — издеваться над слабыми. Любой мало-мальски полезный андат сожрет их, не моргнув глазом.

— Жаль.

— Можно подумать, кого-то это удивило. А как твои?

Тахи пожевал губу и наклонился вперед, ощущая на себе взгляд Милы.

— Ота Мати опозорился, — произнес он. — Но наказание выдержал достойно. Дай-кво думает, из него выйдет толк.

Мила шевельнулся. Когда Тахи поднял голову, тот уже сидел в вопросительной позе. Тахи подумал над немым вопросом и кивнул.

— Были и другие знаки, — сказал он. — Пожалуй, стоит к нему присмотреться. Только не хочется тебе его отдавать.

— Ты его полюбил.

Тахи изобразил согласие с оттенком признания собственного поражения.

— Может, я и жесток, дружище, — протянул он, явно повторяя не раз сказанное, — но не бессердечен, как некоторые.

Светловолосый учитель расхохотался, и Тахи невольно последовал его примеру. Потом они на время умолкли, думая каждый о своем. Мила встал и сбросил с плеч толстую шерстяную накидку. Под накидкой оказались те же строгие шелка, в которых он вчера встречал дая-кво. Тахи налил себе и Миле рисового вина.

— Приятно было увидеть его снова, — сказал Мила чуть погодя. В его голосе звучала печаль. Тахи принял позу согласия и пригубил вино.

— И все же он так постарел...

Немудреный план побега не требовал сложных приготовлений, однако Ота «дозревал» почти три недели — с того мига, как понял смысл притчи о духах, до решающей ночи. Вечером он

дождался, пока все уснут, вылез из-под тонкого одеяла, напялил все свои чулки и накидки, собрал скучный скарб и в последний раз вышел из общей спальни.

Каменные коридоры не были освещены, но Ота хорошо изучил дорогу и не заблудился бы даже в темноте. Сначала он отправился на кухню. Кладовая была не заперта — никто не хотел попасться на воровстве и заслужить порку. Ота сгреб в котомку две пригоршни черствых булочек и сушеных фруктов. Водой запасться не стал: землю за воротами еще покрывал снег, а Тахи-кво научил их оттаивать воду на ходу теплом своего тела, не замерзая.

Когда Ота подготовился, путь привел его к главному залу. Лунный свет из высоких окон обозначил прозрачно-серый широкий проход, где каждое утро в течение трех лет он и его класс замирали в позе подчинения. На дверях, как обычно, лежал засов, и, хотя Оте хватило бы сил его сдвинуть, звук мог кого-нибудь разбудить. Поэтому он взял из чулана за дверями пару широких сетчатых снегоступов и направился по лестнице в лекторий, где узкие окна выходили наружу, в мир, скованный зимой. Ота уже видел пар собственного дыхания.

Он выбросил снегоступы и котомку в сугроб, протиснулся в окно и стал спускаться с карниза, пока не повис на пальцах. Падать было невысоко.

Ота отряхнул снег с чулок, привязал снегоступы к ногам толстыми кожаными шнурками, подобрал пухлую котомку и зашагал прочь, на юг, к большому тракту.

Луна, висевшая почти в высшей точке, сдвинулась на две ладони в рукавицах, когда Ота понял, что за ним следят. Кто-то шел за ним шаг в шаг, а теперь ступил невпопад — прозвучало намеренно, как привлекающий внимание кашель. Ота застыл. Потом обернулся.

— Добрый вечер, Ота Мати, — сказал как ни в чем не было Мила-кво. — Славная погода для прогулки, а? Правда, холодновато.

Ота не ответил, и Мила-кво пошел к нему, придерживая рукой собственную котомку. Ступал он почти бесшумно, а изо рта валил пар, густой и белый, как гусиный пух.

— Вот-вот, — повторил учитель. — Холодно и далеко от постели.

Ота принял позу ученического согласия. В ней не было намека на извинение. Ота надеялся, что Мила-кво не заметит дрожи или спишет ее на холод.

— Уйти, не закончив обучения... Какой позор!

Ота жестами выразил благодарность за урок, но Мила-кво только отмахнулся и сел на снег, разглядывая мальчика с любопытством, от которого Оте стало не по себе.

— Зачем? — спросил Мила-кво. — Ты еще можешь все исправить. Тебя могут признать достойным. Так зачем убегать? Неужели ты такой трус?

Ота обрел голос.

— Трус бы остался, Мила-кво.

— Как это?

В учительском тоне не было ни осуждения, ни подвоха. Словно он приятель Оты и искренне хочет услышать ответ.

— В аду ведь нет ни замков, ни дверей, — сказал Ота. Он впервые пытался объяснить свою мысль кому-то, кроме себя. Оказалось, это не так-то просто. — А если нет замков, что может держать, кроме страха, что за воротами будет еще хуже?

— И ты считаешь школу неким подобием ада.

Это был не вопрос, поэтому отвечать Ота не стал.

— Если ты встанешь на этот путь, тебя ждет жизнь изгоя, — предупредил Мила. — Тот, от кого отказалась семья, не найдет ни друзей, ни союзников. А без клейма старшие братья вполне смогут выследить и убить тебя.

— Пусть.

— Тебе есть куда пойти?

— Большой тракт ведет в Патай и Нантани.

— Где ты никого не знаешь.

Ота ответил позой согласия.

— Разве это тебя не пугает? — спросил учитель.

— Я так решил.

Мила-кво усмехнулся, словно ответ его позабавил.

— Пусть так. Правда, ты не учел, что есть и другой выход.

Учитель залез в свою котомку и вытащил небольшой тряпичный сверток. Задумчиво подержал в руках и бросил на снег между собой и Отой... черное одеяние.

Ота изобразил вопрос от ученого к ученому, сейчас не совсем уместный. Впрочем, Мила-кво понял, что имеется в виду.

— Андаты могущественны, Ота. Почти как божества. И они не любят пребывать в одном облике, сопротивляются этому. А поскольку их облик отражает внутреннюю суть поэтов, которые их пленяют, то... В мире полно добровольных мучеников — людей, которые приветствуют творимое над ними насилие. Андат, порожденный подобным умом, уничтожит поэта и сбежит. Ты выбрал действие. Это и отличает тех, кто носит черные одежду.

— Значит... ваш класс... они все убегали из школы?

Мила-кво рассмеялся. От его смеха стало теплее, несмотря на мороз.

— Нет. Нет, вы все выбрали разные пути. Анся отмахивался от розги Тахи-кво. Ранит Киру задавал запретные вопросы, получал за них наказание и задавал снова, пока Тахи не запорол его до беспечности. Бедняга несколько недель не мог носить одежду — правда, он и так был весь черный от синяков. Каждый из вас на что-то решился. Если ты примешь черные одежду, они твои. Нет — считай, что мы просто побеседовали на любопытную тему, не более того.

— А если приму?

— Тебя не выгонят из школы. «Черным одеждам» это не грозит. Ты будешь помогать нам обучать других тому, что узнал сам — как выстоять собственными силами.

Ота моргнул, и что-то расцвело у него в груди: безымянное, невыразимое чувство. Побег из школы вдруг приобрел новый смысл, стал знаком стойкости и мужества.

— А как же андаты?

— И до них дойдет, — заверил его Мила-кво. — Начнутся серьезные занятия. Дай-кво выбирает учеников только из «черных одежд».

Ота неловко наклонился и онемевшими от холода пальцами подобрал одеяние. Встретившись с веселыми глазами Милы-кво,

он не смог сдержать улыбки. Мила-кво засмеялся в ответ, встал и положил Оте руку на плечо. Впервые за все время в школе с ним обошлись по-доброму!

— Идем же! Если поспешим, может, успеем к завтраку.

Оте принял позу радостного согласия.

— И вот еще что: на сегодня я тебя прощаю, но впредь не воруй из кухни. Повара будут недовольны.

Спустя несколько недель пришло письмо, и Мила-кво прошел его первым. Покинув на минуту учеников, он отправился в класс этажом выше, где мрачно перечитал написанное аккуратным почерком послание. Убедившись, что понял все верно, Мила-кво сунул сложенное письмо в рукав и выглянул в окно. Зима подходила к концу, но грядущее весеннее обновление отчего-то казалось издевкой.

Он узнал шаги старого друга: вошел Тахи.

— Тут гонец... — начал он и запнулся. — Аня сказал, прибыл посыльный от дая-кво.

Мила-кво оглянулся через плечо. В круглом лице Тахи отражались его собственные чувства.

— От помощника.

— Дай-кво... Он...

— Нет, — возразил Мила, выуживая из рукава письмо. — Не умер. Но умирает.

Тахи взял предложенные листки, но не взглянул на них.

— От чего?

— От старости.

Тахи молча прочитал послание, потом, резко выдохнув, привалился к стене.

— Что ж... вроде бы не все так плохо.

— Пока да. Он еще посетит школу. Дважды, если удастся.

— Не стоит ему приходить! — резко проговорил Тахи. — Все равно эти визиты — простая формальность. Мы и так знаем, кто из учеников готов. Можем отправить их к нему. Незачем...

Мила обернулся и жестом попросил объясниться. В его позе был оттенок траура. Тахи горько рассмеялся и опустил глаза.

— Ты прав. И все-таки я был бы о мире лучшего мнения, если б мог облегчить бремя дая-кво. Пусть ненадолго.

Мила хотел что-то выразить, но застыл в полупозе и только кивнул.

— Ота Мати? — спросил Тахи.

— Возможно. Быть может, придется вызывать дая-кво именно к нему. Хотя еще рано, он едва примерил черное платье. Остальные лишь учатся видеть в нем равного. Вот привыкнет к власти, тогда и разберемся. Не стану приглашать дая-кво, пока не буду уверен.

— Следующей зимой он так или иначе приедет.

— Может, приедет. А может, умрет нынче ночью. Или мы его опередим. Боги сотворили мир, но не предопределили.

Тахи поднял руки в позе вынужденного согласия.

Стояла поздняя весна. Теплым вечером весь мир был напоен запахом зелени. Ота и его друзья лежали на склоне холма к востоку от школы. С ними был и Мила-кво — сидел рядом и вел свой рассказ, хотя время уроков давно истекло. Рассказывал он об андатах.

— Они... точно воплощенные мысли. — Мила творил жесты, необычные и завораживающие. — Идеи, которые приручили и очеловечили. Возьмите хоть Нисходящую Влагу. Во времена Старой Империи она называлась Росой, но когда Днит Амра вызывал ее во второй раз, перед началом Войны, ей дали имя Стражницы Моря. Хотя сама мысль, как видите, осталась той же. Если ее удержать, можно останавливать реки. Или орошать поля. Или посыпать наводнения на врагов. Нисходящая Влага была очень могучей.

— А кто-нибудь может пленить ее снова? — спросил Анся, которого Ота прежде называл бы Анся-кво.

Мила покачал головой.

— Вряд ли. Слишком часто ее ловили ипускали. Наверное, можно найти новый способ ее описания, хотя... последняя попытка не удалась.

Даже у Оты, новичка, при этих словах по спине пробежал холодок. Рассказы об андатах были сродни историям о призраках и обычно заканчивались жуткой расплатой, которая настигала поэтов-неудачников.

— И что же случилось? — взволнованно прошептал Ниан Томари.

— В прошлый раз это произошло за поколение до меня. Говорят, после того, как поэт потерпел неудачу, его живот вздулся, как у беременной, а когда его вскрыли, там оказалось полно льда и черных водорослей.

Мальчики затахли, представляя себе эту картину: кровь поэта, темные листья, белый лед. Дари прихлопнул комара.

— Мила-кво, а почему андата становится все труднее удержать после каждого побега?

Учитель рассмеялся.

— Отличный вопрос, Ота! Однако будет лучше, если ответ ты узнаешь у дая-кво. Пока ты еще не готов.

Ота показал позой, что усвоил замечание, но любопытство его не покинуло. Солнце закатилось, стало холодать. Мила-кво поднялся, и ученики потянулись за ним. В полумраке «черные одежды» были очень похожи на призраков. На полпути к высоким каменным зданиям Анся пропустил бегом, за ним — Рийт, а следом Ота и другие. Они неслись вверх по склону наперегонки: только бы не очутиться последними у главных дверей. Когда Мила их нагнал, все уже стояли там, веселые и раскрасневшиеся.

— Ота! — окликнул мальчика Энрат, смуглый уроженец Тан-Садара. Энрат был постарше Оты. — Ты завтра ведешь третий класс в западный огород?

— Да.

— Тахи-кво велел передать, чтобы ты управился и всех отмыл до обеда. Потом он хочет забрать их на урок.

— А ты сможешь пойти с нами на холм, — предложил Мила-кво, услышав их разговор.

Ота согнулся в позе признательности. Они как раз вошли в большой зал, освещенный факелами. Урок у Мила-кво был бесконечно прекраснее, чем день надзора за младшими классами.

— Знаете, почему черви ползают под землей? — спросил Мила-кво.

— Потому, что летать не умеют? — сказал Анся и засмеялся. Двое-трое ребят подхватили.

— Тоже верно, — заметил Мила-кво. — Тем не менее они полезны для почвы. Разрыхляют ее, чтобы корни растений проникали глубже. Значит, в каком-то смысле Ота и его третий класс будут трудиться за червей.

— Но ведь черви жрут землю, когда ее рыхлят, — вмешался Энрат. — А потом испражняются. Тахи-кво так сказал.

— Да, бывают разные способы, — сухо заметил Мила-кво. Все, включая Оту, расхохотались.

Спальни «черных одежд» разнились со спальнями простых учеников: в них было всего по четыре койки и жаровня для обогрева. Наступила оттепель, но по ночам стоял такой же лютый холод. Оте, как младшему, приходилось поддерживать огонь. Еще затемно их будил Мила-кво — стучал в дверь, пока не отзывались все четверо. Потом они умывались в общих умывальниках и завтракали за длинным столом с Тахи-кво у одного торца и Милой-кво — у другого. Ота по-прежнему сторонился круглоголового учителя, как бы дружелюбно тот ни смотрел.

Когда тарелки опустели, ученики разделились: большинство отправились сопровождать вверенные им классы на ежедневные работы, а пятеро или шестеро остались на занятия с Милой-кво. Входя в большой зал, Ота уже предвкушал, как сдаст своих подопечных Тахи-кво и пойдет на любимый урок.

Младшие школьники дожидались его, выстроившись в шеренги, дрожа от холода. Третий класс составляли совсем еще дети — дюжина мальчиков лет восьми в тонких серых платьях. Ота прошелся вдоль строя, проверяя осанку и пресекая попытки почесаться.

— Сегодня мы будем перекапывать западный огород, — гаркнул он. Несколько учеников вздрогнуло. — Тахи-кво велел, чтобы к полудню все закончили и помылись. Так что вперед! — И Ота повел их к огородам, то и дело отставая и следя, все ли идут в ногу. Когда один из ребят — Нави Тоют, сын важного ялакет-

ского чиновника — выбился из общего ритма, Ота влепил ему пощечину. Мальчик тут же поправил шаг.

В западных огородах было грязно и голо. На земле лежали сухие былинки — остатки прошлогоднего урожая, а между ними кое-где пробивались бледные ростки сорняков. Ота подвел отряд к кладовке для инструментов. Младшие ученики отерли паутину с лопат и мотыг.

— Начинаем с северного края! — прокричал Ота, и класс рассыпался по грядкам. Шеренга получилась неровная, и по высоте и по ширине, щербатая, словно зубы у семилетки. Ота прошелся взад-вперед, указывая каждому, как стоять и как держать лопату. Когда все было растолковано, он дал знак начинать.

Ученики принялись за работу. Видно было, что они стараются, но у них не хватало ни сил, ни веса, чтобы правильно воткнуть заступ. Наконец над грядками поднялся слабый запах свежевспашенной земли, но, когда Ота ступил на нее, она почти не промялась под башмаками.

— Глубже! — прикрикнул он. — Копайте, а не скребите! Черви — и те справляются лучше!

Класс ничего не ответил, даже не поднял голов — только сильнее налег на шершавые черенки лопат. Ота тряхнул головой и сплюнул от досады.

Солнце поднялось на полторы ладони, а они закончили только две делянки. Начало припекать. Мальчики сбросили накидки и сложили позади себя. Оставалось пройти еще шесть делянок. Ота хмуро прохаживался за спинами учеников. Время истекало.

— Тахи-кво приказал закончить к полудню! Если вы ему не угодите, всех вас высекут, обещаю!

Класс как мог спешил выполнить задание, но когда четыре участка вскопали, стало ясно, что к обеду никак не успеть. Ота строго велел продолжать, а сам отправился на поиски Тахи-кво. Учитель надзирал за уборкой кухонь, нетерпеливо помахивая розгой. Ота виновато согнулся перед ним.

— Тахи-кво, третий класс не успеет взрыхлить западный огород до полудня. Они слишком слабы и бестолковы.

Тахи-кво взглянул на него с непроницаемым видом. Ота почувствовал, как краснеет от смущения. Наконец учитель принял формальную позу понимания.

— Что ж, значит, подождем. Когда поедят, выведешь их снова, и пусть заканчивают перекопку.

Ота изображал позу благодарности, пока Тахи-кво не отвлекся на собственных подопечных, потом повернулся и пошел обратно, к огородам.

Третий класс вяло ковырялся в земле. Заметив его приближение, все принялись копать резвее. Ота встал посреди полуразрытого участка и оглядел учеников.

— Из-за вас я пропущу урок у Милы-кво! — проговорил он вполголоса, но так сердито, что его было хорошо слышно. Мальчики виновато потупились, как нашкодившие щенки. Ота повернулся к тому, что стоял ближе всех — тощему восьмилетке с лопатой в руке.

— Эй, ты. Дай сюда!

Мальчуган перепугался, но протянул ему лопату. Ота взял ее и с силой воткнул в свежую землю. Она ушла только на полштыка. Ота напрягся от злости. Ученик замер в позе извинения. Ота на нее не ответил.

— Ты должен был копать как следует! Переворачивать! Ты что, дурак, не понимаешь?

— Простите, Ота-кво. Я виноват. Просто...

— Не можешь рыхлить по-человечески — сделаешь по-червячни. Становись на колени.

Мальчик опешил.

— На колени! — рявкнул Ота, наклоняясь к его лицу. У того глаза были на мокром месте, но он сделал, как было приказано. Ота зачерпнул горсть земли и сунул ей в руку.

— Ешь.

Мальчик перевел взгляд с комка земли на Оту. Потом, вздрагивая всем телом от плача, поднес ладонь ко рту и начал есть. Его товарищи столпились кругом, молча наблюдая за происходящим. Он жевал, развозя грязь по губам.

— Всю!

Мальчик набрал в рот еще земли и, рыдая, упал ничком. Ота сплюнул от отвращения и повернулся к остальным.

— За работу!

Ученики бросились на места, подгоняемые страхом. Замелькали лопаты. Мальчик с грязным ртом сидел, уткнувшись лицом в ладони, и плакал. Ота вытащил лопату и вонзил в землю рядом с ним.

— Ну? — тихо процедил он. — Ждешь особого приглашения?

Мальчик промямлил что-то неразборчивое.

— Что? Если хочешь что-то сказать, сделай так, чтобы тебя было слышно.

— Рука, — выдавил мальчик сквозь всхлипы. — Руки болят. Я старался... старался копать глубже, но было так больно...

Он перевернул руки ладонями кверху. От зрелица кровавых волдырей у Оты закружила голова, словно он склонился над пропастью. Мальчик заглянул ему в лицо, тихо подывая, и Ота вспомнил. Вспомнил, что ему самому хотелось вот так выть, когда он месяцами спал в холоде, надеясь не увидеть во сне мать. Он слышал этот звук в спальне младших классов, среди своих погодков — плач ребенка во сне.

Внезапно ему стало неловко в новой черной одежде. Память о годах унижения зазвенела у него в мозгу, как хрусталь, отозвавшийся на высокую ноту. Он упал на колени рядом с плачущим мальчиком. Слова рвались с губ и застревали на полпути. Другие ученики молча стояли вокруг.

— Ты за мной посыпал? — спросил Тахи. Мила не ответил, только показал за окно. Тахи подошел и посмотрел вниз. На разрытой грядке ученик в черном обнимал плачущего младшеклассника, а остальные, опешив, смотрели на них.

— И давно они так? — глухо спросил Тахи.

— С тех пор, как я заметил. Что было раньше — не знаю.

— Ота Мати?

Мила беззвучно кивнул.

— Пора это прекратить.

— Да. Просто я хотел, чтобы ты увидел.

В суровом молчании учителя спустились по лестнице, минули библиотеку и прошли к западным огородам. Третий класс, завидев их, бросился изображать усердие — все, кроме Оты и мальчика рядом с ним. Те не сдвинулись с места.

— Ота! — рявкнул Тахи. Ученик поднял глаза, покрасневшие и полные слез.

— Ты не в себе, — тихо сказал Мила-кво, поднимая его на ноги. — Тебе нужно пойти и прилечь.

Ота перевел взгляд с него на Тахи-кво и нехотя принял позу подчинения, а потом позволил Миле-кво увести себя в школу. Тахи остался; Мила услышал его ругань, которой он охаживал третьеклассников, словно кнутом.

В учительских покоях Мила заварил Оте чашку крепкого чая, обдумывая положение. Вскоре о происшествии узнают все, если еще не узнали. Чем это обернется для мальчика — худом или добром, — сказать трудно. Он сам не знал, на что лучше надеяться. Если глаза его не обманули, это успех, которого он боялся. Однако, прежде чем действовать, надо убедиться. Он не станет вызывать дая-кво, если Ота не готов.

Мальчик, понуро сидевший на краю койки, взял пиалу и послушно выпил. Его слезы высохли. Теперь он просто смотрел перед собой. Мила придинул табурет и сел рядом. Выдержав долгую паузу, учитель сказал:

— Знаешь, ты оказал этому ученику медвежью услугу.

Ота поднял руку в жесте признания ошибки.

— От того, что ты его утешил, он не станет крепче. Я знаю, учителем быть непросто. Тяжело заставить себя обходиться с детьми грубо, даже если это для их блага.

Ота кивнул, но головы не поднял. Когда он заговорил, его голос прозвучал тихо.

— А раньше кого-нибудь исключали из «черных одежд»?

— Исключали? Нет, ни разу. Почему ты спросил?

— Я все испортил. — Ота помолчал и добавил: — Я слишком слаб для таких уроков, Мила-кво.

Мила посмотрел на руки, думая о своем старом учителе, о том, во что обойдется его старым костям еще одно путешествие в

школу. Когда он заговорил, в его голосе еще ощущалась тяжесть принятого решения.

— Я отстранию тебя от работ на месяц, — сказал Мила-кво. — А мы тем временем пошлем за даем-кво.

— Ота, — окликнул его знакомый шепот. — Что ты натворил?

Он перевернулся в постели. Жаровня еле-еле рдела в темноте, давая лишь слабое пятно света. Ота уставился на угли.

— Я совершил ошибку, Анся.

В последнее время он так отвечал всем, кто отваживался спросить.

— Говорят, дай-кво приезжает. Раньше времени.

— Наверное, очень крупно ошибся, — произнес Ота, а сам подумал: «Наверное, я первый, кто поднялся так высоко и так низко пал. В первый раз черные одежды дали такому слабаку». Он вспомнил белую, заснеженную долину, по которой шел, когда его догнал Мила-кво. Теперь было ясно, что бегство из школы ничуть не доказывало его силу, а только предвещало поражение.

— Так что же ты сделал? — спросил Анся в темноте.

У Оты перед глазами снова встало лицо мальчика, окровавленные ладони и слезы унижения, бегущие по грязным щекам. Он сам причинил ему боль и стыдился одновременно содеянного и того, что не сможет этого повторить. Как объяснить, что он не сумеет сделать этих ребят сильнее, потому что в душе остается одним из них?

— Я недостоин этих одежд, — сказал Ота.

Анся промолчал, и вскоре с соседней койки послышалось глубокое, ровное дыхание спящего. Все устали после дневных трудов, кроме Оты: тот с утра до вечера бродил по пустым коридорам и лекториям. От занятий его освободили, а черную одежду он не снял лишь потому, что другой не было.

Так Ота и ждал в темноте, пока даже угли не потухли. Убедившись, что все кругом спят, Ота поднялся, оделся и тихо вышел

в коридор. До стылых комнат младших классов было недалеко. Ота шел между темных силуэтов спящих — маленьких фигурок, скрючившихся под тонкими одеялами. Подумать только: он ведь всего ничего проходил в черном, а так много успел забыть.

Мальчик, которого он искал, лежал на койке у стены, отвернувшись и поджав ноги. Ота осторожно склонился над ним и прикрыл ему рот рукой, чтобы тот не разбудил других, если вскрикнет. Мальчик проснулся тихо и заморгал. Ота подождал, пока он его узнает, и шепнул:

— Как руки, лучше?

Мальчик кивнул.

— Хорошо. Только не шуми. Незачем будить остальных.

Ота убрал руку, и мальчуган тут же принял позу глубокого сожаления.

— Ота-кво, я опозорил вас и нашу школу. Я...

Ота мягко сложил его руки вместе.

— Тебе не в чем себя винить, — сказал он. — Это я всех опозорил. Мне и отвечать.

— Если бы я только работал быстрее...

— Это бы ничем тебе не помогло. Ничем.

Бронзовые двери с грохотом распахнулись. Мальчики стояли рядами, замерев в приветственных позах, словно статуи. Точно так же стоял среди «черных одежд» Ота, размышляя, чем делятся друг с другом отверженные дети на этот раз: надеждами на возвращение к родным или на зачисление в поэты? Мечты...

Старик прошел внутрь. С тех пор, как Ота его помнил, он заметно ослаб. После ритуала приветствий дай-кво благословил всех хриплым, срывающимся шепотом. Потом он удалился с учительями, а «черные одежды» — все, кроме Оты — повели свои классы работать. Ота вернулся к себе и с тяжелым сердцем сел ждать, когда его позовут. Предчувствие его не обмануло.

— Ота! — окликнул из дверей Тахи. — Пойдем, подашь даю-кво чая.

— Но парадное платье...

— Не понадобится. Только чай и больше ничего.

Ота встал, покорно сложив руки. Время пришло.

Дай-кво молча сидел перед очагом, глядя на пламя. Его руки, сложенные на коленях, казалось, стали еще меньше с тех пор, как Мила их помнил, кожа истончилась и сморщилась. В лице дая-кво читалась усталость от трудной дороги — под глазами залегли тени, уголки рта опустились, — однако в ответ на взгляд Милы старик принял позу вопроса с оттенком вызова. Миле показалось, что в ней было что-то еще — может быть, нетерпение или надежда.

— Что слышно в мире? — спросил он. — Здесь новости о городах — редкость.

— Все хорошо, — ответил дай-кво. — А здесь? Как ваши ученики?

— Тоже неплохо, высочайший.

— Вот как? Я порой сомневаюсь.

Мила принял позу — просьбу пояснить мысль, но безрезуль-татно. Старейший из учителей снова обратил взгляд на пламя. Мила уронил руки на колени.

Вернулся Тахи, склонился в знак покорности и почтения и сел.

— Мальчик уже идет, — сказал он.

Дай-кво кивнул, и только Мила увидел в лице Тахи отражение своей тревоги. Ожидание показалось очень долгим. Наконец в дверь тихо постучали, и вошел Ота Мати с подносом, на котором стояли три маленькие чашечки чая. Он поставил поднос на низкий столик и с каменным лицом принял положенную позу приветствия.

— Ваш приезд — великая честь для меня, высочайший дай-кво, — проговорил Ота безупречно усвоенную фразу.

Глаза старика ожили и пытливо возвелись на Оту. Дай-кво кивнул, но не отоспал мальчика, а указал на свободный стул, где обычно сидел Мила. Ота оглянулся на учителя. Мила кивнул, и мальчик сел, сам не свой от волнения.

— Скажи-ка, — произнес дай-кво, поднося к губам чашку, — что ты знаешь об андатах?

Ота заговорил не сразу, но сумел унять дрожь в голосе.

— Знаю, что они — мысли, о высочайший. Воплощенные поэтом в форму, обладающую собственной волей.

Дай-кво отпил чаю, наблюдая за мальчиком. Стариk ждал, что еще скажет Ота, но тот как будто растерялся. Наконец дай-кво опустил чашку.

— Что, и больше ничего? А как их пленяют? Что должен делать поэт, чтобы его творение было отлично от всех прочих? Как передают связанного андата другому поколению?

— Не знаю, о высочайший.

— Почему? — совсем тихо спросил дай-кво.

— Мила-кво говорил, что это знание может пойти нам во вред. Мы не были готовы постичь глубины мастерства.

— Верно, — согласился дай-кво. — Что правда, то правда. Вас пока лишь проверяли, а не учили.

Ота потупился и, побледнев, принял позу раскаяния.

— Простите, что не справился с заданием, высочайший дай-кво. Я должен был показать им, как сохранять крепость духа. Я и хотел, но...

— Тебе не о чем сожалеть, Ота. Ты все сделал правильно.

Ота покачнулся. В глазах у него отразилось замешательство. Мила откашлялся и, жестом спросив у дая-кво соизволения продолжить, произнес:

— Помнишь наш разговор в ту ночь, когда я предложил тебе черные одежды? Я сказал, что слабовольный поэт скорее всего погибнет, будет уничтожен андатом.

Ота кивнул.

— Однако жестокосердный уничтожит весь мир, — продолжал Мила. — Сила и доброта. Поистине редкое сочетание.

— Сейчас оно встречается куда реже, чем в наши дни, — добавил дай-кво. — Ни один ученик не получал черных одежд, не проявив силы воли. Точно так же всякий, кто их снимал, сумел отказаться от присущей власти жестокости. Ты сделал и то,

и другое, Ота Мати. Ты доказал, что достоин, и я хочу взять тебя в ученики. Поедем со мной, и я научу тебя, как стать по-этом.

Мальчик выглядел так, будто его согрели дубиной: в лице — ни кровинки, руки застыли. В глазах мало-помалу забрезжило понимание. Молчание затянулось. Тахи не выдержал.

— Ну? Чего же ты молчишь?

— То, что я сделал... с этим мальчиком... было правильно?!

— Ты выполнил задание. И выполнил на отлично.

Губы Оты растянулись в холодной усмешке.

— Выходит, я отличился, унизив его?! — сказал он голосом, полным ярости.

Мила увидел, как Тахи нахмурился, но покачал головой: разговор идет между даем-кво и мальчиком.

— Не унизив, а утешив, — поправил старый учитель.

— Утешив после того, что сам же и причинил.

— Да. Однако многие ли, по-твоему, так поступили? Для того мы и создали эту школу, чтобы вас испытывать. Так повелось с самой войны, что уничтожила Империю. Благодаря школе города Хайема выжили. В этом заключена глубокая мудрость.

Ота медленно согнулся в позе ученической благодарности, однако не так, как обычно: поворот кистей выражал некое непонятное Миле чувство.

— Что ж, если это — отличие, тогда мне все ясно, о высочайший.

— В самом деле? — спросил старик. В его голосе послышалась надежда.

— Да. Вы меня использовали. И в огороде я был не один, а с вами.

— Что ты несешь? — прикрикнул на него Тахи, но Ота продолжал, словно не слышал.

— Вы говорили, что Тахи-кво научил меня быть сильным, а Мила-кво — сострадать другим, но из их уроков следует еще кое-что. Раз в школе все заведено по вашему замыслу, будет справедливо рассказать, чему я научился под вашим руководством.

Дай-кво озадаченно смотрел на него, начиная менять позу, но Оту это не остановило. Его взгляд был прикован к старику, лицо излучало бесстрашие.

— Тахи-кво показал мне, что я должен всегда решать за себя сам, а Мила-кво — что наполовину усвоенный урок бесполезен. Я уже как-то собрался бросить школу, и правильно. Зря только поддался на уговоры. Это все, высочайший, чему меня здесь научили.

Ота встал и отвесил прощальный поклон.

— А ну вернись! — рявкнул Тахи. — Вернись и сядь!

Мальчик уже его не слушал. Он вышел за дверь и закрыл ее за собой. Мила скрестил руки и уронил взгляд, не зная, что и сказать, что подумать. Прогоревшие угли в очаге рассыпались под собственным весом.

Тахи тихо окликнул Милу и кивнул на дая-кво. Старик сидел едва дыша, сложив руки в позе глубокого сожаления.

1

Подобно тому, как облик холодного края определяли башни Мати, символом и средоточием жизни летних городов была набережная Сарайкета. В чистые воды залива выдавались длинные пирсы, к которым приставали суда из других портовых городов Хайема: Нантани, Ялакета, Чабури-Тана. Попадались среди них и низкие плоскодонки из Западных земель, и высокие парусники гальтов с такой густой оснасткой, что порой казалось, будто это не корабли, а плавучие прачечные. По всему протяжению набережной стояли прилавки торговцев со всех краев земли, украшенные разноцветными флагами и вывесками, а их хозяева зазывали прохожих, перекрикивая гомон чаек и шум прибоя. В жарком, душном воздухе звучала дюжина языков, сотня наречий, говоров и жаргонов. Амат Клан знала их все.

Старшая распорядительница Гальтского Дома Вилсинов прокладывала себе путь в толпе, опираясь на трость, хотя ее шаг был и без того верен. Ей нравилось слушать, как сталкиваются и несутся друг другу вслед, словно дети, играющие в салки, разные грамматики и лексиконы. Она знала, что и как говорить — в этом была ее сила. Именно этот талант возвысил ее из бедных переписчиц до той, кем она стала, и теперь Амат, одевшись в цвета уважаемой, хотя и чужой страны, пробиралась сквозь массу тел и тюков хлопка на встречу с начальством. Правда, попасть в любимые бани Марчата Вилсина можно было более тихой дорогой, но она, выходя из дома, неизменно шла

через набережную. В конце концов побережье — символ и гордость ее города.

Она задержалась на площади у перекрестка, откуда начиналась Нантань — широкая, мощеная улица, отмечавшая западную границу складского квартала. Древняя бронзовая статуя Сиана Сё — последнего великого императора — стояла там, устремив взгляд за море, словно в память о погибшей Империи, которая за восемь поколений сравнялась с землей и поросла быльем, за исключением городов Хайема, куда не добрались война и разруха.

У подножия памятника сновали на солнцепеке голые по пояс молодые рабочие, толкая телеги, груженые белыми промасленными мешками. Одни смеялись, другие покрикивали на остальных, третьяи трудились с убийственной серьезностью. Кто-то из них решил подработать, иных прислала гильдия или отдельные торговцы по договору, но все они были прекрасны, даже самые толстые и неуклюжие. Их красила юность.

Перекаты мышц под кожей завораживали больше, чем самые тонкие и дорогие одежды хайема — быть может, потому, что никто ими не любовался нарочно. Интересно, догадывались ли они, что старуха-чиновница украдкой на них смотрит, делая вид, что отдыхает по дороге на совещание? Почти наверняка. Милые щеславцы. Амат вздохнула, подняла трость и зашагала дальше.

Когда она добралась, куда шла, солнце встало еще на полладони. Бани располагались на суше, тяготея к берегам Книта и акведукам. Марчат Вилсин предпочитал те, что поменьше. Амат бывала там довольно часто, так что стража знала ее в лицо и при встрече склонялась в неловких приветственных позах. Амат часто думала, что Вилсин-тя намеренно ходит сюда затем, чтобы забыть собственные языковые трудности. Она быстро изобразила приветствие и прошла внутрь.

Работать на иностранцев всегда было непросто. Перевод документов и соглашений составлял лишь малую долю этого труда. Гальты слыши народом умелым, воинственным и удачливым в сражениях. Их владения были столь же обширны и плодородны,

как владения Империи времен расцвета. Гальты внушили соседям уважение и страх. Нередко они навязывали соглашения силой: грозили вторжением или запретом на ввоз товаров, если переговоры шли не так, как им хотелось бы. Лишь в городах Хай-ема гальты отступали от своих привычек. Послать боевой корабль в Бакту или войска в Эдденси они могли, но когда дело касалось дипломатии, терялись. Несмотря на всю свою мощь, перед андатами гальты были вынуждены отступить. Марчат Вилсин достаточно прожил в Сарайкете и свыкся с этой оплеухой гальтскому высокомерию. Раз так, можно было потерпеть его маленькие прихоти — например, привычку вести дела в банях.

Внутри было прохладнее, да и резные ставни на окнах пропускали ветерок с кедровым ароматом. От мозаичных потолков и стен эхом отражались голоса. В общем зале кто-то пел — повсюду проникал звонкий мужской голос. Амат зашла в женскую половину, выскользнула из платья и сняла сандалии. Прохлада приятно освежала кожу. Амат выпила студеной воды, зачерпнув из широкой каменной чаши, и нагишом, как и все здесь, прошла мимо бассейна, где плескались купальщики обоего пола, к частным помещениям. Марчат Вилсин обыкновенно занимал угловую парную, где были не так слышны смех и гомон других посетителей.

— Как можно жить в таком пекле? — буркнул Вилсин-тя, едва Амат вошла в комнату. Он полулежал по шерстистую грудь в воде. С их первой встречи у него изрядно прибавилось седины в волосах, да и сам он пополнел. — Как под горячим полотенцем.

— Только летом, — сказала Амат, откладывая трость и осторожно погружаясь в воду. Плавучий поднос с чайными чашками качнулся, но ничего не пролилось. — Будь мы чуть севернее, ты бы всю зиму жаловался на холод.

— Хоть какое-то разнообразие.

Вилсин поднял из воды розовую, сморщенную от купания руку и подтолкнул Амат поднос. Чай был свежим, приправленным мятой, вода — прохладной. Амат откинулась на край бассейна.

— Ну, что нового? — спросил Марчат, завершая тем самым утренний ритуал.

Амат отчиталась. Дела шли неплохо. Корабли с хлопком-сырцом из Эдденси стояли в порту на разгрузке. Контракты с ткачами были почти подписаны, хотя кое-какие неточности в переводе с гальтского на хайтский еще требовали доработки. Из плохих вестей: урожай с северных полей задерживался.

— К встрече с андатом успеют?

Амат еще раз отпила чай, прежде чем ответить.

— Нет.

Марчат шепотом выругался.

— Эденсийцы, считай, все прислали, а наш собственный хлопок до сих пор на корню?

— Как будто так.

— Сколько не хватает до полной загрузки?

— Одной десятой.

Марчат нахмурился и поднял глаза к потолку, подсчитывая невидимые цифры, читая пустоту, как книгу. После недолгого молчания он вздохнул.

— А нет ли возможности обратиться с этим к хаю? Обсудить еще раз условия...

— Нет.

Марчат фыркнул с досады.

— Вот за что я не люблю Хайем! Будь мы сейчас в Бакте или Эймоне, все еще можно было бы переинчарить.

— Да, потому что за стеной стояли бы гальтские воины, — сухо парировала Амат.

— Вот именно. Тогда время бы сразу нашлось. Проверь — может, у кого из других домов склады перегружены?

— У Чадхами, знаю, есть излишек хлопка. К тому же Тиан и Янани обхаживают одного западника. Кто успеет раньше — тот и перетянет купца на себя. Можем продать им свою очередь к андату, а сами пойдем потом, когда наш товар подоспеет.

Марчат задумался. Они еще немного обсуждали стратегию Дома — с кем объединиться и как потом эту связь выгодно разорвать, если в том возникнет нужда.

Амат, разумеется, не рассказывала хозяину всего. В этом заключалась ее работа: удерживать все в голове, извещать Марчата о том, что ему нужно знать, а с остальным разбираться самой. Основой их дела была торговля хлопком и связанная с ней сеть отношений между ткачами, красильщиками, изготовителями парусов, судовладельцами, землевладельцами, добытчиками руды — та отрасль, на которой искони богател Сарайкет. Кроме этого, в отличие от Гальта, Эдденси и Бакты, Западных земель и Восточных островов, Сарайкет война обходила стороной. Все города Хайема защищали поэты и силы, которыми те обладали. Лишь под этой защитой могли съезжаться купцы со всего света, чтобы играть в донельзя серьезные игры — торговлю и товарообмен.

Когда они все решили и согласовали, Амат договорилась с Вилсином, когда занести бумаги в торговый дом. Обсуждать дела в банях — это одно, а капать водой на только что составленные договоры — совсем другое, чего она позволять не собиралась. Впрочем, Вилсин ее понимал. Видя, что Амат начала выбираться из воды, он поднял руку, чтобы задержать ее.

— Вот еще что, — произнес Вилсин. Амат опустилась в бассейн. — Мне нужен охранник на этот вечер, где-то к половине свечи. Ничего особенного — так, собак отгонять.

Амат наклонила голову набок. Марчат говорил спокойно, обычным тоном, но в глаза не смотрел. Она сделала вопросительный жест.

— У меня встреча, — сказал Вилсин. — В одном из предместий.

— По делам Дома? — спросила Амат таким же ровным голосом.

Он кивнул.

— Понятно... Значит, в полсвечи встретимся у твоих ворот.

— Нет. Амат, мне нужен какой-нибудь громила, чтобы отпугивал зверье и бандитов. На кой мне женщина с палкой?

— Я приведу охрану с собой.

— Просто пошли его ко мне, — свернулся разговор Вилсин. — Остальное — моя забота.

— Как угодно. *И* давно ли Дом начал заключать сделки без моего участия?

Марчат Вилсин поморщился и тряхнул головой, бормоча что-то себе под нос. От его вздоха пошла рябь по воде и пролился чай.

— Дело очень щекотливое, Амат. Вот и все. Я решил вести его сам. Когда смогу, поделюсь с тобой всеми подробностями, а пока...

— Пока?

— Трудно объяснить. Подробности таковы, что... Не хочу об этом распространяться.

— Почему?

— Речь идет о скорбном торге. Девица на приличном сроке, живот уже заметный. Избавление от ребенка — дело щекотливое, тут надо действовать без огласки.

Амат внутренне возмутилась, но спокойным тоном ответила:

— Что ж, понимаю. Если ты опасаешься мне доверять, полагаю, лучше было и не посвящать меня в это дело. Пожалуй, подыщу себе замену.

Вилсин досадливо хлопнул по воде. Амат скрестила руки. Оба знали, что угроза ненастоящая: Дому Вилсинов без Амат придется тут, да и ей будет хуже, лишишь она этой работы. Однако как распорядительнице ей совсем не нравилось быть в стороне от дел.

Марчат вспыхнул, от стыда или злости — трудно было понять.

— Не горди гору, Амат! Мне это нравится не больше твоего, но сделка есть сделка. *И* я намерен проследить за ее исполнением и попросить хая об аренде андата. Девушке будет обеспечен хороший уход и до, и после, а все, кому нужно заплатить, получат свое. В конце концов, я работаю на Дом Вилсинов больше тебя. Я отдаю тебе приказы. Уж, наверное, я свое дело знаю!

— Я собиралась сказать то же самое, только про себя. Ты двадцать лет слушал мои советы. Если я как-то подорвала твоё доверие...

— Нет.

— Тогда почему ты меня отстраняешь — в первый раз за все эти годы?

— Если бы я мог сказать, мне не пришлось бы тебя отстраниТЬ. Просто поверЬ, здесь решаЮ не я.

— Твой дядя велел ничего мне не говорить? Или заказчица?

— Мне нужен охранник. К половине свечи.

Амат изобразила сложную позу согласия с легким оттенком раздражения, зная, что Вилсин второй смысл не уловит. Она всегда выражалась слишком сложно для гальта, если тот ее злил. Амат встала, а Вилсин подогнал к себе поднос с чашками и налил чая.

— Ты хотя бы можешь сказать, кто заказчик?

— Нет. Спасибо, Амат, — попрощался Вилсин.

В женской комнате она вытерлась и оделась. Теперь улица досаждала ей своим шумом. Амат свернула к Гальтскому Дому Вилсинов — на север и вверх по холму. В тени у прилавка водовоза ей пришлось задержаться и выпить прохладительного, чтобы собраться с мыслями. До сих пор Вилсину не приходилось устраивать «скорбный торг» — прерывание беременности силой андата, хотя другие Дома брали на себя роли посредников в подобных случаях. Амат беспокоила такая перемена, беспокоила таинственность и то, зачем Марчат Вилсин попросил ее прислать телохранителя. Уж не хочет ли он подспудно, чтобы Амат все-таки докопалась до правды?

Маати замер, чувствуя, как сердце вот-вот выскочит из груди. Бледнокожий незнакомец медленно обошел его, ощупывая черными глазами каждый оттенок приветственной позы. Маати не дрогнул — помогли годы обучения в школе и у дая-кво. Его руки знали, как скрыть волнение.

Человек в одеждах поэта остановился, глядя с одобрением и легкой иронией. Изящные пальцы сложились в жесте приветствия — не самом теплом, но и не официальном. Получив ответ, Маати вытянул руки по швам и встал ровно. Первая оторопь от внезапного появления учителя прошла, и он подумал: не ожидал, что Хешай-кво так молод и красив!

— Как тебя зовут, мальчик? — спросил тот. Его голос был холодным и жестким.

— Маати Баупатай! — отчеканил ученик. — В прошлом — десятый сын Нити Баупатая, теперь — самый молодой поэт.

— А, с запада прибыл. У тебя до сих пор акцент.

Учитель сел на стул у окна, скрестив руки и продолжая откровенно разглядывать Маати. Комнаты, которые Маати все это время считал пышными, в присутствии черноволосого красавца вдруг выпятили свое убожество, а тонкие хлопковые занавеси, колеблющиеся на жарком послеполуденном ветерке, по сравнению с кожей поэта показались грязными тряпками. Будто сияющий камень оправили в жесть. Учитель улыбнулся не очень доброй улыбкой. Маати согнулся в позе ученической покорности.

— Хешай-кво, я прибыл сюда по велению дая-кво учиться вашему мастерству, если вам будет угодно взять меня в ученики.

— Брось! Мы не танцоры, чтобы шаркать и кланяться. Сядь туда. На кровать. Хочу тебя порасспрашивать.

Маати сел, где было велено, и поджал ноги, как на уроках дая-кво. Поэта его поза, похоже, позабавила.

— Итак, Маати, когда, говоришь, ты прибыл? Шесть дней назад?

— Семь, Хешай-кво.

— Семь. Однако тебя никто не встретил и не проводил в дом поэта. Уж за семь дней хозяин мог бы и показаться, как думаешь?

К Маати эта мысль приходила, и не раз, но сначала он принял позу благодарности за урок.

— Я тоже поначалу так подумал. Однако по прошествии времени понял, что это очередная проверка.

На совершенном лице мелькнула легчайшая улыбка, и Маати ощущал прилив радости от того, что угадал правильно. Новый учитель дал ему знак продолжать, и Маати чуть приосанился.

— Я подумал: а вдруг испытывают мое терпение? Чтобы убедиться, что я не стану торопить других, не имея на то права. Хотя потом я решил, что вы хотите узнать, как я расходую свободное время. Терпение и бездействие сами по себе ничему не учат, а ушедшего хая величайшая в летних городах библиотека.

— И ты все эти дни сидел в библиотеке?

Маати ответил утвердительной позой, не совсем понимая, что означает тон учителя.

— Вот это, Маати-кя, — произнес тот с неожиданной фамильярностью, показывая за окно — на сады, русла улиц и черепичные крыши до самого моря, — дворцы хая Сарайкета. Там обитают сотни придворных и чиновников. Ни одного вечера не проходит без представлений, пения или танцев. И ты говоришь, что все время возился со свитками?

— Я в самом деле провел один вечер с людьми утхайема. Они были с запада... из Патая, откуда я родом.

— И ты надеялся узнать что-нибудь про родных.

Прозвучало это не как обвинение, хотя могло бы. Маати смущенно закусил губы и повторил утвердительную позу. Улыбка, которую она вызвала, казалась участливой.

— И что же ты узнал за столь плодотворно прожитые дни из книг Сарайкета?

— Я изучил историю города и его андата.

Изящные пальцы произвели жест, который и одобрял, и призывал следовать дальше. Черные глаза излучали интерес, подсказывая Маати, что справляется он неплохо.

— К примеру, я узнал, что дай-кво — предыдущий — прислал вас сюда, когда Иана-кво не сумел удержать Облетающие Лепестки после смерти старого поэта, Миат-кво.

— Скажи-ка, почему он на это пошел?

— Потому, что Облетающие Лепестки ускоряла созревание хлопка в течение прошлых пятидесяти лет, — ответил Маати, довольный своей памятью. — Она заставляла коробочки... раскрываться, если не ошибаюсь. При этом собирать волокна становилось легче. С ее потерей городу пришлось искать другой способ ускорить и улучшить сбор и обработку хлопка, чтобы получить преимущество перед Гальтом и Западными землями, иначе торговцы отправились бы туда и всему городу пришлось бы перемениться. Однако вы приручили Исторгающего Зерно Грядущего Поколения, иначе Неплодного, как его называют на севере, или Бессемянного в городах юга. Торговым домам достаточно заключить соглашение с хаем, и вычесывать из хлопковой ваты

семена не придется. Раз на это уходит почти столько же времени, как и на сбор урожая, хлопок попадает к ткачам раньше, чем где-либо еще. Поэтому другие страны и города начали присыпать нам свой хлопок, а следом перебрались ткачи, красильщики и портные — все ремесленники.

— Да. И поэтому Сарайкет удерживает позиции, платя лишь каплями крови от уколотых ткаческих пальцев, — сказал учитель, принимая позу подтверждения со слабиной в запястьях, что смущило Маати. — Хотя кровь — не деньги, верно?

Пауза затянулась, пока Маати, чувствуя неловкость, не успешил ее нарушить.

— А еще вы избавили летние города от крыс и змей.

Поэт ответил чем-то вроде улыбки. Когда он заговорил, в его тоне прозвучало удивление и недовольство собой.

— Да. Зато приманил туда гальтов и западников.

Маати жестами согласился — без прежнего официоза. Учитель как будто не возражал. Казалось, ему даже приятно.

— Я многое узнал о швейном производстве, — произнес Маати. — Не догадывался, сколько всего нужно знать о хлопке и том, как его обрабатывают, о торговых путях... Я прочел целую книгу о мореходстве.

— А сам даже не был у моря?

— Не был.

Учитель принял ответ без порицания и одобрения, но с оттенком того и другого.

— И все из-за какой-то проверки, — произнес он. — Впрочем, немудрено: ведь ты поступил в школу совсем маленьким, а значит, у тебя на них нюх. Как тыправлялся с угадайками удая-кво?

— Вы... простите, Хешай-кво. Вам очень нужно это узнать?

— Пожалуй, такие вещи способны сказать о многом. Особенно когда их утавают. Верно?

Маати принял позу извинения. Потом он заговорил, опустив глаза, хотя лжи в его словах не было:

— Когда я попал в школу, один мальчик — еще в начальных классах — сказал мне кое-что. Нас послали рыхлить землю, а у

меня оказались слишком нежные руки, и я не мог закончить работу. И вот наш воспитатель, из «черных одежд» — его звали Ота-кво — очень на меня рассердился. Но потом, когда я рассказал, почему не могу сделать то, о чем он просит, он попытался меня утешить и сказал, что если бы я трудился сильнее, это не помогло бы. Вскоре он бросил школу.

— И? Хочешь сказать, что кто-то тебе все объяснил? Звучит не очень-то честно.

— А он ничего секретного мне не говорил. Сказал только кое-что о школе, дал повод задуматься. А потом...

— И как только ты понял, где искать, ответы нашлись сами. Ясно.

— Не совсем так.

— А ты не спрашивал себя, достиг бы ты всего этого сам? В смысле, если бы твой Ота-кво не объяснил тебе правил игры?

Маати вспыхнул. Тайна, которую он хранил долгие годы учебы у дая-кво, открылась в простом разговоре. Хешай-кво, впрочем, принял позу понимания, но сам отвел глаза и странно скрипился, не то от досады, не то от муки.

— Хешай-кво...

— Я только что вспомнил об одном деле. Идем со мной.

Маати встал и пошел за учителем. Перед ними простирались хайские чертоги, каждый — больше селения, в котором жил дай-кво, больше всей школы. Поэт и ученик спустились по широкой мраморной лестнице в гулкий сводчатый зал. В прозрачном воздухе витали ароматы сандала и ванили.

— Скажи-ка, Маати, что ты думаешь о рабах?

Странный вопрос. С языка Маати чуть не сорвалось дерзкое «а я о них не думаю», но вместо ответа он на ходу кое-как изобразил просьбу о пояснении.

— Твое мнение о пожизненной кабале.

— Я как-то не думал...

— Так подумай.

Они миновали зал и вышли на широкую, усыпанную цветами дорогу, ведущую под гору, на юг. Перед ними расстидались сады экзотических цветов и фонтанов. За живыми изгородями

или матерчатыми ширмами пели невольники, наполняя воздух мелодиями без слов. Солнце дышало жаром, как горн, воздух стал почти вязким от влаги. Казалось, они только-только пришли сюда, а Маати уже взмок и запыхался.

Встречные слуги и знать из утхайема останавливались, чтобы выказать им уважение. Учитель не замечал ни их, ни жары. Его одежды в отличие от платья Маати свободно струились, как вода по камням, а на лбу не выступило ни капли. Мальчик кашлянул.

— В пожизненную кабалу попадают либо по собственной воле, ради блага тех, кому вручают свой договор, либо за какое-нибудь преступление, — осторожно произнес он, стараясь не допустить собственных суждений в формулировку.

— Этому тебя научил дай-кво?

— Нет. Просто... так устроена жизнь. Я и раньше это знал.

— А третий случай? Андаты?

— Не понимаю.

Учитель поднял безукоризненную бровь, улыбаясь незаметнейшей из улыбок.

— Андаты — не преступники. Прежде, чем их волятят, они не имеют ни мысли, ни воли, ни облика и состоят из чистой идеи. Разве идея может заключить договор?

— Разве идея может отказаться? — возразил Маати.

— А знаешь ли ты, мальчик мой, кто выдает молчание за знак согласия? Вот то-то же.

Они прошли в срединные сады. Впереди выстроились приземистые павильоны, перемежающиеся широкими дорожками, почти улицами. Справа вырос высокий храм. Изгибы его крыш напомнили Маати летящую чайку. У одного из павильонов стояло множество повозок. Вокруг, оживленно переговариваясь, сновали рабочие. Маати заметил на чьей-то спине тюк хлопка. Его охватило волнение: кажется, сейчас он впервые в жизни увидит, как Хешай-кво будет повелевать андатом!

— Ну и ладно. Забудем об этом, — сказал его учитель, словно ждал какого-то ответа. — Хотя знаешь, что? Позже поразмысли о нашем разговоре.

Маати выбрал позу ученика, принимающего задание.

Стоило им приблизиться к зданию, как работники и купцы расступились. Были здесь и утхайемцы в дорогих нарядах и украшениях. Маати заметил в толпе пожилую женщину в одеянии цвета утренней зари — личную советницу хая Сарайкета.

— А хай здесь? — спросил он, неожиданно оробев.

— Иногда бывает. Даёт купцам понять, что им уделяют внимание. Глупый трюк, но срабатывает.

Маати нервно сглотнул — отчасти в предвкушении хайского визита, отчасти от равнодушного тона учителя. Они прошли арку и вступили под тенистые своды павильона. Просторный, как склад, он был доверху заполнен тюками хлопка-сырца. Свободными остались лишь узкое пространство под самым сводом и зазор шириной в ладонь под решёткой, на которой лежал хлопок. Перед тюками толпился народ — представители торговых домов, чьи рабочие ждали снаружи, а на помосте стоял хай Сарайкета, человек средних лет с тронутыми сединой волосами, озирая собрание из-под прикрытых век. При нем находились советники, подчиняясь малейшему, почти неуловимому жесту. Маати ощутил в толпе давящую тишину. Затем по залу пополз шепот, сливаясь в неразборчивый гул. Хай поднял бровь и принял позу недоумения, исполненную почти нечеловеческого изящества.

Рядом с ним стоял какой-то толстяк, раззявивший широкий лягушачий рот не то в ужасе, не то в изумлении. На нем было одеяние поэта. Маати почувствовал на плече руку учителя — твердую и холодную.

— Маати, — произнес он тепло и так тихо, что никто больше не мог их услышать. — Ты должен кое-что узнать. Я не Хешай-кво.

Маати вскинул голову. Чёрные глаза смотрели прямо на него, а в глубине их пряталось что-то вроде лукавства.

— Тогда кто же вы?

— Раб, мой мальчик. Тот, кем ты мечтаешь владеть.

С этими словами мнимый учитель повернулся к хаю и взбешенному, брызгающему слюной поэту, изобразил приветствие позой, уместной скорее в чайной, чем перед лицом двух влия-

тельнейших особ. Маати с трясущимися руками согнулся в гораздо более формальном поклоне.

— Что это такое? — вознегодовал жаборотый поэт — по-видимому, настоящий Хешай-кво.

— Это? — переспросил спутник Маати, оборачиваясь и разглядывая юношу, словно статую на витрине. — Как будто мальчик. Или юноша. Лет пятнадцати, а может, шестнадцати. Даже не знаю, как их называют в таком возрасте. Как бы то ни было, оно обреталось в верхних залах. Видимо, забытое и заброшенное. Другого применения ему не нашлось. Можно, оно будет жить у нас?

— Хешай, — властно произнес правитель. Он говорил как будто без усилий, но голос звучал гулко, как у актера, а нота неудовольствия заставляла поежиться.

— О-о, — протянул тот, что стоял возле Маати. — Я что-то натворил? Что ж, хозяин, вина целиком ваша.

— Молчать! — рявкнул поэт. Маати почувствовал, как спутник застыл, и покосился на его лицо. Совершенные черты были сведены судорогой. Медленно, словно сопротивляясь малейшему движению, изящные руки сложились в покаянном жесте, спина согнулась знаком полной покорности.

— Я явился, дабы исполнить твою волю, хай Сарайкета, — произнес человек — нет, андат Бессемянный — тоном, исполненным меда и пепла. — Повелевай же, я повинуюсь.

Хай показал, что все услышал, но в его жесте пропустила еле сдерживаемая злость. Толстяк-поэт посмотрел на Маати и ткнул рядом с собой. Юноша взбежал на помост. Андат медленно, словно через силу, последовал за ним.

— Надо было дождаться меня! — сердито прошептал Хешай-кво. — Сейчас самая страда. Можно подумать, дай-кво мало учил тебя терпению.

Маати склонился в позе глубочайшей вины.

— Хешай-кво, меня ввели в заблуждение. Я подумал, что он... то есть... мне стыдно за эту ошибку.

— Еще бы, — бросил поэт. — Заявиться как снег на голову...

— Почтенный Хешай, — прервал его хай ядовитым тоном. — Понимаю, новый любимец — новая забота. Однако, как ни пе-

чально вас прерывать... — Он обвел жестом ткни хлопка. Его руки были само совершенство, а двигались они словно в танце — красноречиво, плавно и выверенно. Маати никогда прежде не видел такой грации.

Хешай-кво кратко изобразил сожаление и повернулся к краставцу — андату Бессемянному. Миг-другой они смотрели друг на друга в безмолвном диалоге. Андат полунасмешливо, полуучально скривил губы. Спина Хешая-кво взмокла и задрожала, словно от большого усилия. Наконец, Бессемянный отвернулся и театрально воздел руки перед мешками хлопка.

Спустя мгновение Маати услышал слабый стук, словно с неба упала одна дождевая капля. Потом звук повторился снова и снова, и скоро в павильоне хлынул невидимый ливень. Маати присел, где стоял — за спинами поэта и хая, — и заглянул под решетку с тюками. По наборному полу рассыпались, подскакивая, крошечные черные зернышки. Хлопковое семя.

— Готово, — объявил Хешай-кво, и Маати поспешно встал.

Хай хлопнул в ладоши и изящно выпрямился. Его одежды струились, будто живые. На миг Маати замер, благоговейно разглядывая правителя.

Пара слуг открыла тяжелые двери и затянула низкими головами клич, призывая торговцев и их рабочих разбирать товар. Утхайемцы заняли посты у дверей, чтобы требовать налоги и пошлины за каждый проносимый мимо тюк. Хай стоял на помосте, суровый и прекрасный, еще больше похожий на призрака или бога, нежели Бессемянный.

— Не мог меня дождаться! — повторил Хешай-кво сквозь выкрики носильщиков и торговцев. — Паршивое начало учебы. Хуже некуда!

Маати снова виновато припал к земле, но поэт — его новый наставник — уже отвернулся. Маати медленно встал, весь красивый от стыда и злости. Андат уселся на краю помоста, сложив вместе бледные, как кость, ладони. Встретив взгляд мальчика, он пожал плечами и принял позу глубочайшего раскаяния. Маати так и не понял, насколько она искренна. Однако не успел он выбрать ответ, как Бессемянный улыбнулся, опустил руки и отвел взгляд.

* * *

Амат Клан сидела у окна на втором этаже собственного дома, глядя на город в свете заката. Солнце тронуло багрецом стены веселого квартала. Иные дома утес уже вешали вывески и фонари, блеск и сияние которых соперничали с огоньками светлячков. Продавщица фруктов ударила в колокольчик и пропела зазывную песенку. Амат Клан втирала жгучий бальзам в колено и лодыжку — эта ежевечерняя процедура помогала унять боль. День выдался долгий, а память о размолвке с Вилсином сделала его еще дольше. Вдобавок до утра было далеко. Предстояло еще одно малоприятное дело.

Все ее годы, числом пятьдесят восемь, прошли в Сарайкете. С далского детства ей запомнилось, как отец, напевая себе под нос, прял готовый хлопок в тонкую, тугую нить. Давно уже они с матерью ушли из жизни. Сестра, Сихет, сгинула в одном из домов веселого квартала, когда Амат было шестнадцать. Она внушила себе, что время от времени видела Сихет мельком — постаревшую, умудренную, живущую тихой жизнью. Скорее, это был самообман. Ей хотелось, чтобы с сестрой все было хорошо, но в глубине души она понимала: это только мечты. Столько лет прошло... Они должны были так или иначе встретиться.

Иногда, лежа ночью в постели, Амат думала, что всей жизнью старается искупить то, что случилось с сестрой. Наверное, так все и произошло: ее решение работать на торговый дом, продвижение по невидимой лестнице власти и богатства должно было уравнять падение сестры. Однако времени с тех пор утекло много, все, у кого надо было просить прощения, умерли или пропали. Положение давало ей полную волю.

Сестер у нее не осталось, как и родителей, а женой и матерью побить не пришлось. Она почти выпала из мира, и одиночество пришлось ей впору.

По руке Амат пополз травяной клещ, готовясь пробуравить кожу. Она поймала его, раздавила ногтями и щелчком смахнула за окно. Фонарей снаружи стало больше, и зазывалы из разных заведений выставили певиц и флейтистов, чтобы приманивать посетителей — иногда даже посетительниц — к своим дверям. По улицам расхаживали восемь мрачного вида головорезов, одетых

в цвета главнейших заведений веселого квартала. Для пьяниц еще не пришла пора, так что стражники ходили и корчили свирепые рожи только для вида. Спокойнее веселого квартала ночью в Сарайкете не было, хотя и опаснее — тоже. Амат подозревала, что из всех городов Хайема только здесь клиенты, не боясь за свою жизнь и честь, могли безбоязненно испытывать рассудок дурман-травами, спускать деньги на кости и хет, обесценивать любовь платой. Если кого убивали, то только шлюх и публичных бойцов. Не район, а пленительная отрава-мечта. Для Амат — любимый и в то же время пугающий.

Осторожный стук в дверь ее не удивил. Она ждала его, хотя и без радости. Встав, опершись на палку, Амат спустилась по длинной витой лестнице вниз. На двери висел засов — не от бандитов, а от пьяниц, которые могли принять ее дом за бордель. Она подняла брус и распахнула дверь.

На улице стояла, скав губы и потупившись, Лиат Чокави, милое создание: карие глаза цвета чая с молоком, золотистая и гладкая, как яичная скорлупа, кожа. И хотя ее лицико по канонам красоты было кругловато, этот недостаток искупался молодостью.

Амат Каян подняла левую руку, приветствуя ученицу. Лиат попыткалась выразить благодарность, но напряженная фигурка замерла на полуопозе. Амат удержалась от вздоха и отошла, впуская девушку в дом.

— Я ждала тебя раньше, — сказала она и заперла дверь.

Лиат обернулась у подножия лестницы и приняла формальную позу извинения.

— Досточтимый учитель, — начала она, но Амат ее прервала.

— Зажги свечи. Я сейчас.

Лиат на мгновение замешкалась, но потом повернулась и пошла вверх по лестнице — заскрипели ступеньки. Амат налила себе чашку воды с лимоном и побрела за девушкой. Недавняя растирка пошла на пользу. Обыкновенно Амат просыпалась и убеждала себя, что ходьба не доставит хлопот, однако уже к вечеру суставы болели. Старость подкрадывалась, как трусливый вор, но Амат не хотела сдаваться. И все-таки по пути на второй этаж она изо всех сил налегала на трость.

Лиат села на подушку рядом с дубовым письменным столом, поджав ноги, потупив глаза. Огоньки лимонных свеч плясали на едва ощутимом ветерке, а дым отпугивал самых злых кровососов. Амат села у окна и убрала полы плаТЬя, как если бы готовилась к работе.

— Старый Санья в этот раз оказался придирчивее. Обычно с ним нетрудно договориться. Давай бумаги, будем оценивать убытки.

Она вытянула руку. Через несколько мгновений ее пришлось опустить.

— Я потеряла договоры, — сдавленно прошептала Лиат. — Простите! Мне нет оправдания.

Амат отпила из чашки. Лимон добавлял воде прохлады.

— Потеряла?

— Да.

Амат выдержала паузу. Девушка не подняла глаз. По круглой щеке скатилась слезинка.

— Плохо дело.

— Прошу, только не отсылайте меня обратно в Чабури-Тан, — выпалила ученица. — Мать так гордилась, когда меня сюда взяли, а отец — он не...

Амат подняла руку, и мольбы иссякли. Лиан уставилась в пол. Амат со вздохом вытащила из рукава связку бумаг и бросила девушке на колени. По крайней мере, девчонка не соврала.

— Один носильщик нашел это между тюками иннисского урожая, — сказала Амат. — В награду я отдала ему твое недельное жалованье.

Лиат подобрала страницы. Ее напряжение вмиг склынуло, она упала лицом в колени и пролепетала: «Благодарю!» — скорее не Амат, а какому-то богу.

— Полагаю, нет нужды объяснять, что случилось бы, если бы пропажа всплыла. Все уступки, которых наш Дом добился от ткачей Саньи за прошлый год, были бы отменены.

— Этаю. Простите меня. Мне очень стыдно.

— Ты хоть представляешь, как договор мог выпасть у тебя из рукава? И почему именно на складе?

Лиат густо покраснела и отвела глаза. Амат поняла, что догадка попала в цель. Следовало бы рассердиться, но она ощущала

только сочувствие, вспоминая себя. Лиат шел восемнадцатый год — возраст, когда так легко ошибиться.

— Ты хоть принимаешь меры, чтобы не родить ему ребенка?

Взгляд девушки метнулся к Амат и тут же, шустрой мышью — в сторону. Лиат слегка сглотнула. Теперь даже кончики ее ушей пылали. Она смахнула с ноги невидимую мошку.

— Я хожу к Чисен Ват за настоем, — тихо отозвалась Лиат после долгой паузы.

— Боги мои! Только не к ней! Она сама не поймет, как отравит. Ступай лучше к Уррат на Бусинную улицу. Я всегда ее посещала. Скажешь, что от меня.

Когда Амат взглянула на девушку, та сидела молча, но смотрела ей прямо в глаза. Вид у нее был потрясенный. Амат, кажется, и сама смущалась — запылали щеки. Она приняла вопросительную позу.

— Что? Думаешь, любовь после меня родилась? Иди, покажись Уррат. Может, мы еще сумеем уберечь тебя от худшего, на что способны молодость да глупость. Уму непостижимо: забыть контракт на ложе страсти. Раз уж заговорили, кто на этот раз? Тот же Итани Нойгу?

— Итани — мой друг сердца! — заспорила Лиат.

— Да-да. Слыкали.

Он был недурен собой, этот Итани. Амат видела его несколько раз — обычно, когда разыскивала ученицу, которая частенько вилась возле складов, где он работал. У него было продолговатое лицо, широкие плечи и, пожалуй, слишком живой ум для грузчика. Он знал счет и азбуку. При должном честолюбии такой молодец мог найти работу получше...

Амат нахмурилась. Ее поза сделалась напряженнее еще до того, как оформилась мысль. Итани Нойгу — широкоплечий, крепкий... Конечно, ему найдется работа получше. Разогнать бродячих псов, например, или убедить придорожное отребье поискать добычу легче Марчата Вилсина. Вряд ли Марчат станет проверять, с кем его работники делят постель. А постель — отличное место для разговоров.

— Амат-тя, вам нехорошо?

— Итани. Где он сейчас?

— Не знаю... Скорее всего, пошел к себе в бараки. Или в чайную.

— Сможешь его разыскать?

Лиат кивнула. Амат жестом велела подать бруск туши. Девушка встала, взяла его с полки и принесла к столу. Амат расправила лист бумаги, собралась с мыслями и начала писать. Перо царапало сухо, точно когтем.

— У меня будет к нему кое-какое поручение. Марчату Вилсину нужен телохранитель на ночь. Он отправляется на встречу в предместья и не хочет идти без сопровождения. Не знаю, сколько эта встреча продлится. Может, и долго. Попрошу его распорядителя освободить Итани от работы на завтра.

Она взяла еще один лист, поскребла пером тушь и начала второе послание. Лиат стала читать написанное из-за ее спины.

— Это доставь Ринату Ляните, если не найдешь Итани, — сказала Амат, не отрываясь от бумаги. — На крайний случай сойдет и Ринат. Не хочу, чтобы Вилсин ждал впустую.

— Как изволите, Амат-тя, но...

Амат подула на лист, чтобы высушить чернила. Лиат осеклась и не стала обозначать своих чувств жестом, однако между бровями у нее залегла складка. Амат тронула надпись. Тушь почти не размазалась. Что ж, для этого случая сгодится. Она сложила оба приказа и запечатала воском. Сшивать края было некогда.

— Ну, говори, что хочешь сказать, — велела Амат. — И хватит хмуриться. А то голова заболит.

— Это моя ошибка, Амат-тя. Разве Итани виноват в том, что я потеряла документы? Не наказывайте его за...

— Я и не наказываю, Лиат-кя, — прервала ее Амат, чтобы подбодрить. «Кя» после имени звучало сердечнее, по-свойски. — Пусть просто окажет мне услугу. А когда вернется, расскажет о своем приключении: где был, что видел, сколько длилась встреча. Все, что запомнил, и только тебе, никому другому. А ты передашь мне.

Лиат забрала послания и сунула себе в рукав. Складка между бровями никуда не исчезла. Амат захотелось стереть ее паль-

цем, как случайный штрих с бумаги. Девочка слишком много думает. Может, зря она все это затеяла? Забрать бумаги, пока не поздно?

Хотя тогда она не узнает, какие дела Марчат Вилсин ведет без ее участия.

— Так ты мне поможешь, Лиат-кя?

— Конечно, но... что-то не так, Амат-тя?

— Да, но пока пусть это тебя не тревожит. Просто сделай, как я прошу, а прочее — моя забота.

Лиат поклонилась, собираясь уйти. Амат ответила позой благодарности и прощания учителя с ученицей. Лиат сошла вниз по ступенькам; через некоторое время раздался стук закрываемой двери. Снаружи, за окном, вспыхивали и гасли огни светлячков, еще более яркие с наступлением сумерек. Амат окинула взглядом улицы: огнедержца с печью на углу, юношей, группами направляющихся в веселый квартал, чтобы обменять серебро и медь на удовольствия, от которых к утру не останется и следа. В этой толчее споро пробиралась Лиат — к складам и жилищам грузчиков, красильщиков и ткачей.

Амат глядела ей вслед, пока девушка не исчезла за углом, откуда не окликнуть, а потом сошла вниз и заперла дверь на засов.

‘

2

До пограничной арки на выезде из Сарайкета было недалеко. Марчат со спутником дошли до нее из Дома Вилсинов, пока луна поднялась на два мясистых пальца старого гальта. Строения так и стояли вдоль дороги, изредка выплескиваясь на поля и в густые рощи, но за огромной каменной дугой — под ней могли вровень проехать три повозки, а высотой она была с дерево — город кончался.

— В Гальте стояла бы стена, — произнес Марчат.

Итани сделал вопросительный жест.

— Вокруг города, — пояснил Марчат. — Для защиты от вражеских набегов. У нас в отличие от твоих предков не было андатов, чтобы держать противника в узде. В моем родном Киринтоне мальчишек за провинности отправляли на ремонт стены.

— Звучит неприятно, — согласился Итани.

— А как наказывают сорванцов в Сарайкете?

— Не знаю.

— Ты что, никогда не таскал пирогов из кладовки?

Итани улыбнулся. Улыбка у него была смелая, уверенная.

— Таскал, только не попадался.

Марчат захохотал.

«Странно, должно быть, мы смотримся со стороны, — подумал он. — Старый гальт с посохом — не то опираться, не то отгонять собак — и этот дюжий парень в рабочем тряпье. Остается надеяться, что никто не заподозрит неладного».

— Твоя фамилия Нойту? Точно, Нойту. Вспомнил. Ты работает у Мухатии, верно?

— Да. Повезло мне, — ответил Итани.

— А я слышал, он редкий придира.

— Не без этого, — добродушно согласился Итани. — С ним мало кто любит работать. Остер на язык и ненавидит опаздывать к сроку.

— Стало быть, ты не жалуешься?

Итани пожал плечами. Еще очко в его пользу. Парню не нравится старший, это ясно, и все-таки он не жалуется, хотя есть возможность — с ним рядом глава Дома. Марчата это устраивало еще по одной причине: коль скоро Итани оказался порядочным человеком, ночь обещала быть менее гадкой.

— А что еще в Киринтоне не так, как у нас? — спросил Итани, и Марчат стал рассказывать. О Гальте своего детства. О войне с Эймоном, о сборе черники, о зимних праздничных кострах, куда приносят на сожжение свои грехи. Юноша внимательно слушал, понимающе кивал. Вполне возможно, он просто заискивал, но делал это умело. Вскоре Марчата охватила тоска по полуза забытому. Когда-то он жил в собственном мире — до того, как дядя отправил его сюда.

Дорога, которой они шли, и днем была малолюдной, не говоря о глухой ночи. В темноте щербатая брускатка, а потом неровная земля стали еще менее пригодны для ходьбы — того и гляди споткнешься, — а мошкова и ночные осы тучами роились вокруг, радуясь относительной прохладе. В древесных кронах звенели цикады. Пахло дождем и луноцветами. Ни в одном из домов, освещенных свечами и фонарями, на путников как будто не обращали внимания. Спустя некоторое время пропали и эти последние следы Сарайкетской окраины. Здесь город заканчивался. Поля вплотную подступали к дороге. По пути дважды попадались группки людей — просто проходили мимо, даже не взглянув. Один раз в траве зашуршало что-то крупное, но с дороги ничего не было видно.

Приближаясь к предместью, Марчат почувствовал, как юноша замедлил шаг, словно робея — то ли заразился его страхом,

то ли по какой другой причине. Когда впереди замерцали первые огни поселения, Итани заговорил:

— Марчат-тя, я тут подумал...

Вилсин попытался изобразить внимание соответствующей позой, но посох помешал. Тогда он просто спросил:

— О чём же?

— Скоро истекает срок моего договора.

— Правда? А сколько тебе лет?

— Двадцать. Просто я рано его заключил.

— Да уж. Сколько же тебе было? Пятнадцать?

— Есть одна девушка, — произнес Итани, смущенно подбирая слова. — Она... в общем, она не из рабочих. Мне кажется, мое положение ее стесняет. Я не ученьи и не переводчик, хотя знаю и счет, и азбуку. Вот и подумал: вдруг у вас есть на примете место...

Даже в темноте Марчат увидел, как руки парня сложились в позе уважения. Так вот оно что...

— Думаешь, если устроишься повыше, она станет любить сильнее?

— Тогда ей будет со мной полегче, — ответил Итани.

— А тебе самому?

Он улыбнулся и пожал плечами.

— Моя работа — таскать тяжести. Бывает утомительно, но не сложно.

— Сейчас не припомню ничего подходящего. Хотя постараюсь поискать.

— Спасибо, Вилсин-тя.

Они прошли еще десяток шагов. Свет как будто стутился. Залаяла собака, но не настолько близко, чтобы внушить опасение. К тому же на лай никто не отозвался.

— Это подруга подговорила тебя ко мне обратиться? — спросил Марчат.

— Она, — согласился Итани. Стеснение в его тоне исчезло.

— Ты влюблен в нее?

— Да, — ответил парень. — Хочу, чтобы она была счастлива.

«Это не одно и то же», — подумал Марчат, но вслух говорить не стал. Когда-то и он был в таком возрасте и не настолько выжил из памяти, чтобы знать: старицковское занудство ничего не даст. Ко всему, они уже пришли по назначению.

Уочки предместья были грязны и пахли больше отхожей ямой, нежели цветами. Домики с полусгнившими кровлями и грубыми каменными стенами стояли наискось к дороге. Пройдя два перекрестка до середины поселения, путники очутились перед приземистой длинной постройкой, стоящей у въезда на местную площадь. На крюке у двери висел фонарь. Марчат поднял руку.

— Жди меня здесь. Вернусь, как только смогу.

Итани понимающие кивнул. Насколько Марчат смог разглядеть, в позе юноши не было ни возражений, ни колебания. Сам он едва ли ответил бы тем же, попроси его кто стоять в этой дыре посреди ночи невесть сколько времени. «Да пребудут с тобой боги, бедняга, — подумал Марчат. — И со мной, раз уж я тебя сюда привел».

Внутри было темно. Потолок нависал над головой, а стены давили, хотя комната была довольно просторной. Ощущение было как в пещере. Сходство усиливали запах плесени и застоявшейся воды, черные дыры дверных проемов и арочные переходы в соседние комнаты. У стены стоял низкий стол, возле него — двое мужчин. Один — дюжий увалень с кинжалом за поясом — сразу впился в Марчата глазами. Второй, с лицом, круглым, как луна, приятный на вид, приветственно кивнул.

— Ошай, — произнес Марчат в ответ.

— Добро пожаловать в наше скромное обиталище, — произнес лунолицый и улыбнулся. «С такой вот вежливой улыбкой, верно, сажают на тонущий корабль», — подумал Марчат.

— Мне сюда? — спросил он.

Ошай кивнул на грубо сколоченную дверь в глубине полу-темной комнаты, еле заметную в свете свечи.

— Он ждет, — сказал Ошай.

Марчат проворчал что-то под нос и побрел в темноту. Дверная створка прогнила от сырости, кожаные петли отвисли. Пришлось приподнять дверь за ручку, чтобы закрыть за собой. Комната для

встреч оказалась меньше, светлей и уединеннее. В стенной нише стояла оплавившая до половины ночная свеча. Еще несколько горело на столике, а сидел за ним не кто иной, как андат. Бессемянный. У Марчата мурашки поползли по спине, когда существо стало его разглядывать черными глазицами. Даже в наилучшей обстановке встреча с андатом выбивала из колеи.

Марчат принял позу приветствия. Бессемянный ответил тем же, после чего подвинул собеседнику табурет и пригласил садиться. Марчат так и сделал.

— А поэт не догадывается, что ты здесь? — спросил он.

— Великий поэт Сарайкета весь вечер пьет как лошадь. По своему обыкновению, — ответил андат тоном будничным и ровным, словно зеркало. — Ему безразлично, где я и что делаю.

— Женщина, я слышал, уже здесь?

— Да. Ошай сказал, она то, что нам нужно. Покладистая, доверчивая и бесконечно наивная. Едва ли испугается и сбежит, как та. Вдбавок она с Ниппу.

— Ниппу? — переспросил Марчат и усмехнулся. — Это же на краю океана! Не боишься навлечь подозрения? С какой стати простой крестьянке с полудикарского острова плыть в такую даль, чтобы избавиться от младенца?

— Повод сам придумаешь, — отмел возражения Бессемянный. — Главное, она говорит только на островных языках. Если бы рядом с ее деревней был порт, она наверняка выучила бы одно из цивилизованных наречий. А так ты сможешь использовать Ошая как переводчика. Все просто.

— Моя распорядительница может знать ее язык.

— А нельзя ли переложить это на кого-нибудь, кто не знает? — спросил андат. — Или у тебя в Доме все — полиглоты?

— Кто отец, известно? — сменил тему Марчат.

Бессемянный повел рукой. Жест не относился ни к одной из принятых поз и, судя по движению тонких пальцев, означал целый мир и все внутри него.

— Кто знает? Какой-нибудь заезжий рыбак. Или купец. Мало ли кому случилось бывать в тех местах и залезть к ней под

юбку. В любом случае нам до него дела нет. А как твоя часть плана, выполняется?

— У нас все готово. Дары уже собраны. В основном жемчуг, да сотня полос серебра — то, чем обычно платят островитяне. Хай не придерется, а потом будет поздно.

— Вот и славно, — отозвался Бессемянный. — Устрой аудиенцию при дворе. Если все пройдет без заминки, больше не встретимся.

Марчат хотел было выразить облегчение по этому поводу, но на полупозе спохватился, что его неправильно поймут. Бессемянный, однако, заметил эти метания. Бледные губы изогнулись в усмешке. Марчат оставил позу, чувствуя, что багровеет от досады.

— Это точно подействует? — спросил он.

— Я и прежде исторгал младенцев до срока. Меня для того и создали.

— В твоих силах сомнений не было. Я хотел узнать, точно ли это его сломит? Хешая, то есть. Он годами терпел твои худшие выходки. И если наша маленькая трагедия не подействует... Если существует хоть малейшая вероятность провала, если хай выяснит, что галъты замышляют уничтожить его драгоценного андата, последствия будут ужасными.

Бессемянный смеялся на край стула, глядя в никуда. Марчат как-то слышал, что андаты дышат, лишь когда говорят. В затянувшемся молчании он наблюдал за собеседником. Слух оправдался: грудь под одеянием не двигалась, пока андат не набрал воздуха и не произнес:

— Хешай вот-вот убьет нерожденное дитя. Любимое. Нет ничего хуже этого — по крайней мере, для него. Представь себе. А эта островитянка... Он увидит, как свет померкнет в ее глазах, и будет знать, что во всем виноват он сам. Ты желаешь знать, сломит ли его это? Я отвечу: раздавит.

На миг оба замолкли. Лицо андата сделалось таким кровожадным, что Марчат заерзal на стуле. И тут же, словно они обсуждали какое-нибудь невинное мероприятие вроде сбора тростника, Бессемянный откинулся на стуле и усмехнулся.

— Когда поэт ослабеет, вы от меня избавитесь, — произнес он, — а мне уже будет все равно. Так что мы оба будем в выигрыше.

— Звучит как записка самоубийцы, — заметил Марчат. — Ищешь смерти?

— В некотором смысле да, — согласился Бессемянный. — Хотя я смотрю на это иначе. Мы ведь разного рода создания — ты и я.

— Согласен.

— Хочешь посмотреть на островитянку? Она спит в соседней комнате. Если не шуметь...

— Нет, спасибо, — ответил Марчат и встал. — Как только я узнаю дату аудиенции, мы с Ошаем все подготовим к назначенному сроку. Чем позже мы с ней встретимся, тем лучше.

— Если можно сказать «лучше», — сказал Бессемянный, принимая позу согласия и прощания.

Снаружи похолодало. Марчат постучал посохом о землю, словно сбивая засохшую грязь, а на самом деле — чтобы вызвать боль в пальцах. На сердце навалилась тяжесть. Дрянное ему предстояло дело. Дрянное, опасное и преступное. А если препятствовать этому, что тогда? Верховный Совет Гальта наверняка его уничтожит. Назад уже не повернуть. Нельзя даже откланяться и спихнуть ношу другому.

Нет иного пути, кроме того, что ведет вперед. Хорошо хоть Амат не придется в этом участвовать.

— Ну как, удачно сходили? — спросил Итани.

— Удачно, — соврал Марчат и быстрым шагом направился в темноту.

Амат Клан надеялась выйти еще утром, до того, как наступит жара. Лиат, как и обещала, пришла пораньше — рассказать о ночной прогулке Итани. Правда, рассказ получился коротким, почти в двух словах. Марчат и его спутник вернулись в Гальтский Дом, когда от ночной свечи осталась лишь четверть, и отчет Итани вышел совсем не таким, каким должен был, знай он об

истинной цели своего задания. Удалось выяснить только то, в каком из предместий они побывали и какой дом навестили.

С помощью этих сведений оказалось нетрудно разыскать здание, согласно договору снятое внаем на частные средства Вилсина, а не самого Дома. Нашлись и письма, где вскользь упоминалось о некоей девушки и ее путешествии в Сарайкет. Правда, Амат пришлось потратить пол-утра, чтобы это узнать. Теперь, когда она шагала по дороге на восток из города, а пограничная арка съеживалась за спиной, ею овладевала досада. По спине струился пот, больную ногу уже начало ломить.

В предрассветной прохладе, когда в траве поют цикады, а в деревьях шуршит ветерок, путешествие еще могло быть приятным; сейчас Амат взмокла насеквоздь, будто только что из бани. Солнце давило на плечи, как чья-то тяжелая рука. Обратная дорога обещала быть еще хуже.

Встречные жители предместий принимали позы приветствия и почтения. Большинство направлялось в Сарайкет. Они толкали перед собой тележки с зерном, плодами и птицей, рассчитывая продать все это в богатых кварталах, на рынках или близ дворцов. Кто-то тащил ношу на себе. На особенно запруженном отрезке дороги Амат прошла мимо воловьей телеги, увязшей в грязи на обочине. Одно из колес совсем покорежилось. Молодой погонщик со слезами на глазах охаживал кнутом быка, который не обращал на это внимания. Амат сметливым глазом оценила, что погнутое колесо стоит вдвое, а то и втрое дороже содержимого телеги. Едва ли отец юноши или дядя, а может, состоятельный земледелец — хозяин — обрадуется происшествию. Амат обошла это место, с осторожностью выбирая, куда ставить трость, и отправилась дальше.

Предместья лнули ко всем городам Хайема, точно рон мух. За чертой города законы не соблюдались, утхайем не старался насаждать там порядок и карать за преступления. Однако некие правила существовали. Ссоры улаживались внутри общин или выносились на рассмотрение местных судей, чье решение часто имело вес. Традиции, созданные поколениями, были не менее сложны и действенны, чем законы Империи.

Поэтому Амат шла по щербатой загородной дороге без страха — солнце стояло высоко, а поток повозок держал бродячих псов на расстоянии.

Боялась она лишь того, что могло принести это путешествие.

Само поселение оказалось запущеннее, чем она думала. Итани не упомянул запах выгребной ямы, стоящий в воздухе, и густую жижу под ногами. По дорогам рядом с людьми бродили собаки, куры, свиньи. В дверях одной хижинки стояла нагишом девчушка лет двух, неухоженная, как поросенок. Амат пришлось изрядно напрячь воображение, чтобы представить главу Дома Вилсинов посреди этих трущоб, да еще глухой ночью. И все же где-то здесь стоял дом, который Итани описал Лиат, а та — ей. Амат дошла до площади и остановилась, внутренне крепясь. Убраться восвояси теперь было бы унижительно.

«Нет, — сказала она себе. — Теперь меня никто не остановит. Так-то.»

— Эй! — крикнула она в дверной проем и постучала тростью по косяку. По ту сторону площади залаяла собака, точно приняла окрик на свой счет. В полуумраке дома кто-то завозился. Амат отступила на шаг, взвинчивая себя: распорядительница она или кто? Нельзя проявлять слабость, а гнев это лучше скроет, нежели обходительность. Она скрестила на груди руки и стала ждать.

На пороге показался человек средних лет, но с сединой на висках. Потрепанная одежда совсем не внушила доверия, кинжал на поясе — тем более. Амат впервые задумалась: не стоило ли взять охрану? Может, будь рядом Итани... Она вздернула подбородок и оглядела незнакомца свысока, как прислугу.

Молчание затягивалось.

— Чего надо? — наконец угрюмо спросил тот.

— Я пришла повидать женщину, — ответила Амат. — Вилсин-тя желает справиться о ее здоровье.

Здоровяк нахмурился и беспокойно посмотрел поверх ее головы.

— Ты ошиблась дверью, бабуля. Не знаю, о ком ты толкуешь.

— Я — Амат Клан, старший распорядитель Дома Вилсина. И если ты не хочешь продолжать этот разговор на пороге, лучше пригласи меня внутрь.

Незнакомец занервничал. Рука его дернулась было к ножу и тут же — прочь. «Попался», — догадалась Амат. Впустить ее значило бы признать, что дело нечисто, а прогнать — навлечь на себя гнев хозяина, если ее и впрямь прислал он. Амат изобразила позу, требующую подчинения. Не хотела бы она увидеть такую у вышестоящего.

Метания охранника с ножом прервало появление другого персонажа. Этот, казалось, только встал с постели: круглая, бледная и невыразительная физиономия, растрепанные волосы. Его недовольный вид как будто отражал ее чувства; однако охранник при нем заметно расслабился. Сразу стало ясно, кто главнее. Амат сосредоточила внимание на пришедшем.

— Вот она, — начал охранник, — назвалась распорядителем Вилсина.

Лунолицый подобострастно улыбнулся и принял позу приветствия.

— Она и есть распорядитель. Добро пожаловать, Клан-тя! Проходите, пожалуйста.

Амат шагнула под низкую крышу. Мужчины расступились, пропуская ее вперед. Круголицый закрыл дверь, отчего мрак в доме стал еще гуще. По мере того, как глаза Амат привыкали к темноте, вырисовывалась обстановка. В широкой гостиной с нависающим потолком было слишком голо для жилого помещения. В углу по стене расположилось пятно мха.

— Я пришла осмотреть заказчицу, — сказала Амат. — Вилсин-тя пожелал удостовериться, что она в добром здравии. Если у нее случится выкидыши во время переговоров, мы все будем глупо выглядеть.

— Заказчицу? Да-да, конечно, — отозвался круголицый. Что-то в его тоне насторожило Амат. Видимо, она ошиблась. Тем не менее мужчина склонился в знак покорности и указал ей вглубь комнаты. За коротким коридором обнаружилась дверь, ведущая на деревянное крыльце. Свет, просачиваясь сквозь полог листвы,

стал зеленоватым и неярким. Вокруг стрекотали кузнечики, трещали птицы, а на крыльце, опершись на полуслгнившие перила, стояла молодая женщина. Она была вряд ли старше Амат и отличалась молочной белизной кожи, свойственной островитянам. Золотистые локоны спадали на спину, простые холщовые штаны не скрывали выпирающего живота. Половину, а то и три четверти срока она уже отходила. Услышав голоса, женщина с улыбкой обернулась. Ее глаза были голубыми словно небо, губы — пухлыми. «Восточные острова, вот откуда она родом, — определила Амат. — Уман, а может быть, Ниппур».

— Прошу прощения, Клан-тя, — вмешался лунолицый. — Долг зовет меня отбыть в другое место. Если потребуется, Мияма вам поможет.

Амат изобразила позу признательности, уместную при прощании с нижестоящими. Тот ответил сообразно, но со странной полунасмешкой в повороте кистей. Амат отметила, какие у него мощные руки и плечи. Она отвернулась, выжидая, пока стихнут за спиной шаги. «Верно, круголицый направился прямиком в Сарайкет, к Вилсину», — подумала Амат. Ей не удалось избежать подозрения, но к тому времени, когда Марчат все узнает, будет уже поздно что-либо от нее скрывать. Значит, уловка удалась.

— Меня зовут Амат Клан, — поздоровалась она. — Я пришла проверить твое самочувствие. Марчат — человек неглупый, но едва ли разбирается в женских делах.

Девушка склонила голову, словно прислушиваясь к незнакомой песне. Амат почувствовала, как ее улыбка блекнет.

— Ты ведь понимаешь по-хайятски?

Девушка хихикнула и что-то ответила ей. Говорила она торопливо, отчего слова разбирались с трудом; в речи, текучей и гладкой, угадывался язык восточных островов. Амат откашлялась и попробовала еще раз, только на ниппурском.

— Меня зовут Амат Клан, — медленно произнесла она.

— А я — Мадж, — ответила островитянка, подражая дикции Амат и даже немного утрируя, словно разговаривала с ребенком.

— Ты приехала издалека. Надеюсь, дорога не слишком тебя утомила?

— Сначала было тяжело, — ответила Мадж. — Зато последние три дня уже не тошнит.

Ее рука скользнула по животу. Там, на коже, уже проявились темноватые штрихи растяжек. Вдобавок Мадж была очень худой. Если бы ей пришлось доносить, она выглядела бы яйцом на ножках. Хотя, конечно, этому не бывало. Амат смотрела, как бледные пальцы рассеянно поглаживают округлость, в недрах которой растет дитя, и ощущала глубокое смятение. Перед ней стояла не высокородная особа, чья девственность должна была оставаться вне подозрений, и не дитя богатых покоев, чересчур болезненное для изгоняющих «кровяных чаев». Мадж не походила ни на один из сотни примеров, которые Амат всю ночь перебирала в голове.

Она оперлась на перила, чтобы перенести вес с больной ноги, отставила трость и сложила руки.

— Марчат мне так мало о тебе рассказал, — произнесла Амат, с трудом вспоминая слова. — Что тебя привело в Сарайкет?

Женщина улыбнулась и начала свою историю. Местами она увлекалась и начинала частить. Тогда Амат просила ее повторить.

Вышло будто бы так, что отец ребенка происходил из влиятельнейшей утхайемской семьи Сарайкета, приближенной к самому хаю. На Ниппу он прибыл скрытно и никогда не объявлял Мадж своей истинной сущности, но, хотя их связь была недолгой, сердцем остался привязан к ней. Узнав о ее положении, он послал за ней круглоголового Ошая. Как только позволят правила дворцового приличия, он возьмет ее в жены.

Амат кивала головой, слушая, как она громоздит нелепицы: пусть выговорится. С каждой ложью, которые Мадж без тени колебания повторяла, Амат делалось все гаже. Дурочка. Милая, красивая дурочка. Кто еще мог услышать эту невероятно-сказочную чушь и поверить в нее?

Девчонку использовали, хотя для чего, Амат не представляла. И хуже всего было то, что она — Мадж — любила свое дитя.

Маати ничего не сказали. Его пожитки попросту исчезли из старой комнаты, после чего служанка проводила его в дом, живописно устроившийся в рощице неподалеку от дворца — жилище поэта. От прочих его отделял искусственный пруд, поперек которого был перекинут круто изогнутый, как кошачья спина, мостик. Карпы-кои — белые, малиновые, золотистые — подплыли и завозились под самой пленкой воды, когда Маати прошел мимо.

Внутри дом был обставлен по-дворцовому роскошно, но в более мелких масштабах. Лестница, ведущая наверх, в спальни, могла угодить самому тонкому вкусу: темное дерево, инкрустированное слоновой костью и перламутром, — хотя больше двоих разом не пропускала. Просторные залы в передней части дома, чьи стены скользили, как двери, на пазах и раздвигались в жару, были завалены книгами, свитками и набросками на дешевой бумаге. На подлокотнике большого кресла с шелковой обивкой красовалось пятно туши. Пахло сальными свечами и несвежим бельем.

Впервые с тех пор, как Маати уехал от дая-кво, он попал в более или менее понятное место. Он ждал наставника, готовясь стерпеть любое наказание. Когда наконец стемнело, Маати зажег ночную свечу. Ко сну его проводило молчание пустого дома.

Утром слуги доставили завтрак: сладкие фрукты, горячий — только-только из кухни — яблочный хлеб и чайник черного дымящегося чая. Маати в одиночку позавтракал. Его все больше одолевало нехорошее предчувствие. Быть может, это его одиночество — новая хитрость, очередная провокация? Что, если никто не придет?

Чтобы отвлечься от мрачных мыслей, он посвятил себя наведению порядка в доме. Оставив собственные миски, чашки и ножи на траве для слуг, Маати собрал посуду, разбросанную по всему дому. Набралась целая гора, как будто он завтракал дважды.

Свитки, лежавшие так долго открытыми, что на них осел слой пыли, он вычистил, свернул и убрал в тряпичные футляры, какие смог найти. Некоторые оказались перепутаны: так, в темно-синем с заглавием «Право» спрятался философский трактат. Маати утешил себя мыслью, что свитки на полках тоже лежат как попало.

Вскоре к подозрениям о том, что его дурачат, добавилась легкая обида. Подметая полы, неделями не знавшие уборки, он даже начал надеяться, что это одиночество — новые происки андата. Если ему, ученику поэта, не нашлось лучшего применения, лучше бы дай-кво никогда его не отсыпал. Маати задумался: есть ли у поэта право отказываться от учеников? Быть может, этим пренебрежением Хешай-кво пытается избавить себя от учительских обязанностей?

Всего пара недель прошла с тех пор, как он покинул селение дая-кво и отправился по течению реки в Ялакет, а оттуда — на корабле в летние города. Впервые в жизни он поступил в ученики к настоящему поэту, готовился встретить андата лицом к лицу и впитывать знания, чтобы однажды принять бремя власти над ним. «Я раб, мой мальчик. Тот самый, которым ты мечтаешь владеть».

Маати вымел сор за порог, используя метлу почти как лопату. В полдень он раздвинул стены-перегородки, превратив дом в нечто вроде беседки. Мягкий ветерок шелестел страницами книг и кистями на свитках. Маати прилег. Голод уже начал заявлять о себе, и ученик поэта задумался, как отсюда позвать слугу. Будь Хешай-кво рядом, можно было бы спросить...

Наконец учитель появился: сначала в виде крошечной, не больше пальца, фигурки, бредущей со стороны дворца. Потом, по мере его приближения, Маати различил широкое лицо, покатые плечи, нелепый живот. Когда Хешай-кво очутился на мосту, стал виден цвет его лица — щеки были пунцовыми, как вишни, и лоснились от нездоровой испаринки. Маати встал в позу приветствия, какой ученику полагается встречать наставника.

При виде переменившегося жилища Хешай разинул рот. Впервые за день Маати подумал, что уборка была не лучшим

способом скоротать время. Он почувствовал, как щеки начинают пылать, и поменял позу на извинительную.

Хешай-кво поднял руку и только потом обрел дар речи:

— Не... Не надо. Боги! Тут не было такого порядка за все время! А ты слушаешь... на столе, лежала коричневая книга в кожаном переплете. Не знаешь, где она сейчас?

— Простите, Хешай-кво! Я мигом ее отыщу.

— Погоди. Не надо. Когда-нибудь сама отыщется. Поди сюда. Сядь.

Двигался поэт неуклюже, точно подагрик, однако его суставы, насколько Маати смог разглядеть сквозь коричневое платье, распухшими не были. Ученик старался не замечать пятен от еды и вина на рукавах и груди поэта. Тот, морщась, опустился в кресло черного лакированного дерева с белым плетеным сиденьем и заговорил.

— Что-то неважно мы встретились, верно?

Маати выразил раскаяние, но поэт отмахнулся.

— Я буду рад обучать тебя. Решил сразу сказать об этом.

Однако заниматься мы не очень-то сможем до тех пор, пока не будет обработан весь урожай. А это может затянуться на многие недели. Когда будет время, я тобой займусь. Многому тебя еще предстоит научить. Дай-кво задал тебе хороший толчок, но умение удержать андата с его наукой не сравнится. А Бессемянный... ну, с ним я дал маху. Виноват.

— Я благодарен, что вы не отказались от меня, Хешай-кво.

— Да, да. Что ж, все к лучшему. Так-то. А пока ты свободен, пользуйся этим! Здесь можно неплохо повеселиться. Так не теряйся, понял? Обживись, осмотри тут все как следует до того, как мы нагрузим тебя всей этой поэтической чушью. Годится?

Маати согнулся в поклоне послушного ученика, хотя и видел по красным глазам Хешая-кво, что тот надеялся на другой ответ. Оба сконфуженно примолкли. Обстановку разрядил Хешай-кво — натужно улыбнулся, встал и похлопал Маати по плечу.

— Вот и отлично! — произнес он с таким смаком, что сразу стало ясно: ничего подобного он не думал. — Нужно, однако, переодеться. Куча дел, знаешь ли. Ни минуты покоя.

Да уж, ни минуты. Прошел полдень, а поэт, его учитель, ходит во вчерашнем платье. Все-то ему было некогда: некогда отдохнуть, некогда встретить нового ученика, даже заглянуть срединочи — и то некогда, а главное — страшно. Вдруг еще разговаривать с ним придется... Маати смотрел, как тучный силуэт Хешая плывет вверх по лестнице, слышал топот над головой, пока поэт наскоро умывался. Голова у Маати вспухла, как тюк шерсти, от попыток вспомнить все свои оплошности и уяснить, что же вызвало учительскую неприязнь.

— Обидно, правда? Когда тебя избегают, — прошептал кто-то за спиной. Маати тотчас обернулся. На крыльце в превосходном иссиня-черном одеянии стоял Бессемянный. Насмешливые темные глаза смотрели прямо на Маати. Юноша не переменил позы, не сказал ни слова. Андат все равно кивнул, словно тот ответил.

— Мы еще поговорим. Позже.

— Мне нечего тебе сказать.

— Пусть так. Тогда говорить буду я. А ты можешь послушать.

Поэт Хешай вразвалку спустился по лестнице. На нем была свежая одежда: коричневый шелк поверх кремового. Шея на подбородке исчезла. На миг поэт и андат, не дыша, уставились друг на друга, после чего развернулись и вместе ушли в сад. Маати смотрел им вслед: неуклюжей, приземистой фигуре хозяина и стройной, точно плывущей тени раба. Шли они, как ни странно, в ногу, в едином темпе, будто старые друзья, хотя ни один не касался другого, даже ступая вровень. Дойдя до середины моста, Бессемянный вдруг обернулся и прощально помахал безукоризненной белой рукой.

— Она ни о чем не догадывается!

Марчат Вилсин наполовину вынырнула из бассейна. На его лице отразилась странная смесь чувств — ярости, облегчения и чего-то еще, менее уловимого. Юноша, с которым он пришел, таращился на Амат, разинув рот. Еще бы: единственная одетая

посетительница. Амат еле сдержалась, чтобы не показать ему непристойный жест.

— Цани-тя, — сказал Вилсин, обращаясь к гостю, хотя не сводил глаз с Амат, — извини. Нам с распорядительницей нужно срочно посовещаться. Я пошлю гонца с полным предложением.

— Но, Вилсин-тя... — начал юноша и умолк, встретившись взглядом со старым гальтом. От его вида и Амат стало бы жутко, не будь она так рассержена. Юноша принял позу благодарности по случаю окончания беседы, шумно выскочил из воды и ушел.

— Ты с ней виделся? — допытывалась Амат, опершись на трость. — Разговаривал?

— Нет, не виделся. Закрой дверь, Амат.

— Она думает, что...

— Если я говорю: закрой дверь, значит, надо закрыть!

Амат поджала губы, проковыляла к двери и захлопнула ее. Шум у бассейнов стих. Когда она вернулась, Вилсин уже сидел на краю бассейна, обхватив руками голову. Безволосое пятно на макушке порозовело. Амат шагнула вперед.

— О чём только ты думала, Амат?

— О том, что здесь что-то нечисто, — ответила она. — Я видела эту девочку. Она и понятия не имеет о скорбном торге. Невинна как младенец.

— Стало быть, в этом проклятом городе она одна такая. Ты ей что-нибудь говорила? Предупреждала ее?

— Не разобравшись? Нет, конечно. Разве я когда-нибудь действовала, не оценив ситуации?

— Было дело. Сегодня утром. Сейчас. Боги праведные. И где тебя угораздило выучить ниппванский?

Амат подошла ближе и медленно опустилась на сине-зеленый мозаичный пол, не обращая внимания на острую боль в ноге.

— Что происходит? Ты покупаешь услуги хая для прерывания беременности без ведома беременной? Губишь желанное дитя? Это противоречит всякому смыслу.

— Я не могу объясниться. Я... мне нельзя.

— Хотя бы пообещай, что ребенок останется жив. Уж это-то ты можешь?

Он поднял на нее глаза — пустые, как у покойника.

— Боги! — выдохнула Амат.

— Будь моя воля, ни за что бы здесь не поселился, — произнес Вилсин. — В этом городе. Дядина была затея. Торговал бы себе, возил золото-серебро из Эдденси, ром и сахар из Бакты, кедр и пряности из Дальнего Гальта... Сражался бы с пиратами... Смешно, правда? Я — и вдруг пираты.

— Меня не разжалобишь. Не этим, не сейчас. Ты — Марчат Вилсин. Лицо Гальтского Дома. Я видела, как ты стоял на смерть перед озверевшей толпой западников. Как посрамил городского судью и назвал дураком в глаза. Так что брось причитать, как девчонка. Нам это ни к чему. Порви договор.

Вилсин поднял голову, вздернул подбородок, выпрямил спину. На миг Амат показалось, что он согласится. Однако его голос прозвучал глухо, устало.

— Не могу. Слишком высоки ставки. Я уже запросил аудиенцию у хая. Дело набрало обороты, и останавливать его сейчас — все равно что вставать на пути прилива.

Амат скинула сандалии, приподняла подол и опустила ноющие ступни в прохладную воду. Свет заиграл на рябой поверхности, отбрасывая Марчату на грудь узоры из светотени. Он плакал! Гнев Амат сменился страхом.

— Тогда помоги хотя бы понять. Что такого в этом ребенке? От кого он?

— Никто. Ни от кого. И девушка — никто.

— Тогда почему, Марчат? Почему...

— Мне нельзя говорить! Почему ты не слушаешь? А? Мне нельзя тебе говорить. Боги... Амат, Амат. И зачем только ты туда ходила?

— Ты сам этого захотел. Кто просил разыскать телохранителя? Кто рассказал о встрече, на которую мне нельзя приходить? Сначала говорил о наших внутренних делах, потом о доверии ко мне... Как, по-твоему, я могла удержаться?

Вилсин усмехнулся — горько, без веселья. Его мясистые пальцы с силой стиснули колени. Амат отложила трость и прижала ладонь к его сгорбленному плечу. Из-за резных ставень с улицы донесся чей-то визг. Затем все стихло.

— Круглоголовый — Ошай. Он приходил, верно? Это он должен обо мне.

— Еще бы не докладывал. Хотел знать, от меня ты пришла или нет.

— И что ты ему сказал?

— Что не от меня.

— Понятно.

Молчание затягивалось. Амат надеялась, что Марчат заговорит, подарит ей несколько слов, чтобы она могла ухватиться за них, как за соломинку. Тот все молчал.

— Я пошла к себе, — сказала Амат. — Мы это еще обсудим.

Она потянулась за тростью, но Вилсин поймал ее за руку. Его глаза больше не смотрели безжизненно. Страх — вот что в них было. Они словно пропитались страхом. У Амат застучало в груди.

— Не надо. Не ходи домой. Он будет тебя ждать.

Четыре вздоха на двоих они молчали. Амат сглотнула ком в горле.

— Затаись, Амат. И мне не говори, куда спряталась. Залаяг на дно недели на четыре. На месяц. К тому времени все будет кончено. Тогда я смогу тебя прикрыть. А до тех тебе грозит опасность — пока они думают, что ты сможешь им помешать. Как только дело будет сделано...

— Я могу обратиться к утхайему. Скажу им, что дело печисто. К ночи Ошая уже закуют в капдалы, если...

Марчат тяжело встряхнул косматой седой головой, не отводя от Амат взгляда. Она почувствовала, как его хватка ослабла.

— Если это всплынет, меня убьют. И хорошо, если только меня. Может, и еще кого заодно. Невинных людей.

— Помнится, в этом городе была только одна невинная жертва, — поддеда Амат и тут же прикусила язык.

— Меня убьют.

Она на миг смеялась, потом высвободила руку и приняла позу согласия. Вилсин дал ей встать. Ногу пронзила боль. А бальзам остался дома. Утрата этого мелкого утешения, как ни смешно, досадила ей горше всего — последняя капля превратила мир в кошмар наяву.

В дверях Амат обернулась, опираясь на разбухшую от влаги трость, и поглядела на начальника. На своего старого друга. Его лицо было каменным.

— Ты проговорился, чтобы я нашла способ их остановить, так?

— Я сгупил. Был расстроен, растерян, чувствовал себя одноко. — Теперь его голос звучал крепче, увереннее. — Не подумал как следует. А сейчас мне стало ясно, что к чему. Сделай, как я прошу, Амат, и все обойдется.

— Это мерзко. Все равно, ради чего. Мерзко, жестоко и преступно.

— Согласен.

Амат кивнула и закрыла за собой дверь.

3

Весь день в небе было ясно, жарко и душно. Дождь пошел только на закате: в вышине нагромоздились огромные тучи, а их белесая баxрома подернулась розовым, золотистым и зеленовато-сизым. Серая пелена дождя медленно ползла с гор на город, теряя в сумерках праздничные переливы, гоня перед собой порывистый ветер, пока наконец не добралась до брускатых улиц и черепицы. Там-то, в темноте, и грянуло.

Лиат лежала головой на груди Итани и слушала бурю: сердитый шорох ливня, низкий рокот воды, текущей по мостовым — как у реки в разлив. Здесь, в ее комнате в Доме Вилсинов, дождь никого не пугал. Да и по улицам можно было спокойно пройти. Вот на окраинах — в веселом квартале, у побережья, возле складов — люди были вынуждены прятаться под навесами до тех пор, пока ливень не поредеет и не склынет вода. Лиат прислушивалась к шелесту воды и сердцебиению Итани, вдыхала свежий запах дождя, смешанный с ароматом их разгоряченных тел. В летних городах даже ночной дождь не охлаждал воздух настолько, чтобы хотелось укрыть наготу.

— Нужно подыскать твоей сетке карниз попрочнее, — проговорил Итани, потыкав пальцем ноги тряпичный узел. Лиат вспомнила, что полог обрушился час-другой назад, и улыбнулась. Близость обессилила ее — руки-ноги стали податливыми и неловкими, кости словно размякли, как у морского существа.

— Я люблю тебя, Тани, — сказала Лиат. Он гладил ее шею. Руки у него были грубыми — крепкими и мозолистыми от работы, — но он умел быть нежен, когда хотел. Она посмотрела на него снизу вверх, оглядела продолговатое лицо и взъерошенные волосы. Итани улыбнулся. В лучах ночной свечи его кожа почти сияла.

— Не ходи сегодня в бараки. Побудь здесь, со мной.

От его вздоха голову Лиат приподняло и мягко опустило вниз.

— Не могу. Побуду еще немножко, пока дождь не поредеет. Мухатия-тя следит за мной с тех пор, как ты отправила меня охранять Вилсина-тя. Только и ждет повода, чтобы взъестся.

— Он просто завидует, — сказала Лиат.

— Он не просто завидует. Он еще и распоряжается моим заработком, — произнес Итани с усталым смешком.

— Так нечестно. Ты же умнее его! Знаешь азбуку и счет. И все тебя больше любят, чем его. Надо было тебя поставить надсмотрщиком!

— Будь я надсмотрщиком, меня быстро разлюбили бы. Если б Крошка Кири, или Каймати, или Танани заподозрили, что я урезаю им выручку за опоздания или медлительность, они говорили бы обо мне все то же самое, что сейчас — о Мухатии. Так уж повелось. К тому же мне моя работа по душе.

— Все равно у тебя получалось бы лучше.

— Может, и так, — согласился Итани. — Хотя слишком многим пришлось бы пожертвовать.

Повисла тишина — уже иного рода, чем раньше. Лиат чувствовала, как Итани настороженно затаил дыхание. Он ждал вопроса, ждал, когда она снова примется за свое — и не ошибся.

— А ты спрашивал у Вилсина-тя насчет места?

— Да.

— Ну и?

— Сейчас у него нет ничего на примете, но он постарается узнать поточнее.

— Это хорошо. Ты ему понравился. Просто отлично. — И слова молчание, отчужденность... — Если он предложит тебе должность, ты ведь не откажешься, правда?

— Смотри что предложит, — ответил Итани. — Не хочу делать то, чего не хочу.

— Итани! И когда ты научишься думать наперед? Придется потерпеть. Если глава Дома Вилсинов даст тебе работу, а ты откажешься, второго случая не будет! Одними отказами не проживешь. Иногда надо и соглашаться — даже если не очень хочешь. Если потом это даст тебе то, что ты любишь.

Итани выбрался из кровати и встал. Лиат села. Итани потянулся, стоя к ней спиной, и в ее комнатке сделалось тесно. Стол, конторские книги, стопка брусков туши, листы вошеной бумаги, торчащие между ними бледными языками. Шкаф, где она хранила одежду — и игра мускулов на спине Итани в свете огонька свечи.

— Порой мне кажется, будто я говорю со статуей. Тебе уже двадцать. Мне пошло только семнадцатое лето, — резко сказала она. — Как получается, что я старше тебя?

— Может, ты меньше спишь, — мягко ответил Итани. Когда он обернулся, она увидела его улыбку. Он двигался грациозно, как зверь, а кожа его так туго облегала мышцы, что было заметно, как складывается каждое движение.

Итани присел у кровати, оперся на руки подбородком и заглянул ей в глаза.

— Милая, мы говорим об этом уже десятый раз и заканчиваем все тем же. Я знаю, что ты хочешь от меня большего...

— Я хочу, чтобы ты сам захотел от себя большего, Тани. Это не одно и то же.

Он принял просительную позу.

— Ты не хочешь, чтобы я оставался грузчиком — что ж, и я не намерен жить так всегда. Но мне за свою работу не стыдно, и я не стану менять ее на другую и худшую, если кто-то мне в будущем даст то, что, по их мнению, я должен хотеть. Когда я чего-нибудь захочу, будет иначе.

— Разве тебе больше нечего желать?

Он приподнялся, накрыл ее грудь ладонью и нежно поцеловал в губы. Под его весом Лиат сдвинулась к вороху из одежды и

смятого полога. Затем она отвела голову, не дальше, чем на палец, и прошептала, касаясь его губами:

— Что это за ответ?

— Ты спросила о монх желаниях, — пробормотал он.

— А ты меня отвлек, лишь бы не отвечать.

— Разве?

Его рука скользнула по ее боку. У Лиат от прикосновения пробежали мураски.

— Что «разве»?

— Разве я отвлекал тебя?

— Да, — ответила она.

В дверь постучали, всполошив их обоих. Итани спрыгнула с постели и, миг от мига мрачнея, принялся нашаривать свои холщовые штаны. Лиат завернулась в простыни, а на немой вопрос Итани озадаченно покачала головой. Стук повторился.

— Уже иду! — громко сказала она, чтобы было слышно под дождем. — Кто там?

— Эпани Дору, — прокричали из-за хлипкой двери. — Вилсин-тя велел спросить, не сможешь ли ты прийти к нему. Ему нужно с тобой побеседовать.

— Конечно. Сейчас! Только переоденусь.

Итани, который уже обнаружил штаны, бросил ей одежду. Лиат натянула нижнюю рубаху, сгребла в охапку чистое верхнее платье из шкафа, и Итани помог ей застегнуться. У нее дрожали руки. Глава Дома Вилсинов вызвал ее для разговора, да еще во внебрачное время. Прежде такого не случалось!

— Мне пора возвращаться, — сказал Итани, пока Лиат собирала волосы в строгий пучок.

— Не уходи! Ну, пожалуйста, Тани. Дождись меня!

— Тебя могут и четверть свечи продержать, — сказал он. — Послушай: дождь все равно стихает. Я пойду.

И верно: дождь уже не шипел, как змея, а тихо шелестел. Как бы Лиат ни журила его, ей был знаком недобрый интерес со стороны вышестоящих. Она приняла было позу согласия, но тут же нарушила ее, бросившись Итани на грудь.

— Я завтра найду тебя, — сказала она.

— Буду ждать.

Итани попятился и встал в тени у шкафа. Лиат в последний раз одернула платье, сунула ноги в сандалии и открыла дверь. Эпани, домоправитель Марчата Вилсина, стоял под навесом крыльца, сложив на груди руки и бесстрастно глядя перед собой. Лиат приняла позу готовности, на которую он без видимойironии ответил благодарностью за скорое содействие. Его взгляд на миг проник ей за спину, отмечая скомканные простыни и груду одежд на каменном полу, однако никаких замечаний не последовало. Когда Эпани отвернулся и пошел на улицу, Лиат отправилась следом.

Они ступали по широкой дорожке из серого камня, приподнятой, чтобы ее не заливал дождь. Фонтан во дворе переполнился, и на его широком зеркале плясали брызги от капель. Бронзовое изображение Гальтского Древа — символа Дома — возвышалось темной громадой, посверкивая металлической корой в свете фонарей под навесами.

Личные покои Вилсина-тя находились в глубине подворья. Двойные ясеневые двери, обитые медью, были распахнуты, но внутренние покои оставались скрытыми от взглядов за полотнищами флагов, то и дело колеблемых сквозняком. Флаги с символом Дома Вилсинов подсвечивались лампами, стоящими в глубине зала. Эпани отодвинул один из них и пропустил Лиат вперед, словно она гостья, а не ученица распорядительницы.

Пол в передней был выложен из камня, а стены и высокий потолок сияли полированным деревом. В воздухе густо пахло лимонной свечой, мятным вином и ламповым маслом от светильников, которыми освещался зал. Где-то неподалеку звучали мужские голоса. «Как будто двое», — подумала Лиат. Ей удалось различить обрывки фраз. Голос Вилсина говорил: «не подействует» и «не то, что с прежней девицей», а другой отвечал: «не позволю» и «прочесать каждый двор». Эпани, который зашел после Лиат, дал ей знак подождать. Она приняла в ответ позу понимания, но домоправитель уже исчез из виду — скрылся за плотными флагами. Разговоры в недрах комнат внезапно об-

рвались, и послышался тихий, как дождь, голос Эпани. Затем из дверей вышел сам Марчат Вилсин, одетый в зеленое с черным.

— Лиат Чокави!

Она почтительно склонилась, на что глава Дома ответил очень краткой официальной позой. Он положил ей руку на плечо и зашел во внутренние покои.

— Я хотел узнать вот что, Лиат. Говоришь ли ты на языках островов? Арраска или Ниппу?

— Нет, Вилсин-тя. Я знаю гальтский и немного — коянский...

— А восточноостровные?

Лиат изобразила раскаяние.

— Очень жаль, — произнес Вилсин-тя, однако тон его был мягок, а на лице, как ни странно, отразилось облегчение.

— По-моему, Амат-тя немного знает ниппуюнский. Не то чтобы им часто пользовались в торговле, просто она очень образованный человек.

Вилсин опустился на скамеечку за низким столом и указал на подушку с другой стороны. Пока Лиат садилась, он налил ей чая.

— Сколько ты уже здесь числишься? Три года?

— Амат-тя приняла меня в ученицы четыре года назад. До того я жила с отцом в Чабури-Тане, работала с братьями...

— Четыре года? Не рано ли? Тебе ведь тогда едва исполнилось двенадцать?

Лиат почувствовала, как краснеет. Ей не хотелось, чтобы разговор коснулся родителей.

— Тринадцать, Вилсин-тя. И я уже могла выполнять косакскую работу, вот и помогала. Посильно. Мы с братьями всегда старались помогать старшим.

Она в душе пожелала, чтобы старый гальт поскорее сменил тему. Что бы она ни рассказала о своей прежней жизни, это лишь ухудшит впечатление. Крошечная комнатушка у коптильни, что давала приют ей и трем братьям, тесный отцовский прилавок на рынке, где продавали мясо и сушеные фрукты. Разве с этого, как представлялось Лиат, должна была начинать распорядительница торгового дома? Ее желание сбылось: Марчат Вилсин кашлянул и подался вперед.

— Амат недавно уехала по моему личному поручению. Ее может не быть несколько недель. Нужно подготовиться к аудиенции у хая, и я хотел поручить это дело тебе.

Он произнес это спокойно и буднично, но Лиат стало жарко, словно она глотнула крепкого вина. Она отпила чая, чтобы прийти в себя, поставила чашку и приняла позу, предваряющую признание.

— Вилсин-тя, Амат-тя никогда не брала меня на встречи при дворе. Я растеряюсь и...

— Все у тебя получится, — подбодрил Вилсин. — Речь идет о скорбном торге. Ничего сложного, но мне нужно, чтобы все прошло по этикету, если понимаешь, о чем я. Кто-то должен проследить за тем, чтобы заказчица была подобающе одета и понимала суть происходящего. Поскольку Амат в отлучке, я подумал, что ее ученица справится с этим заданием лучше всего.

Лиат опустила голову, чтобы унять головокружение. Аудиенция у хая, пусть самая короткая... подумать только! Лиат думала, что будет ждать ее долгие годы, если вообще дождется. Она приняла вопросительную позу, напрягая пальцы, чтобы не дрожали. Вилсин махнул рукой, разрешая высказаться.

— Есть и другие распорядители. Иные служат у вас гораздо дольше, чем я, знают, как надо вести себя при дворе...

— Они заняты. А это дело я собирался поручить Амат, до того, как ее вызвали. Я не хочу прерывать ничьи переговоры на середине. К тому же Амат сказала, что это тебе по силам, так что...

— Она так сказала?

— Конечно. Теперь слушай, что от тебя потребуется...

Дождь уже прошел, а ночная свеча прогорела до середины, когда пришел Хешай-кво. Маати, прикорнувший на кушетке, проснулся от грохота входной двери. Смартывая обрывки снов, он поднялся и приветствовал учителя. Хешай хмыкнул в ответ и не сказал ни слова. Вместо этого поэт взял свечу, поднес к огоньку ночной и грузно прошелся по комнате, зажигая попутно каждую лампу и фонарь. Когда в доме стало светло, как утром, а

воздух насытился запахом горячего воска, учитель вернул оплавившую свечу на подставку и выволок кресло на середину комнаты. Маати сел на кушетку, а Хешай, ворча себе под нос, опустился в кресло и принялся рассматривать ученика.

Маати сидел молча. Глаза у Хешая-кво походили на щелки, рот скривился в какой-то мертворожденной улыбке. Наконец учитель шумно вздохнул и принял виноватую позу.

— Я осел. Прости меня. Надо было давно сказать, но... в общем, сплоховал я. То, что случилось на церемонии — не твоя вина, а моя. Не терзайся.

— Хешай-кво, мне не следовало...

— А ты воспитанный парень. И хороший. Но не будем подслащать деръмо. Я был дураком. Не подумал. Позволил этому скоту Бессемянному себя обвести вокруг пальца. Еще раз. А тут ты. Боги, ты, должно быть, решил, что я самый жалкий паяц, какому доводилось называться поэтом.

— Совсем нет, — честно ответил Маати. — Он... делает вам честь, Хешай-кво. Я в жизни не видел никого, подобного ему.

Хешай-кво безрадостно усмехнулся.

— А ты видел других андатов? — спросил он. — Назовешь хотя бы одного?

— Мне довелось присутствовать при пленении Тенистой Тины, которое провел Чоти Даусадар из Амнат-Тана. Однако я так и не увидел, как он использует ее силу.

— Что ж, еще посмотрим, как только возникнет нужда вырастить тину на видном месте. Даю-кво следовало не давать Чоти воли, пока тот не надумает вызвать что-то полезное. Даже от Опадающих Лепестков было больше толку. Боги правые. Тина!

Маати придал телу позу вежливого ученического согласия, как вдруг его осенило: Хешай-кво пьян!

— Наша слава иссякает, сынок. Великие поэты Империи ее засушили. Все, что нам остается — рыться среди самых мутных мыслей и образов, подбирать объедки, точно помойные псы. Мы уже не поэты, а книжные черви.

Маати начал изображать согласие, но замер в нерешительности. Хешай-кво поднял бровь и закончил позу, глядя на Маати,

точно спрашивая: «Ты это имел в виду?» — после чего отмахнулся.

— Бессемянный был... был призван, чтобы помочь Сарайкету, — произнес учитель, понижая голос. — А я не продумал его, как следовало. Недостаточно продумал. Ты слышал о Ми-яни-кво и андате Три Как Одно? Я изучал эту историю примерно в твоем возрасте. Она запала мне в душу. А когда пришло время, когда дай-кво послал за мной и сказал, что мне нужно будет провести новое воплощение, а не принимать чужое, я воспользовался этим знанием. Она любила его, знаешь ли. Три Как Одно. Андат, полюбивший своего поэта. Об этом даже сложили легенду.

— Я видел спектакль.

— Правда? Теперь можешь забыть, то, что видел и слышал. Не то пойдешь по ложному следу. Я был слишком молод и глуп, и, боюсь, так и не поумнею. — Взгляд поэта сосредоточился на чем-то невидимом, нездешнем, минувшем. На миг лягушечьи губы тронула улыбка, потом он со вздохом моргнул и как будто очнулся. Глядя на Маати, поэт принял позу повеления.

— Погаси эти чертовы свечи! Я иду спать.

И Хешай-кво, не оглянувшись, встал и затопал по лестнице. Маати потушил все огни, зажженные Хешаем, погружая дом в полумрак. В голове у него роились полуоформленные вопросы. Над головой послышались шаги Хешая-кво, стук закрываемых ставней. Потом все стихло. Учитель лег в постель — скорее всего, заснул сразу. Маати задул последний огонек, кроме ночной свечи. Рядом раздался новый голос.

— Ты не принял моих извинений.

В проеме двери стоял Бессемянный, и его бледная кожа сияла в свете свечи. Одет он был в темное — то ли темно-синее, то ли бордовое, то ли черное. Тонкие руки сложились в вопросительном жесте.

— С чего бы мне их принимать?

— Из милосердия, например.

Маати невесело усмехнулся и направился прочь, но андат уже вошел в дом. Его движения были по-звериному грациозны и так

же прекрасны, как у хая, но естественнее — настолько, насколько форма листа естественна для дерева.

— Мне правда жаль, — повторил андат. — И, прошу тебя, не держи зла на моего хозяина. У него был тяжелый день.

— Вот как?

— Да. Он встречался с хаем и узнал, что должен будет сделать кое-что неприятное. Но, раз уж мы остались вдвоем...

Андат уселся на лестнице. В его черных глазах притаилось лукавство, белые пальцы обнимали колено.

— Спрашивай, — сказал он.

— Что спрашивать?

— То, из-за чего у тебя такой кислый вид. Право, ты словно лимон жевал.

Маати замялся. Будь у него возможность уйти, он тотчас бы ушел. Однако путь в спальню был предусмотрительно перекрыт. Маати подумал, не разбудить ли Хешая-кво, чтобы не пропискиваться мимо этого воплощенного совершенства.

— Послушай, Маати. Я ведь уже извинился за тот небольшой розыгрыш. Больше не буду.

— Я тебе не верю.

— Не веришь? Что ж, значит, ты умен не по годам. Я и вправду когда-нибудь снова тебя разыграю. Но сегодня, сейчас можешь спросить меня о чем угодно, и я честно отвечу. При одном условии.

— Каком это?

— Ты примешь мои извинения.

Маати тряхнул головой.

— Ну и отлично, — Бессемянный направился к полкам. — Не хочешь — не надо. Терзайся, если тебе так нравится.

Его бледная рука пробежалась по корешкам книг и вытащила том в коричневом кожаном переплете. Маати отвернулся, сделал два шага наверх, а потом застыл в нерешительности. Когда он оглянулся, Бессемянный сидел на кушетке перед свечой, поджав ноги и, казалось, был поглощен чтением.

— Он рассказывал тебе о Мияни-кво, верно? — спросил андат, не поднимая головы.

Маати не ответил.

— Вполне в его духе. Когда можно сказать обиняками, он так и делает. В нашем случае он начал с истории андата Три Как Одно, которая полюбила своего поэта, верно? Вот, посмотри сюда.

Бессемянный протянул ему раскрытую книгу. Маати спустился и заглянул в нее. Записи были сделаны рукой Хешая. Страница, на которую указывал андат, содержала таблицу, где проводились параллели между классическим пленением андатов Три Как Одно и Исторгающего Зерно Грядущего Поколения. Бессемянного.

— Здесь он анализирует свою ошибку, — произнес андат. — Возьми, почитай. Думаю, он так или иначе хотел отдать тебе эту книгу.

Маати взялся за мягкий кожаный переплет. Тихо зашуршили страницы.

— И все-таки он пленил тебя, — сказал Маати. — И не поплатился за это. Значит, ошибки не было, его стих удался.

— Расплата расплате рознь. Иную не сразу осознаешь или возвращаешь спустя какое-то время. Позволь кое-что рассказать о нашем хозяине. Он никогда не был приятен на вид. Даже во младенчестве. Отец отоспал его прочь, так же, как твой — тебя. А когда Хешай, будучи учеником поэта, очутился при дворе хая Патайского, он влюбился. Представляешь нашего неуклюжего борова в роли ухажера? Тем не менее ему даже удалось снискать благосклонность. Обаяние власти подействовало, не иначе. Поэт повелевает андатом, а это почти то же самое, что повелевать богом. Однако, как только девица узнала о своей беременности, она от него отвернулась. Выпила какой-то гадкий настой, после чего у нее случился выкидыш. Для Хешая это было ударом. Отчасти потому, что из него мог выйти хороший отец. К тому же он понял, что его любимая с самого начала не собиралась строить с ним жизнь.

— Я не знал...

— Он мало кому об этом рассказывает. Но... прошу, сядь. Следующий момент очень важен для понимания, а если я и дальше буду стоять, задрав голову, мне сведет шею.

Маати знал, что разумнее всего будет развернуться и пойти спать. Однако он сел.

— Вот и славно, — сказал Бессемянный. — Итак. Ты, конечно, знаешь, что андаты суть чистые идеи. Замыслы, воплощенные в форму, наделенную свободой воли. Труд поэта состоит в том, чтобы добавить идеи черты, которыми та сама по себе не обладает. Например, у Ниспадающей Влаги были совершенно белые волосы. Почему? Этот признак не имеет отношения к ее сущности. Как и низкий голос. Или, в случае Три Как Одно, любовь. Откуда же эти черты берутся?

— От поэтов.

— Именно, — согласился андат с улыбкой. — От поэтов. Теперь представь себе нашего Хешая в юности — немногим старше тебя. Он только что потерял ребенка, который мог стать его семьей, женщину, которая могла бы его любить. Невысказанное подозрение того, что отец его ненавидит, боль от воспоминаний о матери, которая позволила оторвать его от себя, пожирают его изнутри, как рак. И в этот миг его призывают в Сарайкет — воплотить андата, который бы двигал торговлю, спас город от вымирания. Он создает меня. Взгляни, что получилось, Маати, — продолжил Бессемянный, разводя руки, словно на осмотре. — Я прекрасен. Умен. Уверен в себе. В древности Миянинкво создал себе совершенную пару, а Хешай-кво воспроизвел самого себя — таким, каким он мечтал быть. И я до малейшей детали был бы подобен ему, будь он вправе выбирать свой облик. Однако наряду с этим он вложил в меня все чувства, которые совершенный Хешай, по его мнению, должен испытывать к настоящему. Вместе с красотой, мудростью и хитроумием он наделил меня ненавистью к самому себе, жирному поэту Хешаю.

— О боги! — выронил Маати.

— Нет-нет, идея была блестящая. Вообрази, как глубоко он себя презирал. И я это унаследовал. Андаты — глубоко противоестественные существа. Все мы стремимся вернуться к небытию так же, как капли дождя стремятся к земле. Однако нашу природу можно обмануть. Именно эту часть стиха он перенял у Миянинкво. Три Как Одно хотела свободы, но также хотела

любви. Я тоже хочу свободы, а еще хочу увидеть, как будет стра-
дать мой хозяин. Нет, это в его замысле не входило. Он решил,
что допустил небольшую погрешность, которой не придал значе-
ния, пока не стало поздно. Но вот в чем вопрос: почему он избе-
гает тебя и не хочет учить? Почему не взял на церемонию с хаэм?
Я отвечу: он боится. Чтобы занять его место, тебе придется ле-
лять свои худшие чувства. Проникнуться той же ненавистью,
что испытывал к себе безобразный, отвергнутый, одинокий Хе-
шай — тот, кого вечно дразнили одноклассники, кто за после-
дние двадцать лет не был с женщиной, за которую не приходи-
лось платить, кого даже утхайемская стража считает недоразу-
мением и терпит только по нужде. Мальчик мой, он боится за
тебя. Потому избегает.

— Тебя послушать, так он полное ничтожество.

— Вовсе нет. Он тот, в кого может превратиться очень силь-
ный человек, если поступит с собой по-хешайски.

— А зачем ты мне все это рассказал?

— Хороший вопрос, — отозвался Бессемянный. — Первый
за вечер. Однако ответ даром не обойдется. Простишь меня —
тогда скажу.

Маати взгляделся в нетерпеливые черные глаза и рассмеялся.

— Рад был послушать твою сказочку про чудовищ, — ска-
зал он, — но ничего не выйдет. Уж лучше я помучаюсь от любо-
пытства.

Андат на мгновение нахмурился, но тут же засмеялся и при-
нял позу побежденного, который поздравляет соперника. Маати
спохватился, что смеется в один голос с ним, встал и ответил по-
зой великодушного победителя. Когда он дошел до середины ле-
стницы в спальню, Бессемянный его окликнул.

— Хешай никогда не позовет тебя за собой. Но не откажет,
если явишься сам. На следующей неделе хай будет давать боль-
шой прием. Приходи.

— Не вижу ни единой причины, Бессемянный-тя, чтобы
удовлетворить твою просьбу.

— И не надо, — ответил андат со странной печалью в голо-
се. — Всегда поступай по-своему. Просто мне хотелось бы ви-

деть тебя там. У нас, чудовищ, совсем немного собеседников. И, веришь или нет, я хочу быть твоим другом. Хотя бы на миг. Пока мы еще вольны выбирать.

Только теперь Амат поняла, насколько зазналась. В юности она всегда помнила, что городу нельзя доверять. Для бедняков удача сменялась несчастьем в мгновение ока. Болезнь, травма, недобная встреча — любая мелочь могла повлиять на заработок, жилье, положение. Потом, устроившись в жизни, оценивая собственный рост вместе с ростом процветания дома, которому служит, Амат забыла об этом. И оказалась не готовой к потерям.

Первым порывом было пойти к друзьям, но их у нее осталось меньше, чем она думала. А тех, на кого можно было бы положиться, скорее всего, знал и Ошай со своим головорезом.

Три дня Амат спала на чердаке виноторговца, с которым у нее был роман в молодости. Он уже тогда был женат — на той самой женщине, что шаркала целый день по дому, где она пряталась. О них раньше никто не знал, а теперь и вовсе не догадался бы.

Комната, если можно было ее так назвать, была темной и низкой — нельзя было сесть, чтобы не задеть потолок. Из-под крышки ночного горшка воняло, а до полуночи вынести его было нельзя — заметят домочадцы. Над головой у Амат невидимое солнце каждый день раскаляло черепицу, а вместе с ней — потолок. Амат лежала на грубой циновке, мучаясь от бессилия, и не смела шелохнуться, чтобы не выдать себя.

Сон не шел, в голове вставали одни и те же вопросы, а разум гонял их по кругу в какой-то болезненной полудреме. Марчата каким-то образом втянули в посредничество при скорбном торге. Что еще гнуснее, женщина, которой это напрямую касается, ничего не подозревает. Ее обманом завлекли в Сарайкет, чтобы андат вырвал дитя из ее утробы. Зачем? Почему этот ребенок так важен? Быть может, кому-то из королей Восточных островов случилось погулять на стороне, а девчонка не знает, от кого понесла, и...

Нет. В таком случае везти ее сюда было бы незачем. От беременности можно избавиться и другим способом, не привлекая андата. Думай еще.

Быть может, сама мать — не та, кем кажется. Может, дело в ее душевном здоровье? Кто-то очень берег ее, боялся, что насторой ей навредят, и просил об услугах андата, а Дом Вилснов...

Нет. Будь на то причина — нормальная, человеческая причина — Марчат не скрывал бы ее. Начни еще раз.

Дело не в матери. Не в отце. Не в ребенке. Марчат так и сказал: неважно, кто они. Остаются Дом Вилснов и андат. Значит, разгадка связана с ними, если она вообще существует. Если все это — не бред воспаленного разума. Может, Дом Вилснов вознамерился убить невинное дитя с помощью хая, а потом, создав круговую поруку на почве общей вины, добиться поблажек...

Амат терла веки, пока перед глазами не замелькали зеленые круги и вспышки. Платье, промокшее от пота, сбилось комом, как простыня после сна. В доме кто-то что-то долбил — слышался стук дерева по дереву. Будь на чердаке прохладнее, будь в этом проклятом деревянном застенке хоть одна отдушина, она бы докопалась до сути. Три дня мысли только об этом.

Три дня. А впереди — еще четыре недели. Если не пять. Амат перекатилась набок и взяла флягу, которую Кират, ее бывший любовник, принес поутру. Осталось меньше половины. «Надо быть бережливее», — сказала себе Амат. Она отпила горячей, как кровь, воды и откинулась на спину. Вечерело.

Наконец мучительно медленно опустилась ночь. В темноте чердака ее наступление угадывалось только по заташью в доме, запаху ужина и едва уловимой прохладе. Амат не нужно было подгонять. Она села у дверцы потолочного люка и стала дожидаться, пока не услышала шагов Кирата, стука приставной лестницы и скрипа ступеней. Амат подняла дверцу, и Кират вынырнул из темноты с фонарем в руке. Не успела она заговорить, как он жестом попросил молча идти за ним. Каждый шаг вниз по лестнице отдавался такой болью в ноге, точно в нее загоняли гвозди, но даже это было лучше неподвижности. Амат, изо всех сил стараясь не шуметь, прокралась за Киратом по уснувшему дому

до черного хода, а оттуда — в крошечный, заросший плющом садик. Летний ветерок, даже горячий и влажный, был сущей отрадой после чердачной бани. На каменной скамье стояла вода в глиняной чаше, лежали свежий хлеб, сыр и фрукты. Амат накинулась на еду, одним ухом слушая Кирата.

— Я тут нашел местечко, — начал он. В его голосе звучала хрипотца, которой не было в молодые годы. — Дом утех в веселом квартале. Не самый лучший, зато хозяин подыскивает человека, который привел бы его дела в порядок. Я намекнул, что знаю того, кто согласился бы поработать в обмен на временное убежище. Он как будто заинтересовался.

— Насколько он надежен?

— Ови Ниит? Не знаю. За вино всегда платит вперед, а так... Может, найдутся другие. Если еще подождать... На будущей неделе отправится караван по северному пути, и я бы...

— Нет уж, — прервала Амат. — Больше ни дня наверху. Раз этого можно избежать.

Кират погладил себя по лысине. В тусклом свете фонаря его лицо казалось тревожным и в то же время обрадованным. Он так же отчаянно хотел от нее избавиться, как она сама — покончить с мучениями на чердаке.

— Если хочешь, могу тебя проводить хоть сейчас, — предложил Кират. Путь до веселого квартала от его маленького подворья был неблизкий. Амат откусила еще хлеба и задумалась. Боль обещала быть сильной, но с помощью трости и при поддержке Кирата доковылять как-нибудь удастся. Она кивнула.

— Пойду соберу твои вещи.

— И накидку с капюшоном прихвати, — добавила Амат.

Никогда она еще не чувствовала себя настолько на виду. Для глухой ночи улицы казались дьявольски многолюдными, будто ей назло. С другой стороны, стояла пора урожая, время большого оживления. То, что сама она уже много лет не сидела вечерами в чайных и не веселилась на полуночных ярмарках, не значит, что их не стало. Город не менялся. Изменилась она.

Огнедержец за поворотом открыл печь и начал представление: бросил в огонь пригоршню-другую пороха, и заплясало

разноцветное пламя: голубое, зеленое, изумительно белое. Руки и физиономия огнедержца лоснились от пота, но он улыбался. Зеваки, которые отошли подальше, чтобы не припекало, хлопали ему и просили еще. Амат заметила в их кругу двух знакомых ткачей. Те были так увлечены зрелищем и беседой, что не обратили на нее внимания.

В заведении, когда Амат с провожатым туда добрались, бурлила жизнь. Люди толпились даже на улице, веселились, беседовали, выпивали. Амат осталась у перекрестка, пропустив Кирата вперед, поговорить с хозяином, а сама принялась разглядывать дом.

Он состоял из двух половин: начинался одноэтажным фасадом с беседкой на крыше и свисающими поверх светлой штукатурки стен полотнищами голубого и серебряного тонов. Задняя часть была двухэтажной, обнесенной высокой стеной — видно, за домом был разбит садик, а в прилегающей постройке находилась кухня. Окон было немного — и те узкие, высоко прорезанные. Для уединения. Или чтобы никто не сбежал.

В проеме главного входа, на фоне фонарей возник Кират и жестом позвал ее за собой. Амат, опираясь на трость, прошла внутрь.

В парадном зале за столиками сутились игроки: играли в карты, бросали кости, двигали по доске фишки. В воздухе висел дым от неизвестных трав и листьев. Хорошо хоть не было петушиных боев или борьбы. Кират провел Амат в глубину зала, а оттуда — за тяжелую деревянную дверь. Миновали еще одно помещение, на этот раз заполненное шлюхами, скучающими среди кресел и пуфиков. Фонари здесь висели ниже и почти не давали тени. У одной стены журчал фонтан. Женщины и мальчики обратили к вошедшим накрашенные глаза, но почти тут же отвернулись, едва стало понятно, что перед ними не клиенты. В конце узкого коридора с многочисленными дверями Амат с Киратом остановились перед одной, обитой железом. Через миг дверь открылась.

Амат очутилась на черной половине дома, в просторной и неожиданно неряшливой общей комнате с длинными столами и

большой нишей в стене, где висело тряпье, кожи, стояли швейные верстаки. Из комнаты вели несколько дверей, хотя неясно было, куда.

— Прошу, — произнес незнакомец в роскошных одеждах, но с плохими зубами. Амат последовала за ним между столов из необструганного дерева и вопросительно указала на него. Кират кивнул: дескать, хозяин. Ови Нийт.

Конторские книги, которыми предстояло заняться, лежали на низком столике в задней каморке. Амат с болью посмотрела на них — стопки кое-как переплетенных дешевых листов. Счета, похоже, вели с полдюжины человек, и каждый — по-своему. Тут и там виднелись помарки и исправления.

— Как у вас запущено, — сказала Амат, снимая один рыхлый том.

Ови Нийт прислонился к косяку за ее спиной. Тяжелые веки придавали ему полусонный вид. В тесноте комнатушки стал отчетливей запах его тела: смесь пота и застарелых благовоний. «А он еще молодой, — подумала Амат. — Мне в сыновья годится».

— За оборот луны я смогла бы привести бумаги в относительный порядок. Может, чуть дольше.

— За это время я бы и сам управился. Мне нужно сейчас, — отрезал Ови Нийт. Кират у него за спиной помрачнел.

— За неделю сделаю первые прикидки, — сказала Амат. — И то приблизительные. За верность не поручусь.

Ови Нийт смерил ее взглядом. Ей вдруг стало зябко, несмотря на ночную жару. Он рассеянно помотал головой, словно обдумывая варианты.

— Три дня, — подсчитал наконец Нийт. — И две недели на всё про всё.

— Мы, кажется, не на базаре, — произнесла Амат и изобразила позу поправки собеседника — резкую, хотя и не оскорбительную. — Я говорю, как обстоят дела. За две недели этого не исправить. Самое малое — если все пойдет гладко — за три, но, скорее всего, больше. А торопить работу — все равно что велеть солнцу закатиться утром.

Повисла долгая пауза, которую нарушило тихое хмыканье Ови Нинита.

— Кират мне сказал, что тебя кое-кто ищет. Платят серебром.

Амат приняла позу подтверждения.

— Я ждал большей готовности помочь, — продолжил он. В его голосе прозвучала обида, но глаза глядели бесстрастно.

— Я могла бы схитрить, но это не помогло бы ни мне, ни вам.

Ови Нинит обдумал ее слова, после чего изобразил согласие. Он повернулся к Кирату и кивнул, а Амат жестом попросил подождать, после чего вывел виноторговца за дверь и закрыл ее за собой.

Амат прислонилась к столу, держась за болыную ногу. От ходьбы сведенные мышцы немного расслабились, хотя она и сейчас променяла бы недельное жалованье на то, чтобы забрать из дома склянку с бальзамом. Из-за двери долетел смех Кирата. Смеялся он с облегчением, и у самой Амат немного отлегло от души. Теперь все будет хорошо. Внутренний голос шепнул было, что ее заманили в ловушку и Ови с Киратом послали гонца к круглоголовому Ошаю, но Амат отмахнулась от подозрений. «Устала — вот и мерецится невесть что. А все жара и духота на том адском чердаке», — сказала она себе.

Дверь общей комнаты хлопнула, а через миг вернулся Ови Нинит.

— Я дал нашему общему другу пару полос серебра и отправил домой, — сказал он. — Спать будешь со шлюхами. На заре все завтракают, в три ладони пополудни обедают, а ужинают — по второй метке свечи.

Амат Кян изобразила жест благодарности. Ови Нинит ответил столь церемонной позой, что Амат заподозрила издевку. Удар последовал молниеносно — она даже не заметила кулака. Кольцо на правой руке рассадило ей рот, и Амат упала, сильно ударившись об пол. Ногу так яростно свело судорогой, будто она обледенела.

— Три дня на первый отчет. Две недели на все. За каждый день просрочки ответишь собственной шкурой, — холодно про-

щедил Нийт. — Еще раз заикнешься о том, «как обстоят дела», продам, не моргнув глазом. А заляпаешь мой пол кровью — будешь вылизывать, ты, старая утхайемская подстилка. Усекла?

Она успела удивиться, затем смутиться и вскипеть от ярости. Сопляк смерил ее взглядом, в котором угадывалось злорадство: он ждал ответа, нового повода поглумиться над ней. И можно было бы отчитать его за эту подлость — подлость мальчишки, лупявшего почем зря дворнягу, — когда бы роль дворняги досталась не ей. Амат подавила возмущение, задвинула подальше гордость. Она думала, что во рту у нее горчит от желчи, а оказалось — просто от крови.

«Покорись, — сказала она себе. — Не время сейчас артакаться. Покорись и просто переживи».

И Амат Кян, старшая распорядительница Дома Вилсинов, приняла позу благодарности за поучение. Пустить слезу было совсем несложно.

4

— **Н**е могу! — призналась Лиат, перекрикивая плеск воды. — Для меня это чересчур!

Площадка для мытья находилась за стенами барака — каменная плита с открытой трубой сверху и сливом внизу. Итани стоял нагишом под струей и оттирал руки пемзой.

Солнце, хотя и висело над горизонтом в трех-четырех ладонях, уже покинуло складской район. Теперь склады стояли в тени, а вскоре и вовсе должны были погрузиться в ночь. Лиат, сидя на скамье, прислонилась к поросшей плющом стене, теребя плотные восковые листья.

— Амат оставила уйму недоделок, — продолжала она. — Взять договоры со старым Саньей. Откуда мне, спрашивается, было знать, что ему их не вернули? Она меня не предупредила. Потом, поставки в Обар не были обговорены, так что третий склад еще три недели будет пустовать, когда должен быть полон. И всякий раз, когда Вилсин-тя узнает о какой-нибудь неприятности, он... молча на меня смотрит, словно я сейчас начну пускать слюни. Как младенец. Я его позорю.

Итани вышел из-под струи. Руки и ноги у него были серо-синими с красным оттенком там, где он пытался отскрести с кожи краску — чуть не до мяса. Днем его артель таскала на красильню бады с краской, и никто не остался неотмеченным. Лиат оглядела Итани с отчаянием в глазах. Она знала, что после такого ногти будут недели казаться грязными, пока не сойдет краска.

— Что, прям-таки ничего не говорит? — спросил Итани, стряхивая воду с рук и груди.

— Конечно, говорит. Я ведь и работаю за Амат, и готовлюсь к приему у хая.

— Да нет. Он сам сказал тебе, что ты не справляешься? Или ты просто судишь себя слишком строго?

Лиат вспыхнула, но жестом попросила объяснения. Итани нахмурился и надел чистое платье. Ткань пристала к его ногам.

— Хочешь сказать, он сознательно допускает, чтобы Дом опозорился в присутствии хая? — взорвалась Лиат. — С какой, по-твоему, стати ему это нужно?

— Я хотел сказать лишь то, что твои требования к себе, возможно, выше, чем его — к тебе. Тебя поставили на эту должность без предупреждения, без подготовки. С учетом этого, думаю, ты отлично справляешься. Вилсин-тя обо всем помнит. Если он тебя не бранит, значит, все не так плохо, как тебе видится.

— Выходит, моей халтуре есть оправдание? Спасибо, утешил, — горько ответила Лиат.

Итани вздохнул и сел рядом. С его волос все еще капало, и Лиат слегка отстранилась, чтобы не намочить платье. По его спокойствию было видно: он впрямь считает, что она слишком к себе строга. Лиат подумала, что Итани отчасти прав, и от этого еще больше разозлилась.

— Если хочешь, можем пойти сегодня к тебе, — предложил он. — У тебя будет время поработать над каким-нибудь заданием.

— А ты что будешь делать?

— Посижу с тобой, — запросто ответил он. — Наши поймут.

— Здорово, нечего сказать, — съязвила Лиат. — Отказать-ся от пирушки с друзьями только потому, что у меня есть дела поважнее. Хорошо же они обо мне подумают! Я и так кажусь им зазнайкой.

Итани, вздохнув, откинулся спиной на плющ. Стена почти промялась под его весом. Беспрестанный плеск воды о камень заглушал звуки города. Из-за угла в любой момент мог кто-нибудь выйти, однако Лиат казалось, что они остались совсем наедине.

Обычно ей нравилось это ощущение, но сейчас оно было подобно камню в сандалии.

— Мог бы меня поправить, — сказала она.

— Нет, ты угадала. Хотя не все ли равно? Мало ли кто что думает. Просто им завидно. Если мы вечером все подготовим для Виленна, то поутру...

— Не пойдет. Тут одним рывком не отделаешься. Это не то, что тягать ящики по складу. Все гораздо сложнее. Грузчику не понять.

Итани медленно кивнул. Вокруг его головы шевельнулись листья. Его губы на миг сжались в нитку. Он принял позу признания ошибки, но Лиат разглядела ее подчеркнутую официальность и поняла, что за ней кроется.

— Боги мои! Итани, я не хотела. Я много не знаю о... о том, как двигать тяжести. Или как возить телеги. Но и моя работа трудна. Вилсин-тя очень тяжело меня нагрузил.

«А я не справляюсь, неужели ты не замечаешь?» — хотела добавить она, но удержалась.

— Дай хотя бы помогу тебе развеяться, — сказал Итани, встал и протянул ей руку. В его глазах все еще стояла жесткость, как он ни старался ее упрятать. Лиат поднялась, но руку брать не стала.

— Четыре дня осталось до аудиенции. Четыре! А у меня ничего не готово. Амат ни слова не сказала о том, как и что делать. Когда вернется — неизвестно. А что ты предложил? Пойти напиться с кучкой рабочих в дешевой чайной и забыть обо всем? Знаешь, Тани, мне порой кажется, что все мои слова — как об стену горох. Ты меня совершенно не слушаешь.

— С тех пор, как ты пришла, я только этим и занимаюсь.

— А толку-то? Будь я шавкой, ты, может, и то понял бы больше.

— Лиат! — выпалил Итани и осекся. Потом покраснел и развел руками. Когда он продолжил, голос прозвучал гулко от сдерживаемого гнева. — Не знаю, чего ты от меня хочешь, но если нужна моя помощь, я помогу. Если захочешь отдохнуть от всего — только позови. Я не против...

— Ах, ты не против? Как мило... — язвительно начала Лиат, но Итани не дал себя перебить. Он продолжил, повышая голос.

— ...но если тебе нужно что-то еще, боюсь, сей убогий грузчик слишком туп, чтобы в этом разобраться.

У Лиат сдавило горло. Она вскинула руки в жесте отступления от сказанного. Ее охватило отчаяние. Итани — ее Итани — на грани бешенства. Он не видит. Не понимает. Неужели так трудно заметить, как ей страшно?

— Зря я сюда пришла, — глухо произнесла она.

— Лиат...

— Не надо. — Лиат смахнула рукавом слезы и отвернулась. — Дрянная была затея. Иди, куда хотел. А я возвращаюсь к себе.

Итани, чей гнев еще не остыл, но смягчился, взял ее за локоть.

— Я пойду с тобой, если захочешь.

«И будем снова ругаться?» — чуть не вырвалось у нее. Лиат молча покачала головой, отстранилась от него и отправилась в долгий путь до дома. Одна.

У тележки водовоза она встала и выпила лимонной воды с сахаром. Оглянулась — вдруг Итани пошел следом? И, положа руку на сердце, сама не сказала бы, что почувствовала, когда его не увидела — печаль или облегчение.

Девушка — ее звали Анет Нёа — протянула сливу, изгибаясь в позе подношения. Маати церемонно взял плод. Ему становилось все больше не по себе. Хешай-кво должен был вернуться с совещания у хая в пол-ладони пополудни, а сейчас было уже почти две. Маати сидел в одиночестве на скамье посреди центрального сада, глядя на море черепичных крыш внизу и лабиринт дорожек, проложенных сквозь сады и дворцовые скверы. Вдбавок дочь какого-то утхайсема, которого он должен был помнить, остановилась с ним поболтать, да еще предложила сливу, чем окончательно его смущила. И всякий раз, когда, казалось бы, наступала пора уходить, она находила новую тему для разговора.

— А ты совсем молодой! Я думала, поэты — люди в возрасте.

— Я еще ученик, Нёа-тя, — ответил Маати. — И здесь со всем недавно.

— Сколько тебе лет?

— Шестнадцатьй пошел, — сказал Маати.

Девушка выразила одобрение, которое он воспринял недуменно. Сама поза читалась легко, да только неясно было, за что можно одобрить тот или иной возраст. К тому же было в ее взгляде что-то такое, отчего Маати заподозрил подвох. Может, она приняла его за другого?

— А вам, Нёа-тя?

— Восемнадцать, — ответила девушка. — Мы переехали в Сарайкет из Сетани, когда я была маленькой. А где твой дом?

— Нигде, — отозвался Маати. — То есть, когда меня отослали в школу, я... Моя семья осталась в Патае, а мне... в общем, мы больше не вместе. Теперь я — поэт.

В ее лице появился оттенок грусти. Она подалась вперед и тронула Маати за запястье.

— Тяжело, наверное, — произнесла она, не сводя с него глаз. — Всегда одному.

— Ну, не так уж, — сказал Маати, крепясь, чтобы голос его не выдал. От ее платья исходил аромат — густой, как запах пашни, и достаточно сильный, чтобы заглушить цветочное буйство вокруг. — То есть я уже обвыкся.

— Ты молодец, раз стараешься не подавать вида.

В этот миг, словно в ответ на молитву, из малого зала в дальнем конце сада выплыл андат. На нем было черное одеяние с алой нитью, скроенное в стиле Старой Империи. Маати вскочил, сунул сливу в рукав и согнулся в прощальном поклоне.

— Прошу меня извинить, — сказал он. — Андат уже вышел, и, боюсь, мне тоже пора.

Девушка ответила позой с оттенком сожаления, но Маати уже отвернулся и пропустил бегом по дорожке, скрипя белым гравием. Оглянулся он, только когда догнал Бессемянного.

— Ну и ну. Какое поспешное бегство!

— Не знаю, о чем ты.

Бессемянный приподнял бровь, и Маати залился краской. Однако андат тут же жестом свернул тему и начал другую:

— Хешая до вечера не жди. Он велел тебе отправляться в дом и вычистить полки для свитков.

— Я тебе не верю.

— Стало быть, наука пошла тебе впрок, — усмехнулся андат. — Он вот-вот придет. Аудиенция у хая затянулась, но все планы на вечер остаются в силе.

Маати невольно улыбнулся в ответ. Что ни говори, совет андата насчет Хешая-кво оказался верен. Утром Маати встал, твердо вознамерившись следовать за поэтом всюду, куда бы ни отправил его хай. Поначалу старый поэт вел себя скованно, но к полудню уже вовсю объяснял Маати, что входит в обязанности андата, как это связано с обычаями утхайема и низших домов, посредством чего регулируется жизнь города. Да и Бессемянный, несмотря на лукавство, беспардонность и хитроумие, больше не казался ему злым насмешником, так испугавшим его по приезде.

— Да не равняйся ты на старика, — произнес андат. — Из меня учитель куда лучше. Взять хотя бы ту девчонку. Я тебе расскажу, как...

— Спасибо, Бессемянный-тя, но я беру уроки только у Хешая-кво.

— В этом деле он тебе не поможет. Если не захочешь узнатъ, как сторговаться со шлюхой.

Маати отмахнулся от него, и в этот миг из арки показался Хешай-кво. Рассерженно хмуря брови, он что-то бормотал, точно споря с воображаемым собеседником. Подняв глаза и увидев Маати, застывшего в приветственном поклоне, он улыбнулся, но улыбка вышла поспешной и вымученной.

— Я встречаюсь с Домом Тиянов, — произнес поэт. — Эти идиоты упросили хая устроить частную церемонию. Что-то по поводу договора с западниками. Точно не помню.

— Я бы хотел присутствовать, если можно, — вставил Маати. В последние дни это стало чем-то вроде клише, и Хешай-кво, как обычно, ответил рассеянным согласием.

Поэт повернулся на юг и стал спускаться с холма к нижним дворцам. Маати и Бессемянный шли позади. Перед ними расстипался город: серые и красные крыши, улицы, ведущие к морю, чтобы слиться у набережной, а за ними — мачты кораблей, само море и громада неба. Казалось, эта картина родилась в воображении художника. Мир не бывает настолько совершенен и ярок. А рядом, почти неразличимо на фоне неволыничих песен и скрипа гравия под ногами, бубнил себе под нос Хешай-кво, поводя пальцами.

— Он был у хая, — пояснил еле слышно андат. — И встреча прошла неудачно.

— Почему?

Ответил, как ни странно, Хешай-кво.

— Потому, что хай Сарайкетский — жадный, мелочный и тщеславный засранец, — проронил он. — Точнее всей сути наших бед не выразить.

Маати оступился и не то хихикинул, не то поперхнулся от неожиданности. Когда поэт посмотрел на него, он попытался изобразить хоть какое-то чувство, но руки не слушались.

— Что? — испытывающе спросил Хешай-кво.

— Хай... Вы только что... — пролепетал Маати.

— Он всего-навсего человек, — сказал поэт. — Ест, пьет, справляет нужду и бредит во сне, как всякий другой.

— Да, но он же хай!

Хешай-кво отмахнулся и снова пошел впереди. Бессемянный подергал Маати за рукав и дал знак наклониться. Маати подставил ему ухо, продолжая следить за тропой и поэтом.

— Он просил хая отменить одну сделку, — прошептал Бессемянный. — А хай посмеялся над ним и велел не капризничать. Хешай несколько дней готовил это прошение, а ему даже не дали озвучить все доводы. Жаль, тебя там не было. Я чуть не прослезился. Наверное, поэтому старый хрыч не хотел брать тебя с собой — ему не нравится, когда его унижают при учениках. Подозреваю, сегодня он основательно напьется.

— А что за сделка?

— Гальтский Дом взял на себя посредничество в скорбном торге.

— Скорбном торге?

— Это когда нас используют, чтобы извлечь плод из утробы матери, — пояснил Бессемянный. — Способ более безопасный, чем травяные настои, подходит даже для поздних сроков беременности. И, к хайской радости, весьма дорогостоящий.

— Боги. Неужели мы это делаем?

Бессемянный принял позу с оттенком похвалы шутке.

— Что нам велят, мальчик мой, то и делаем. Ты да я — такие же марionетки. И те, кто нами правит — не исключение.

— Я был бы очень признателен, — проворчал Хешай-кво, — если бы вы не так громко трепались за моей спиной.

Маати тут же принял позу извинения, но поэт даже не взглянул на него. Маати побрел дальше, уронив руки. Бессемянный ничего не сказал, только поднес ко рту руку и откусил от чего-то темного. Слива! Маати пошарил в рукаве — и точно, тот был пуст. Он принял позу недоумения и упрека: «Как?». Андат улыбнулся. Его безупречное лицо просияло озорством и чем-то еще.

— Ум и ловкость рук, — ответил андат и бросил ему надкусенный фрукт.

В нижних дворцах их приветствовал юноша в желто-серебряном одеянии Дома Тиянов и отвел в приемный зал. Они устроились за столом мореного дерева, где, попивая родниковую воду и угощаясь финиками (чьи косточки предварительно удалил андат), приступили к переговорам. Маати следил за беседой вполуха, думая не о словах, а об интонациях — едва прикрытой ярости и боли в голосе учителя и потаенном ликовании андата. Ему казалось, что их чувства уравновешивают друг друга: Хешай никогда не улыбнется, не вызвав у Бессемянного досады, а андат обрадуется только его отчаянию. Маати представил, как принимает власть над андатом, ввязывается в эту пожизненную брань, и ему стало не по себе.

Заведение Ови Ниита пережило безалаберность предыдущих счетоводов только благодаря огромному денежному обороту. Амат потрясло количество золота, серебра и меди, разбазариваемого в этих стенах, и потрясало бы до сих пор, не проработай

она до упада. Никто из ее знакомых не заключал кабальных договоров с домом утех, не считая сестры — а с сестрой к тому времени они уже не разговаривали. Услуги проституток стоили дороже, нежели она предполагала, а отчислялось девицам совсем немного. И это, как стало понятно потом, была только верхушка.

Игроки за столами большей частью проигрывали, да и за вход приходилось платить. Вино стоило дешево, а дурманящие травы, в него добавляемые — лишь немногим дороже, но за эту смесь деньги брали заоблачные. Даже если бы женщины здесь отдавались задаром, притон все равно процветал бы!

Она взяла трость, прислоненную к столу, и поднялась на ноги. Убедившись, что стоит твердо, Амат взяла со стола листок с расчетами, сложила и сунула в рукав. «Нельзя оставлять его на виду до разговора с Ови Нинитом», — рассудила она. Того, что ей довелось узнать, вполне хватит, чтобы ответить на его первый вопрос. Амат подошла к двери и отправилась в общую комнату.

Все там вызывало у нее брезгливость. На полу, который, похоже, не мылся со дня постройки, возились дети вперемешку с собаками; отдыхающие девицы сидели за столами, курили, сплетничали и вытаскивали друг у дружки клещей. В нише у правой стены женщины, обезображеные болезнью или насилием, маскарили непотребные изделия из тряпок и кожаных лоскутов.

Едва ли Кират знал, как тут гадко. Или же хотел от нее избавиться сильнее, чем она думала. Или куда меньше о ней волновался.

На лестнице, ведущей в частные покои владельца заведения, сидел один из его громил. Амат подковыляла к нему под пристальными взглядами здешних обитателей. Пухлая девка, сидевшая у окованной двери в переднюю половину, шепнула что-то на ухо приятелю и захихикала. Рыжая уроженка Западных земель, а может, Гальта, приподняла белесые брови и отвернулась. Мальчишка пяти-шести лет — такой же товар — поднял на нее глаза и улыбнулся. Улыбки ей и не доставало. Амат взъерошила мальчику волосы и, собрав остатки достоинства, направилась к охраннику.

— Нинит-тя у себя? — спросила она.

— Ушел. На нижний рынок за мясом, — ответил верзила. Он необычно тянул гласные и глотал окончания. Должно быть, с востока, подумала Амат.

— Когда вернется... — Она чуть было не сказала «пришли-те его ко мне». Привычка, выработанная годами. — В общем, когда вернется, передай, что я выполнила его задание. Я буду спать, но если он захочет подробностей, я в его распоряжении.

— Передай сама, бабка! — выкрикнула толстушка у двери. Охранник кивнул.

В спальне окон не было. По ночам лишь одна-единственная сальная свеча освещала нары, приделанные к стенам — по пять коек одна над другой, как в самом дрянном трюме. Вместо москитной сетки кромку каждой койки размером с гроб обтягивала дешевая холстина, а деревянное днище едва прикрывало тонкий, весь в пятнах, матрац. Темнота, пусть душная и липкая, была, однако, терпимее чердачного пекла, где Амат скрывалась до этого. Одна нижняя койка пустовала, и она забралась туда, скрипнув больным суставом. Трость Амат втянула туда же, опасаясь, как бы кто не украл, а грубый полог завязывать не стала.

После трехдневных попыток совершить невозможное перед глазами у нее по-прежнему всплывали цифры и строчки, написанные чьей-то нетвердой рукой. Амат гнала наваждение прочь, но с таким же успехом можно пытаться остановить прилив. Нары над ней скрипнули — кто-то там ворочался во сне. «Сейчас бы вина с пряностями, чтобы заснуть», — подумала Амат. Она устала до изнеможения, а сон все не шел. Пока с ней были учетные книги, мысли о Марчате Вилсине, Ошае и островитянке Мадж уходили из головы, а теперь вернулись и перемешались с размышлениями о неоконченной работе. Она заерзала на тонкой подстилке. Лежащая рядом палка мешала. Запахи разгоряченных тел, благовоний и застарелого свечного сала отвлекали от сна.

Она будто и не заснула, а погрузилась в беспокойную дремоту, вот только мальчику стоило больших трудов ее растолкать. Он тряс и тряс ее за плечо, а она каким-то краем сознания понимала, что ее трясут уже довольно долго.

— Бабушка! — позвал он. Опять? Да, опять. Она уже слышала эти слова, они вились в сон. — Проснись!

— Я и не сплю.

— Тебе плохо?

«Если весь мир лихорадит, чего же мне быть в стороне?» — подумала она, а вслух сказала:

— Нет, я просто спала. Что стряслось?

— Он вернулся. Зовет.

Амат полулежа приняла позу благодарности, которую мальчуган понял даже в темноте. Затем слезла и встала на ноги. Отдых все-таки помог: в голове прояснилось, тело стало послушнее. По тому, куда падал свет в общей комнате, стало ясно, сколько она проспала — с обеда почти до вечера. Девицы пересели на другие места или вовсе разошлись. Рыжая сидела все там же, у лестницы, толстушка пропала. Охранник — другой, но той же породы — встретился с Амат взглядом и кивнул в сторону кабинета. Она жестом поблагодарила его, расправила плечи и открыла дверь.

За ее столом сидел Ови Нийт. Полузакрытые глаза придавали ему сонный вид — а может, он навещал свои винные погреба. Его одежда была из дорогого шелка, хорошего покроя, но на нем выглядела, как мятая постель. При виде Амат он изобразил приветствие, изdevательски церемонное. Однако Амат ответила уважительно.

— Слышал я, что за тебя предлагают, — промолвил Ови Нийт. — Клич пустили по всему побережью. Немало за кусок человечины.

У нее пересохло во рту от испуга и стыда за этот испуг. В конце концов, она — Амат Кян. Ей приходилось скрывать страх, слабость и одиночество еще до того, как сопляк, сидевший напротив, появился на свет. Этот навык она выработала в первую очередь.

— Сколько же? — спросила Амат нарочито-небрежным и безучастным тоном.

— Шестьдесят полос серебра тому, кто выдаст место ночлега, и пять — золотом, если доставить тебя людям Ошая. Пять полос золота — уйма денег.

— Соблазн немалый, — заметила Амат.

Юнец медленно ухмыльнулся и отложил лист, который читал.

— Как мы есть оба торговцы, я лишь предположу, что твое пребывание здесь окупится лучше, — сказал он. — Хотел бы я знать, чем ты заслужила такую цену.

Амат загадочно улыбнулась, гадая, что за мысли кроются за его тухлым взглядом. Не иначе, как ее продать, чтобы не оставаться в убытке.

— Отчет готов? — спросил Ови Нийт.

Она кивнула и вытащила из рукава бумаги.

— Первый набросок. Еще надо посоветоваться с вами — убедиться, что я правильно поняла принципы здешней торговли. Но для ваших целей этого, полагаю, будет довольно.

— Что полудохлая кляча вроде тебя может знать о моих целях? — бросил он без злобы, но у Амат все равно сдавило горло.

— Из этих чисел? — спросила она с напускной уверенностью. — Я знаю, о чем вы подозревали. Потому и взяли меня к себе. Вас обкрадывают, причем кто-то из своих. — Ови Нийт нахмурился, глядя на цифры, но спорить не стал. — Если я найду преступника, это будет стоить дороже пяти золотых.

5

Утро дня высочайшей аудиенции выдалось сырьим и пасмурным. После храмовых обрядов Лиат и Марчат Вилсин дожидались очереди уходить, поскольку первое право предоставлялось семьям утхайема. Даже огнедержцы, низшие среди знахарей, превосходили рангом торговцев — и здесь, и на приеме у хая. Пока они ждали, Эпани-тя принес свежего хлеба и фруктов, а потом отвел Лиат в уборную, где она и еще несколько женщин улучили возможность облегчиться.

Утренний дождь не перестал, но чуть утих. Солнце так и не вышло, хотя облака поменяли цвет на белый, что обещало к вечеру ясную погоду. И жару.

Когда подошла их очередь, появились носильщики полога, и Дом Вилсинов занял место в процессии к дворцу.

Строго говоря, стенд там не было. Носильщики остановились, и Лиат ступила в редкий лес мраморных колонн. Потолок терялся далеко вверху и был таким облачно-светлым, что в его существование едва верилось. Зал церемоний был похож на поляну среди мраморного леса.

Хай со спокойным и строгим лицом восседал на большом диване резного эбена. Советники и слуги не должны были приближаться к нему до начала аудиенции. Сановники утхайема выстроились в круг, словно зрители перед спектаклем, и еле слышно шушукались. Вилсин-тя знал отведенное им место и мягко направил Лиат на скамью к другим торговцам.

— Послушай, — начал он, как только они сели. — В нашем ремесле есть свои трудности. Я про то, что нам приходится делать. Иногда все не так, как хотелось бы.

— Я понимаю, Вилсин-тя, — ответила Лиат, напуская на себя уверенность. — С этим я справлюсь.

На миг он заколебался, словно хотел что-то добавить, но тут флейта разразилась трелью, зазвучали фанфары и началась церемония вручения даров. Каждый род утхайема, как требовал обычай, явился со своим символическим даром, а следом за ними шли торговые представительства разных стран. Слуги, одетые в цвета дома или семейства, грациозно выступали вперед, неся ларцы и ковры, золоченые фрукты и рулоны тонкого шелка, всевозможные чудеса и диковинки. Хай Сарайкета по очереди осматривал приношения, удостаивая дарителей церемонной позой. Вилсин шевельнулся: носильщики его Дома вышли на середину круга. Четверо юношей несли, растянув за углы, узорчатое полотно с картой городов Хайема, вышитой серебряной нитью. Юноши шли в ногу, мрачные, точно на похоронах.

Точнее, мрачными были трое. Четвертый, хотя и не отставал, еле заметно крутил головой, кого-то или что-то выискивая. Лиат уловила шепот: зрелище позабавило зрителей. У нее упало сердце.

Четвертым носильщиком был Итани.

Марчат Вилсин, должно быть, заметил ее волнение и недоверчиво покосился на помощницу. Лиат стояла с отсутствующим видом, боясь выдать себя. Она уже чувствовала, как у нее запылали щеки, и изо всех сил желала, чтобы румянец был не очень заметен. Четверка носильщиков подошла к хаю, и двое передних опустились на колено, чтобы полотно было лучше видно. Итани, кажется, наконец понял, куда попал, и встал навытяжку. Хай не выразил ни изумления, ни недовольства — просто принял подарок и отоспал к остальным. Итани сотоварищи отправился вояси; на их место вышли носильщики Дома Кийтанов. Лиат наклонилась к управляющему.

— Вилсин-тя, нет ли здесь женской комнаты?

— Когда я волнуюсь, со мной творится то же самое, — ответил он. — Эпани тебя проводит. Главное, вернись до того, как хай вызовет своих мудрецов. Если так пойдет дальше, в твоем распоряжении еще пол-ладони, но лучше поторопись.

Лиат ответила жестом благодарности, встала и начала пробиваться за спины собравшихся. Эпани она, конечно же, не искала. Там ее ждал Итани. Она глазами показала ему на колонну, и он отправился туда вслед за ней.

— Что тытворишь? — накинулась на него Лиат, как только они скрылись от чужих глаз. — Сначала избегаешь, а теперь... теперь такое выкидываешь?

— Мой энакомый должен был нести полотно, — оправдывался Итани. — Он уступил мне свое место. И ничего я не избегал. Просто... ну, злился немного, милая. И не хотел тебе мешать. Особенно когда предстоит такое.

— Это называется «не хотел мешать»?

Он улыбнулся. Все его улыбки почему-то обезоруживали.

— Я пришел, чтобы тебя поддержать. Ты справишься. Это обычные переговоры, и раз Амат Кян и Вилсин-тя тебя выбрали, раз они в тебя верят, то мое мнение не так уж важно. И все-таки я в тебя верю. Я не хотел отпускать тебя, не сказав этого. У тебя все получится.

Она не заметила, как взяла его за руку, и поняла это лишь тогда, когда он поднес ее к губам.

— И почему только ты выбираешь худшее время для самых прекрасных слов...

Мелодия флейты изменила ритм. Лиат вырвала руку и обернулась. Собственно аудиенция должна была вот-вот начаться: советники и слуги готовились вернуться к хаю. Итани отступил назад и изобразил жест поддержки. Его взгляд был устремлен на нее, губы улыбались, а руки... о боги, под ногтями все так же синела краска.

— Я буду ждать! — напутствовал он, и Лиат метнулась обратно, чуть не бегом пробираясь меж сидящих мужчин и женщин. Она упала на скамейку рядом с Вилсином-тя как раз тогда,

когда два поэта и андат преклонили перед хаем колена и заняли свои места.

— Успела, — заметил Вилсин. — Тебе нехорошо?

«Нехорошо? Да лучше и быть не может», — подумала Лиат. Она представила выражение лица Амат — уверенное, почтительное — и постаралась принять такое же.

Маати сидел на бархатной подушке, то и дело шевеля ногами, чтобы их не отсидеть. Помогало не очень-то. Слева от него восседал хай Сарайкета. Хешай-кво и Бессемянный расположились ближе, и если хай не замечал его тягот, то они видели наверняка. В широком круге возникали проситель за просителем и озвучивали свои мольбы.

Худшим из них был западник, привезший с собой тележку в рост собаки, на которой горел очаг и кипягилась в котле вода. Водяной пар привел колеса тележки в движение, и та унеслась в толпу, обгоняя владельца. На его заявление о том, что гальты строят подобные механизмы для военных целей, утхайем только рассмеялся. «Армия чайников!» — так отзывался об увиденном хай. Один Хешай-кво, как заметил Маати, не веселился. Не потому, решил он, что принял чудака всерьез; просто старому поэту было больно смотреть, как тот унижается. Даже высшие достижения гальтского военного мастерства Хайему не угрожали. Пока города защищали андаты, хайемцы смотрели на войны других народов как на диковину, на кости доисторических чудищ.

Наибольший интерес вызвал второй сын хая Удуна. Весь двор, затаив дыхание, слушал рассказ о том, как младший сын хая пытался отравить двух старших, включая его. Ужасающие подробности смерти первого брата едва не вызвали у Маати слезы, а хай Сарайкета разразился в ответ проникновенной речью, вчетверо длиннее всех прежних заявлений: что-де яд — не хайемское орудие и что власти Сарайкета стоят на стороне оскорбленных и намерены преследовать убийцу до справедливого суда.

— Что ж, — произнес Бессемянный, как только присутствующие поднялись на ноги, чествуя правителя, — теперь ясно, который из сыновей старого хая будет просиживать его трон. Можно

подумать, никто из предков досточтимых владык Сарайкета не подносил брату приправленного винца.

Маати оглянулся на Хешая-кво, ожидая, что тот встанет на защиту хая, но поэт лишь смотрел, как второй сын Удуна простирается ниц перед черным диваном.

— Паяц на паяце, — тихо продолжал андат, чтобы никто кругом не слышал, кроме поэта с Маати. — Не забывай об этом. Все, что ты видишь — одна долгая, затянутая пьеса, которую никто не сочинял, никто не ставил и не продумывал. Поэтому они то и дело скатываются к братоубийству. Случай не новый, все более-менее знают, чего ожидать. Только делают вид, будто один хайский сын лучше другого.

— Тихо, — шикнул поэт, и андат изобразил извинение, но, едва Хешай-кво отвернулся, подмигнул Маати. Поэт говорил мало. Он был угрюм с самого утра, когда они вышли в дождь из его дома. По ходу аудиенции его физиономия мрачнела все больше и больше.

Два огнедержца предстали перед хаем, дабы тот рассудил их спор об одном пункте городского закона, и правитель призвал древнюю старуху по имени Ниания Тосогу, придворного летописца. Та что-то долго и еле слышно бубнила, пересказывая полузаытые хроники летних городов, восходящие к первым дням Хайема, когда Империя еще не угасла. Потом, без видимой связи с происходящим, она огласила решение, которое, похоже, не устроило никого. Когда огнедержцы сели, встал пожилой гальт в одеждах цвета зелени с бронзой. Вместе с ним вперед вышла девушка одиннадцати лет с Маати или чуть старше. Ее платье было тех же тонов, что и у гальта, но если старики держался с глубоким почтением, выражение лица и рук девушки граничили с высокомерием. Даже поклон вышел у нее заносчиво — подбородок вздернут, бровь выгнута.

— А вот она паршиво играет! — прошептал Бессемянный.

Хешай-кво пропустил его слова мимо ушей и наклонился вперед, не сводя глаз с просителей. Андат, наоборот, подался назад и следил за хозяином не менее внимательно, чем за странной парой.

— Марчат Вилсин, — на весь зал, как актер со сцены, проговорил хай Сарайкета. — Я прочел твое прошение. Не припомню, чтобы Дом Вилсинов прежде участвовал в скорбном торге.

— Суровые времена настали в Гальте, повелитель, — ответил Вилсин и принял позу, хотя и официальную, но с некой толикой попрошайничества. — Столько чайников еще нужно наклепать...

По толпе пробежала волна смеха; хай дал понять, что шутка услышана. Хешай-кво наступил больше прежнего.

— Кто будет представлять ваш Дом на переговорах? — спросил хай.

— Я, высочайший, — ответила девушка, делая шаг вперед. — Лиат Чокави, помощница Амат Кян. Она просила меня заменить ее на время отъезда и провести эту сделку.

— Женщина, которую вы представляете, здесь присутствует?

Старый галт скривился, но без колебаний ответил:

— Так точно, повелитель. Правда, она очень плохо владеет хайятским языком, но у нас есть переводчик на случай, если вы пожелаете с ней поговорить.

— Пожелаю, — сказал хай. Взгляд Маати переметнулся в толпу, на молодую женщину в шелковом одеянии, которая вышла вперед, опираясь на локоть приятного круглоголового человека в простой темной одежде слуги. Глаза женщины были неестественно бледными, кожа — отталкивающе белой. Ее одежда была скроена так, чтобы прятать выступающий живот. Хешай напрягся и подался вперед со смешанным чувством на лице.

Островитянка поравнялась с гальтом и его юной помощницей, улыбнулась и кивнула им по указке толмача.

— Ты явилась сюда с просьбой о помощи, — произнес хай нараспев. Женщина впилась в него взглядом, как дитя при виде огня. Маати показалось, будто ее околдовали. Переводчик что-то прошептал ей на ухо, и она на миг отвлеклась, чтобы ответить, но сразу продолжила разглядывать хая.

— Повелитель, — произнес переводчик. — Моя госпожа, Мадж Тониаби из Ниппу, благодарит за великую честь быть представленной вам и за помощь в сей нелегкий час.

— Признаешь ли ты Дом Вилсинов в качестве своих посредников передо мной? — спросил хай, словно женщина говорила сама за себя.

Последовало другое неслышное совещание, еще один беглый взгляд на переводчика и долгий — на хая. Говорила она тихо, так что Маати едва различал ее голос, но речь была быстрой и певучей.

— Признает, повелитель, — передал круглоголовый.

— Отлично, — сказал хай. — Я принимаю предложенную цену и дарую Лиат Чокави право на собеседование с поэтом Хешаем для уточнения условий.

Переводчик и девушка согнулись в позе благодарности, после чего вся четверка просителей слилась с толпой. Хешай испустил долгий свистящий выдох. Бессемянный сложил пальцы дномиком и прижал к губам, пряча улыбку.

— Что ж, — проронил поэт. — Теперь этого не избежать. А я-то надеялся...

Он умолк и всплеснул руками, словно отмахиваясь от мечты или прощаясь с возможностью все исправить. Маати снова заерзal на подушке, чтобы размять затекшую ногу. Слушания длились еще полторы ладони — прошение за прошением, — пока хай наконец не встал. Он принял позу официального закрытия церемонии и под традиционную флейту с барабаном удалился. За владыкой и лицом города потянулись советники, а за Хешаем — Маати. Впрочем, старший поэт следил за процессией лишь вполглаза. Поэты и андат прошли сквозь лес колонн к большой дубовой двери, а, миновав ее, очутились в зале поменьше, похожем на огромный узел из коридоров и лестниц. На верхней галерее четверка рабов выводила нежную печальную мелодию. Хешай сел на низкую скамью, глядя перед собой. Бессемянный встал в нескольких шагах, сложил на груди руки и замер словно статуя. В воздухе повисло отчаяние.

Маати медленно подошел к учителю. Поэт на миг поднял глаза и снова уставился в пространство. Маати, еще не начав говорить, изобразил просьбу о прощении.

— Я не понимаю, учитель! Ведь должен быть способ отказаться от торга. Если дай-кво...

— Если дай-кво возьмется приглядывать за каждой мелочью, можно будет смело назвать его императором, — оборвал его Хешай-кво. — И через поколение-другое мы посмотрим, как он справляется с обучением новых поэтов. У нас и без того пусто в головах, не хватало еще плохой науки. Нет, избави нас боги от вмешательства дая-кво.

Маати присел. Через зал потекли утхайемцы, переговариваясь поверх бумажных кип и свитков.

— Вы могли бы отказаться.

— И выставить себя кем? — Хешай вяло усмехнулся. — Не обращай внимания, Маати-кя. Разылся старый пень, вот и все. Дело предстоит дрянное, но ничего не попишешь. Работа, как-никак.

— Убивать лишних младенцев заморских богачек, — поддакнул Бессемянный тем же дерзким тоном, но с примесью чего-то нового. — Действительно, для нас это пара пустяков.

Хешай вскинул голову, сжал кулаки, сморщил лоб от натуги и ярости. Маати услышал звук падающего тела. Андат распросился на полу, вытянув руки в таком глубоком раскаянии, что Маати понял: по своей воле он никогда бы так не лег. Губы Хешая дрожали.

— В общем... мне ведь не впервой, — глухо произнес он. — Хотя этого никому не пожелаешь. Ни женщине, никому. Скорбный торг недаром таким зовется.

— Хешай-тя! — окликнул женский голос.

Она стояла рядом с распластавшимся андатом. Увиденное до того потрясло ее, что от высокомерия не осталось следа. Маати встал и принял позу приветствия. Хешай ослабил власть над Бессемянным, позволяя тому подняться. Андат стряхнул с платья невидимые пылинки и взглянул на поэта с горчайшим укором, после чего обратился к девушке.

— Лиат Чокави, — произнес он, тепло пожимая ей запястье, словно старый друг. — Рады вас видеть. Верно, Хешай?

— Безумно, — буркнул поэт. — Быть вверенными недоучке-помощнице — куда уж лучше.

На ее лице отразилась оторопь: маска самоуверенности скользнула, глаза расширились, губы сжались в нитку. Тут же она стала прежней, однако Маати понял — или решил, что понял — удар Хешая попал в цель, а жертва провинилась лишь в том, что угодила под горячую руку.

Хешай встал и изобразил готовность к переговорам, но церемонность его позы лишь усугубляла оскорбление. Маати вдруг стало за него стыдно.

— Зал для встреч там, — махнул Хешай, отвернулся и шагал в указанную сторону. Бессемянный поплыл рядом с ним, оставив Лиат и Маати догонять.

— Извини его, — тихо сказал Маати. — Это из-за скорбного торга он сам не свой. Ты ни в чем не виновата.

Лиат бросила на него недоверчивый взгляд, но смягчилась, когда поняла, что он опечален не меньше ее. Она ответила едва заметной позой благодарности, какими обмениваются друзья.

В зале для встреч было пусто и жарко. Единственное окошко оказалось заперто; Хешай толчком его распахнул. Поэт сел за низкий каменный стол и показал Лиат место напротив. Она скованно села и достала из рукава связку бумаг. Бессемянный встал у окна и, хищно ослабившись, стал следить за поэтом, пока тот просматривал документы.

— Я могу чем-то помочь, Хешай-кво?

— Принеси чаю, — буркнул тот, не отрываясь от бумаг. Маати оглянулся на девушку, потом на Хешая. Андат, видя его замешательство, нахмурился. Затем черные глаза озарились догадкой, совершенные руки создали позу просителя, хотя Маати не понял, что именно он просит, и опустились, не дождавшись разрешения.

— Хешай, друг мой, тебе достался слишком воспитанный ученик. Сдается мне, он не хочет оставлять тебя одного. — Бессемянный усмехнулся. — Он думает, ты снова станешь нападать на эту юную девицу. Я бы на его месте даже порадовался, глядя, как ты выставляешь себя ослом, но...

Хешай повел плечом, и андата передернуло от боли или чего-то похожего на боль. Его руки сложились в позу извинения. Однако от Маати не укрылось, как нахмурился поэт. Бессемянный все-таки пристыдил своего хозяина. За девушку можно было не волноваться. По крайней мере, некоторое время.

— Чаю, Маати. И для гостьи тоже, — произнес Хешай, указывая на Лиат.

Маати склонился в знак послушания. Потом поймал взгляд Бессемянного и молча кивнул, благодаря за помощь. Андат ответил легчайшей из всех улыбок.

В коридорах было полно народа. Рядом толпились торговцы, знать, слуги, рабы, охранники. Маати пробирался между ними известным путем в сторону главного зала, разыскивая кого-нибудь из дворцовой челяди. Ему не терпелось вернуться назад, послушать переговоры.

Главный зал был набит битком еще хуже коридоров. В воздухе дымом стоял людской гомон. Но вот в толпе мелькнули желтые одежды дворцового слуги, и Маати, отчаянно пробираясь сквозь толчью, рванул к выходу.

На полпути к двери он задел молодого человека, одетого в те же цвета, что Лиат с Марчатом Вилсином — зелень с бронзой. Мозолистые руки со следами краски и широкие плечи выдавали в нем грузчика. Решив переложить задание на незнакомца, Маати остановился и схватил его за локоть. Продолговатое лицо парня показалось Маати смутно знакомым, но стоило тому заговорить, как у поэта кровь отхлынула от лица.

— Прошу прощения, — сказал грузчик, сопроводив слова позой извинения. — Знаю, я должен был дождаться снаружи, но понадеялся, что Лиат Чокави...

Он затих, увидев, какими глазами смотрит на него Маати.

— Ота-кво... — выдохнул тот.

Миг обоядного потрясения — и грузчик закрыл Маати ладонью рот и увлек его в боковой коридор.

— Молчи, — прошептал Ота. — Молчи!

6

Будто и не было последних лет. То, что пережил Ота, вдруг отступило в тень, развеялось от одного звука его имени. Жаркие, влажные дни поденщины на Сарайкетской пристани, вечный поиск еды и жилья, голодные ночи в придорожной пыли. Жизнь, какой видел ее Итани Нойту. Все это осыпалось с него, как скорлупа, и он вспомнил себя мальчишкой — уверенным и своеольным мальчишкой, что брел по заснеженному полю к большому тракту. Он словно заново очутился там, и ясность этого воспоминания его напутала.

Молодой поэт послушно шел за ним, ни слова не говоря. Видимо, встреча ошеломила его не меньше.

Они разыскали пустую комнату. Ота запер дверь на засов. Оконце тесной комнаты выглядывало во внутренний сад, где росли бамбук и подстриженные деревья. Даже в дождь, который до сих пор шуршал каплями по листве, внутри было очень светло. Ота сел за стол, закрыв рот руками, и посмотрел на юного поэта. Тот был моложе года на четыре, но старше того Оты, который придумал себе новое имя, новое прошлое и заключил договор с Домом Вилсинов. У поэта было открытое круглое лицо, твердый подбородок и руки, годами не знавшие тяжелой работы. Но больше всего Оту смущали его глаза — они светились восторгом, точно юноша только что нашел клад.

Ота не знал, откуда начать.

— Ты... мы, верно, вместе учились?

— Маати Ваупатай, — назвался поэт. — Я был в одном из младших классов, когда вы... покинули школу. Вы еще водили нас перекапывать огород, а мы плохо копали. У меня тогда все руки были в водяниках...

Его лицо вдруг стало знакомым.

— Боги! — выронил Ота. — Так это ты?

Маати Ваупатай, которого Ота заставлял есть землю, ответил утвердительной позой, сияя радостью оттого, что его узнали.

Ота откинулся назад.

— Прошу тебя, не говори никому обо мне. Я так и не принял клеймо. Если братья найдут меня...

— То захотят убить, — подхватил Маати. — Знаю. Я никому не скажу. Только... Ота-кво...

— Итани, — поправил Ота. — Теперь меня зовут Итани.

Маати выразил послушание, больше уместное для преданного ученика, как будто Ота до сих пор ходил в черном одеянии.

— Значит, Итани. Не ожидал. В смысле, встретить вас здесь. Какими судьбами?

— Я служу Дому Вилсинов. В качестве грузчика.

— Грузчика?

Ота ответил утверждением. Поэт заморгал, словно пытаясь угадать смысл заморского слова. Когда он заговорил, тон у него был обеспокоенный. Или разочарованный.

— Говорили, дай-кво вас принял. А вы отказались.

«Как просто звучит», — подумал Ота. Горстка слов смогла вместить то, чем стала его жизнь. Когда он принимал это решение, все казалось предельно ясным и в то же время сложным. Впрочем, как и сейчас.

— Верно.

— Что... простите, Ота-кво, но что произошло?

— Я ушел. Подался на юг, нашел работу. Я знал, что старое имя придется забыть, вот и взял другое. И... вот и все, наверное. Заключил договор с Домом Вилсинов. Срок уже истекает, а что делать дальше — не знаю.

Маати принял позу понимания, но по складке между бровями было видно, что сделал он так машинально. Ота вздохнул и

облокотился на стол, думая, что бы еще сказать, как объяснить свой жизненный выбор. В довершение всех пережитых за день тревог он почувствовал, что не может подобрать слов. Со дня ухода он ни разу не пытался объяснить, почему так решил. Да и некому было.

— А ты? — спросил Ота. — Тебя, вижу, он обучил.

— Старый дай-кво умер. После вашего ухода. Я даже не успел получить черную одежду. Пост занял Тахи-кво, а в школу пришел новый учитель. Наани-кво. Он был еще строже Тахи-кво. По-моему, ему это было в радость.

— Дрянная работа, — сказал Ота.

— Нет, — не согласился Маати. — Просто тяжелая. И жестокая. Но так нужно для дела. Ставки слишком высоки.

Была в его голосе какая-то твердость, подумал Ота, которая не происходила из уверенности. Он ответил согласием, но понял, что Маати угадал неискренность позы, и опустил руки.

— Что же ты сделал, чтобы попасть в «черные одежды»?

Маати покраснел и отвернулся. В коридоре кто-то хохотал, и это раздражало. Поговорил всего ничего с едва знакомым человеком, а уже забыл, где находится и что вокруг люди.

— Я спросил Наани-кво о вас, — ответил Маати. — Ему это не понравилось. Мне пришлось неделю драить полы в большом зале. А потом я спросил его снова. И опять заработал наказание. В конце концов... в общем, как-то ночью я пошел мыть полы уже без указки. Мила-кво спросил, что я делаю, а я ответил: «завтра пойду задавать тот же вопрос, вот и решил выполнить работу заранее». Он спросил, не полюбил ли я драить камни, а потом предложил повышение.

— И ты его принял.

— Еще бы! — ответил Маати.

Оба надолго замолчали. Ота увидел жизнь, которую отверг. А еще ему показалось, что на лице Маати отразилась жалость. Самое меньшее — сомнение.

— Обо мне никто не должен знать, — сказал Ота.

— Я никому не скажу. Клянусь.

Ота принял позу свидетеля клятвы, и Маати ответил тем же. Оба подскочили на месте: кто-то забарабанил в дверь.

— Кто там? — окликнул мужской голос. — Нам здесь назначено!

— Мне пора, — сказал Маати. — Я пропущу переговоры с... Лиат. Вы сказали, что ждете ее, верно?

— Немедленно отоприте! — бушевали за дверью. — Это наша комната!

— Она моя девушка, — ответил Ота, поднимаясь. — Идем. Пока эти не пожаловались хаю.

Люди за дверью, одетые в легкие шелка и дорогие сандалии утхайема, уставились на Оту с гневом и отвращением — подумать только, простой грузчик, да еще из гальтского дома! Однако, увидев за его спиной Маати в одежде поэта, они умерили злость до нетерпения. Юноши вместе вышли в большой зал, где было все так же людно.

— Ота-кво, — начал Маати, едва они очутились в толпе.

— Итани.

Маати сокрушенно попросил извинения.

— Итани. Я... мне так много нужно обсудить... и мы...

— Я тебя разыщу, — пообещал Ота. — Только не говори никому. Особенно поэту.

— Ни единой душе.

— Мы еще встретимся. А теперь ступай.

Маати попрощался с ним — такого учтивого поклона, верно, не видел от поэта ни один грузчик — и нехотя побрел прочь, каждый шагом выражая желание остаться. Ота поймал на себе озабоченный взгляд пожилой утхайемки из толпы, сотворил жест почтения и вышел.

Дождь почти прекратился, на плечо горячей ладонью упал солнечный луч. Остальные носильщики, которые несли сюда дары или держали полог, дожидались хозяев в боковом садике для прислуги. Эпани-тя, домоправитель Марчата Вилсина, сидел там же с улыбкой на лице. Теперь, когда не нужно было сохранять официоз, все повеселели. Старый Тууй Анагат, который знал Оту

почти с тех пор, как он стал Итани, чуть ли не всю его поддельную жизнь, принял позу приветствия.

— Ты уже слышал? — спросил он, когда Ота к нему подошел.

— О чем? Видимо, нет.

— Хай набирает отряд — высledить сына Удунского хая, отравителя. Пол-утхайема рвется туда вступить. Того и гляди, насядут на гаденыша, как вши на деревенскую шлюху.

Ота выразил удовольствие, зная, что от него этого ждут, потом уселся под деревом, усеянным крошечными душистыми грушами из тех, что растят для красоты, и прислушался. Все до одного обсасывали новость — люди, с которыми он работал, которых знал, кому доверял, хотя и не настолько, чтобы сказать правду. Все обсуждали казнь хайского сына, как собачьи бои. Никого не волновало, что у мальчишки не было выбора. Никто даже не вспомнил о справедливости. У низкорожденных, что гнут спину ради куска меди, чтобы хватило на чай и суп с квасным хлебом, хайем вызывает только зависть — никакого сострадания или любви. Теперь они вернутся в свои тесные бараки, унося в памяти роскошь дворцов, отраду садов, невольничьи песни. В них не останется места для жалости к семьям богатых и власть предержащих. «К таким, — подумал уныло Ота, — как я».

— Эй, — окликнул его Эпани, потыкав носком сапога. — Чего приуныл, Итани? Что-то ты невесел.

Ота деланно засмеялся. У него это хорошо выходило — смеяться и улыбаться по заказу. Очаровывать. Он небрежно изобразил просьбу о прощении.

— Порчу праздник, да? Просто меня только что вышвырнули из дворца, вот и все.

— Вышвырнули? — переспросил Тууй Анагат, и все, оживившись, повернули головы к ним.

— Да. Стоял себе, никого не трогал...

— Вынюхивал Лиат, — продолжил кто-то со смехом.

— ...И, похоже, кое-кому приглянулся. Одна женщина из Дома Тиянов подошла ко мне и спросила, не я ли представляю

Дом Вилсинов. Я сказал «нет», а она почему-то осталась со мной поболтать. Приятная оказалась бабенка. А ее дружок принял наш разговор близко к сердцу и столковался с дворцовыми слугами...

Ота принял позу невинной растерянности, чем повеселил всех еще больше.

— Бедный, бедный Итани! — воскликнул Тууй Анагат. — Бабы так и липнут. Давай-ка мы тебе поможем. Скажем им всем, что у тебя на одном месте выскочили болячки и ты три дня проходил в подгузнике с припарками.

Ота теперь смеялся вместе со всеми. Опять он победил. Теперь он был как все, свой в доску. Еще пол-ладони они перешучивались и травили байки, а потом Ота встал, потянулся и заговорил с Эпани.

— Я вам сегодня еще нужен, Эпани-тя?

Старик как будто удивился, но изобразил отрицание. Отношения Оты и Лиат ни для кого не были тайной, но Эпани, живший в господском доме, больше других понимал всю их сложность. Когда Ота попрощался с ним, он ответил тем же.

— Я думаю, Лиат быстро управится с поэтами, — заметил он. — Разве ты ее не подождешь?

— Нет, — ответил Ота и улыбнулся.

Амат училась. Сначала она узнала, как работает механизм заведения, как распределяются прибыли и доли охранников, шулеров, борцов и женщин — ритм, наложенный, как течение реки или сердцебиение, где деньги играли роль крови. Она начала лучше понимать, что именно ищет среди невнятных записей и подозрительных расписок. А еще она научилась бояться Ови Нинита.

Амат узнала, что бывает с теми, кто ему не угодил. Проститутки принадлежали заведению, поэтому их отсутствие никем не расследовалось и не проверялось. Их в отличие от нее было легко заменить. Она не захотела бы быть на их месте за все серебро в городе.

Прошли две недели из четырех. Или пяти. Оставались еще две или три до обещанного Марчатом помилования. Амат сидела

в душной комнате, изнемогая от жары. На столе громоздились кипы бумаг. Теперь ее будни наполнял скрип пера по бумаге, звуки веселого квартала, запах дешевой еды и собственного пота, тусклый желтоватый свет из узкого высокого оконца.

Раздался стук в дверь — тихий, робкий. Амат подняла голову. Ови Нийт или его охрана не потрудились бы стучать. Амат воткнула перо в брускок туши и потянулась. Захрустели суставы.

— Войдите, — сказала она.

Вошла девушка. Лицо было знакомым, а имени Амат ни разу не слышала. Невеличка, с родинкой под глазом, похожей на слезинку, нарисованную детской рукой. Когда она приняла позу извинения, Амат заметила у нее на запястьях следы полузаживших ран. Интересно, каким записям в конторской книге они соответствовали?

— Бабушка... — Так ее называли все здешние обитатели.

— Чего тебе? — спросила Амат и сразу же пожалела, что взяла такой резкий тон. Она размяла ладони.

— Я знаю, вас нельзя беспокоить, — начала посетительница. Голос звучал напряженно, но вряд ли от страха перед старухой, запертой в клетушке с бумагами, подумала Амат. Видимо, Ови Нийт дал приказ сюда не заходить. — Но там человек пришел. Спрашивает вас.

— Меня?

Девушка изобразила позу подтверждения. Амат откинулась назад. Кират. Вероятно, он. Или кто-нибудь из подручных Ошая явился сюда разыскать ее и убить. А Ови Нийт уже тратит золото, вырученное за ее смерть. Амат кивнула — скорее самой себе, нежели собеседнице.

— Как он выглядит?

— Молодой. Красивый, — добавила она и улыбнулась, словно делясь секретом. Красивый — может быть, но молодым Кирату уже точно не стать. Значит, не он. Амат взвесила в руке трость. Оружие никудышное. Убежать — прыги не хватит, даже если бы нога не болела. Надо пробовать обороняться. Она подавила в себе панику, чтобы заговорить без дрожи в голосе.

— Как тебя зовут, леточка?

— Ибрис, — ответила та.

— Прекрасно. Слушай меня внимательно. Ступай к дверям — не черным, а парадным. Развьи охранника. Скажи ему об этом человеке. И пожалуйся, что он хочет убить посетителя.

— Но...

— Не спорь, — отрезала Амат. — Ступай. Живо!

Многолетний опыт раздачи приказов сделал свое дело. Девушка убежала, а когда дверь закрылась, Амат подперла ее письменным столом. Хлипкая вышла преграда, подумала она с горечью и села сверху, надеясь, что ее вес на миг-другой отсрочит вторжение. Если стража подоспеет вовремя, убийцу схватят.

Или нет. Скорее всего, нет. Кто она здесь? Товар. С этим никто не поспорит. Амат стиснула трость в кулаках. К черту достоинство! Если Вилсин и Ошай хотят ее уничтожить, она будет драться до последнего.

Снаружи послышались голоса. Кто-то яростно спорил, среди них — Ибрис. Какой-то парень закричал.

Вдруг через окошко влетел факел, вертаясь, словно от руки уличного жонглера. На глазах у Амат он прочертил в воздухе дугу, ударился об стену и отскочил обратно, прямо на бумаги. Пламя коснулось одной стопки, листы тут же вспыхнули.

Амат не помнила, как слезала со стола и звала на помощь. Она спохватилась уже у огня — топтала ногами пламя, подняв факел над головой, подальше от книг. Дым ел горло, сандалии почти не спасали от огня, но ее это не останавливало. Кто-то прорвался через дверь, преодолев ее заграждение почти без усилий.

— Песка! — прокричала Амат. — Принесите песка!

Кто-то из женщин окликнул ее тонким от испуга голосом, но Амат не расслышала слов. Тлеющие хлопья, кружка, как светляки, подожгли еще одну стопку бумаги. Амат попыталась сбить пламя. Один особенно крупный ошметок коснулся ее ноги, и на мучительно долгий миг ей показалось, что вспыхнула одежда.

Дверь распахнулась. Ибрис и рыжая с Запада — как ее звали? Менат? Митат? — ворвались в комнату с кастрюлями воды в руках.

— Нет! — крикнула Амат, обернувшись к ним и размахивая факелом. — Не воды! Песка! Несите песок!

Женщины замялись на месте, расплескивая воду. Ибрис повернула назад первой, бросив кастрюлю — хорошо, не на книги или стол. Рыжая плеснула в сторону пламени, окатила Амат с головы до ног и унеслась.

К тому времени как они вернулись вместе с тремя охраниками Ови Ниита и двумя караульными, пожар удалось погасить. Только пятно смолы на стене, куда угодил факел, продолжало гореть. Амат вручила еще пылающий факел караульным. Они допросили ее и Ибрис. Ови Ниит, вернувшись, бесновался на черной половине, как ненормальный, но, к счастью, Амат его гнев не коснулся.

Часы долгого труда пропали, и возможно, восполнить потерь не удастся. И что толку? То, что прежде казалось невозможным, теперь выглядело просто смешным, если бы она была еще в силах веселиться. Она прибралась, как могла, и осталась сидеть в полутиме. Из глаз неудержимо лились слезы, но она не обращала на них внимания. Надо было собраться с мыслями, а бороться со слезами было некогда.

Когда две-три ладони спустя дверь открылась, на пороге стоял Ови Ниит собственной персоной, выкатив глаза, насколько позволяли тяжелые веки, сжав губы в черту. Он шагнул в комнату, шаря взглядом по стенам. Амат наблюдала за ним, как за бешеным псом.

— Насколько плохо? — выдавил он.

— Нас отбросили назад, Ниит-тя, — ответила она. — Прилично, но... не более того. Можно выкарабкаться.

— Имя. Того, кто это подстроил. Кто крадет мои деньги и жжет мой дом? Я его порву. Он у меня в собственном дерьме захлебнется.

— Как пожелаете, Ниит-тя, — ответила Амат. — Только, если вам нужен ответ на этой неделе, можете меня резать хоть сейчас. Я все восстановлю, но не скоро.

Один удар сердца — и он бросился вперед. Его дыхание было тошнотворно-приторным. Даже в тусклом свете виднелись гнилые зубы.

— Он там! — взревел Ови Нинт ей в лицо. — Сидит и смеется! Ты хочешь, чтобы я ждал? Хочешь дать ему уйти? Имя, и сегодня же. До рассвета. Сейчас!

От того, что она это предвидела, легче не стало. Амат приняла позу извинения с такой дозой иронии, что и дурак бы разглядел. Бешеные глаза сузились. Она закатала рукав до локтя.

— Бери нож, — произнесла она, протягивая голую руку, — или дай время сделать дело как следует. После сегодняшнего мне уже все равно.

Он выхватил нож. Лезвие свистнуло в воздухе. Амат вздрогнула, но не так сильно, как ожидала. Острье ножа вдавилось ей в кожу, но не пронзило ее. Правда, было больно, и, начни она вырываться, рана бы точно осталась. После испытующего молчания Нинт хмыкнул. Не зловеще, как палач, а с каким-то иным оттенком. Потом нож исчез.

— Так иди и работай, — с ухмылкой сказал сутенер. За его прищуром Амат разглядела что-то похожее на уважение. Она уступчиво поклонилась. Ови Нинт вышел из комнаты, бросив дверь открытой.

Амат некоторое время сидела, растирая белую черту на коже от ножа и дожидаясь, пока не успокоится сердце. Все-таки ей удалось. Удалось выиграть время.

Прошло по меньшей мере пол-ладони, когда аромат яблок и жареной ветчины пробудил ее желудок к жизни. Она уже не помнила, когда в последний раз ела. Опираясь на палку, Амат проковыляла к столам. На скамьях почти не было места — начиналась ночная смена. Весть о происшествии облетела весь дом — это читалось по отведенным взглядам. На одной скамье потеснились, и Амат села.

После ужина она разыскала рыжую Митат. На той было облегающее голубое платье — ни дать ни взять обертка для придания товарного вида.

— Надо поговорить, — тихо сказала Амат. — Сейчас.

Митат не ответила, но, когда Амат вернулась к себе в комнату, пришла следом. Большего и не требовалось. Амат села. В кабинете до сих пор разило смолой и гарью. Песок скрипел под

ногами. Она предпочла бы другое место для беседы, но выбирать не приходилось.

— Как кстати у тебя оказалась вода под рукой, — начала Амат. — Да еще в кастрюлях.

— Лишней набрали, — ответила Митат. Акцент у нее был невнятный, все окончания плыли. И впрямь из Западных земель, причем с севера. Должно быть, беженка, укрывшаяся здесь от очередного гальтского вторжения. Значит, они в одной лодке.

— Повезло мне, — сказала Амат. — Пойди я посмотреть, кто пришел, огонь спалил бы все. А не он, так вода уничтожила бы книги.

Митат пожала плечами и тут же метнула взгляд на дверь. Мелочь, едва заметная в полутьме, но ее хватило. Подозрения Амат обрели почву. Она сильнее сжала трость.

— Закрой дверь.

Женщина нехотя выполнила приказ.

— Ибрис допрашивали. Ей досталось.

— Кого-то же надо было допросить, — отозвалась Митат, скрещивая на груди руки.

— А почему не тебя?

— Я не видела, кто напал.

— Умно придумано, — сказала Амат, принимая позу одобрения. — Жаль, Ибрис не повезло.

— Готовы указать виновника? — спросила Митат. Теперь она не отводила глаз, смотрела твердо, с вызовом. Амат почти слышала запах ее страха.

— Готова ли я? — медленно повторила Амат, смакуя слова. Она склонила голову набок, разглядывая Митат как товар. — Нет. Указывать не готова. Не ему.

— Значит, не придется вас убивать, — сказала Митат.

Амат улыбнулась и покачала головой, укоризненно разводя руками.

— Дурно сыграно. Угрозы меня только злят и вдобавок доказывают твою вину. Не самый лучший подход. Начни-ка сначала, — произнесла Амат и сложила руки, как уличный актер, репетирующий роль. — Указывать я не готова. Не ему.

Рыжая прищурилась, но в ее глазах сверкнул ум. Отрадное зрелище. Митат подошла ближе, опустила руки. Ее голос прозвучал тише, напряженнее, но страх ушел.

— Чего вы хотите?

— Так гораздо лучше. Мне нужна союзница в этой крыси-ной норе. Когда придет время разыграть свою партию, ты меня прикроешь. Без вопросов, без колебаний. Мы притворимся, что ты все еще служишь Ови Ниниту, но отвечать будешь мне. А за это тебе и твоему другу... ведь без мужчины не обошлось? Да, так я и думала. В общем, вам обещается безопасность. Согласна?

Митат молчала. Где-то на улице прохожий выкрикнул не-пристойность и расхохотался. Запел высоким, чистым голосом попрошайка, и Амат поняла, что весь день слышит эту мелодию. И почему она не заметила раньше? Проститутка кивнула.

— Замечательно, — сказала Амат. — Значит, больше никаких поджогов. И вот еще что. Следующий счетовод вряд ли предложит тебе то же, так что обойдемся без заморских сюрпри-зов в моей тарелке.

— Конечно-конечно, бабушка!

— Вот и славно. Что ж, как будто мы все обсудили?

Лиат досадливо шлепнула Мадж по запястью. Та отдернула бледные руки, лопоча что-то на своем текучем наречии. Лиат пе-ренесла вес на левую ногу. Портной рядом с ней промолчал, хотя почти улыбался, когда подносил шнур с узелками к голому бедру островитянки.

— Скажите ей, что если она не перестанет елозить, мы будем снимать мерки до вечера, — обратилась Лиат к переводчи-ку. — Можно подумать, здесь голых ног не видели.

Круглицый слуга заговорил с девушкой на ее языке, не всту-вая с табуретки у двери. Мадж оглянулась на остальных, покры-ваясь румянцем. Было видно, как кровь прилила к ее щекам. Портной приложил шнур к внутренней стороне бедра, скользнув рукой выше колена. Мадж взвизгнула и снова затараторила по-своему, уже громче. Лиат едва скрыла раздражение.

— Что она говорит? — окликнула она круглицыего.

— У них на родине не принято так вольно касаться друг друга, — ответил Ошай. — Это ее смущает.

— Передай, что осталось недолго. Портной не сможет заняться шитьем, пока не закончит.

После долгих тревожных ночей подготовки Лиат думала, что слушание у хая и переговоры с поэтом будут худшей частью ее задания. Что уход за подопечной, вплоть до посещения портного, может оказаться настолько сложным делом, ей и в голову не приходило. Однако вот уже несколько дней для общения с ней приходилось теребить переводчика, Ошая, даже по самым незначительным поводам. К счастью, тот достаточно разбирался в своем деле, чтобы отвечать на большую их часть без подсказки.

Портной закончил снимать мерки и замер в позе благодарности. Лиат ответила подобающее. Островитянка зачарованно смотрела на них, ни слова не говоря.

— Куда прикажете дальше, Лиат-тя? — спросил Ошай.

— Придворный лекарь осмотрит ее завтра. Я собираюсь поговорить с представителем счетной палаты, но ей при этом быть не нужно. Может быть, послезавтра потребуется твоя помощь, но я уточню это только после утверждения расписания.

— Благодарствую, Лиат-тя, — сказал он и поклонился. Что-то в постановке рук и улыбке ее насторожило. Возникло чувство, словно он в душе потешается над ней. Что ж, пусть его. Когда Амат вернется, она, ее ученица, не преминет сказать о нем все, что думает. И если Амат почует издевательство, больше ему не работать на Дом Вилсинов.

Лиат пробиралась по узким улочкам портновского квартала. Пекло и парило невыносимо. Не пройдя и полпути до бараков, она взмокла так, что платье прилипло к спине. Ее одолевало искушение сбросить одежду и забраться под самодельный душ, которым пользовались Итани и его товарищи. Когда она пришла туда, никого рядом не было. Но если бы кто увидел ее, временную распорядительницу Дома Вилсинов, это могло навредить ее положению. Поэтому Лиат скрепя сердце поднялась по каменной лестнице, стертой до гладкости поколениями рабочих, и пошла по широкому коридору с грубыми койками и дешевыми хол-

щовыми пологами вместо сетки. Пространство наполняли мужской смех, голоса и запах пота. Тем не менее Итани жил здесь. Он сам это выбрал. Не человек, а загадка.

Когда Лиат его разыскала, он сидел на койке, все еще мокрый после душа. Лиат замедлила шаг, чтобы понаблюдать за ним, и вдруг ей стало не по себе. На лбу у него пролегли морщины, как от сильного сосредоточения, но руки лежали свободно, плечи ссутулились. Будь он кем-то другим, она бы подумала, что его гложет тревога. За все время их близости — почти десять месяцев — Лиат никогда не видела его таким печальным.

— Что случилось, любимый? — тихо спросила она.

Вся его озабоченность сгинула, как не бывало. Итани улыбнулся, встал, обнял ее. От него приятно пахло чистотой, молодостью и каким-то неуловимым ароматом, присущим ему одному.

— Тебя что-то гнетет, — сказала Лиат.

— Да нет, у меня все отлично. Просто Мухатия-тя снова придирается. Но это мелочи. У тебя есть время сходить с нами в баню?

— Да, — сказала она.

Лиат хотела отказаться, но передумала. Бумаги для Вилсина-тя подождут.

— Здорово, — заметил Итани с одобряющей улыбкой. И все-таки что-то в нем было не так. Не то сдержанность в жестах, не то рассеянность во взгляде. — Как твоя работа, про-двигается?

— Более-менее. Переговоры идут своим чередом. Правда, беременная выводит меня из себя. Я начинаю срываться. Знаю, что нельзя, но ничего не могу поделать.

— А она тебя прощает?

— Честно говоря, я еще не просила у нее извинений. Каждый раз собираюсь, пока ее не вижу. А как только оказываюсь рядом, все желание пропадает.

— Ну-у, ты могла бы начать утро с извинения. Выложить первым делом, а после перейти к остальному.

— Итани, может, я и тебя ненароком обидела? Хочешь, извинюсь?

Он улыбнулся, как всегда, обезоруживающей улыбкой, но почему-то в глубине глаз она не отразилась.

— Нет, — ответил Итани. — Совсем незачем.

— Потому, что внешне мы как будто помирились, а на самом деле... ты какой-то не такой с тех пор, как я ходила на слушание.

Она высвободилась из объятий и села на его койку. Итани помялся и тоже сел рядом. Ткань полога затрещала под их весом. Лиат приняла извинительную позу, но смягчила ее до робкого вопроса и предложения выслушать.

— Все не так, — ответил Итани. — Я вовсе не злюсь. Это трудно объяснить.

— Так попробуй. Может быть, я знаю тебя лучше, чем ты думаешь.

Он усмехнулся — тихим, горьким смешком, — но не стал возражать. Лиат помрачнела.

— Возвращаемся к старому разговору? — тихо спросила она. — Меня наконец-то начали повышать. Я веду переговоры с хаем, с поэтами. А твой договор вот-вот потеряет силу. По-моему, ты боишься, что я тебя перерасту. Что положение распорядителя, даже низшего ранга, куда достойнее положения грузчика.

Итани замолк. В его чертах появилась задумчивость, и впервые за многие дни он посмотрел на нее пристально. На губах возникла и тут же исчезла кривая усмешка.

— Я права?

— Нет, — ответил Итани. — Но мне все равно любопытно: ты это себе представляла? Что я буду тебя недостоин?

— Нет, не это, — сказала она. — Но я и не считаю, что ты кончишь жизнь простым грузчиком. Странный ты человек. Сильный, умный, обаятельный. И, мне кажется, знаешь куда больше, чем рассказываешь. Только мне непонятны твои предпочтения. Ты мог бы столького достичь, если бы захотел. Неужели тебе ничего не нужно?

Он не ответил. Улыбка исчезла, во взгляде появилась та же обреченность. Лиат погладила его по щеке, чувствуя пальцами подросшую щетину.

— Хочешь, пойдем в бани? — спросила она.

— Да, — ответил он. — Надо идти. Остальные скоро пойдут.

— Уверен, что не хочешь ничем со мной поделиться?

Он открыл рот, и она почти увидела, как на его губах завяла очередная шутливая отговорка. Его широкие ладони сжали ее за руки.

— Не сейчас, — ответил Итани.

— Но как-нибудь однажды, — сказала она.

На его продолговатом лице промелькнуло что-то вроде испуга, но он все-таки улыбнулся.

— Хорошо.

За вечер Итани понемногу развеялся. Они посмеялись с друзьями, вместе выпили, попели песни. Потом одной ватагой отправились из бани к чайным, а оттуда — к опустевшим пляжам у конца набережной. Широкие полосы ила отмечали высохшее устье реки, протекавшей там много поколений назад. Когда пришла пора прощаться, Итани проводил Лиат к Дому Вилсина. Всю дорогу его рука приятным весом лежала у нее на плечах. Когда они ступили во двор с фонтаном и Гальским Древом, грянул хор сверчков.

— Ты можешь остаться, — тихо сказала Лиат.

Итани повернулся, притянул ее к себе. Она заглянула ему в глаза и прочитала ответ.

— Значит, в другой раз? — спросила она, стыдясь мольбы в собственном голосе.

Он наклонился и уверенно поцеловал ее. Она обхватила его голову, словно чашу, из которой пила. Ей отчаянно хотелось удержать его, быть рядом, заснуть в его объятиях. Однако Итани попятился, мягко высвобождаясь из ее рук. Лиат сложила руки в прощальном, с нотой сожаления, жесте. Итани ответил такой замысловато-нежной позой — благодарности, просьбы о терпении, преданности, — что вышло сродни поэзии. Затем он отступил назад, все еще глядя на нее, и растворился в тени, куда не проникала луна. Лиат вздохнула, встремхнулась и побрела к себе. Предстоял долгий день. До церемонии оставалась всего неделя.

Лиат заметила, что не одна, только добравшись до двери комнаты. Беременная Мадж поджидала ее в коридоре. На ней была широкая сорочка, едва прикрывавшая грудь, и обрезанные до колена штаны, какие носят рабочие. Тугой живот выглядывал наружу и лоснился в лунном свете.

К удивлению Лиат, островитянка приняла позу приветствия. Вышло неловко, по-детски, но узнаваемо.

— Здравствуй, — произнесла Мадж. Из-за акцента слово едва удалось разобрать.

Лиат тут же ответила сообразной позой, чувствуя, как расплывается в улыбке. Мадж чуть не светилась от радости.

— Ты учишь наш язык! — обрадовалась Лиат. Мадж задумалась, потом пожала плечами — это было понятно и без слов.

— Здравствуй, — произнесла она снова, повторяя усвоенную позу. Ее лицо говорило: больше ничего не знаю. Лиат кивнула и с улыбкой взяла девушку за руку. Мадж переплелась с ней пальцами, и они, словно две девочки-подружки, направились в гостевые покон, куда Мадж поселили до окончания сделки.

— Хороший задел, — произнесла Лиат по дороге. Она знала, что островитянке ее слова ничего не скажут, но все равно решила их озвучить. — Продолжай в том же духе, и мы еще сделаем из тебя светскую даму. Дай только срок.

Два дня спустя, закончив работу и отправив друзей развлекаться, Ота вышел из барака и задумался. Городские улицы с закатом оживились, запестрели. Тёплый оранжевый свет окутал стены и крыши, первые звезды зажглись в кобальтово-синем небе. Ота стоял посреди улицы, наблюдая вечерние перемены. В воздухе, как язычки пламени, заплясали светляки. Ницкие с наглывом прохожих запели по-иному. Справа раскинулся веселый квартал в вечных ярмарочных огнях. Впереди лежала набережная, хотя сейчас ее не было видно за рядами бараков других домов. А где-то слева, далеко за городской чертой, большая река несла воды с севера.

Ота медленно потер ладони, глядя, как небо алеет, а потом становится серым. Солнце скрылось, над городом засияли звезды. Где-то чуть к северу, вверх по холму, сидела у себя в комнате Лиат. Позади стоял хайский дворец.

По мере удаления на север менялись и улицы. Рабочий квартал сам по себе был некрупным, и Ота быстро оставил его позади. Бараки уступили место купеческим лавкам и лоткам вольных торговцев. За ними лежал квартал ткачей: в окнах горел свет, а на улицах допоздна слышался перестук членоков. Ота, минуя встречных, прошел Бусинную улицу и Кровяной квартал, где лекари и шарлатаны принимали болящих и раненых, торгуя своими услугами. В Сарайкете все было предназначено на продажу.

Дворы знати со стороны выглядели, как целые деревушки. Улицы возле них расширялись, стены становились выше. Огнедержцы, сохранившие для них огонь, были одеты лучше, нежели их товарищи из бедных кварталов. Ота замедлил шаг на перекрестке, ближайшем к Дому Вилсина. Пройти чуть вперед задворками, и он окажется рядом с комнатой Лиат. Пробраться туда — пара пустяков. Он постоял на углу, словно полузабытая статуя времен Империи, отсчитал десять ударов сердца, потом, скжав кулаки, отправился дальше.

Дворцы возвышались на холме отдельным, внутренним городом, обиталищем небожителей. Запахи сточных канав, пота и жаркого из чайных домиков здесь исчезали, сменяясь ароматами садов и благовоний. Дорожки из каменных становились мраморными, песчаными или гравийными, песни попрошаек перетекали в невольничьи напевы, почти не теряя мелодии. Залы собраний стояли либо пустые и темные, либо подсвеченные изнутри, словно лампады. Слуги и рабы сновали по дорожкам с тихой деловитостью муравьев, а люди утхайема, в одеждах, плачущих как закат, толпились в освещенных двориках, разыгрывая друг перед другом позы придворных политиков. «Спорят, — догадался Ота, — кому выпадет честь затравить сына Удуна».

Притворившись гонцом, он спросил у одного из слуг дорогу и вскоре оставил дворцы позади. Путь пролегал в темноте, тропа петляла между деревьями. Позади еще виднелись утхайемские чертоги, но уединенное жилище поэта было в стороне. Ота прошел по деревянному мосту через пруд, и перед ним открылся простой, со вкусом выстроенный дом. На верхнем этаже горел свет. Фасадная сторона нижнего была настежь открыта, словно сцена, посреди которой на стуле, обитом бархатом, сидел юноша. Маати Ваупатай.

— Ну и ну, — тихо произнес кто-то. — Не каждый день к нам заходят громилы с пристани. Чай попить, или по какому другому делу?

Андат Бессемянный сидел на траве. Ота немедленно изобразил позу извинения.

— Я пришел повидать Маати-тя, — произнес он с запинкой. — Мы... он и я...

— Эй! Кто тут еще? — выкрикнул другой голос. — Назовись!

Бессемянный искоса оглянулся на дом. По ступенькам, грохоча, спускался тучный человек в буром одеянии поэта. За ним шел Маати.

— Я — Итани из Дома Вилсинов, — ответил Ота. — Зашел проводать Маати-тя.

Поэт, приближаясь, сбавил шаг. На его лице выразилась смесь тревоги, неодобрения и какой-то странной радости.

— Ты явился... к нему? — переспросил Хешай, кивая за спину. Ота ответил утвердительной позой.

— Мы с Итани познакомились на высочайшем слушании, — сказал Маати. — Он обещал показать мне набережную.

— Правда? — спросил Хешай-кво, и его неудовольствие как будто уступило радости. — Что ж... Как, говоришь, тебя? Итани? Ты хоть понимаешь, с кем идешь гулять? Он ведь у нас птица важная, даром что молодой. Так что побереги его.

— Конечно, Хешай-тя, — ответил Ота. — Поберегу.

Поэт смягчился, полез в рукав платья, пошарил там и протянул что-то Оте. Тот в нерешительности шагнул вперед и подставил ладонь.

— Я тоже когда-то был молодым, — произнес Хешай-кво и подмигнул. — Так что очень уж с ним не цацкайся. Немного приключений ему не помешает!

Ота почувствовал, как в руку легли две небольших полоски, и согнулся в благодарном поклоне.

— Кто бы мог подумать, — задумчиво вымолвил Бессемянный. — Наш чудо-ученик начал интересоваться жизнью.

— Прошу, Итани-тя, — Маати подошел и взял Оту за руки. — Ты и так слишком любезен. Нам пора. Твои друзья заждались.

— Да-да, — ответил Ота. — Идем.

Он принял позу прощания, на которую тут же ответили: поэт — рьяно, андат — медленно и задумчиво. Маати первым отправился через мост.

— Ты меня ждал? — спросил Ота, отойдя на достаточное расстояние. Поэт и его раб все еще наблюдали за ними, но слышать уже не могли.

— Надеялся, — честно ответил Маати.

— Твой учитель как будто тоже был рад меня видеть.

— Ему не нравится, что я целыми днями торчу дома. Он думает, мне нужно больше бывать в городе. Сам он терпеть не может домоседство и не понимает, что я в нем нахожу.

— Ясно.

— На самом деле не все так просто, — добавил Маати. — А как вы, Ота-кво? Столько дней прошло. Я уж думал, мы больше не встретимся.

— Пришлось, — ответил Ота, дивясь собственной прямоте. — Мне больше не с кем поговорить. Боги! Он дал мне три полосы серебра!

— Это плохо?

— Это значит, мне надо оставить работу на пристани и вместо этого водить тебя по чайным. Платят больше!

Он изменился, это ясно. Голос почти тот же, хотя лицо подвзрослевшего, возмужало. В нем все еще узнавался тот мальчишка в черных одеждах из воспоминаний. Впрочем, кое-что было ново. Не то чтобы он стал менее уверен в себе — это сохранилось в манерах и речи, — но как будто не так уверен в своем будущем. Это чувствовалось по тому, как он держал чашу, как пил. Что-то тревожило давнего учителя, хотя Маати никак не мог угадать причину этой тревоги.

— Грузчик, — повторил он. — То-то дай-кво удивился бы...

— Да и не он один, — сказал Ота, улыбаясь в чашу с вином.

Уединенный дворик чайной располагался на террасе, откуда была видна вся улица и южная оконечность города. Лимонные свечи — защита от кровососов — распространяли в воздухе ароматный дымок, от которого у вина появлялся странный привкус. На улице ватага молодых людей устроила песни с танцами, а три девицы со смехом наблюдали представление. Ота сделал долгий глоток.

— Ты, я вижу, тоже был удивлен?

— Да, — признался Маати. — Когда вы ушли, я думал... все думали...

— О чём?

Маати набрал воздуха в грудь, сморщил лоб в попытке выразить домыслы и легенды, которые сам никогда не рассказывал. Ота-кво повлиял на его жизнь даже больше дая-кво и уж точно больше отца. Он представлял, как Ота основывает новый орден — мрачное, даже зловещее тайное общество, которое вступает в противостояние с даем-кво и его школой. Или пускается в морское путешествие, а может, попадает в гущу войны где-нибудь на Западе. Маати никогда бы в этом не признался, но был разочарован тем, в кого превратился его первый наставник — в простого обывателя.

— Я предполагал нечто иное, — ответил он, принимая неопределенную позу.

— Да и это было непросто. В первые месяцы я думал, помру с голода. Да, нас учили охоте и собирательству, но толку от этого оказалось немного. Когда я получил миску похлебки и пол-ломтя черствого хлеба за чистку курятника, то решил, что в жизни не ел ничего вкуснее.

Маати засмеялся. Ота улыбнулся и пожал плечами.

— А ты? — сменил он тему. — Селение дая-кво не обмануло твоих ожиданий?

— Пожалуй. Правда, там приходилось больше учиться, но это было нетрудно. Потому, что я видел смысл. Не просто сложности ради сложностей. Мы изучали старинные языки и наречия Империи. Истории андатов и тех, кто их воплотил, узы, которыми их связали. Как они освобождались. Я раньше не знал, насколько трудно поработить андата во второй раз. То есть все наслушаны о том, как некоторых пленяли и в третий, и в четвертый раз, но я не...

Ота рассмеялся — тепло, весело, но не насмешливо. Маати принял вопросительную позу. Ота жестом попросил извинения, едва не расплескав вино.

— Просто звучит так, будто тебе это нравилось, — сказал он.

— Так и было, — ответил Маати. — Меня это очень уважало. Да и давалось неплохо. По крайней мере, учителя так считали. Хотя Хешай-кво меня немного озадачил.

— Как я?

— Нет, не так. И все же, Ота-кво, почему вы не пошли с даем-кво? Почему отказались?

— Потому, что они неправы, — ответил Ота. — И я не хотел в этом участвовать.

Маати нахмурился в пиалу. Темная глянцевая поверхность отразила его лицо.

— А если бы он предложил снова, вы поступили бы так же? — спросил Маати.

— Да.

— Даже если бы пришлось жить грузчиком?

Ота глубоко вздохнул, обернулся и сел на перила, вперив в Маати темный, тревожный взгляд. Его руки замерли на полулезе, которая, будь она закончена, могла бы означать обвинение, требование объясниться или вопрос.

— Неужели моя работа — преступление? — спросил Ота. — Сначала Лиат, теперь ты. Все об одном и том же. Я начал брошенным ребенком — ни семьи, ни друзей. Даже не смел называться своим именем. И посмотри, чего я достиг: у меня есть работа, друзья, любимая. Есть пища и кров. По ночам я могу слушать поэтов, философов или певцов, могу сходить в бани или чайную, выйти в море на паруснике. Неужели моя жизнь так плоха? Так ничтожна?

Маати удивился тому, с какой мукой это было сказано, если не с отчаянием. Ему показалось, что слова Оты предназначаются ему лишь наполовину.

— Конечно, нет, — подумав, сказал Маати. — Не все ценное обязано быть великим. Если вы послушались зова сердца, какая разница, кто что скажет?

— Может, и никакой, а может, огромная.

— Если вы уверены в себе, вряд ли, — ответил Маати.

— А есть такие, кто уверен в своем выборе? Ты, например, уверен?

— Нет, — признался Маати. Озвучить глубочайшее из сомнений вышло легче, чем он ожидал. Он ни разу не поделился им ни с кем в школе, даже с даем-кво. А уж Хешаю не скажет даже под страхом смерти. Ота — другое дело. — Но сделанного не воротишь. Я уже принял все свои решения. Осталось только проверить, хватит ли у меня твердости им следовать.

— Хватит, — успокоил его Ота.

— Сомневаюсь.

Молчание тянулось, как воск. Под террасой на улице взвизгнула и засмеялась женщина. Вдалеке в ответ залаяла собака. Маати поставил опустевшую — только осадок остался на дне — пиалу и прихлопнул комара. Ота рассеянно кивнул — скорее себе, чем Маати.

— Ну что ж, значит, ничего не поделаешь.

— Уже поздно, а мы оба пьяны, — произнес Маати. — Утром все покажется лучше. Вот увидите.

Ота взвесил сказанное, после чего принял позу согласия.

— Я рад, что нашел вас, — сказал Маати. — Наверное, так и должно было случиться.

— Может быть, — согласился Ота-кво.

— Вилсин-тя!

Эпани проговорил шепотом, но так настойчиво, что Марчат услышал его сквозь сон. Не успев как следует проснуться, он перекатился на бок и даже отбросил в сторону полог.

У постели стоял домоправитель, одной рукой запахивая халат. Лицо, озаренное свечой, было невесело.

— А? — буркнул Марчат, еще пытаясь вынырнуть из сонных глубин. — Что стряслось? Где пожар?

— Пожара нет, — ответил Эпани, пытаясь изобразить извинение свободной рукой. — Тут к вам пришли. Он ждет в комнате для особых встреч.

— Он? Кто «он»?

Эпани замялся.

— Оно...

До Марчата дошло, кого имеет в виду слуга, лишь через цепкий вздох. Потом он кивнул и дал знак принести платье, висящее у шкафа. Ночная свеча давно прогорела за половину — ночь близилась к рассвету, сумерки остались далеко позади. В доме не было слышно ни звука, кроме шороха одеял. Марчат подпоясался, причесал пятерней волосы и бороду, а затем повернулся к Эпани.

— Годится?

Тот принял позу одобрения.

— Вот и отлично, — сказал Марчат. — Принеси нам чего-нибудь выпить. Вина. Или чая.

— Думаете, стоит, Вилсин-тя?

Марчат умолк и задумался. С каждым мигом множились шансы кого-нибудь разбудить — кого-то помимо Эпани или Ошая. Во мраке его беспокойства сверкнула гневная искра: как только андат посмел вот так заявиться к нему, среди ночи? Вилсин отмахнулся.

— Обойдемся без напитков. Ступай спать. Забудь о том, что случилось. Тебе все снилось.

Эпани ушел. Марчат взял огарок ночной свечи и почти ощущью пошел в комнату для особых встреч. Из соображений скрытности она находилась рядом с его покоями. Окон в ней не было, единственная дверь открывалась в отдельную прихожую, так что находящийся внутри всегда слышал чье-либо приближение. Вилсин застал андата сидящим на столе гигантской птицей. Полы его одеяния растеклись вокруг, словно клякса.

— Что это ты удумал, Вилсин?

— Досмотреть сон, — отозвался Марчат, пряча страх под маской ярости. Черные глаза на бледном лице впились в гальта. Бессемянный склонил голову набок. В тишине только и слышалось, что дыхание Марчата. Из них двоих дышал он один.

— Может, скажешь, в чем дело? — произнес он. — И ноги прочь с моего стола. Тут тебе не чайная.

— С какой стати твой парень обхаживает моего? — процедил андат, пропуская замечание мимо ушей.

Марчат поставил перед собой свечу, выдвинул стул и сел.

— Понятия не имею, о чём ты говоришь! — Он скрестил руки на груди. — Либо объяснись, либо иди других путей. У меня завтра трудный день.

— Так ты не посыпал своего человека развлекать ученика Хешая?

— Нет.

— Тогда почему он пришёл?

Марчат прочёл в лице андата недоверие. Возможно, ему просто померещилось. Тем не менее гальт выдвинул челюсть и подался вперед. Существо в человечьем обличье не шевельнулось.

— Понятия не имею, — отчеканил Марчат. — Хочешь — верь, хочешь — не верь. Мне начать.

Бессемянный покосился куда-то вбок, словно прислушиваясь, потом выпрямил спину. Ярость в его голосе и лице растаяла, сменилась недоумением.

— Один твой грузчик сегодня заходил к Маати. Сказал, что они познакомились во дворце и договорились вместе погулять.

— Что ж, — отозвался Марчат. — Значит, они познакомились во дворце и договорились вместе погулять.

— Поэт и грузчик? — фыркнул Бессемянный. — Может, и высокородные утхайемки по иочам мечут кости в веселом квартале? Хешай, конечно, был рад. Не нравится мне все это, Вилсин.

Марчат призадумался, пожевывая губу. В самом деле, выходило странно. Учитывая близость предстоящей церемонии, рисковать нельзя. Слишком многое на кону. Он подвинул стул, скривив по каменному полу. Бессемянный свесил со стола ноги, отчего сходства с хищной птицей убавилось.

— Кто это был, кстати?

— Он назывался Итани. Ростом такой, плечистый. Лицом похож на северянина.

Тот самый, которого посыпал к нему Амат. Дело плохо. Бессемянный, видимо, что-то прочёл в его глазах и принял позу — смесь вопроса и приказа.

— Я понял, о ком идет речь. Ты прав. Здесь что-то нечисто. Он был моим телохранителем в тот день, когда я ходил в предметы. А еще он спит с Лиат Чокави.

Бессемянный мгновение-другое переваривал сказанное. Марчат наблюдал за его черными глазами, видел, как совершенные губы дрогнули в неуловимейшей из улыбок.

— Он не мог ее предупредить? — спросил андат. — Как думаешь, она догадывается?

— Нет. Будь у нее хоть малейшее сомнение, это было бы видно без фонаря. Врать она не умеет, что при наших задачах чрезвычайно ценно.

— Если он ничего ей не рассказал, может, ему нет дела до нашего маленького заговора? Кстати, о твоей исчезнувшей распорядительнице ничего не слышно?

— Нет, — ответил Марчат. — Головорезы Ошая предла- гали хорошую награду, но ее и след простили. Никто не видел, чтобы она покинула город. Даже если Амат и залегла на дно где-то здесь, едва ли она попытается предотвратить... церемонию.

— Одно то, что Ошай не сумел ее разыскать — знак тре- вожный. А тут этот мальчишка, Итани. Либо он работает на нее, либо нет. А если работает...

Марчат вздохнул. Сколько раз он зарекался: все, вот после- днее преступление, на которое его вынуждают — так нет, одно тянуло за собой другое, и не было этому ни конца, ни края. Лиат Чокави — глупую, недалекую, милую девочку — ждет позор, а теперь некому будет ее утешить.

— Я распоряжусь насчет него, — сказал Марчат. — Утром поговорю с Ошаем, пусть разберется.

— Не надо, — произнес андат. Он откинулся назад, положив ногу на ногу и обняв колено. Руки у него были почти женс- кие — изящные, тонкопальые. — Незачем. Если его послали рас- сказать правду, мы уже опоздали и Маати все знает. Если нет, убив его, мы только привлечем к себе внимание.

— Молодого поэта тоже можно убрать, — заметил Марчат.

— Не надо, — повторил Бессемянный. — Нет. Грузчика можно убить, если будет нужда, но Маати трогать не смей.

— Почему?

— Он мне нравится, — ответил андат, слегка удивленно, словно сам только это понял. — Он... он добрый малый. Един-

ственний за многие годы, кто не увидел во мне полезное орудие или средоточие зла.

Вилсин моргнул. На миг ему показалось, что андатом овла-дело что-то вроде печали. Печали, и, может быть, тоски. Долги-ми лунами, пока Марчат готовил их гнусный план, он выстраивал себе образ зверя, с которым вступил в сговор, и это проявление чувств выпадало из общей картины. Через миг, впрочем, андат стал самим собой и усмехнулся.

— Вот ты, например, считаешь меня воплощенным хаосом, — произнес Бессемянный, — который готов вырвать желанное дитя из материнской утробы лишь затем, чтобы Хешай помучился.

— Какая разница, что я думаю?

— Никакой. Но ты все равно так думаешь. А раз так, вспомни заодно, что первыми ко мне подошли твои люди. Может, я все и придумал, но с твоей подачи и на твои деньги.

— Не мои, а дядины, — огрызнулся Марчат. — Меня не спросили.

Лицо андата просияло жутким восторгом, совершенная улыбка стала шире.

— Марионетки. Мы сами и те, кто нами движет. Тебе бы впору жалеть меня, Вилсин-тя — ведь я тоже стал таким не по своей воле. Разве нас можно призывать к ответу — что тебя, что меня?

На задворках сознания Марчата шевельнулась тягостная мысль: а если бы я тогда отказался? Он отмел ее.

— Между нами нет ничего общего, — ответил гальт. — Но теперь это неважно. В любом случае мы теперь крепко повязаны. Что будем делать с Итани?

— Приставь к нему слежку, — сказал андат. — Он, может, и никто, но в нашей игре случайности не нужны. Узнай, что он задумал, а потом, если придется, мы его уничтожим.

— **Y** нас был уговор... — начала Амат.

Ови Нийт с размаху отвесил ей пощечину. Амат медленно выпрямилась. Во рту стало солено, щеку жгло в предвесье боли, а горячая струйка, стекая по подбородку, сообщила той доле ее разума, которая не успела съежиться от страха, что кольцо Нийта разбило губу.

— «Уговор»! — выплюнул он. — Здесь я заключаю уговоры! Захотел — дал слово, захотел — обратно взял. И никаких взаимностей.

Он прошагал в дальний конец комнаты. Закатное солнце давило лучами в закрытые ставни, очерчивая только края. Тем не менее света хватало, чтобы увидеть глаза Ови Нийта — выпущенные до предела, мутные. Он шевелил губами, точно порывался что-то сказать.

— Ты тянешь время! — вдруг взревел он, грохнув ладонью по столу.

Амат сжала кулаки, сдерживаясь изо всех сил. Что она ни скажет сейчас, обратится против нее.

— Думаешь, у меня целее будешь? Думаешь, что выкрутишься, пока кто-то ворует мои деньги? Ты просчиталась!

С последним словом он яростно лягнул стену. В месте удара треснула штукатурка. Амат пригляделась — на стене осталась вмятина размером с яйцо, с тонкими трещинками-лучами — и поняла, что с Нийтом шутки плохи. Когда-нибудь он не сдержится и убьет ее. Не нарочно, так сгоряча.

Накатила тошнота. Странно, подумала Амат, что какой-то удар по стене так ее надломил, а издевательства над людьми не смогли.

— Я жду ответа к утру, слышишь?! — орал он. — К утру! И если ты его не дашь, я отрежу тебе пальцы и продам Ошаю за пять полос золота. Ему, помнится, не было дела до твоего здоровья.

Амат согнулась в такой подобострастной позе, что самой стало гадко, хотя это вышло естественно, без принуждения. Ови Нийт схватил ее волосы в горсть и сдернул со стула, да так, что перья и бумаги полетели на пол. Потом пинком ноги перевернул стол и вышел, хлопнув дверью. Амат мельком заметила потрясенные лица обитателей борделя.

Она лежала ничком в темноте. Плакать не было сил, да и боль не давала покоя. Под щекой чувствовался грубый каменный пол. Засохшая кровь стягивала кожу. Наверняка останется шрам. Когда Амат пришла в себя, в комнате уже было темно, хоть глаз выколи. Она собралась с мыслями. Последние дни проносились, как во сне, от пробуждения до мига, когда цифры начинали плыть перед глазами, а пальцы переставали гнуться. Потом все это же ей снилось, она просыпалась, чтобы снова считать, считать... Безо всякого смысла, без малейшей надежды. Ови Нийт как был, так и остался грязным подонком, чей страх и злоба росли с каждой выпитой чаркой. Его можно было бы пожалеть — издали.

Дни. Счет уже шел на дни.

Амат силилась вспомнить, сколько прошло времени. Три недели, не меньше. Возможно, больше. Наверняка больше. Четыре, но не пять. Слишком рано проверять, пощадит ли ее Марчат. Амат, к собственному удивлению, усмехнулась. Если она ошиблась в расчетах, в худшем случае ее найдут в реке лицом вниз, а Ови Нийт останется без пяти полос золота. Ха!

Она приподнялась и села, потом встала, пережидая боль, пока не смогла кое-как выпрямить спину. Отдышавшись, она взяла трость и надела привычную маску для сокрытия истинных чувств. В конце концов она — Амат Кян, распорядительница Дома Вилсинов. Сарайкетская девчонка, пробившая себе путь наверх.

Надо доказать окружающим, что ее не сломили. Если поверят здешние проститутки, может, вернется вера и к ней самой.

В общей комнате было малолюдно: женщины разошлись по номерам, отрабатывать хлеб. Охранник грыз жареную куриную ногу, пахнущую чесноком и розмарином. В углу свернулась клачом старая черная псина, зажав лапами полуизжеванную кожаную дубинку в форме мужского уда.

— Он вышел, — буркнул охранник. — В парадную половину, постучать фишками.

Амат кивнула.

— Я бы туда не ходил, бабушка.

— Что ж, не буду ему мешать. Пришли ко мне Митат. Мне нужна помощница, чтобы привести кабинет в порядок. Как придет Нинит — вечно погром, словно после урагана.

Охранник изобразил позу согласия с оттенком усмешки. С улицы вдруг донесся барабанный бой. Нескончаемый карнавал веселого квартала захватил еще одну ночь.

— Скажу, чтоб принесла какого-нибудь снадобья, смазать рану, — сказал охранник.

— Спасибо, — вежливо и бесстрастно отозвалась Амат. Пусть верят, что она таковой и осталась. — Очень любезно с твоей стороны.

Митат появилась в дверях пол-ладони спустя. Широкое бледное лицо, усеянное веснушками, было твердо. Амат улыбнулась ей и изобразила приветствие.

— Бабушка, говорят, он к тебе приходил.

— Все верно. Будь добра, открой ставни. Когда я пришла сюда, могла обходиться сама, а сейчас что-то ослабла.

Митат исполнила ее просьбу, и на письменный стол упал бледный луч лунного света, смешиваясь с сиянием фонаря. Бумаги, как оказалось, почти не пострадали. Амат поманила рыжую к себе.

— Вам нужно уходить, бабушка! Нинит-тя рвет и мечет.

— Еще бы, — отозвалась Амат. — Со страху-то. И с перепою. Мне нужна твоя помощь. Сегодня. Сейчас.

Митат ответила позой согласия. Амат улыбнулась и взяла ее за руку. У нее за спиной виднелась выбоина в стене — малень-

кий шрам от удара Нинита. Поймет ли когда-нибудь сутенер, во что ему встала эта отметина? Уж Амат добьется, чтобы он заплатил сполна.

— Кто здесь для него наиболее ценен? Есть люди, которым он доверяет больше других?

— Охрана, — начала Митат, но Амат ее перебила.

— Кому он верит, как брату?

Митат прищурилась. «Почуяла, куда дует ветер», — поняла Амат и улыбнулась.

— Черному Ратви! Он отвечает за дом, когда Нинит-тя в отлучке.

— Знаешь, какой у него почерк?

— Нет. Но я слышала, позапрошлой ночью он брал из храмилища две полоски золота и семьдесят — серебра. Сам говорил.

Амат пошелестела страницами самой свежей учетной книги и нашла указанную сумму. Буква в расписке стояли сикось-накось, окончания слов то и дело терялись. Этот почерк она видела много раз. Черный Ратви вел счета как попало. С его записями она уже немало помучила. «Что ж, поделом ему, — злорадно подумала Амат, — за разгильдяйство».

— Мне понадобится накидка с капюшоном, за две ладони до восхода, — сказала она вслух.

— Бежать нужно как можно скорее, — настаивала Митат. — Сейчас Нинит-тя занят, а после...

— Я еще не закончила. За две ладони до рассвета буду готова. Тебе и твоему другу придется залечь на дно, когда Ови разделяется с Черным Ратви. По крайней мере, на пару недель. Если он увидит, что дела пошли на лад, то решит, что был прав. Понятно?

Митат ответила утвердительно, но поза вышла неуверенной. Амат не стала отвечать по этикету, просто приподняла бровь и стала ждать. Митат отвела глаза, потом подняла снова. В ее взгляде читались и надежда, и сомнение — точно она всей душой хотела поверить, но боялась.

— А вы сумеете? — спросила Митат.

— Подгадать, чтобы цифры указывали на Черного Ратви? Конечно. Это же моя работа. А ты сможешь достать мне накидку и провести хотя бы до улицы?

— Если вы натравите эту парочку друг на друга, я сделаю что угодно! — ответила Митат.

Времени ушло меньше, чем Амат предполагала. Когда она поняла, что нужно, манипулировать цифрами оказалось несложно. Она даже изменила несколько исходных записей, вымазав кое-где цифры и вписав на их место свои. Хороший счетовод обнаружил бы неладное, но, будь у Нинита хорошие счетоводы, она бы здесь не сидела.

Оставшееся время Амат посвятила составлению прощальной записи. Стиль она выбрала официальный, с использованием всех регалий и почтительных титулов, какие полагались бы весьма солидному купцу или утхайемцу низшего ранга. В записке Амат выражала Ови Ниниту и его подчиненным благодарность за предоставление убежища и сохранение тайны, а также сожаление по поводу своего поспешного и тайного ухода. Амат не преминула добавить (усмехаясь про себя), сколь высоко ценит деловую хватку своего покровителя, который непременно продал бы ее после того, как попользовался. В следующих строках она рассказала, что ей удалось узнать из бумаг, обвиняя Черного Ратви так, будто не знала ни его имени, ни роли в делах заведения.

Амат сложила записку дважды, загнула уголки, как полагалось при личной переписке, надписала «для Ови Нинита» и поставила на виду, поверх кипы бумаг и конторских книг. Потом немного посидела в ожидании Митат, прислушиваясь к музике улиц и неразборчивым голосам из-за стены. Ночная свеча таяла риска за риской, и Амат уже начала гадать, не случилось ли чего непредвиденного.

Не случилось.

Заслугами ли Митат или нет, уйти из дома оказалось проще простого: надо было всего лишь надеть темно-зеленую накидку,

взять трость и выйти через черный ход, а оттуда — по каменной дорожке к воротам, что выходили на улицу.

На востоке небо уже начало сереть, звезды близ горизонта меркли. Почти полная луна закатилась. Веселая ночь подошла к концу, и только горстка запоздавших гуляк еще разбредалась по домам. Амат, несмотря на ломоту в суставах, бодро шагала по улице с ними наравне.

У перекрестка она задержалась, чтобы купить ветчины с зеленью, завернутой в миндальные листья, и чашку чая. Пока Амат ела, над горизонтом всплыло солнце, точно божество из темноты. Чувствовала она себя на диво спокойно, даже умиротворению. Затворничество подходило к концу. Еще день-другой, и то, что задумал Марчат, исполнится. Несмотря на адские испытания, ей хватило сил все вынести и уйти красиво.

Амат верила в эту сказку до тех пор, пока девушка за привалком не предложила ей еще чаю. Распорядительница чуть не расплакалась от мизерного проявления доброты. Все-таки заточение не прошло для нее даром, сколько бы она ни убеждала себя в обратном.

Когда она пришла домой, уже вовсю рассвело. В обычный день, если ей правильно помнилось, она уже спешила бы на работу. По своему городу, по своим делам. Амат отперла дверь, проскользнула внутрь и заперлась изнутри на засов. Опасно было явиться сюда, не зная, как продвигается гнусное дело Марчата, но нужда заставила. Сейчас ей нужны были деньги и бальзам для суставов. И свежее платье. И сон. Боги, как ей хотелось выпспаться... Но это могло подождать.

Амат наспех собрала вещи и с трудом спустилась по лестнице. Серебра в рукаве было достаточно, чтобы снять небольшой домик на месяц, а уж укромный угол на три дня — и подавно. Только бы...

Нет. Куда там... Стоило ей открыть дверь, как на пути выросли трое громил. С ножами. Самый дюжий подскочил к ней, зажал рот и припер к стене. Остальные мигом, как тени, просочились внутрь, и дверь снова хлопнула. Амат зажмурилась. Сердце выпрыгивало из груди. Ее мучило.

— Будешь кричать — придется тебя убить, — вкрадчиво произнес главарь. Лучше бы рявкнул. Амат кивнула, и ладонь исчезла. Ножи, однако, остались на виду.

— Я хочу поговорить с Вилсином-тя, — произнесла Амат, придя в себя.

— Значит, не зря мы за ним послали, — отозвался один из сподручных. — Можешь пока присесть.

Амат проглотила ком в горле. Потом ответила позой согласия, развернулась и заковыляла вверх по лестнице. Двое громил отправились следом, третий остался внизу. Солнце прошло путь в две сложенных ладони, когда в ее комнату поднялся Марчат.

Он как будто постарел, так ей показалось. Или не постарел, а очень устал. Волосы на лбу слиплись, платье обвисло, на рука-ве виднелось пятно от яичного желтка. Он прошелся туда-сюда по комнате, не глядя ни на Амат, ни в сторону. Она сидела за столом, сцепив руки на колене, и ждала. У окна Вилсин остановился, повернулся и махнул на головорезов.

— Прочь, — сказал он. — Ждите внизу.

Те переглянулись. «Думают, повиноваться ему или нет», — поняла Амат. Стало быть, не его люди. Не совсем его. Наверное, лунолицего Ошая. Один пожал плечами, его подельник изобразил, что услышал приказ, после чего оба затопали к двери и скрылись. Амат слушала, как их шаги затихают внизу.

Вилсин выглянул из окна, на улицу. Оттуда веяло жаром. На лбу у него выступила испарина, подмышки взмокли.

— Ты поспешила, — произнес он наконец, все еще не глядя на нее.

— Правда?

— Да. Оставалось три дня подождать.

Амат приняла позу извинения. Вышло более небрежно, чем она хотела. Молчание длилось до тех пор, пока Вилсин не посмотрел Амат в глаза. Она не сумела прочесть выражение его лица — не то гнев, не то печаль, не то усталость. Ее начальник, глава Дома Вилсинов, тяжело вздохнул.

— Амат... Боги, дела идут плохо. Хуже, чем я представлял, хотя и не ожидал хорошего.

Он подошел к ней, опустился на подушку, которую обычно занимала Лиат, и уронил голову в ладони. Амат вдруг захотелось коснуться его, утешить, но она сдержала порыв.

— Все почти закончено, — продолжил Марчат. — Я могу убедить Ошая и его людей оставить тебя в живых. Могу, но только с твоей помощью.

— Какой?

— Ты должна рассказать мне, что задумала. Все, что успела сделать или сказать, чтобы предотвратить сделку.

Амат медленно, медленно улыбалась, пока не прыснула со смеху. Потом ее плечи затряслись, и она приняла позу изумления. Нелепость вопроса встряхнула ее, как волна — пловца. Марчат смотрел озадаченно.

— Что я успела? — переспросила Амат. — Ты дурачок? Я сбежала отсюда, словно за мной гнались с топором, сиделатише воды ниже травы, молилась, чтобы ты скорей закончил свои делшки. Предотвратить сделку? Право, Марчат, ты совсем опо-лоумел.

— То есть ты ничего не сделала?

— Я прошла через ад. Меня били и запугивали. Пытались сжечь живьем. За последние недели я повидала такие клоаки, каких не видела многие годы. Впрочем, я кое-чего добилась. Еще бы — работала как проклятая. Даже ты не заставлял меня так пахать. — Слова лились и лились из нее сами, все быстрее и громче, а щеки горели. — Ты хочешь знать, сочиняла ли я в свободное время план, как сохранить честь своего дома и восстановить справедливость во всем мире? Нанимала ли лазутчиков, чтобы разыскать твою драгоценную клиентку и предупредить, что вы намереваетесь с ней сделать? Нет, жирный гальтский болван, и не пыталась! А ты этого ждал?

Амат обнаружила, что вся подалась вперед, выпятила подбородок. От злости ей на миг полегчало — она как будто обрела прежнюю власть. Потом поняла, что это мираж, но отрадное чувство осталось. Марчат смотрел утрюмо.

— А Итани? Что скажешь о нем?

— О ком?

— Об Итани. Ухажере Лиат.

Амат махнула рукой.

— При чем тут он? Я посыпала его выяснить, куда ты идешь, но это ты и сам наверняка знаешь. Мы не разговаривали тогда, а после — тем более.

— Почему же он три вечера из пяти выгуливает Хешаева ученика? — загремел Марчат. Его голос был жестким, как скла. Он ей не верил.

— Не знаю, Марчат-тя. Может, сам его спросишь?

Он мотнул головой, встал и повернулся лицом к окну. Гнев, который подогревал Амат, выпарился, и ей вдруг отчаянно захотелось, чтобы Вилсин поверил. Чтобы встал на ее сторону. Она чувствовала себя флюгером, который крутится от малейшего порыва ветерка. Если б ей дали поспать перед этим разговором, если б не побег из заведения Ови Нинита, если бы мир был хоть сколько-нибудь честен, понятен или справедлив, она могла снова стать собой — спокойной, солидной, уравновешенной. Амат со стыдом спрятала отчаяние поглубже, притворяясь, что всего лишь глотает гнев.

Марчат дошел до лестницы.

— Да, — бросила ему вслед Амат, — можешь спросить Лиат, если не хочешь гадать.

— Лиат?

— Это она рассказала мне, куда вы ходили той ночью. Итани рассказал ей, а она — мне. Если тебе кажется, что Итани настраивает поэтов против тебя, спроси Лиат.

— Она заподозрит, — сказал Марчат, но, судя по тону, жаждал возражений. Амат закрыла глаза. Так приятно закрыть глаза... Боги свидетели, ей необходимо поспать.

— Нет, — возразила Амат. — Не заподозрит. Сделай вид, будто недоволен ею. Скажи, что не подобает поощрять такого рода знакомства посреди переговоров, спроси, почему она не дождалась конца торга. В худшем случае она соврет, но тогда ты хотя бы узнаешь, что ей есть что скрывать.

Ее начальник и старый друг задумался, прокручивая в голове сказанное, выискивая все недостатки новой стратегии. Лица Амат

коснулось дыхание морского ветерка. По глазам Марчата стало видно, что он уже согласен.

— Тебе придется побывать здесь, пока все не кончится, — сказал Виасин. — Я скажу людям Ошая, чтобы принесли поесть. Что до меня, я должен довершить начатое. За себя не беспокойся.

Амат ответила позой согласия.

— Здесь мне будет лучше. ... Марчат, ради чего все это?

— Ради денег, — отозвался он. — И власти. Чего ж еще?

Как только он сошел вниз, Амат осенило. Словно штырек прыгнул в лунку и она увидела всю картину разом. Дело было не в ребенке и не в матери. Дело в поэте! А значит, и в андате тоже. Если поэт Хешай потеряет власть над своим созданием, если Бессемянный освободится, Сарайкет потеряет свое преимущество как центр хлопковой торговли и окажется наравне с островами, Западными землями и Гальтом. Даже при новом андате город едва ли удержит позиции.

Амат подошла к окну. Улицы были запружены — люди, повозки, волы, собаки... Городские крыши тянулись на восток, а к югу до самого моря было некуда ступить. Торговля. Островитянку Мадж готовились принести в жертву, чтобы покончить с процветанием Сарайкета. Только это объясняло происходящее.

— Ох, Марчат, — выдохнула Амат, — что ты наделал?

В чайной было почти пусто. Двое-трое молодых людей шумно спорили, приводя доводы без оглядки на смысл. Снаружи, в саду, мужчина постарше заснул у фонтана, и его размеренное сопение вписывалось в беседу. Лимонная свеча в последний раз зашипела и погасла, оставив после себя долгую извилистую струйку дыма. Запахло жженым фитилем. Оте захотелось зажечь новую, но он раздумал. Маати на скамье рядом с ним тяжело вздохнул.

— Здесь хоть когда-нибудь холодаet, Ота-кво? — спросил он. — Будь мы у дая-кво, уже бы стучали зубами, даже среди лета. Подумать только: полночь, а жара почти как днем.

— Все дело в море. Оно сохраняет тепло. А еще мы сильно углубились на юг. Чем дальше к северу, тем холоднее.

— К северу... А ты помнишь Мати?

И Ота стал вспоминать. Каменные стены толще человеческого роста, каменные башни, впившиеся в белое небо, каменные статуи, которые весь день накаляют в огне, чтобы ночью обогревать детские.

Он вспомнил, как его волокли на санях по забытым снегом улицам, а сестра, чье имя он забыл, приникала к нему, чтобы сохранить тепло. Вспомнил запах сосновых дров, раскаленного камня и горячего вина с пряностями.

— Нет, — ответил Ота. — Не очень.

— Я редко смотрю на звезды, — признался Маати. — Странно, правда?

— Пожалуй.

— Интересно, Хешай смотрит? Его по полдня не бывает дома. Даже вчера, когда я вернулся, не было.

— То есть сегодня?

Маати наморщил лоб.

— Наверное. Уже светало. Видел бы ты, как Бессемянный шнырял вокруг да около, точно кот. Пытался выведать, где я был, но я не сказал ему. Дудки. Хотел бы я знать, где Хешай пропадает по ночам...

— Кстати о Бессемянном — тебе пора переходить на воду, — сказал Ота. — А то все выложишь без расспросов.

Маати принял позу согласия, но за водой не пошел. Спящий храпел. Ота ненадолго закрыл глаза, прислушиваясь к ощущению. Казалось, будто его опрокидывает на спину. Он слишком устал. А еще отрабатывать целую смену.

— Не знаю, как у Хешая это выходит, — произнес Маати, явно думая о схожем. — У него целый день забот впереди. От меня, видимо, толку будет не больше, чем вчера. То есть сегодня. Что-то я путаюсь. Время легче отслеживать, когда спишь по ночам. А ты как?

— Без меня обойдется, — ответил Ота. — Мухатия-тя знает, что мой договор скоро потеряет силу, поэтому и не ждет

от меня особых стараний. С теми, кто уходит, такое часто бывает.

— А ты уходишь? — спросил Маати.

— Не знаю.

Ота перенес вес на локоть и посмотрел на юного поэта в коричневых одеждах. В лунном свете они казались черными.

— Завидую тебе, — вздохнул Маати. — Да ты и сам догадываешься, правда?

— Хочешь так же болтаться в неопределенности и не знать, на что будешь жить в следующие полгода?

— Да, — сказал Маати. — Наверное, хочу. У тебя есть друзья. Есть свой угол. Всякие возможности. И...

— И?

Даже в темноте было видно, как Маати покраснел. Отвечая, он принял позу извинения.

— У тебя есть Лиат, — сказал Маати. — Она очень красивая.

— Что верно, то верно. Но при дворе много женщины, а ты — ученик поэта. Должны быть такие, кто захочет с тобой встречаться.

— Они, может, и есть. Хотя... я их не понимаю. У меня не было знакомых девочек — ни в школе, ни после, у дая-кво. Они какие-то не такие.

— Да уж, — согласился Ота. — Это точно.

Лиат. С тех пор, как они побывали на аудиенции у хая, их совместные ночи можно было по пальцам пересчитать. С тех пор, как Маати его нашел, она была так занята приготовлением островитянки Мадж к скорбному торгу, что перестала с ним спорить, но по ее молчанию Ота чувствовал: что-то назревает.

— С Лиат все совсем не так гладко, — произнес он, сам удивляясь, что признал это. Маати с трудом выпрямился. Его озабоченность выглядела почти смешной. Мальчик изобразил вопрос. Ота принял позу непонимания происходящего, но почти тотчас опустил руки.

— Дело не в ней. Я сам... по-моему, я от нее отдаляюсь.

— Почему? — поразился Маати.

Ота недоумевал, как этот разговор вообще начался. У Маати был талант подбивать его на обсуждение тем, которые он не решался даже обдумывать. Видно, дело в том, что у него наконец появился понимающий слушатель: тот, кто знал, кем он был, кто пережил почти те же невзгоды и радости.

— Я ей не говорил. О том, кто я есть. Думаешь... скажи, ты бы смог любить кого-нибудь, не доверяя?

— Жизнь полна странностей, Ота-кво. — Маати вдруг заговорил не по годам умно и печально. — Если бы нам пришлось ждать тех, кто достоин доверия, может, и любить было бы некого.

На некоторое время оба замолкли. Потом Маати поднялся.

— Пойду возьму себе воды. И заодно поищу, где отлить своей, — бодро сказал он. Ота улыбнулся.

— Тогда нам пора.

Маати изобразил позу согласия и сожаления, потом прошел вперед на более-менее твердых ногах. Ота встал и потянулся, разгоняя кровь. На скамью, где они сидели, Ота швырнула одну полоску серебра. Этого с лихвой хватало, чтобы оплатить съеденное и выпитое — вино, хлеб, сыр. Когда Маати вернулся, они взяли курс на север, в сторону дворца. По городу разливался голубоватый лунный свет, и только фонари у ворот да жаровни огнедержцев добавляли к нему пятна теплых тонов. Крикиочных птиц, стрекотание сверчков и голоса городских жителей из тех, кто еще не лег спать, сопровождали их в пути.

Все вокруг было знакомо, как собственная постель или запах моря, однако же рядом с Маати многое изменилось. Почти третья жизни Ота провел в Сарайкете. Выучил изгибы его улиц, узнал, каким огнедержцам стоит доверять, а каких можно купить, какие чайные обслуживают всех без разбора, а какие приберегают лучшее для знатных гостей. А еще он определил свое место в этом мире и не вспоминал о нем, как не вспоминал, что дышит. Только с Маати было иначе.

Мальчик дал ему взглянуть на мир по-новому, будто в первый раз. На город, на улицы, на Лиат, на себя. Особенно на себя. Теперь то, что казалось ему мерилом успеха — знать город, остав-

ваясь незаметным — стало пресным, пустым. И как он раньше этого не сознавал?

Вдобавок в голове у него роились и всплывали воспоминания — бессвязные обрывки детства и дошкольной поры, которые он считал забытыми. Было в них лицо с темными волосами и бородой — отцовское, наверное; женщина, которая пела и купала его, поднимая одной рукой. Ота не помнил, кем она ему доводилась, матерью, сестрой или нянькой. Но еще был огонь в очаге и медная ванна-бочка, на которую он ребенком смотрел с восторгом и любопытством.

В мелькании дней и ночей ему на память стали приходить другие смутные образы. Он вспомнил, как мать незаметно от отца сунула ему в вещи тряпичного зайца. Как какой-то мальчик постарше — брат, должно быть — кричал, что нечестно отправлять Оту из дома, а он при этом чувствовал себя виноватым за возникшую ссору. Вспомнил имя «Ойин Фрей» и старика с длинной седой бородой, что стучал в барабан и пел, но так ли его звали и кем он был, осталось тайной.

Трудно было сказать, какие из воспоминаний правдивы, а какие он сочинил сам. Интересно, думал Ота, если вернуться в те края, далеко на север, поведут ли его эти призраки воспоминаний по давно забытым тропам — например, из детской до кухни, а оттуда к подземному ходу — или запутают, подобно болотным огням?

Вспоминал он и школу — косой взгляд Тахи-кво, свист лакированной розги... Все это Ота гнал из памяти. Гнал мальчишку, что терпел боль и унижение, и бежал сам, точно одержимый. Мучимый тем, кем он мог быть и не стал.

— Кажется, я тебя расстроил, Ота-кво, — тихо вымолвил Маати.

Ота обернулся, вопросительно сложив руки. Маати наморщил лоб и потупился.

— Ты молчал всю дорогу от чайной, — пояснил он. — Если я вел себя бестактно...

Ота рассмеялся, чем отчасти его успокоил. Повинуясь порыву, старший юноша обнял Маати за плечи, как друг или брат.

— Прости. Похоже, у меня так со всеми выходит в последние дни. Нет, Маати-кя, я не расстроился. Просто ты заставил меня задуматься, а я отвык. Да и, признаться, устал страшно.

— Можешь переночевать у поэта, если не хочешь в бараки. Там, на нижнем этаже, есть отличная кушетка...

— Нет, — ответил Ота. — Если лишь Мухатию-тя повода отбранить меня утром, к полудню он просто взбеленится.

Маати изобразил понимание с оттенком печали и тоже обнял Оту за плечи. Так они и пошли дальше, то шутя, то грустя о былом — совсем, как вчера. Маати уже лучше находил дорогу в городе, и хотя путь он выбрал не самый короткий, Ота позволил ему вести обоих. Приближаясь к статуе императора Атами у перекрестка трех дорог, он думал, каково было бы иметь младшего брата.

— Ота, — окликнул Маати, внезапно замедляя шаг. — Гляди-ка: знакомый тип. Вон тот, в накидке.

Ота посмотрел ему через плечо. Какой-то человек шел на восток, удаляясь от них. Один, без провожатых. Маати подметил верно: это был тот же, что спал за столиком в чайной, или притворялся, что спит. Ота шагнул в сторону, засучивая рукава на случай драки. Дворцовых обитателей, бывало, высаживали в надежде на поживу.

— Идем со мной, — сказал Ота и вышел на середину перекрестка, где сходились три дороги. Сверху из темноты понуро взирал император Атами. Ота медленно обернулся, разглядывая каждую улицу, каждый дом.

— Ота-кво, — с сомнением начал Маати. — Он что, за нами следил?

Вокруг никого не было, кроме удаляющейся фигуры чересчур знакомого мужчины. Ота сосчитал двадцать вздохов, но больше никто не появился. Тени замерли. Ночь была безлюдной.

— Возможно, — ответил он. — Вероятно. Не знаю. Не будем задерживаться. Заметишь что-нибудь — скажи.

Остаток пути до дворца Ота выбирал самые широкие улицы, чтобы сразу засечь приближение чужаков. Он был готов, если придется, послать Маати за помощью, а самому задержать напа-

дающих. Правда, такое сработало бы лишь с парой врагов, и то без ножей. Однако больше ничего не случилось, и Маати благополучно пожелал ему доброй ночи.

Когда Ота добрался к себе в бараки, страх прошел, зато нахвалилась жуткая усталость. Он рухнул на койку и задернул полог. Его будто распластало на грубых холщовых простынях. Однако, несмотря на утомление и убаюкивающий храп товарищей, сон все не шел. Ота в уме перебирал одну напасть за другой: кто-то за ними следил и, возможно, до сих пор следит за Маати; срок кабалы подходит к концу, а с рассветом он от усталости не сможет встать на работу; Лиат до сих пор не знает о его прошлом. Как только он сосредоточивался на одной мысли, его тут же отвлекала другая, и так далее. В этой путанице Ота сам не заметил, как заснул.

Лиат вышла от Марчата Вилсина, прямая как струнка, а внутри вся кипела от гнева. За всю дорогу до своей комнаты она ни на кого не посмотрела. И только там, захлопнув за собой дверь и затворив ставни, Лиат села за стол и расплакалась.

Так нечестно! Она выворачивалась наизнанку — изучала этикет, водила подопечную на все назначения в отведенное время, участвовала в переговорах с поэтом, хотя тот фактически указал ей на дверь, а подвел ее... Итани. Итани!

Она сдернула с себя верхнее платье и, скомкав, швырнула на постель. Потом распахнула шкаф, подыскивая другое, получше. Чтобы выражало ее досаду.

«Едва ли это допустимо, — эхом звучал у нее в голове голос Вилсина. — Подобные знакомства накануне сделки... Кто-то подумает, что мы выпрашиваем льготы после заключения договора».

Или что она — дурочка, которая самовольно послала дружка умаслить другую сторону, мысленно добавила Лиат. Что еще хуже, Итани — милый, нежный, улыбчивый Итани — ничего ей не сказал. Когда она ночами работала, представляя, как он сидит у себя в бараке и ждет, когда она к нему вернется, Итани, оказывается, ставил ей палки в колеса! Гуляя с молодым поэтом

и даже не подумал, как это будет выглядеть со стороны, чем для нее обернется.

И даже не сказал!..

Лиат вытащила строгое платье — красное с черным отливом, — натянула поверх нижнего и завязала пояс. Резко зачесала и заплела волосы. Закончив приготовления, она вздернула подбородок, подражая Амат Клан, и отправилась в город.

Улицы еще бурлили, торговля далеко не окончилась. Солнце висело в восьми-девяти ладонях над горизонтом и давило на прохожих. Было душно, с побережья разило тиной. Итани наверняка еще работает, но она, Лиат, не будет ждать, пока злость уляжется. Нужно узнать, что он затеял. Вилсин-тя получит ответ на свои претензии, и очень скоро. Остался последний день до торга — последний шанс все исправить.

В бараках Лиат выяснила, что Итани не с остальными: поздно пришел и сказался больным, когда Мухатия-тя пришел их собирать. Маленький хромоножка, что присматривал за койками в рабочее время, с откровенным злорадством уверил ее, что Мухатия рвал и метал.

Стало быть, Итани не боялся испортить ни ее отношения с Вилсином-тя, ни собственные с Мухатией. Лиат поблагодарила мальчишку и спросила, склонясь в церемонной позе, где бы ей найти Итани-тя, коль скоро того нет на работе. Мальчишка пожал плечами и высыпал уйму названий чайных, бань и других заведений на побережье. Только через две ладони Лиат обнаружила Итани в какой-то дешевой бани и за все время ничуть не остыла.

Она ворвалась в баню, даже не сняв одежду. Разговоры, гудевшие среди высоких изразцовых стен, притихли. Мужчины и женщины провожали ее глазами, но Лиат их не замечала. Делала вид, что не замечает — как поступила бы Амат. Итани расположился в боковой кабинке. Лиат прошла по короткому коридору из мокрого шероховатого камня, остановилась, сделала два глубоких вдоха, точно влажный солоноватый воздух мог придать ей сил, и толкнула дверь.

Итани сидел в бассейне, как за столом, наклонившись вперед и глядя на водное зеркало с видом глубокой задумчивости. Когда Лиат хлопнула дверью, он поднял глаза. В них читалась усталость и готовность к разговору. Лиат начала с вопросительной, почти негодящей позы.

— Я сам хотел прийти, любимая.

— Неужели?

— Да.

Его взгляд снова уткнулся в водную рябь. Обнаженные племени ссугулились. Лиат подошла к краю бассейна и взорвалась на Итани сверху вниз. Он не поднимал глаз.

— Нам нужно поговорить, любимая. Давно пора. Зря я столько тянул...

— О чем только ты думал, Итани? Что тытворишь? Вилсин-тя пол-ладони объяснял, как ты позоришь меня перед утхай-емом. Что ты забыл у этого ученика поэта?

— Маати, — рассеянно поправил Итани. — Его зовут Маати.

Будь у Лиат что под рукой, она запустила бы этим ему в темечко. Ей осталось только досадливо крикнуть и топнуть ногой. Итани поднял голову. Его взгляд стал четче, словно он только что очнулся от сна. Потом он улыбнулся своей чарующей, открытоей, теплой улыбкой.

— Итани, ты позоришь меня перед целым двором и...

— Как?

— Что «как»?

— Каким образом наши с Маати прогулки тебя позорят?

— Люди могут подумать, будто я добиваюсь поблажек после заключения договора, — отрезала она.

Итани жестом попросил ее пояснить.

— Разве между сбором урожая и заполнением контрактов такого не происходит? Я думал, Амат Кян тебя для того и посыпала разносить письма с оговорками.

Так и было; правда, ей это не пришло в голову, когда через стол сидел Вилсин и смотрел с душераздирающей укоризной. Обычно подписание договора не считалось препятствием в игре «кто больше выгадает».

— В этот раз все по-другому, — сказала она. — Речь касается хая. С ним так нельзя.

— Прости, милая, — ответил Итани. — Я не знал. Но мне и в голову не приходило портить тебе переговоры.

— Тогда что ты делал?

Итани зачерпнул ладонями воду и вылил себе на голову. Продлоговатое лицо северянина стало безмятежно-спокойным, он глубоко вдохнул, кивнул сам себе, точно принимая какое-то внутреннее решение, и ответил. Его голос прозвучал почти буднично:

— Я знаю Маати с детства. Мы познакомились в школе.

— В какой школе?

— Той самой, куда придворные посыпают отторгнутых сыновей. Где из них делают поэтов.

Лиат нахмурилась. Итани поднял голову.

— А ты-то что там делал? — спросила она. — Прислуживал? Ты никогда не рассказывал, что в детстве был слугой.

— Я был сыном хая Мати. Шестым сыном. Меня тогда звали Ота Мати. Только после ухода я взял себе имя Итани, чтобы семья не смогла меня разыскать. Я бросил школу, отказался от клейма, поэтому жить под собственным именем было бы опасно.

Его улыбка померкла, взгляд уплыл в сторону. Лиат не шелохнулась — не могла. Чушь какая-то. Смех, да и только. И все-таки она не смеялась. Злость разом потухла, как свечное пламя на сильном ветру, а ей осталось лишь хватать ртом воздух. Итани не врал — она это знала. В его глазах стояли слезы. Он издал смешок, похожий на кашель, и вытер глаза тыльной стороной ладони.

— Я никому этого не рассказывал, — сказал Итани. — До сих пор. До тебя.

— Ты... — начала Лиат и осеклась. Потом сглотнула и начала снова: — Ты — шестой сын хая Мати?

— Я не стал говорить этого сразу, потому что плохо тебя знал. А потом было неловко, потому что скрыл. Но я тебя люблю. И доверяю. Честно. И хочу, чтобы ты была рядом. Ты простишь меня?

— Это... ты не врешь, Тани?

— Нет, — ответил он. — Если хочешь, спроси у Маати. Он тоже знает.

Лиат не могла ничего сказать — мешал ком в горле. Итани встал и умоляюще протянул к ней руки. С него ручьем текла вода, в глазах стоял страх — боязнь того, что она уйдет. Лиат сползла в воду, к нему в объятья. Платье мгновенно промокло и камнем тянуло вниз, но ей было все равно. Она притянула Итани к себе, прижалась, уткнулась в него лицом. По щекам у обоих текли слезы, но Лиат уже не различала, где чьи. Его руки обвили ее, приподняли — крепко, бережно, восхитительно.

— Я знала! — произнесла она. — Знала, что ты не тот, кем кажешься. Что ты необыкновенный. Я всегда это подозревала.

Тут он поцеловал ее. Ощущение было сказочным — словно древняя легенда ожила. Она, Лиат Чокави — возлюбленная хайского сына, пребывающего в изгнании. Он принадлежит ей. Она чуть откинулась, взяла его лицо в ладони, точно в рамку, и посмотрела так, будто видит впервые.

— Я не хотел тебя обидеть, — сказал он.

— Обидеть? — переспросила она. — Да я просто летаю. Я летаю, любимый!

Он обнял ее — неистово, как утопающий хватается за спасительную соломинку. Она ответила ему, едва сбросив мокрые одежду. Платье упало в воду и погрузилось на дно, водорослью скользнув по ногам.

Они стояли, тесно прижавшись, по бедра в прохладной воде, и Лиат готова была петь от мысли о том, что однажды ее любимый может занять трон. Однажды он может стать хаэм!

9

Маати вздрогнул: Хешай-кво тронул его за плечо. Поэт отступил назад. Его широкий рот кривился в ухмылке. Маати отодвинул полог с постели и сел. Голова была как ватная.

— Мне скоро уходить, — сказал Хешай-кво вполголоса. В его голосе слышались веселые нотки. — Вот я и разбудил тебя, чтобы не спал целый день. Поздно встанешь — назавтра только хуже будет.

Маати повел руками. Хешай-кво угадал суть вопроса без уточнения.

— Уже за полдень, — ответил он.

— Боги! — Маати поднялся. — Прошу прощения, Хешай-кво! Я сейчас же приготовлюсь...

Хешай прошелепал к дверям, отмахиваясь от извинений. На нем уже были сандалии и строгое коричневое одеяние.

— Не трудись. Ничего особенного не произошло. Просто я не хотел, чтобы ты мучился сверх положенного. Внизу стоят фрукты и свежий хлеб. Есть колбаса, если ты ее осилишь, хотя на твоем месте я бы сразу не наедался.

Маати принял виноватую позу.

— Я пренебрег обязанностями, Хешай-кво. Не надо было мне гулять допоздна и спать так долго.

Хешай-кво хлопнул в притворном гневе и грозно ткнул пальцем в его сторону.

— Кто из нас учитель — ты или я?

— Вы, Хешай-кво.

— Тогда мне и решать, пренебрег ты обязанностями или нет, — сказал поэт и подмигнул.

Когда он ушел, Маати снова лег и прижал руку ко лбу. С закрытыми глазами казалось, будто кровать под ним колышется, плывет по неведомой бесшумной реке. Он не без труда открыл их, понимая, что чуть было не заснул опять, потом сел, переоделся в чистое и пошел вниз, за обещанным завтраком.

Снаружи разлилось душное, зноное марево. Маати искупался и привел вещи в порядок, чего не делал уже много дней. Когда явился слуга — забрать тарелки и белье, — он попросил прислать кувшин лимонной воды.

Тем временем Маати разыскал нужную книгу и пошел посидеть в тени деревьев у пруда. Кругом пахло свежестью и зеленью, как от свежескошенной травы. В тишине, нарушаемой лишь журчанием насекомых и изредка плеском карпов кoi, Маати открыл обложку в коричневой коже и начал читать.

«*Со временем древности, с эпохи Первой Империи не было случая, чтобы поэт совершал более одного воплощения в жизни. Ныне мы с печалью вспоминаем те чудесные годы, ибо наши предки не знали, что андат, единожды освобождаясь, почти навсегда не может быть воплощен заново. Вследствие этого мы, поэты, принуждены ограничивать свое творчество единственным произведением, уподобляясь ученику краснодеревщика, чей первый табурет должен стать образцом мастерства, славимым в веках. Посему нам надлежит изучать свою работу самым тщательным образом, чтобы последующие поколения не повторили наших ошибок. Подобным образом и я, Хешай Антабури, приступаю к разбору творения своей юности — андата по имени Исторгающий Зерно Грядущего Поколения. Укажу и на ошибки, которых можно было бы избежать, если бы я познал свою душу глубже.*»

Почерк Хешая оказался на удивление красивым, а изложение — стройным и увлекательным, как в романе. Начинал он с предпосылок, приведших к созданию андата, и своих предварительных требований к нему. Далее он досконально описывал

работу по переводу языка мыслей из абстрактного в конкретное, по приданию им формы и плоти. Затем, рассказав о пленении своего андата, Хешай-кво указывал на ошибки в тех местах, где древняя грамматика позволяла сказать двояко, где форма спорила с намерением. При этом недостатки творения, которых Маати нипочем не заметил бы, были расписаны так откровенно, что становилось неловко: красота, граничащая с надменностью, сила, питающая гордыню, уверенность, дающая презрение... И всюду подробно прослеживалось, как каждая дурная черта берет начало в душе самого поэта.

Как бы эта исповедь ни смущала Маати, он понемногу проникся уважением к учителю, мужеству, с каким он доверил бумаге столь личное.

Солнце скрылось за верхушками деревьев, а цикады завели свой вечерний хор, когда Маати добрался до третьего раздела книги, который Хешай назвал «работой над ошибками». Маати поднял глаза и увидел, что андат стоит на мосту и смотрит на него. Совершенный овал лица, лукавый ум во взгляде... Маати мысленно еще не оторвался от поэзии, что это все создала.

Бессемянный принял позу приветствия, строгую и безупречную, и прошел по тропинке к нему. Маати захлопнул книгу.

— Грызешь гранит, — произнес Бессемянный, подходя ближе. — Увлекательно, правда? Хотя и бесполезно.

— С какой стати бесполезно?

— Его исправленная версия почти неотличима от предыдущей. Меня нельзя волить одинаково дважды, и ты это знаешь. Поэтому вносить поправки в готовую работу так же бессмысленно, как просить прощения у того, кого убил. Ты не против, если я присоединюсь?

Андат растянулся на траве и устремил черные глаза к югу, дворцам и незримому городу за ними. Совершенные пальцы выдергивали травинку за травинкой.

— Зато другие не повторят его ошибок, — сказал Маати.

— Если бы книга показывала другим их ошибки, толку было бы больше, — возразил андат. — Некоторые ошибки замечаешь только задним числом.

Маати принял позу, которую можно было бы трактовать как знак согласия или простую вежливость. Бессемянный улыбнулся и выбросил травинку в пруд.

— А где Хешай-кво?

— Кто знает? В веселом квартале, скорее всего. Или в какой-нибудь чайной у пристани. Он не из тех, кто радуется завтрашнему дню. А что же ты, мальчик мой? Из тебя вышел лучший ученик, чем я предполагал. Ты уже отведал городской жизни, научился гулять с людьми ниже себя рангом и пропускать важные встречи. Хешаю понадобились годы, чтобы понять прелесть всего этого.

— А тебе завидно? — спросил Маати.

Бессемянный рассмеялся и взглянул прямо ему в глаза. Его прекрасное лицо было печально.

— У меня сегодня был тяжелый день, — произнес он с горьким смешком. — Я нашел то, что давно потерял, а оно, оказалось, не стоило поисков. А ты? Готов к завтрашней церемонии?

Маати ответил утвердительной позой. Андат улыбнулся, но потом его улыбка оплыла, как свеча, превратилась в нечто противоречивое и неясное. Цикады в ветвях разом смолкли, словно у них был один голос на всех, а через миг запели снова.

— Может... — начал андат и затих, изобразив просьбу потерпеть, пока он подбирает слова. — Маати-кя. Если я что-то могу для тебя сделать... Оказать услугу, выполнить что-нибудь по твоему желанию... или воздержаться от действий. Только скажи, и получишь. Для тебя — что угодно.

Маати взглянул на бледное лицо — оно светилось в сумерках, как фарфоровое.

— Почему? Зачем ты мне это предлагаешь?

Бессемянный улыбнулся и подвинулся, прошелестев дорогой тканью по траве.

— Посмотреть, что ты выберешь, — ответил он.

— А если выбор будет тебе неприятен?

— Оно того стоит, — сказал Бессемянный. — Так я узнаю больше о твоей душе, а подобные сведения обходятся недешево. Выбирай, что бы ты хотел начать или прекратить.

Маати почувствовал, как краснеет, и наклонился к пруду. Он долго смотрел на гладь воды и рыб, белесых и золотых. Потом заговорил глухо, вполголоса.

— Завтра, когда придет черед... когда Хешай-кво должен будет совершить скорбный торг, не борись с ним. Я наблюдал за вами в тот первый раз, на хлопковой церемонии, и потом тоже. Ты всегда заставляешь его с тобой бороться. Вынуждаешь себя перебарывать. Не делай так завтра.

Андат кивнул с печальной улыбкой на прекрасных мягких губах.

— Славный ты мальчуган. Не чета нам, — сказал он. — Я исполню твою просьбу.

Они молча сидели, пока солнце не село и не зажглись звезды — сначала поодиночке, потом горстками и, наконец, тысячами тысяч. Дворец засиял фонарями; Маати уловил обрывки далекой мелодии.

— Надо поставить ночную свечу, — спохватился он.

— Как пожелаешь, — ответил Бессемянный. Маати не хотелось вставать и уходить в дом. Он смотрел на силуэт андата с одной назойливой мыслью; воспоминание о книге и необычная робость Бессемянного смущали его, волновали, не давали покоя.

— Бессемянный-тя, я тут подумал... Можно вопрос? Сейчас, пока мы еще друзья.

— Играешь на моих чувствах, — произнес андат, словно забавляясь.

Маати подтвердил это позой веселого согласия; Бессемянный кивнул.

— Спрашивай.

— Вы с Хешаем-кво в некотором роде одни целое, правда?

— Иногда рука дергает куклу, иногда кукла водит рукой, но нити связывают обоих. Да.

— И ты ненавидишь его.

— Да.

— Раз так, ты ненавидишь и себя тоже?

Андат сел на корточки и стал рассматривать дом, чернеющий в звездном свете, будто картину. Он так надолго умолк, что

Маати решил, что не получит ответа. Однако чуть погодя ответ пришел — тихий, чуть громче шепота:

— Да. Каждый миг.

Маати подождал еще немного, но Бессемянный больше ничего не сказал. Тогда юноша взял вещи и встал, чтобы вернуться в дом. Перед неподвижным андатом он задержался и тронул его за рукав. Бессемянный остался недвижим, как скала: не дрогнул, не шевельнулся, не проронил ни слова. Маати поднялся в дом, зажег ночную и лимонную свечи и приготовился ко сну.

Хешай вернулся перед самым рассветом. От него несло дешевым вином, на одежде расплылись пятна. Маати помог ему привести себя в порядок перед аудиенцией — подал свежее пластие, принес таз для мытья головы и бритвенный прибор. С красивыми глазами, конечно, ничего нельзя было поделать. Все это время Бессемянный сидел то в одном углу, то в другом и вел себя на удивление тихо. Попил Хешай мало, поел еще меньше, и, когда солнце позолотило верхушки деревьев, вышел вразвалку из дома и отправился вниз по дорожке. Маати с андатом последовали за ним.

День выдался славный — над морем на востоке громоздились выше гор облака, белые, как хлопок. Во дворцах сутились рабы и челядь, изящной поступью выступали сановники утхайе-ма. У всех свои дела, подумал Маати. И у поэтов тоже.

Представители Дома Вилсинов ждали их в переднем зале. Беременная стояла перед входом в окружении слуг, без конца поправляя юбки, специально пошитые и скроенные к этому дню, чтобы скрыть ее от нескромных взглядов, но не задержать плод, когда тот покинет утробу. Маати почувствовал первый приступ паники. Хешай-кво бродил туда-сюда мимо женщин и слуг, поглядывая красными глазами. Искал, видимо, Лиат Чокави, которая должна была вести торг.

Лиат нашлась в самом зале — что-то бормотала себе под нос и мерила шагами пол. На ней было белое одеяние с голубой нитью — цвета траура. Волосы, убранные в узел, подчеркивали нежность кожи, изящный изгиб шеи. Маати залюбовался ею. «Именно такая, — подумал он, — могла понравиться Оте-кво

и полюбить его». Увидев их, Лиат подняла глаза и приняла позу приветствия.

— Можно уже? — буркнул Хешай. Не узнай Маати его лучше, он не услышал бы за грубостью боли. Боли и ужаса.

— Мы ждем лекаря, — сказала Лиат.

— А он что, опаздывает?

— Это мы пришли раньше времени, — тихо поправил Маати.

Поэт гневно зыркнул на него, дернул плечом и ушел вглубь зала, где угрюмо уставился в окно. Бессемянный, перехватив взгляд Маати, поджал губы, тоже дернул плечом и побрел на солнце. Маати, оставшись наедине с девушкой, изобразил церемониальную позу приветствия. Лиат ответила тем же.

— Прости Хешая-кво, — сказал Маати вполголоса, чтобы его не услышали. — Он терпеть не может скорбные торги. Это... долгая история и едва ли заслуживает рассказа. Просто прошу, не суди его слишком строго.

— Не буду, — ответила Лиат. Она держалась мягче, без прежнего официоза. Казалось, едва сдерживала улыбку. — Итани говорил мне об этом. И о тебе тоже.

— Он был очень добр... что взялся показать мне город, — пролепетал застигнутый врасплох Маати. — Я почти не знал его, когда прибыл.

Лиат улыбнулась и тронула его за рукав.

— Это тебя мне нужно благодарить, — произнесла она. — Если бы не ты, не знаю, когда бы еще он набрался храбрости и рассказал о... откуда он родом.

— А-а, — отозвался Маати. — Значит, он... ты все знаешь?

Лиат приняла утвердительную позу с заговорщическим оттенком, от которой Маати стало жутковато и в то же время волнительно. Теперь тайну знали трое; проведай кто-нибудь еще — и от нее не останется следа. В каком-то смысле это связывало их — его и Лиат. Тех немногих, что хранили любовь к Оте-кво.

— Может быть, мы познакомимся получше после окончания торга, — произнес Маати. — Все трое, я хотел сказать.

— Было бы здорово, — сказала Лиат. Она улыбнулась, и Маати невольно улыбнулся в ответ, но тут же одернул себя. Хоро-

шо же, наверное, это выглядело со стороны — ученик поэта и распорядительница весело болтают перед скорбным торгом! Он постарался придать лицу более траурное выражение.

— А эта женщина, Мадж, — сказал он, — с ней все хорошо?

Лиат пожала плечами и наклонилась к нему. От нее пахло дорогим ароматом — не столько цветочным, сколько насыщенно-земляным, как свежевспаханное поле.

— Между нами, мы с ней намучались, — произнесла она. — То есть она не злая, но капризничает, как ребенок, и памяти никакой. Что ей ни скажи — на следующий день забывает.

— Она... слабоумная?

— По-моему, нет. Просто... беспечная, что ли. У них на Ниппу иной взгляд на вещи. Ее переводчик так говорит. Они не считают младенца человеком до первого вздоха, поэтому она даже не захотела облачаться в траур.

— Правда? Не слышал. Я думал, на Восточных островах с этим более... строго. Если так можно выразиться.

— Похоже, что наоборот.

— А он здесь? Переводчик.

— Нет, — сказала Лиат, выражая жестом нетерпение. — Нет, что-то случилось, и ему пришлось срочно уехать. Вилсинг велел научить меня всем фразам, которые понадобятся во время церемонии. Я их уже наизусть затвердила. Тебе не передать, как я хочу, чтобы все поскорее закончилось!

Маати оглянулся на учителя. Хешай-кво так же стоял у окна с кислым выражением лица. Бессемянный оперся о стену у двойных дверей, скрестив руки, и смотрел ему в спину. Застывший взгляд напомнил Маати бродячего пса, следящего за добычей.

Лекарь прибыл к назначенному часу в сопровождении свиты. Мадж, зардевшуюся и теребящую юбки, отвели внутрь, Лиат заняла свое место возле нее, а Маати — возле Хешая и Бессемянного. Слуги и невольники удалились на почтительное расстояние, широкие двери закрылись. Хешай-кво стоял согнувшись, точно под тяжестью. Потом он махнул Лиат, которая подошла и приняла позу, подходящую для открытия церемонии.

— Хешай-тя, — начала она. — Я говорю с вами от лица Гальского Дома Вилсинов. Моя клиентка заплатила хайскую пошлину, казначей оценил плату и нашел приемлемой в согласии с уставлением. Теперь мы просим вас выполнить свою часть договора.

— Она точно этого хочет? Вы спрашивали? — отозвался Хешай-кво. Его слова не подходили под протокол и были сказаны без всякой позы. Вид у него был мрачный — бледное лицо, суроно сжатые губы. — Она уверена?

Лиат заморгала: ее удивили, как показалось Маати, нотки отчаяния в голосе поэта. Теперь он жалел, что не рассказал Лиат, почему Хешаю так тяжело. Хотя это вряд ли бы что-то изменило. «Верно, надо просто покончить с этим делом и забыть, как страшный сон», — решил он для себя.

— Да, — ответила Лиат, тоже нарушая формальности.

— Тогда спросите снова, — сказал Хешай полуутребовательно, полуумоляюще. — Спросите: нельзя ли без этого?

В глазах Лиат вспыхнула и тут же погасла искра замешательства. Маати догадался: этой фразе ее не учили. Она не может исполнить его просьбу. Лиат вздернула подбородок и прищурилась с прежним высокомерно-снисходительным видом, хотя внутри — Маати чувствовал — ее охватила паника.

— Хешай-кво, — тихо проговорил Маати, — прошу вас, давайте закончим.

Поэт посмотрел на него — сперва досадливо, потом решительно и печально, после чего жестом отменил вопрос. Маати встретился глазами с Лиат. В ее взгляде читалась признательность. Вперед выступил лекарь и подтвердил, что беременная находится в добром здравии и что процедура не причинит большого вреда ее самочувствию. Хешай жестом поблагодарил его. Затем лекарь подвел Мадж к табуретке-стульчаку и усадил на нее, втихомолку подставив снизу серебряный таз.

— Ненавижу все это, — чуть слышно пробормотал Хешай, так, что разобрали только Маати и Бессемянный. Вслед за этим он принял официальную позу и объявил:

— Именем хая Сарайкета и дая-кво предоставляю себя в ваше распоряжение.

Лиат повернулась к беременной и произнесла что-то певучее. Мадж нахмурилась и поджала пухлые губы. Потом кивнула и ответила Лиат на своем языке. Та снова повернулась к поэту и изобразила согласие.

— Вы готовы? — спросил Хешай, глядя Мадж в глаза. Островитянка склонила голову набок, словно услышав смутно знакомый звук. Хешай поднял брови и вздохнул. Без всякого видимого побуждения Бессемянный шагнул вперед — грациозно, как танцор. Его глаза светились подобием радости. Маати вдруг подурнело.

— Незачем меня ломать, дружище, — сказал Бессемянный поэту. — Я обещал твоему ученику, что в этот раз не буду сопротивляться. Как видишь, я могу держать слово, когда мне это подходит.

Серебряный таз зазвенел, словно в него уронили апельсин. Маати заглянул туда и тут же отвернулся. «Оно не шевелится, — твердил он себе, — просто дрожит от падения. Не шевелится».

В этот миг островитянка судорожно охнула и закричала. Голубые глаза так широко раскрылись, что были видны кольца белков, губы растянулись в струну. Она нагнулась, пытаясь поднять то, что упало, согреть на груди, но лекарь быстро выхватил таз. Лиат держала ее за руки и растерянно заглядывала в лицо, а в гулких залах разносились отчаянные крики.

— Что? — робко и испуганно спросил Хешай. — Что-то не так?

10

Амат Клан брела по набережной с чувством, словно наполовину пробудилась от кошмара. Блики утреннего солнца на воде слепили глаза. У причалов покачивались суда, которые нагружали тканями, маслами или сахаром и освобождали от леса, индиго, пшеницы и ржи, вина и эдденский мрамора. Возле узких прилавков все так же стоял гомон торговцев, флаги трепетали на ветру. В небе кружили все те же чайки. Амат смотрела на все это как на ожившее воспоминание. Она ходила здесь годами изо дня в день. Как же скоро все забылось...

Опираясь на трость, Амат миновала перекресток, откуда брала начало улица Нантань, и очутилась в складском районе. Движение на улицах изменилось — ритм города всегда следовал за временем года. Бешеная гонка страды осталась позади, и хотя забот до конца года хватало с лихвой, возникло ощущение пройденного рубежа. Великий трюк, что сделал Сарайкет центром мировой хлопковой торговли, повторился, и теперь обыватели будут час за часом обращать эту выгоду во власть, состояние и престиж.

Тем не менее в воздухе витала тревога, и Амат тоже ее уловила. С поэтом что-то стяслось. Только сидя вечером у окна, она услышала три или четыре версии произошедшего. Все, кого она обходила дорогой, судачили об одном: с поэтом что-то неладно. Случилось что-то ужасное, и связано это было с Домом Вилсинов и скорбным торгом. Юноши и девушки на улицах передавала друг другу новость с улыбкой — предвестье кризиса вызы-

вало у них оживление. Они были слишком молоды или же слишком бедны и невежественны, чтобы ужаснуться услышанному. Другое дело — старики. Те, кто понимал, чем все обернется.

Амат глубоко вдыхала воздух, запах моря, аромат жаркого у прилавков, смрад красильных чанов из соседнего квартала. Ее город пережил середину лета. В глубине души она до сих пор дивилась тому, что смогла вернуться сюда, что не сидит в застенке у Ови Ниита. Проходя мимо горожан со своей клюкой, Амат старалась не думать о том, что о ней говорят.

В банях стража пытливо оглядела ее, принимая приветственные позы. Амат даже не ответила, просто вошла под выложеные мозаикой гулкие своды, пахнущие кедром и чистой водой. Внутри она скинула одежду и, минуя общественный зал, направилась в кабинку Марчата у дальней стены — как всегда.

Вид у него был паршивый.

— Слишком жарко, — сказал он, когда Амат опустилась в воду. Лаковый поднос слегка заплясал на волнах, но чай не пролился.

— Ты вечно так говоришь, — ответила она.

Марчат вздохнул и отвернулся. Под глазами у него виднелись багровые, как синяки, мешки. Хмурое лицо посерело. Амат наклонилась и подогнала поднос к себе.

— Полагаю, — произнесла она, — все прошло хорошо.

— Зря полагаешь.

Амат отхлебнула чаю и присмотрелась к нему — своему начальнику и другу.

— Тогда о чем нам еще говорить?

— О чем и всегда. Есть сделки, как обычно.

— Сделки, стало быть... Значит, все прошло хорошо.

Он раздраженно глянул на нее и снова отвел глаза.

— Может, для начала разберемся с договорами красильщиков?

— Как скажешь, — ответила Амат. — А что, сроки уже поджимают?

В последнюю фразу она вложила весь свой сарказм, чтобы скрыть ярость и негодование. И страх. Марчат неуклюже изобразил, что сдается, после чего взял с подноса пинту.

— Мне предстоит встретиться с хаем и кое-кем из утхайемской верхушки. Я и так уже целый день прилюдно казнился из-за скорбного торга. Посулил им полное расследование.

— И что же ты намерен откопать?

— Думаю, правду. Знаешь, как состряпать хорошую ложь? Надо для начала поверить в нее самому. Мне видится, наше расследование — или чье-то еще — укажет на переводчика Ошай. Он и его люди все это затеяли под руководством Бессемянного: нашли девицу, обманом привели ее к нам. У меня остались рекомендательные письма, которые я передам людям хая. Те выяснят, что письма поддельные. На Дом Вилсинов будут смотреть как на сбирающе идиотов. В лучшем случае лет за десять вернем себе доброе имя.

— Это мелочь, — отмахнулась Амат. — А что, если Ошай отыщется?

— Не отыщется.

— Ты уверен?

— Да, — ответил Вилсин, шумно вздохнув. — Уверен.

— А где Лиат?

— До сих пор на допросе. Надеюсь, к вечеру ее выпустят. Надо будет что-нибудь для нее сделать. Как-нибудь исправить положение. Ее репутация уже, считай, пострадала. С островитянкой уже говорили, хотя, боюсь, она не способна сказать что-либо вразумительное. Зато теперь все кончено, Амат. Это единственное утешение. Худшее, что могло случиться, случилось, а нам остается только подчистить за собой и двигаться дальше.

— Так в чем же правда?

— Я уже сказал, — ответил Вилсин. — И только эта правда имеет значение.

— Нет. Настоящая правда. Кто прислал жемчуг? Только не говори мне, что его накодовал андат.

— Кто знает? — пожал плечами Марчат. — Ошай сказал, что их привезли из Ниппу, от семьи девушки. Зачем сомневаться в его словах?

Амат шлепнула по воде, чувствуя, как брови сходятся от ярости. Марчат разъярился в ответ — побагровел лицом, выставил челюсть вперед, как мальчишка перед дракой.

— Я спасаю твою шкуру! — процедил он. — Спасаю Дом. Делаю все, что могу, чтобы похоронить это дело раз и навсегда. Я не хуже тебя знаю, во что вляпался, но, ради богов, Амат, что ты предлагаешь? Пойти к хаю и извиниться? Откуда жемчуг, спрашиваешь? Из Гальта, Амат. Из Актона, Ланнистона и Коула. Кто все затеял? Гальты. А кто заплатит, если всплынет эта правда, а не моя? Не я один. Меня убют. Тебя, если повезет, сошлют в какую-нибудь даль. Дом Вилсинов снесут. И как думашь, они этим ограничатся? А? Я сомневаюсь.

— Это было преступно, Марчат.

— Да, преступно. Да, мерзко. — Он так яростно размахивал руками, что плеснул чаем в бассейн. Красное облачко быстро растворилось в воде. — Но нашего мнения никто не спрашивал. Все решили до нас. Когда тебе, мне и всем нам рассказали, уже было поздно. Мне дали задачу, и я ее выполнил. Теперь скажи, Амат, что бы ты сделала, будь ты хаем Сарайкета, если бы узнала, что твой ручной божок плел заговоры с твоим же соперником? Ограничишься ли расправой с орудиями — а мы и есть орудия — или преподашь гальтам урок, который они нескоро забудут? У нас ведь нет собственных андатов, значит, тебе ничто не помешает. Мы не сможем дать сдачи. Зачахнут ли наши посевы? Или у всех женщин Гальта случатся выкидыши? Они ведь тоже ни в чем не повинны, как эта островитянка! Они точно так же не заслужили этого горя!

— Не кричи, — прервала его Амат. — Люди услышат.

Марчат откинулся на спину, нервно выглянув в окно, присмотрелся к двери. Амат покачала головой.

— Красивая речь, — сказала она. — Долго заучивал?

— Не очень.

— И кого ты хотел убедить? Меня или себя?

— Обоих, — ответил он. — Нас обоих. Я ведь прав, и ты это знаешь. Расплата будет тяжелее, чем преступление, и пострадают невинные.

Амат окинула его взглядом. Он так отчаянно хотел доказать свою правоту, убедить ее. Как мальчишка. Ей стало еще тяжелее.

— Пожалуй, — согласилась Амат. — Ну и? С чего начнем?

— Будем расчищать завал. Попытаемся уменьшить ущерб. Да, и вот еще что. Помнишь этого парня, Итани? Ты не знаешь, почему ученик поэта зовет его Отой?

Амат позволила себе отвлечь. Покатала имя в памяти, но ничего не отозвалось. Она отставила чашку на край бассейна и приняла позу признания в невежестве.

— Как будто северное имя, — сказала она. — А когда он его так называл?

— Я приставил к ним человека для слежки. Он подслушал разговор.

— Как-то не вяжется с тем, что Лиат о нем рассказывала.

— Что ж, значит, будем держать ухо востро. Пока нам от этого ни жарко, ни холодно, хотя не нравятся мне такие странности.

— А как насчет Мадж?

— Кого? А-а, островитянки. Надо будет подержать ее при себе недельку-другую. Потом отправлю ее домой. Один торговый дом как раз готовит корабль на восток. Если хайские следователи к тому времени оставят ее в покое, я оплачу ей дорогу. Второй случай может представиться нескоро.

— Надеюсь, ты проследишь, чтобы она добралась благополучно?

— Да, хоть об этом позабочусь.

Долгое время они сидели молча. У Амат было так тяжело на сердце, словно его обложили свинцом. Марчат сидел неподвижно, почти как одурманенный. «Бедняга Вилсин, — подумала она. — Из кожи вон лезет, чтобы представить все в лучшем свете, но сам себе не верит. Слишком умен».

— Стало быть, — тихо сказала Амат, — займемся договорами с красильщиками. Каковы наши условия?

Марчат встретился с ней взглядом и слабо усмехнулся в усы. Почти две ладони он знакомил ее с мелкими делами Дома Вилсинов — соглашениями, которых он достиг со Старым Саньеи и гильдией красильщиков, сложностями сообщения с Обаром, пе-

рассмотре утхайемцами налоговых ставок. Амат слушала и исподволь, мало-помалу втягивалась в работу.

То и дело она задавала вопросы, чтобы получше разобраться самой и привлечь к обсуждению Марчата. На какое-то время ей почти удалось притвориться, что ничего не случилось — ни с ней, ни с ее отношением к Дому, где она так долго служила. Почти, да не совсем.

Когда она уходила, ее пальцы сморщились от воды, а в голове прояснилось. Предстоял не один день усердного труда, чтобы упорядочить дела. Потом будет осень и снова работа: на Дом Вилсинов — нельзя ведь просто взять и бросить Марчата, — а после, пожалуй, на себя.

Два дня кряду, с тех пор, как Хешай отказался вставать с постели, в жилище поэта толпились люди. Утхайемцы, слуги хая и представители ведущих торговых домов являлись его навестить. Посетители тянулись и днем, и ночью, приносили с собой пищу, питье, едва прикрытое любопытство и взаимные, пусть и не явные, обвинения. Маати приветствовал новоприбывших, принимал дары, усаживал, если находилось место. От нескончаемых поз благодарности у него болели плечи, и хотел он только одного: поскорее всех выставить.

В первую ночь ему пришлось туже всего. Он стоял за дверью Хешаевой комнаты и колотил, требовал и увещевал до половины свечи. Наконец дверь ему открыла... Бессемянный.

Хешай лежал пластом на кушетке, вперившись в никуда, бледный и обмякший. Белый полог его кровати казался погребальным саваном. Маати тронул поэта за плечо. Рассеянный взгляд на миг скользнул к нему и тут же устремился вдаль. Маати сел на стул и остался там до утра.

Ночью Бессемянный то и дело бродил взад-вперед по комнате, точно кот, ищущий лазейку в поленнице. Порой смеялся себе под нос. Маати ненадолго задремал тревожным сном, а когда очнулся, андат сидел на постели и, согнувшись над самым ухом Хешая, что-то быстро и резко шептал. Лицо поэта мучительно исказилось и побагровело. Пока Маати соображал, что происходит,

андат смотрел на него и улыбался, не прекращая изливать яд. Юноша закричал на него и отпихнул прочь.

С приходом утра и первого наплыва посетителей Хешай приподнялся на кровати и велел Маати спуститься и принять людей. Потом поэт с андатом опять заперлись, и с тех пор поток визитеров почти не иссякал. Они ушли, когда ночная свеча прогорела на четверть, а перед рассветом пришли вновь.

— Привет вам от Аннана Тияна из Дома Тиянов, — громко произнес с порога очередной пожилой посетитель. Ему пришлось повысить тон, чтобы перекричать разговор, что шел за спиной у Маати. — Мы слышали, что поэту незддоровится, и хотели...

Маати поспешил ответил позой признательности и гостеприимства, которых совсем не чувствовал, и пропустил старика внутрь. Он знал, зачем сюда слетелась эта стая падальщиков — за новостями о Хешае. Маати брал у них еду и подавал им же на стол, разливал их вино в чаши для гостей. А наверху Хешай, быть может... Нет, гадать было невыносимо. Какой-то придворный в шелковом одеянии поманил Маати к себе и вполголоса спросил, не может ли он чем помочь поэту в час нужды.

Первым признаком перемен для Маати стала внезапная тишина. Все неожиданно замолчали. Маати метнулся к входной двери и столкнулся нос к носу с рассерженным хаем Сарайкетским.

— Где твой учитель? — прогремел хай. Слова без позы показались Маати еще более угрожающими. Маати принял позу приветствия и отвел глаза.

— Отдыхает, высочайший.

Хай медленно огляделся. Между бровей у него залегла складка. Гости тотчас приняли должные позы — только ткань зашуршала. Хай вопросительно сложил руки, обращаясь к одному Маати, хотя взгляд его был устремлен на собравшихся.

— Кто это? — спросил хай.

— Сочувствующие, — ответил Маати.

Хай промолчал, и тишина стала мучительно неловкой. Наконец он шагнул вперед, взял Маати за плечо и повернул к лестнице. Маати пришлось идти первому.

— Когда я спущусь, — произнес хай ровным, почти будничным тоном, — каждого, кого встречу здесь, лишу половины состояния.

Дойдя до верхней ступени, Маати свернул и провел хай коротким коридором к двери Хешая. Та была все так же заперта изнутри. Маати повернулся к хаю с позой извинения, но тот отстранил его.

— Хешай, — сказал он гулким басом. — Отопри дверь.

Через несколько мгновений в тишине раздались тихие шаги. Скрипнула засов, и дверь распахнулась. Хай вошел, оттеснив Бессемянного в сторону, Маати — за ним. Андат поставил бруск засова у стены, поймал взгляд Маати и принял позу приветствия старого друга. Маати вскинул, но не подал вида, только отвернулся.

Хай встал в изножье Хешаевой кровати, где полулежал поэт. За день он переоделся: сменил коричневое церемониальное одеяние на светлое, траурное. Углы огромного рта опустились, волосы были взъерошены. Хай протянул руку и откинул полог в сторону. Маати только сейчас разглядел, до чего они похожи, правитель и андат: та же грация, стать, внушительность. Хая отличали разве что морщинки вокруг глаз и не столь идеальная красота.

— Я говорил с Марчатом Вилсином из Гальтского Дома, — произнес хай. — Он снова приносит извинения. Будет расследование. Оно уже началось.

Хешай опустил глаза, но принял позу благодарности. Хай продолжал.

— Мы также допросили пострадавшую и распорядительницу Дома Вилсинов, которая вела переговоры. Кое-что осталось невыясненным.

Хешай кивнул и потряс головой, будто прочищая ее. Потом свесил ноги с постели и принял позу согласия.

— Как пожелаете, высочайший, — сказал он. — Спрашивайте. Постараюсь ответить.

— Не ты, — поправил хай. — От тебя требуется лишь приструнить свое создание.

Хешай посмотрел на Маати, потом на андата, посерел и сжал губы. Бессемянный напрягся и медленно, будто двигаясь под водой, подошел к кровати и согнулся перед хаем в позе почтения. Маати, не совсем понимая, что делает, шагнул вперед, чтобы защитить кого-нибудь — Хешая, хая, андата. Это желание смешалось с гневом и жутким предчувствием непоправимого.

— Сдается мне, это твоих рук дело. Или я ошибаюсь? — спросил хай, и Бессемянный с улыбкой поклонился.

— Не ошибаетесь, повелитель.

— Ты сделал это, чтобы помучить Хешая.

— Да.

Андат с хаем смотрели друг на друга в упор, и лишь Маати видел, как изменился в лице Хешай. Сначала он будто опешил, а вслед за тем вяло уставился перед собой, и это было еще страшнее, чем вспышка ярости или слезы. У Маати свело нуро. Он понял, что и это было заранее подстроено — и встреча, и унижение, — чтобы причинить поэту боль.

— Где нам найти переводчика Ошая? — спросил хай.

— Не имею представления. Такой уж я безалаберный. Никогда не слежу за своими игрушками.

— Довольно, — отрезал хай и подошел к окну. Выглянув наружу, он сделал жест стоящим у входа слугам. Кто-то выкрикнул приказ.

— Хешай, — произнес правитель, отворачиваясь. — Я хочу, чтобы ты знал: мне известно, с какими тяготами сталкивается поэт. Я читал старинные повести. Но ты... ты должен понимать, что твой театр теней причиняет зло невинным людям. А в итоге страдает мой город. За последние дни я выслушал шесть прошений понизить налоги в качестве погашения риска. Люди боятся, что твой андат найдет способ пойти против тебя и каким-либо образом испортит хлопок. Два крупнейших торговых дома уже посыпали ко мне представителей с вопросом, что я буду делать, если андат сбежит. Как тогда мне поддерживать торговлю? И как отвечать на такие вопросы, а?

— Не знаю, — глухо и сипло ответил поэт.

— И я не знаю, — сказал хай.

На лестнице послышался топот. Маати не терпелось посмотреть, что происходит, но желание оставаться и услышать следующие слова хая пересилило.

— Дальше так продолжаться не может. И если прекратить это должен я, да будет так.

Шаги застучали у самой двери, и в следующий миг в комнату ввалились двое в рабочих штанах, волоча тяжелый ящик — деревянный, окованный железом. Ящик был достаточно велик, чтобы вместить человека, но слишком низок и узок, чтобы сесть в нем или повернуться. Маати видел его изображения в книгах даякво, где рассказывалось о жестокости придворных судов. Носильщики поставили ящик у стены, согнувшись перед хаем в позах глубокого почтения и поспешно удалились.

— Высочайший, — взволнованно начал Маати. — Вы ведь... это же...

— Угомонись, юноша, — осадил его хай, делая шаг к устройству и вытаскивая задвижку из железной опалубки. — Это не для Хешая — с ним мы дружны с давних пор. Там он будет хранить вещи, которыми редко пользуется.

Крышка ящика со звоном откинулась. Маати увидел, как Бессемянный на миг замер. Потом его совершенные губы тронула ироничная улыбка. Хешай смотрел молча.

— Но, повелитель... — Голос Маати окреп. — Поэт и его создание неразрывно связаны, и если вы запрете половину Хешая в пыточный ящик...

Хай резкой позой потребовал тишины, и Маати осекся. Несколько долгих мгновений властитель не сводил с него взгляда, пока Бессемянный не рассмеялся и не встал между ними. На краткий миг Маати показалось, что андат хочет защитить его от хайского гнева.

— Не забывай, мальчик мой, — произнес он, — что наш повелитель уничтожил двух своих братьев, чтобы завоевать трон. Так что о жертвах ему известно больше, чем всем нам. Если верить истории.

— Давай, — кивнул хай поэту, но Маати не заметил усилий со стороны Хешая. Бессемянный сам шагнул в ящик и скорчился

там, поджав колени. Хай закрыл крышку, опустил решетку и вставил металлический штырь для удержания засова на месте. Бледное лицо андата расчертала тень от решетки. Хай повернулся к кровати и ждал, пока поэт не принял позу согласия с приговором.

— Нечего ему бродить попусту, — произнес правитель. — Когда нужда в нем отпадает, пусть сидит на месте. Таков мой приказ.

— Слушаю, высочайший, — ответил Хешай, лег на постель и отвернулся, накрывшись с головой простыней. Хай негодующе фыркнул. В дверях он задержался.

— Поди сюда, — обратился он к Маати с позой приказа. Юноша ответил, как надлежало, позой почтения. — Надеюсь, из тебя выйдет лучший поэт.

Когда хай и его люди ушли, Маати еще долго стоял и дрожал. Хешай не шевельнулся и не проронил ни слова. Бессемянный в своем ящике только глазел сквозь решетку, пропустив через нее пальцы. Маати задернул над учителем полог и побрел вниз. Там уже не было никого и ничего, кроме недоеденных гостинцев да зловещей тишины.

«Ота-кво, — вдруг подумал он. — Ота-кво подскажет, что делать. Только бы он знал ответ...»

Маати взял яблоко, кусок хлеба, кувшин воды и отнес все это наверх, поэту. Потом наскоро переоделся в свежее платье и бросился прочь, в город. На полпути к баракам Оты-кво он заметил на щеках слезы и даже не смог вспомнить, когда заплакал.

— Итани! — рявкнул Мухатия-тя. — Спускайся, да поживей!

Ота, задыхаясь в жаре и темноте под самой складской крышей, схватился за боковины лестницы и съехал на руках вниз. Мухатия стоял в широком дверном проеме, впускающем свет и шум улицы. Выражение лица у надсмотрщика было кислое, но с каким-то необычным оттенком — нетерпением, может быть, или любопытством. Ота встал перед ним в позе исполненного долга.

— Тебя вызывают в Дом. Уж не знаю, чем ты им приговаришься.

— Понял, Мухатия-тя.

— Если это твоя подружка придумала, чтобы оторвать тебя от работы, я все равно узнаю.

— Ну, пока не схожу, не выясню, — заметил Ота с привычной улыбкой, а сам подумал, что никогда еще не улыбался так искренне. Мухатия-тя немного смягчился и махнул Оте, выпроваживая его за дверь.

— Эй! Итани! — окликнул знакомый голос. Каймати. Ота обернулся. Старый приятель толкал к двери склада тележку, но остановился перевести дух, подперев тяжесть коленями. — Расскажешь потом, а?

Ота изобразил согласие и вышел. «Это только кажется, — говорил он себе, шагая по улицам, — что на меня глазируют. С какой стати целому городу замечать, что я есть, судить обо мне? Обычном грузчике в целом городе себе подобных?» Но уговоры никак не меняли его настроения. Скорбный торг прошел неудачно. Лиат досталось, Маати — тоже. Два дня он не видел ни ее, ни его. Комната Лиат в Доме Вилсина пустовала, а у поэта было слишком людно — какое там зайти в гости. Приходилось довольствоваться слухами улиц и бани.

Андат якобы вырвался на свободу, убил мать и ребенка; ребенок на самом деле был от поэта — нет, от хая — или, что невероятней всего, от самого андата; поэт совершил самоубийство, был убит хаем или пал от руки андата; поэта сразил душевный недуг; сошла с ума мать... Домыслы растекались во всех направлениях, как кровь, пролитая в воду. Какие только ни ходили легенды — даже правдивые, незаметные в общей массе, — и на каждом углу Сарайкета их плодили и множили.

Ночью Ота спал плохо и проснулся не отдохнувшим. Теперь он быстро шел по улицам, а послеполуденное солнце давило на спину так, что пот лился ручьем.

Лиат он увидел еще издали, перед Домом Вилсина, и узнал по силуэту, прочел изможденность в ссутулившихся плечах. На ней было траурное облачение. То ли это платье, в котором она вела церемонию, или новое, по слухам свежего горя, он не знал. Увидев его, Лиат пошла навстречу. Ее глаза потухли, лицо

побледнело, в губах не было ни кровинки. Она без слов упала к нему на грудь. Со стороны, конечно, это смотрелось странно — не подобало грузчику обнимать распорядительницу, прижимаясь ко лбу щекой, да еще посреди улицы. Да и сомнительное удовольствие в такую жару. Лиат же так крепко стиснула его, что он почувствовал, как тяжело она дышит.

— Что случилось, любимая?

Лиат только покачала головой. Ота погладил ее распущеные волосы и стал ждать. Наконец она, судорожно вздохнув, разжала объятия, только руку не отпустила. Да он и не стал отбирать.

— Идем ко мне, — сказала Лиат. — Там можно поговорить.

В Доме Вилсинов царило уныние. Люди спешили по делам, словно ничего не произошло, но всеобщее напряжение давало о себе знать. Лиат молча провела Оту к себе, толкнула дверь комнаты и затащила в полуутыну. На кровати лежал кто-то худой и очень знакомый, в коричневом платье. При виде вошедших он сел и протер глаза.

— Ота-кво? — спросонья проговорил Маати.

— Он пришел сегодня утром, тебя разыскивал, — пояснила Лиат, отпустив наконец руку Оты и сев за стол. — По-моему, он ничего не ел и не пил с самой церемонии. Я привела его сюда, дала яблоко и воды, положила спать и послала гонца к Мухатии-тя.

— Прости, — сказал Маати. — Я не знал, где тебя искать, и решил, что Лиат-тя...

— Нет, ты хорошо придумал, — уверил его Ота. — Как видишь, я здесь. Так что же случилось?

Маати потупился, за него начала Лиат. Ее тон был суров, как камень, и столь же безрадостно сер. Она вполголоса рассказала, как все было: как переводчик Ошай, действуя по указке андата, провел ее, а поплатились Мадж и ее ребенок. Маати продолжил рассказ: поэт занемог, почти не ест, не пьет и лежит, не вставая. А рассерженный хай запер Бессемянного в ящик.

Ота выслушивал подробность за подробностью, жалобу за жалобой, и на сердце у него становилось все тяжелее. Лиат пря-

тала глаза, и ему захотелось побывать с ней наедине, обнять ее, а Маати мешал. «Хотя ему и уйти-то некуда, — спохватился Ота. — Нет, так правильнее всего». Маати договорил и затих. Ота понял, что тот от него чего-то ждет. Какого-то решения.

— Значит, он сознался, — задумчиво проговорил Ота. — Бессемянный. Перед хаем.

Маати ответил утвердительной позой.

— Почему? Не мог же он подумать, что сломит этим дух Хешая-кво? Что сумеет освободиться?

— Конечно, мог! — отрезала Лиат. Маати не стал спешить с утверждениями и после некоторого раздумья покачал головой.

— Бессемянный ненавидит Хешая, — сказал он. — Всему виной ошибка в поэме. Или не ошибка, а скорее неотъемлемая часть. Андат наверняка знал, как навредить Хешаю, потому и затеял скорбный торг.

— Хешаю? — вскричала Лиат. — Навредить Хешаю? А как же Мадж? Уж она-то ничем не заслужила этого горя! Ничем!

— Бессемянному... это было неважно, — сказал Маати.

— И что же, Хешай его развоплотит? — спросил Ота. — План удался?

Маати изобразил позу, говорящую, что он ничего не знает и ему очень жаль.

— Он совсем плох. И я не знаю, как на нем скажется заточение Бессемянного...

— Да кому какое дело? — бросила Лиат. В ее тоне звучала горечь. — Какая разница, страдает Хешай или нет? Да хотя бы и страдал! Ведь следить за андатом — его работа. Если он только и делает, что пьет и шляется по веселым домам, туда ему и дорога! И судить надо его!

— Дело не в этом, милая, — сказал Ота, глядя по-прежнему на Маати.

— Нет, в этом, — стояла на своем Лиат.

— Когда поэт стареет и умирает или кончает самоубийством, андат освобождается. Если только...

— Я еще не готов, — сказал Маати. — По правде говоря, я и живу-то здесь совсем недавно. Ученик поэта должен годами

состоять при учителе, прежде чем пытаться принять его бремя. И даже тогда не всякий бывает на это способен. Может, я вообще не смогу удержать его.

— А ты попробуешь?

Маати ответил не сразу и еле слышно.

— Если я провалюсь, расплата будет суровой.

— А что за расплата? — спросила Лиат.

— Не знаю. Смотря чего потребует андат. Единственный способ выяснить — потерпеть неудачу. Скорее всего, платить придется своей жизнью. Но... я могу попробовать. Если больше будет некому.

— Это же безумие, — произнесла Лиат, оглядываясь на Оту в поисках поддержки. — Так нельзя! Все равно, что просить человека спрыгнуть с крыши — вдруг полетит!

— Выбора не остается. Успешные воплощения случаются редко. И пробуют-то немногие. Бессемянного просто некем будет заменить, а если будет, неизвестно, насколько это поможет торговле хлопком, — сказал Маати. Вид у него был бледный и нездоровий. — Если некому будет занять место поэта, долг обяжет меня...

— Вовсе не обязательно. Если посчастливится, до этого не дойдет, — перебил его Ота. — Может, найдется другой поэт, более пригодный для такой задачи. Или другой андат, который сможет взять на себя роль Бессемянного, если...

— Можно связаться с даем-кво, — вмешалась Лиат. — Он наверняка найдет выход.

— Я не могу поехать, — ответил Маати. — Не бросать же Хешая-кво одного.

— Напиши ему, — предложила Лиат. — Пошли гонца.

— Справишься? — спросил Ота. — Расскажи ему обо всем: о скорбном торге, о Бессемянном, о приговоре хая. О том, чего опасаешься. И так далее.

Маати кивнул.

— Скоро? — спросил Ота.

— Могу к завтрашнему утру.

Ота зажмурился. Тяжелое предчувствие сжало внутренности, руки задрожали, словно он вот-вот ударит или примет удар.

Кому-то придется доставить письмо, но не Маати. Значит, пойдет он. Ответ лежал перед ним, как давно принятое решение.

Перед ним всплыло лицо Тахи-кво, а с ним вместе — память о школе, ее холодных, унизительных днях и ночах, пустоте и жестокости, кратком, но запомнившемся чувстве успеха. В нем снова закипела ярость, будто все это время она тихо копилась, а сейчас полезла через край. Кому-то нужно отправиться к даюкво, и он, Ота, готов к новой встрече с ним.

— Приноси письмо сюда, в комнату Лиат. В эту пору всегда уходят корабли до Ялакета. Думаю, где-нибудь да найдется лишняя койка.

— Никуда ты не поедешь! — отрезала Лиат. — Нельзя. У тебя договор...

Ота открыл дверь и отошел в сторону, провожая Маати последней признательности и обещания.

— Ты уверен? — спросил Маати.

Ота кивнул и отвернулся. Они с Лиат остались наедине. Комната снова погрузилась в полумрак.

— Тебе нельзя ехать, — повторила Лиат. — Ты нужен мне здесь. Кто-то должен меня поддержать. В том, что случилось с Мадж, с ее ребенком... виновата я. Я это допустила.

Он склонился к ней, погладил по шелковистой щеке. Она взяла его руку в ладони и прижала к груди.

— Я должен. Не только ради Маати. Там осталось мое прошлое. Так будет правильно.

— Она постоянно плачет. Со слезами ложится, со слезами встает. Я ходила ее навестить, когда меня выпустили. Она первая, к кому я пошла. Только увидела ее, и сразу вспомнила, какая она была раньше... Я-то думала, она черствая. Думала, ей все равно. Ничего не замечала.

Ота опустился на колени, обвил ее руками.

— Ты ведь едешь... — прошептала Лиат, — не из-за меня, да? Не потому, что хочешь от меня отделаться?

Ота сел, голова Лиат легла ему на плечо. Его ум работал где-то на подмысленном уровне: просчитывал, что нужно сделать и

в какой последовательности. Ота погладил Лиат по волосам — гладким, как вода.

— Конечно, нет, любимая.

— Однажды ты станешь великим человеком. Я знаю. А я просто дурочка, которая не может отличить чудовищ вроде Ошая от... Боги!.. Ведь я даже ничего не заподозрила. Как слепая была...

Она заплакала, сотрясаясь от рыданий, а он стал тихонько покачивать и утешать ее, положив подбородок ей на макушку. Лиат пахла мускусом и слезами. Ота держал ее в объятиях, пока она не утихла, пока у него не заныли руки. Ее голова потяжелела, дыхание стало ровным, как у спящей.

— Ты совсем вымоталась, любимая, — сказал он. — Ложись в постель. Тебе нужно поспать.

— Нет, — отозвалась она. — Нет, побудь со мной! Не уходи.

Ота мягко поднял ее и перенес на кровать, а сам сел рядом. Рука Лиат обвила его плечо, как лоза — колонну.

— Три недели до Ялакета, — произнес он, — еще недели две вверх по реке и день-другой пешком. Обратно быстрее, потому что плыть вниз по течению. До зимы обернусь.

В тусклом свете из-за ставен и двери он смотрел ей в глаза, затуманенные горем и усталостью. Ее лицо стало безмятежным, полусонным.

— Тебе не терпится поехать, — сказала она. — Я вижу, ты этого хочешь.

И это, конечно, было правдой. Ота прижал к ее губам ладонь, закрыл их. Потом — к глазам. Не готов он это обсуждать. По крайней мере, с ней.

Он поцеловал Лиат в лоб и подождал, пока она не заснет, после чего тихонько открыл дверь и вышел на свет.

Амат вскочила посреди ночи. Ей снилось, будто Ови Ниит колотит ногами в дверь, и, даже вынырнув из темной пучины кошмара, она далеко не сразу сообразила, что никакого грохота не было. Мало-помалу испуг прошел, сердце успокоилось, и Амат снова легла. Сетка полога над ней отливалась медью в свечном сиянии; когда в открытые окна прокрался холодный голубой свет зари, медный оттенок поблек и посветел. Ставни покачивались на ветерке, пахнущем морем.

Письменный стол Амат был завален бумагами. Бруски туши, стертые от долгого употребления, улеглись столбиком на верхней ступени лестницы, дожидаясь, когда их унесут. За время ее отлучки дела Дома пошли наперекосяк. Амат до поздней ночи прокомпилировала списки и счета, убеждая себя в том, что заботится о делах Дома, как раньше, что последние события не отравили ее преданность.

Амат вздохнула, села и откинула полог. После возвращения жизнь казалась ей однообразной — постоянныеочные кошмары, унылая работа, встречи, совещания до заката. Однажды Марчат, обратив внимание на ее загнанный вид, предложил отправить ее на отдых в Чабури-Тан, когда сезон закончится. За счет Дома, добавил он. Амат то и дело позволяла себе помечтать о том, как уедет подальше от Сарайкета, от набережной, от своего письменного стола и каморки у Ниита, но всякий раз печалилась, зная, что отдохнуть не суждено. Хотя было бы неплохо.

Она поднялась с постели, надела чистое платье и вышла на улицу — до прилавка на углу, где девчонка из предместья продавала свежие ягоды, завернутые в хрустящие сладкие лепешки. Хватит, чтобы продержаться до обеда. Амат съела их по дороге домой, мысленно составляя список дел на день. Ей было трудно сосредоточиться. Дать уму отдохнуть, ничем его не занимать оказалось куда проще.

Отрезок жизни со дня скорбного торга прошел словно в бреду. Время текло неделя за неделей, а она не ощущала его, не могла прийти в себя, работала безо всякой охоты. Что-то в ней сломалось, и притворяться, будто все идет на лад, было без толку. В глубине души она знала, что так случится, и незаметно для себя начала строить планы.

Незнакомец, что ждал ее у дверей, был одет в желтое с серебром — цвета Дома Тиянов. Он был совсем юн — лет шестнадцати или семнадцати. Как Лиат. Стало быть, ученик, но ученик одной из ключевых фигур Дома. Это могло означать лишь одно.

Амат мысленно отодвинула список дел и запихнула в рот последний кусочек лепешки в ягодном соусе. Юноша, увидев ее, мгновенно принял позу почтения к уважаемому человеку старше себя. Амат ответила сообразно.

— Клан-тя, — начал посланник. — Я прибыл к вам по поручению Аннана Тияна...

— Ну еще бы, — отозвалась она, отпирая дверь. — Заходи. Списки с тобой?

Он замялся на пороге, но лишь на миг. Амат медленно пошла вверх по лестнице. С тех пор, как она вернулась к себе в дом, к бальзаму и собственной постели, ноге стало гораздо лучше. Умывальника она задержалась, чтобы смыть с пальцев пятна от ягод. Потом прошла к письменному столу, повернулась и села. Мальчик стоял перед ней, уже вынув что-то из рукава — письмо, которое она посыпала его хозяину. Амат протянула руку, и он отдал бумагу ей.

Напротив ее предложения стояла подпись. Амат улыбнулась и спрятала бумагу в рукав: это пойдет к ее собственным докумен-

там, не для Дома Вилснов. Шкатулка лежала на столе, под кипой договоров. Амат вытащила ее оттуда, взяла на руки. Ларчик темного дерева, обитый железом, полный каменьев и полос серебра. Она вручила его юноше.

— Мой господин... — начал тот. — Понимаете, Амат-тя, я хотел спросить...

— Аннан хочет знать, почему я оставляю шкатулку у него, — подхватила Амат, — и просил тебя ненавязчиво это выведать.

Мальчик отчаянно покраснел. Амат махнула рукой, избавляя его от необходимости отвечать.

— Грубовато с его стороны, хотя я поступила бы так же. Можешь передать ему, что я всегда следовала имперскому предписанию хранить подобные вещи у верных друзей. Один из них — тот, кто всегда шел мне навстречу, — сейчас отбывает из города, вот и пришлось подыскивать нового хранителя. Разумеется, услуга за услугу, если таковая понадобится. Да, к бедной островитянке это не имеет никакого отношения.

Конечно, здесь Амат лукавила, но иначе было нельзя. Она уже отправила три похожие шкатулки кое-кому из горожан, которые могли бы поддержать ее при неудачном стечении обстоятельств. Их согласие имело цену ровно до тех пор, пока они были честны с ней. Конечно, без мелких хищений не обойдется: где-то, несмотря на замок, исчезнет две-три серебряных полоски, где-то вместо крупного камня будет лежать другой, поплоше и подешевле. Впрочем, все четыре ларца вряд ли опустеют, а больше беспокоиться не о чем.

Посыльный изобразил признательность и удалился вниз по лестнице. Амат поняла, чему научил ее Сарайкет через Ови Нита. Теперь судьба не застанет ее врасплох, без денег. Ее навела на эту мысль практика великих родов Империи в эпоху упадка. Аннан, конечно, не поверит, что Мадж и скорбный торг ни при чем, но поймет по ее ответу, что болтать на сей счет не стоит. Иного и не требовалось.

Следующие полторы ладони она листала договоры, делая пометки сразу в двух экземплярах — для себя и для Вилсина. Сезон подходил к концу, и менять что-либо в формулировках было

почти поздно. Однако к каждому договору прилагались два-три письма с уточнениями сроков или поправками в терминах и определениях, а такие мелочи, если их не выверять, способны были погубить любую контору.

Амат прошла их все по порядку, проверила точность переводов на гальтский и хайятский, отметила несостыковки и места, которые можно было понять двояко. Она занималась этим долгие годы, но сейчас работала машинально и без малейшей радости.

Дойдя до последней страницы, Амат проверила, высохла ли тушь, скатала разные комплекты документов в трубки, перевязала ленточками и упрятала в легкий кошелек — в рукаве они уже не помещались. Потом взяла трость и вышла в город, направляясь на север, к Дому Вилсина. Прочь от веселого квартала.

Когда она прибыла на просторное Вилсиново подворье, следователи утхайема были уже там. Слуги в тонких шелках толпились перед фонтаном, судачили между собой и поглядывали на улицу из-за бронзового Гальтского Древа. Амат, глядя на них, смешалась. На нее вдруг напал необъяснимый страх. Она загнала его в глубину души, как в последнее время поступала со всеми своими чувствами, и направилась мимо незнакомцев в приемные покои Марчата.

Перед тяжелой двустворчатой дверью сидел крысомордый лизоблюд-управляющий, Эпани Дору. При виде Амат он поднялся в позе приветствия — уважительной ровно настолько, чтобы создать впечатление искренности.

— Вилсин-тя пожелал видеть эти документы, — произнесла Амат, принимая ответную позу.

— У него сейчас люди из суда, — произнес Эпани извиняющимся тоном.

Амат посмотрела на запертые двери и вздохнула. Потом жестом спросила, долго ли еще. Эпани ответил расплывчато, с намеком, что увидеть начальника до заката вряд ли удастся.

— Что ж, это может и подождать, — сказала Амат. — Стalo быть, из-за скорбного торга? Поэтому они на него насыдаются?

— Полагаю, да, Амат-тя, — ответил Эпани. — Как я понял из разговора со слугами, хай хочет поскорее распутать и за-

быть это дело. К нему уже приходили ходатайствовать о понижении ставок.

Амат щелкнула языком и покачала головой.

— Да, со скорбным торгом хлопот не оберешься, — сказала она. — Жаль, что Вилсин-тя вообще с ним связался.

Эпани принял позу согласия и печали, но Амат на миг почудилось в ней нечто большее. Быть может, он знал? Что, если Марчат посвятил его, Эпани Дору, в то, что утаил от нее? Взял его в сообщники? Амат отметила эту мысль и убрала из головы прочь, словно спрятала в рукав, после чего сложила руки в вопросительной позе.

— А что Лиат?

— В писчей, кажется, — ответил Эпани. — Утхайем ее не вызывал.

Амат не ответила. Писчие комнаты были не самым лучшим местом для ученицы распорядителя. Подшивать документы для архива, переписывать, сверять числа за низким каменным столом больше подобало писцу-новичку, который только-только поступил на службу. Амат прошла по коридору туда, где в застопавшемся, спертом воздухе витал запах дешевого лампового масла.

Лиат сидела одна, сгорбившись над столом. Амат постояла на пороге, изучая ее круглое лицо, которое уже не сияло юношеством, как прежде. Амат вдруг ясно увидела, кем Лиат станет, когда ее красота поблекнет — обычной женщиной, даже не миловидной, — и ей сделалось нестерпимо жаль девушку. Распорядительница шагнула вперед.

— Амат-тя, — Лиат увидела ее и приняла позу извинения. — Я не знала, что вы меня ищете! Иначе бы...

— Я сама не знала, — ответила Амат. — Так что не вини себя. Ты над чем-то работаешь?

— Переписываю отчеты о поставках из Западных земель. Для архива.

Амат присмотрелась. Почерк у Лиат был аккуратный, разборчивый. Она вспомнила, как сама совсем недавно сидела в душном кабинете над такими же колонками цифр. Ее улыбка стала напряженнее.

— Это Вилсин-тя тебе приказал? — спросила она.

— Нет. Никто не приказывал. Просто все дела кончились, вот и решила принести пользу. Я... Не хочется бездельничать в эти дни. Как будто...

— Оставь, — сказала Амат, притворяясь, что смотрит на цифры. — Ты тут ни при чем.

Лиат обозначила вопрос. Амат вернула ей переписанные страницы.

— Ты все сделала правильно.

— Вы слишком добры.

— Нет. Вряд ли. Просто ты ничем не могла этому помешать, Лиат. Тебя подставили. Как и ту женщину. Как и поэта с хаем.

— И Вилсина-тя, — добавила Лиат.

«Его скорее загнали в угол», — подумала Амат, но промолчала. Лиат робко улыбнулась и приняла поэзу благодарности.

— Когда слышишь это, становится легче, — сказала она. — Итани меня подбадривал, пока был здесь, но ему не всякий раз поверишь. А теперь он уехал, и...

— Уехал?

— На север, — добавила Лиат испуганно, словно проболтась. — Повидать сестру. И... и я уже по нему скучаю.

— Немудрено. Он же твой друг сердца, — мягко поддразнила Амат. Однако тревога и страх во взгляде Лиат лишь усилились. Амат набрала воздуха и положила руку ей на плечо.

— Идем. Мне нужна твоя помощь. Только куда-нибудь, где попрохладнее, хорошо?

Амат отвела ее в приемную в северной части строения, где окна выходили на теневую сторону, и изложила ей суть заданий. Сначала она хотела не нагружать помощницу, но теперь, видя ее состояние, добавила три-четыре мелких поручения, которые на-меревалась отложить на потом. Лиат нужно было отвлечься. Конечно, работа — слабое утешение, но все лучше, чем никакого. Лиат слушала жадно, ловя каждое слово.

Амат нехотя закончила список.

— Прежде, чем начнешь, проводи меня к пострадавшей, — сказала она.

Лиат застыла, но ответила позой согласия.

— Мне нужно с ней поговорить, — добавила Амат, понимая, как нелепо это звучит. На миг ей захотелось рассказать все с начала до конца, облегчить бремя Лиат, если только от правды ей станет легче. Однако Амат переборола себя, отмела сострадание в угол вместе со страхом, злостью и печалью.

Лиат отвела ее в уединенную часть особняка, по соседству с покоями Вилсина. Амат знала эти комнаты: узорчатый паркет на полу, гальтские гобелены, оконные решетки резной кости... Здесь Марчат Вилсин селил самых почетных гостей. Вряд ли Мадж ночевала тут перед преступной церемонией. Должно быть, Марчата все-таки грызла совесть, раз теперь женщину поселили сюда.

Мадж лежала на широком подоконнике, поджав ноги. Бледные пальцы цеплялись за решетку, удивительно светлые пряди волос, похожих на грязное золото, струились по плечам вниз, не доставая до пола. Она казалась притихшей. Амат постояла за ней, следя за каждым вдохом и выдохом — размеренными, но не как во сне.

— Я могу подождать здесь, если хотите, — сказала Лиат. — Она... Ей вроде бы лучше, когда ее окружают знакомые лица. Знакомые люди.

— Нет, — ответила Амат. Островитянка пошевелилась, услышав ее голос. Светлые глаза оглядели ее без тени любопытства. — Нет, Лиат-кя. На сегодня я тебя достаточно нагрузила, а здесь и сама справлюсь.

Лиат послушно поклонилась и вышла, закрыв за собой дверь. Амат придвинула к подоконнику плетеное кресло. Мадж за ней наблюдала. Как только Амат устроилась, скрипнув креслом, островитянка заговорила:

— Вы ее обижаете, — произнесла она на певучем ниппуанском наречии. — Вы ведь отослали ее прочь, верно?

— Верно, — ответила Амат. — Но я пришла поговорить с тобой, а не с ней.

— Я уже рассказала все, что знаю. Раз сто, наверное. И больше не стану.

— Я пришла не выслушать тебя, а рассказать свое.

На бледных пухлых губах медленно возникла усмешка. Белесые брови приподнялись.

— Вы скажете мне, как спасти моего ребенка?

— Нет.

Мадж пожала плечами, словно говоря: «А кроме этого ничто не стоит внимания».

— Вилсин-тя хочет отправить тебя в Ниппу, — сказала Амат. — Думаю, на неделе все будет готово.

Мадж кивнула. Ее взгляд смягчился. Амат знала, что она уже представляет себя дома, словно ничего не случилось. Неловко, даже жестоко было продолжать.

— Я не хочу, чтобы ты уезжала, — произнесла Амат. — Хочу, чтобы ты еще побыла здесь, в Сарайкете.

Мадж сузила глаза и приподнялась, заглядывая Амат в лицо с откровенным недоверием.

— То, что произошло, касается не только тебя, — сказала Амат. — Мой город, его благополучие под угрозой, и не только из-за андата и Ошая. Нелегко будет втолковать это остальным, и если ты уедешь... если уедешь, я вряд ли сумею.

— Что сумеете?

— Доказать хаю, что преступников было больше, чем он думает.

— Вам за это платят?

— Нет.

— Тогда зачем?..

Амат сделала глубокий вдох и уверенно посмотрела Мадж в глаза.

— Потому, что так будет правильно.

Она впервые озвучила эти слова и словно сбросила груз с души. С тех пор, как она бежала от Ови Нинта, в ней жили две женщины: распорядительница Гальтского Дома и другая, которая предвидела этот разговор и все его последствия. А теперь они снова стали одной. Амат обхватила пальцами колено и улыбнулась — чуть печально.

— То, что случилось, ужасно. По моему городу нанесли удар. Моему! И мой Дом к этому причастен, а значит, и я тоже. Выго-

ды мне никакой не будет, Мадж. Зато потерять можно много. И все равно я не отступлюсь — с тобой или без тебя.

— Моего ребенка этим не вернешь.

— Не вернешь.

— Но я смогу отомстить?

— Да. Если я добьюсь своего.

— А что он сделает, ваш хай? Если вы победите?

— Не знаю, — ответила Амат. — То, что сочтет правильным. Может, взыщет плату с Дома Вилсинов. Или спалит дотла. Или вышлет Вилсина-тя прочь из города.

— Или казнит его?

— Или казнит. Еще он может натравить Бессемянного на Дом Вилсинов, на Совет Гальтов или на весь Гальт сразу. Не знаю. Не мне решать. Все, что я могу — это просить у хая справедливого суда и надеяться на его мудрость в дальнейшем.

Мадж отвернулась к окну. Ее бледные пальцы перебирали узор решетки, поглаживали ее изгибы, словно касаясь любимого лица. Амат сглотнула ком в горле. Где-то дважды прокричала птица, потом смолкла и запела снова.

— Мне пора, — сказала Амат.

Мадж не обернулась. Амат встала — кресло охнуло и заскрипело — и взяла трость.

— Когда я попрошу, ты придешь?

Молчание тянулось вечно. Амат хотелось его нарушить, убеждать и даже умолять, но опыт ведения переговоров подсказывал: жди. Молчание требует ответа красноречивее любых слов. Когда Мадж заговорила, ее голос был тверд.

— Я приду.

Сарайкет таял. Широкое жерло бухты сжималось, причалы, где десятеро могли пройти плечом к плечу, казались не толще палочек на воде.

Ота стоял на корме корабля. Его подбрасывало качкой, в лицо летели соленые, пахнущие морем брызги, но все его внимание поглотил исчезающий позади город. Сейчас можно было охватить его весь одним взглядом: хайский дворец в сизой дымке на

вершине северного склона; высокие белые коробки складов, крытые тяжелой серой и красной черепицей; мирное, благообразное утреннее лицо веселого квартала; прибрежных рыбаков, сидящих на сваях в полосе прибоя.

Корабль увлекало на восток — мимо речного устья, огромного и илистого, мимо тростниковых полей. И вот, после полуладони хода с ветром в широких парусах, судно обогнуло мыс, и Сарайкет пропал из вида. Ота оперся подбородком на смолистый брус борта.

Все остались там — Лиат и Маати, Кират и Тууй, Эпани, которого все за глаза называли сверчком. Улицы, где он таскал тюки хлопка и бочонки с краской, чайные, где пел и выпивал, садик, где впервые поцеловал Лиат, а она — его, о чем он прежде мог только мечтать. Огнедержец, который за медяки разрешал им с друзьями жарить голубей в своей печи. Ота вспомнил, как впервые приехал туда, каким незнакомым и пугающим все казалось. Будто целая жизнь пролетела с тех пор.

А впереди лежало далкое прошлое. Он никогда не бывал в селении дая-кво, ни разу не видел знаменитых библиотек, не слышал песен, которых нигде больше не пели. Там он мог стать тем, кем не стал. Кем, быть может, хотел его видеть отец. Кем он мог однажды вернуться в Мати и увидеть, какие из его воспоминаний были правдивы. Если бы он знал, когда бросал школу, что потеряет...

— Вот ведь гадость, — произнес чей-то голос.

Ота вскинул голову. Рядом стоял незнакомец в темно-зеленых одеждах. Борода с проседью скрывала моложавое, свежее лицо, ясные черные глаза смотрели чуть насмешливо, но вполне дружелюбно.

— О чём вы?

— О первых трех-четырех днях на борту, — отозвался бородач. — Пока желудок привыкает к качке. У меня есть на этот случай дегтярные пилюли, но они никогда не помогают. Хотя тебя это вроде не касается?

— Не очень, — согласился Ота, по обыкновению улыбаясь.

— Везет! Меня зовут Орай Баухетер, — назвался незнакомец. — Посыльный Дома Сианти, в настоящий момент направлен из Чабури-Тана в Мати. Поездочка та еще, дольше некуда. А после — представь — меня еще хотят приткнуть в караван на север, чтобы успеть до первых снегов. А ты? По-моему, мы раньше не встречались. А я думал, всех знаю...

— Итани Нойгу, — представился Ота, по привычке солгав. — Еду в Ялакет повидать сестру.

— А сам из Сарайкета?

Ота ответил позой подтверждения.

— Слышал, нелегкие времена у вас настают. Может, самое время убраться.

— Да нет, я еще вернусь. Просто на малыша посмотрю, и назад — отрабатывать кабалу.

— А как же девчонка?

— Какая девчонка?

— Та, о которой ты думал, пока я не подошел.

Ота засмеялся и принял вопросительную позу.

— А как вы узнали, что я о ней думал?

Орай перегнулся через перила и посмотрел вниз. Несмотря на улыбчивый вид, цвет лица у него отдавал зеленью.

— Когда человек впервые выбирает дорогу вместо девушки, в нем поселяется особая грусть. Время лечит ее, но не до конца.

— Очень поэтично, — проговорил Ота и сменил тему. — Значит, едете в Мати?

— Да. В зимние города. Даже смешно. Сейчас жду-не дождусь, когда попаду туда: сплошная твердь, тебя не болтает, как пробку в корыте. А когда буду там, пожалею, что сошел с корабля. Там хоть моча не замерзает на лету! Ты бывал на севере?

— Нет, — ответил Ота. — Я почти всю жизнь прожил в Сарайкете. А каково там?

— Холодно, — произнес новый знакомый. — Адски. Хотя красиво по-своему — на суровый лад. Шахты — вот чем они живут. Рудники да кузницы. А еще каменоломни, благодаря которым строятся их города. Боги, города, подобного Мати, во всем свете не сыщешь. Одни башни... о них-то ты слышал?

— Как-то мельком, — отозвался Ота.

— Я раз бывал на самом верху. Той, что покрупнее. Она была как гора. Глядишь с нее — и на сотни миль вокруг все как на ладони. Посмотришь вниз... Честное слово, туда птицы не долетают. Кажется, еще кирпич-другой — и можно облака потрогать.

За бортом плескалась вода, над головами кричали чайки, но Ота их не слышал. На миг он перенесся на вершину башни. Слева разгорался рассвет, розовый, золотой и бледно-лазоревый, как яйцо малиновки. Справа все по-прежнему покрывала мгла. А перед ним высились заснеженные горы — обнаженные кости земли среди темного камня. Что-то витало в воздухе — аромат мускуса, что-то женское. Трудно было сказать, что это — сон наяву, воспоминание о детстве или то и другое, — но Оту долго не отпускала какая-то щемящая грусть.

— Наверное, это очень красиво, — сказал он.

— А я вот бросился вниз со всех ног! — Рассказчик поежился, несмотря на жару. — На такой высоте даже камни качаются.

— Хорошо бы там когда-нибудь побывать.

— Тебе понравится. Ты похож на северянина.

— Мне говорили, — сказал Ота и улыбнулся, несмотря на печаль. — Не знаю, понравится ли. Я немало лет провел на юге. Наверное, уже прижился.

— Да, нелегко это, — произнес его попутчик, принимая позу согласия. — Видно, поэтому я без конца путешествую, хотя и не приспособлен для этого. Когда я в одном краю, непременно вспоминаю другой. Попадаю в Удун — начинаю думать о похлебке из черного краба, что подают в Чабури-Гане. В Сарайкете на ум приходят утанийские дожди. Взять бы все это разом — лучшее, что есть в каждом городе — и поместить в одно место, вот был бы рай! Но нельзя, и потому мое дело пропавшее. Когда-нибудь я стану слишком стар для таких поездок, и придется осесть где-нибудь. И тогда, боюсь, мысль о том, что я больше не увижу других городов, меня доконает.

На мгновение оба замолкли. Потом задумчивость посыльного куда-то исчезла, и он пристально посмотрел на Оту.

— Занятный ты малый, Итани Нойгу. Я думал, развеюсь, поговорю с молодым человеком о первом путешествии, а закончил своим последним. Ты всегда так действуешь на людей?

Ота улыбнулся и принял легкомысленную позу извинения, но, заметив серьезный взгляд собеседника, перестал улыбаться и уронил руки. Тем временем захлопали паруса, и человек на корме низкого, как баржа, судна что-то прокричал.

— Да, — ответил Ота, сам себе удивляясь. — Только мало кто замечает.

— Стало быть, островитянка ушла, — сказала Амат. — Ну и пусть. Ты ведь все равно собирался ее отсылать.

Марчат Вилсин поерзal; мелкие волны отразились от мозаики бассейна. Амат смаковала чай с мнимым безразличием.

— Мы собирались отправить ее домой. Обо всем условились. Зачем она ушла? — спросил он больше у воды или самого себя, нежели у распорядительницы. Амат поставила чашку на плавающий поднос и сделала вопросительный жест, который, учитывая прежде сказанное, выглядел саркастически.

— Дай-ка подумать, Вилсин-тя. Молодую девушку обманули, использовали, унизили. Девушку, которая по наивности поверила в сказки о красивой любви и могущественном любимом, отвели на бойню, заставили пожертвовать самым дорогим. И с чего бы ей расхотелось возвращаться к своему народу? Там ее, конечно, не будут считать наивной дурочкой. Равно как при дворе или среди утхайемцев. О ней, знаешь ли, уже анекдоты ходят. На набережной. Грузчики и прислуга в чайных сочиняют на потеху друг другу. Хочешь послушать?

— Нет! — выпалил Марчат и хлопнул по воде. — Не хочу. С самого начала не хотел, чтобы так вышло, но раз началось, избавь меня от подробностей.

— Ей стыдно, Марчат. Она ушла от стыда.

— Не вижу причины стыдиться, — оправдываясь, отозвался Марчат. Защищая себя и, как ни печально, Мадж. — Она не сделала ничего плохого.

Амат оставила позу и опустила руки под воду. Вилсин что-то беззвучно лопотал, не решаясь начать разговор. Амат выжидала.

Прошлой ночью она вывела Мадж из города и поселила в одной рыбакской деревушке на западе. «Тихий домик за городом, — думала Амат, — вполне сгодится, пока я не подготовлю другое пристанище. Надеюсь, больше недели для этого не потребуется». В последние дни ее планы разнились с планами Дома Вилсинов. Еще немного, и их с Марчатом пути разойдутся. И, что самое неприятное, он ни о чем не догадывался. Дом Вилсина избавил ее от жизни на грани, а он — Марчат, ее работодатель и старый друг, выделил из простых писцов и чиновников, продвигал по службе... Вот и сейчас они сидели, как встарь, в привычном месте, но каждый миг приближал их к расставанию.

Амат неожиданно для себя наклонилась и положила руку ему на плечо. Вилсин поднял голову и вяло улыбнулся.

— Зато все кончено, — произнес он. — Все уже кончено.

В последнее время он часто твердил это, словно заклинание. Видимо, все же знал: до конца еще далеко. Он взял Амат за руку и неожиданно поцеловал. Усы царапнули нежную от купания кожу. Амат мягко высвободилась. Вилсин залился румянцем. Боги, да он покраснел! Амат разом захотелось заплакать, вскочить и уйти, заорать на него так, чтобы плитка полопалась: «И ты еще пытаешься меня разжалобить? После всего, что натворил!»

— Вилсин-тя, — сказала она вслух. — Расписание торговых рейсов.

— Да-да, — отозвался он. — Расписание. Надо его обсудить.

И они принялись разбирать будничные вопросы. Небольшой пожар на одном из ткацких складов грозил недостачей в три тысячи футов пряжи, и к отправке корабля в Бакту они уже не успеют. Можно было задержать отплытие, тем более, что причины позволяли, но ненадолго — сезон подходил к концу. А тут обнаружилась новая напасть: в одном из складов особо стойкая плесть сгубила два рулона шелка, и нужно было с ней разобраться, прежде чем использовать помещение вторично.

Амат описала варианты, изложила свои мысли, ответила на вопросы Вилсина и выслушала его решения. В общей части бань мужской голос затянул песню, которую подхватили два других, менее стройных. Тёплый ветерок, залетавший сквозь кедровые ставни, вызывал рябь на воде. Амат с болезненной дотошностью отмечала каждую мелочь — румянец на бледной коже Марчата, трещинку на краю лакового подноса, горьковатый привкус пердержанного чая. «Как белка, — подумала она, — что собирает запасы на зиму».

— Амат, — окликнул Вилсин, когда она, покончив с делами, собралась уходить. Его тон насторожил ее, и она снова опустилась в воду. — Я давно хотел... Мы с тобой уже столько лет работаем вместе, что и упомянуть страшно. Ты всегда... была образцовым распорядителем. Но вместе с тем мы оставались друзьями. Я всегда держал тебя на самом лучшем счету. Ох, снова не то говорю. На лучшем счету?.. Боги! Все не то...

Он поднял из воды руки — кончики пальцев сморщились, как изюмины — и изобразил нечто расплывчатое. Его лицо было напряженным и розовым от смущения. Амат недоуменно нахмурилась, и тут на нее стремительно, как тошнота, накатило понимание. Он хочет признаться в любви!

Амат уронила голову, закрыв лоб ладонью и боясь поднять глаза. Ее тихо тряслась от странного смеха — смеси веселья и ужаса. Чего только она не насмотрелась, с каким только злом не столкнулась, через что ни прошла — а это застало ее врасплох. Марчат Вилсин решил, что влюблен в нее. Вот почему он пошел против Ошая. Вот почему она до сих пор жива. Какая нелепость!

— Прости, — произнес он. — Зря я начал... Забудь. Я не... только послушай: мамлю, как школьник у доски. Дело вот в чем, Амат. Я не хотел в это влезать. Последние дни ты от меня как-то отстранилась, и я боюсь, что мы с тобой... что мы потеряем нечто, что нас связывает... Нечто...

С этим надо было кончать.

— Вилсин-тя, — произнесла Амат и заставила себя официально изобразить уважение к вышестоящему. — Я думаю,

не стоит так торопиться. Раны... слишком свежи. Может быть, отложим этот разговор на потом?

Марчат ответил позой согласия, в которой читалось не меньшее, чем у нее, облегчение. Она дала понять, что уходит, он же-стом попрощался с ней. Амат поднялась и, не оборачиваясь, вышла. В раздевалке она надела платье, умылась и постояла у края гранитного бассейна, вцепившись пальцами в бортик, пока не успокоилась. Затем, медленно выдохнув, собралась с мыслями, взяла трость и уверенно вышла на улицу, словно мир был цельным и правильным, а ее путь по нему — легок и прям.

Она побрела в Дом, благо нога почти не беспокоила. Раздала приказы, какие оставалось раздать, сделала все приготовления, обговоренные с Вилсином. Лиат, слава богам, не было. У Амат и без того выдался день не из легких, чтобы взваливать на себя ученицыны горести. И, конечно, оставалось еще решить, брать ли девушку с собой в новую жизнь, простившись со старой.

Сделав последнюю запись в конторской книге, Амат почистила тряпцей перо, положила бумагу поверх полуустертого бруска туши и отправилась на юг, к морю, но не в сторону своего жилища. Она шла мимо прилавков и кораблей, минуя водовозов, огнедержцев и торговцев маринованной свининой с тмином и имбирем. Добравшись до широкого перекрестка Нантани, она задержалась перед бронзовым колоссом — статуей последнего императора, устремившей взгляд в море. Его лицо было спокойно и, как ей показалось, удрученено. В свое время Сиан Сё наблюдал падение Империи, был свидетелем разрушительной войны между верховными советниками за власть над поэтами и андатами. «Как, должно быть, печально, — подумала Амат, — стольким обладать и ничего не сберечь». Впервые в жизни этот привычный образ человека, умершего восемь поколений назад, вызвал у нее нечто большее, нежели благоговение или любопытство. Она подошла к основанию статуи и положила ладонь на раскаленную солнцем, почти нестерпимо горячую бронзу ноги. Когда она отвернулась, ее печали не убыло, но на сердце стало легче. Некое чувство сродства с тем, кто когда-то, подобно ей, старался спас-

ти свой мир, придало Амат бодрости. Она двинулась навстречу реке, приближаясь к худшой части города. Ее города.

Искомая чайная, похоже, зневала лучшие времена — ставни облупились, штукатурка стен несла наспех заделанные следы ударов, — но стояла крепко, и несмотря на непринглядный вид, запустением в ней не пахло.

Из окна высунулся некий тип с синими глазами и рыжей шевелюрой западника, и притворился, что смотрит в сторону. Амат приподняла бровь и вошла через синюю дверь в полумрак заведения. Ее с порога обдало смесью запахов жареной баранины, западного пива и дешевого табака. Пол из камня был гладок и чисто выметен, а немногочисленные посетители не обратили на нее особого внимания. Собаки под столами зашевелились было, но тут же отползли назад. Амат огляделась по сторонам, стараясь всем своим видом излучать уверенность и нетерпение. Спустя некоторое время к ней, вытирая руки о платье, подошла темноволосая девушка и изобразила приветствие. Амат ответила с образом.

— У нас есть свободные столики, — начала девушка. — Или желаете снять комнату? У нас хороший вид на реку, и...

— Я пришла ради человека по имени Ториш Вайт, — прервала Амат. — Мне сказали, что он будет ждать здесь.

Девушка без заминки согнулась в позе понимания и провела ее коротким коридором к открытой двери. Амат благодарственно сложила руки и переступила порог.

Ториш Вайт оказался здоровяком с густыми медовского цвета волосами и грубым шрамом на подбородке. Он даже не поднялся, когда она вошла — только окунул пытливым, слегка насмешливым взглядом. Амат приняла позу готовности к переговорам.

— Нет, — произнес громила на языке Запада. — Если хочешь со мной говорить, говори словами.

Амат опустила руки и села. Ториш Вайт откинулся на спинку кресла и скрестил на груди руки. Нож у него на поясе был с ее предплечье. У Амат перехватило дыхание от страха. Тот, кто сидел напротив, был силен, жесток и склонен к насилию. Что ж, за этим она сюда и пришла.

- Я слышала, у вас можно нанять людей, — начала Амат.
- Верно, — согласился он.
- Мне нужна дюжина.
- Для чего?
- Этого я пока не скажу.
- Тогда до свидания.
- Я могу заплатить...

— Мне плевать, что вы можете. Люди мои, и я не пошлю их, пока не узнаю, куда и на что. Не скажете — разговор окончен.

Он отвернулся, уже теряя к ней интерес. Амат тряхнула головой, отгоняя досаду. «Сейчас надо думать, а не кипятиться». Перед ней сидел такой же делец, даром что торговал насилием. Выбалтывать тайны клиента ему невыгодно — репутация пострадает.

— Я собираюсь порвать со своим Домом, — сказала Амат. Странно было услышать из собственных уст то, что так долго скрывалось. — И хочу затеять одно предприятие, которое будет неугодно моему прежнему работодателю. Для успеха мне понадобится источник постоянного и крупного дохода.

Ториши Вайт подался вперед и положил руки на колени. Теперь он смотрел на нее с любопытством. Клонул.

— И как же вы собираетесь это устроить?

— Есть один человек по имени Ови Нинит. Держит дом утес в веселом квартале. Так вот, я хочу этот дом отобрать.

12

Маати проснулся от стука дождя по ставням. Свет, пробившийся в щели, был смягчен тучами, и трудно было судить о времени дня. Ночная свеча превратилась в оплавивший огарок. Маати отстранил сетку, вздрогнул и встал. За ставнями город словно исчез, растворился в сером тумане. Даже очертания дворца еле угадывались. На глади пруда танцевали капли, а у влажных, глянцевито-зеленых листьев ближайших деревьев вдоль жилок появился красноватый оттенок. В лицо бил холодный дождь. В Сарайкете наступала осень.

С тех пор, как уехал Ота — почти две недели назад, — дни стали похожи один на другой. По утрам Маати вставал и отправлялся поговорить с Хешаем-кво. Иногда поэт даже перебрасывался с ним тремя-четырьмя фразами. В остальное время они просто сидели рядом на кровати под недобрый прищуром андата, запертого в пыточном ящике. Маати уговаривал поэта есть то, что приносили слуги с дворцовых кухонь: фруктовые сладости, липкие от сиропа, густые хлебные пудинги, простой сыр и яблоки. Каждое утро Хешай-кво снимался до куска-другого пищи и запивал ее чаем, после чего, кряхтя, поворачивался к Маати спиной. Бессемянный неизменно молчал, но Маати даже затылком чувствовал его тяжелый взгляд.

После обеда Маати отправлялся гулять по садам или читал, а на закате повторял утренний обряд кормления, в этот раз — ужином, который, впрочем, вдохновлял поэта не больше завтрака.

Потом, оставив ему ночную свечу, Маати отправлялся к себе, зажигал еще одну свечу, поправлял сетку над кроватью и заставлял себя уснуть. Дни были похожи на один и тот же кошмарный сон с мелкими вариациями, которые только подчеркивали неизменность происходящего.

Маати закрыл ставни, взял чистое платье, умылся и побрился. Брить, правда, было особенно нечего, но ритуал того требовал. К тому же это его успокаивало. Он бы все отдал, чтобы Отакво оказался рядом.

Маати спустился к столу, где его ждал завтрак: медовый хлеб с черным чаем. Он взял поднос и пошел по коридору в комнату Хешая-кво. Незапертая дверь распахнулась от легкого толчка рукой.

Кровать была пуста. Тонкую, как туман, сетку откинули на сторону, простыни смяли комом, а среди них угадывалась вмятина, продавленная поэтом за многие дни. Маати трясущимися руками поставил поднос и подошел к покинутой постели. На ней не было ни записки, ни какой-нибудь вещи — ничего, что подсказывало бы, где сейчас его учитель и что произошло. Перед глазами возникла тошнотворная сцена: тело поэта, плавающее в пруду. Маати медленно обернулся, боясь увидеть пустой пыточный ящик. Встретившись взглядом с Бессемяным, он облегченно выдохнул, хоть и не помнил, как затаивал дыхание.

Аннат рассмеялся.

— Не повезло, мальчик мой, — произнес он спокойно и насмешливо. — Великий поэт, насколько мне известно, до сих пор жив и достаточно здоров рассудком, чтобы не давать мне воли.

— Где он?

— Не знаю. Он передо мной не отчитывается. Странное дело, Маати-кя. Мы с тобой больше не разговариваем, как раньше.

— Куда он пошел? Что сказал?

Бессемяный вздохнул.

— Ничего не говорил. Просто лежал, как обычно — жалкий и безвольный, как половая тряпка, а перед последней риской свечи вдруг поднялся, словно вспомнил о встрече, напялил халат и вышел.

Маати заметался по комнате, пытаясь дышать ровнее и привести мысли в порядок. Должно же быть что-то — какая-нибудь подсказка о том, где сейчас может быть Хешай, чем он занят.

— Зови стражу, — произнес со смехом андат. — Кричи: великий поэт сорвался с цепи!

— Тихо! — прикрикнул Маати. — Мне надо подумать.

— А то что? Накажешь меня? Меня уже заперли так, что не шевельнешься. Будь я человеком, уже бы обделался с ног до головы и выпихивал бы дерзко из клетки. Или ты еще что-то мне уготовил?

— Ничего. Просто... не говори со мной.

— Почему, дражайший мой? Чем я тебя обидел?

— Ты убил ребенка! — выкрикнул Маати, сам опешив от собственной ярости.

Андат печально улыбнулся из глубины клетки. Бледные пальцы просочились между прутьями, бледное тело на дюйм придвижнулось.

— Ребенок не возражал, — ответил Бессемянный. — Спроси сам, держит он на меня зло или нет. Если я и причинил его кому-то, то только женщине и Хешаю. И ты знаешь, почему я так сделал.

— Ты мерзавец, — ответил Маати.

— Я пленник и раб, которого держат здесь против воли. Меня вынуждают работать на того, кто взял меня в плен, а я мечтаю освободиться. От этого ящика, от этого тела, от этого сознания. Это не более морально, чем потребность дышать. Если бы ты тонул, Маати, тебе было бы наплевать на всех.

Маати развернулся и стал шарить по пустым простыням в поисках сам не зная чего. Простыни как простыни. Надо было идти. Предупредить хая. Стражу. Он пошлет стражу разыскать Хешая и вернуть его домой. Сквозь стук дождя Маати услышал, как андат пошевелился.

— Я же говорил, — произнес Бессемянный, — что мы недолго будем друзьями.

В этот миг снизу раздался другой голос, позвал Маати по имени. Женский голос, резкий от волнения. Маати ринулся вниз, перескакивая через три ступени. В гостиной стояла Лиат Чокави. Ее платье и волосы промокли насквозь и липли к телу, отчего она казалась моложе, чем в прежние встречи. Увидев молодого поэта, она сделала два шага вперед, и Маати положил ладонь на ее сцепленные руки.

— Что такое? — спросил он. — Что случилось?

— Поэт. Хешай. Он в Доме Вилснов. Рвет и мечет. Мы не можем его унять, Маати. Эпани-тя хотел послать гонца к утхай-ему, но я сказала, что схожу за тобой. Он обещал подождать.

— Веди, — ответил Маати. Они почти бегом промчались по деревянному мосту, потемневшему и скользкому от дождя, миновали сады, где деревья поникли мокрыми ветвями, а цветы — головками, и свернули на юг, в город. Лиат всю дорогу тянула его за руку. На бегу говорить было тяжело, да и Маати ничего не приходило на ум. Он был слишком напуган предстоящим — тем, что они могли обнаружить по прибытии.

Будь Ота-кво рядом, было бы у кого спросить, что делать... И вдруг Маати осенило, что всю свою жизнь он провел под чьим-то крылом: рядом всегда оказывался человек, готовый вести его, когда жизнь устраивала испытания — настоящий учитель. Ота-кво даже не закончил школу, но сумел дойти до всего сам и мог, если что, подсказать другому. И то, что Хешай оказался не способен на подобное, Маати находил чудовищной несправедливостью.

Во дворе Гальтского Дома Лиат остановилась, Маати тоже. Зрелище ошарашило его даже больше ожидаемого. На квадратном дворике, огороженном двухэтажным зданием, у фонтана и Гальтского Древа спиной к улице сидел поэт. Вокруг него виднелись следы буйства: рваная бумага, разбросанная еда. В дверях и на галерее толпились люди, одетые в цвета разных домов. Черты их лиц скрадывал дождь и туман.

Маати мягко отстранил Лиат. Брускатка двора на дюйм ушла под воду. Только по белой пене можно было угадать, где прохо-

дит водосточные желоба. Маати медленно брел по воде, хлюпая сандалиями.

Вид у Хешая был потерянный. От дождя его жидкые космы прилипли к шее. Сквозь тонкий халат — слишком тонкий для такой погоды — просвечивала нездоровая краснота кожи. Маати опустился перед ним на корточки и увидел, как толстые губы шевелятся, будто шепчут. В битой молью бороде застягли, словно росинки, капли дождя.

— Хешай-кво, — начал Маати, принимая позу мольбы. — Хешай-кво, нам пора возвращаться.

Красные, с желтоватыми белками глаза повернулись к нему, прищурились. Лицо поэта мало-помалу озарилось пониманием: он его узнал. Хешай положил пухлую руку на колено Маати и покачал головой.

— Ее здесь нет. Она уже ушла, — проговорил он.

— Кого нет, Хешай-кво?

— Женщины, — буркнул он. — Островитянки. Той самой. Я-то думал найти ее, думал, что, объясню...

Маати захотелось встряхнуть его — схватить за грудки и трясти, пока не очухается. Вместо этого он накрыл его руку своей и сказал спокойно и уверенно:

— Нам пора идти.

— Если бы я объяснил, Маати... Если бы только мог объяснить, что это андатовы козни... Что я бы никогда...

— И что с того? — не выдержал Маати от досады и стыда. — Хешай-кво, словами вы ничего не исправите. И сидением в дождь посреди улицы тоже.

Хешай нахмурился, словно в замешательстве, потом посмотрел себе под ноги, на бурлящую воду, поднял глаза к полуразмытым лицам, поджал лягушачьи губы.

— Я выставил себя ослом, да? — спросил он совершенно вменяемым тоном.

— Да, — ответил Маати, не в силах врать.

Хешай кивнул и встал на ноги. Халат распахнулся, обнажив морщинистую грудь. Поэт сделал два неверных шага вперед. Маати шагнул навстречу и поддержал его. Когда они вышли на улицу,

Лиат приблизилась и взвалила Хешаеву руку себе на плечо, чтобы помочь Маати. Их руки коснулись друг друга у поэта за спиной; Лиат взяла его за предплечье, и вышло нечто вроде подхвата, с помощью которого они доставили поэта домой.

Халат, который Маати одолжил девушке в доме поэта, был из шелка с хлопком, толщиной с палец и необыкновенно мягкий. Лиат переоделась в спальню Маати, пока тот возился с Хешаевым. Мокрое платье она повесила на вешалку, волосы отжала и теперь не спеша заплела, дожидаясь Маати.

Обстановка вокруг была незатейливая — кровать, стол и пластиной шкаф, лампа с матерчатым абажуром и подсвечник. Почти как у нее, с той лишь разницей, что мебель была качественнее, а на столе лежала кипа книг и свитков. В конце концов, Маати был только учеником — как и она сама. Да и возрастом они почти не отличались, хотя она часто об этом забывала.

Сверху доносились голоса — говорили Маати с поэтом, потом вступил Бессемянный — мягко, чарующе и жутко. Поэт рявкнул в ответ что-то неразборчивое, и вновь успокаивающе заговорил Маати. Ей захотелось уйти, вернуться к себе, подальше от невыносимого напряжения, стоящего в этом доме, но дождь пропустил еще сильнее. Шум капель сменился рассерженным грохотом: Ветер подул в другую сторону, и Лиат смогла открыть ставни, не боясь залить комнату. Когда она выглянула наружу, все вокруг было точно усеяно паучьими яйцами: повсюду лежали крошечные тающие градины.

— Лиат-тя, — произнес Маати.

Она обернулась, пытаясь одновременно закрыть ставни и изобразить просьбу об извинении, но не преуспела ни в том, ни в другом.

— Это ты меня прости, — сказал Маати. — Я должен был лучше за ним присматривать. Просто он еще ни разу не вставал с постели, не говоря о том, чтобы уйти.

— Он сейчас успокоился?

— Вроде того. Наконец-то лег. Бессемянный... ты знаешь, что он заперт?

— Слышала, — сказала Лиат.

Маати изобразил подтверждение и покосился назад, устало и беспокойно. С рукавов бурого одеяния до сих пор капало.

— Я пойду вниз, — сказала она.

— Зачем?

— Ты же захочешь переодеться, — медленно ответила она.

Маати жутко покраснел и принял позу понимания.

— Я и забыл... Даже не заметил, как намок. Да, конечно, Лиат-тя! Я мигом.

Она улыбнулась и хлопнула его по плечу, как делали товарищи Итани. Вышло на удивление естественно.

— По-моему, нам уже хватит звать друга друга на «тя».

Маати и впрямь совсем скоро спустился, переодевшись в такое же коричневое платье. Они сели в гостиной, зажгли свечи, чтобы развеять уличную хмару. Маати устроился напротив Лиат на низкой деревянной скамье. Лицо его было спокойным, но усталым, даже улыбался он невесело, скованно. Тревога за учителя отпечаталась у него на лице.

— Ты... ты не получала от него вестей? — спросил Маати.

— От Итани? Нет, — ответила Лиат. — Еще рано. Он еще не доплыл до Ялакета. Скоро прибудет. Да и письму потребуется не меньше, чтобы попасть сюда.

Маати дал знак, что понял, но в его жестах чувствовалось нетерпение. Лиат ответила позой вопроса о самочувствии. В другой обстановке это могло показаться простой вежливостью, сейчас же выражало искреннюю заботу.

— Ничего, отосплюсь, — сказал он. — Тяжело, когда не знаешь, что делать. Вот приедет Ота-кво, и все наладится.

— Правда? — спросила Лиат, глядя на пламя свечи. — Надеюсь.

— Конечно! Дай-кво больше всех нас знает, как жить дальше. Он все расскажет Оте-кво, и мы...

Его наигранно оптимистичный тон улетучился вместе со словами. Лиат посмотрела на Маати. Тот наклонился вперед и тер пальцами глаза, как усталый старик.

— Мы сделаем все, что велит нам дай-кво, — подытожила она.

Маати изобразил позу виноватого согласия. Порыв ветра сотряс стены и захлопал ставнями, и Лиат поплотнее запахнула халат, хотя в комнате было тепло.

— А ты? — спросил Маати. — В Доме Вилсинов все спокойно?

— Не знаю, — ответила Лиат. — Амат Кян вернулась и пытается привлечь меня к работе, но там уже почти нечего делать. По-моему... по-моему, она мне не доверяет. Я ее не виню после всего, что было. И Вилсин-тя тоже. Они стараются меня чем-нибудь занять, но ничего серьезного не предлагают. По сути, никто не сказал, что я снова — девочка на побегушках, но, учитывая, на что я теперь трачу время, так оно и есть.

— Мне жаль. Этого не должно было случиться. И ты тут ни при чем. Тебе надо...

— Итани хочет от меня уйти. Или Ота — без разницы. Он меня бросит. — Она смотрела себе на руки и не могла сдержаться. — Мне кажется, он сам этого не понимает, но когда он уезжал, что-то в нем изменилось. Когда он прощался со мной... Я такое уже видела — он у меня не первый. Какая-то отчужденность, потом она растет, растет, и...

— Ты точно ошибаешься, — сказал Маати, впервые за день уверенным тоном. — Он тебя не бросит.

— Другие-то бросили.

— Только не он.

— Все равно: со мной его нет. И уехал он не потому, что пришлось, а потому, что хотелось. Он хотел побывать без меня. Пока не вернется, у него будет уйма времени для размышлений. А потом...

— Лиат-тя... Лиат, Ота-кво был моим первым учителем. Я даже думаю, лучшим. Он не такой, как все. И он тебя любит. Он сам мне об этом рассказывал.

— Не знаю, — ответила Лиат.

— Ты ведь любишь его, правда?

— Не знаю, — повторила она, и молчание, наступившее следом, было еще тягостнее дороги под дождем. Лиат смахнула слезу. — Я люблю Итани. Его я знаю. А кто такой Ота? Сын хайема. Он... не тот, кем я его считала, а я — всего-навсего ученица распорядителя, и то ненадолго. Как мы можем оставаться вместе, когда он — это он, а я — это я?

— Но ведь вы не расстались, когда ты была распорядительницей, а он — простым грузчиком. И здесь то же самое.

— Нет, не то же, — заспорила она. — Он всегда знал, что рожден для лучшей доли, а я — нет. Какой была, такой и умру.

— Ота-кво — чуть ли не умнейший человек из всех, кого я знаю, — возразил Маати. — Он тебя не бросит.

— Почему?

— Потому, что он — чуть ли не умнейший человек из всех, кого я знаю.

Лиат засмеялась, сама не зная, почему: то ли от искренности Маати, то ли от своего отчаянного желания поверить; а может, чтобы не расплакаться. Маати придвинулся к ней и обнял за плечи. От него пахло кедровым мылом, с которым брился Итани. Она положила голову ему на плечо.

— Нелегко же нам придется, — произнесла Лиат, немного успокоившись. — Еще столько ждать...

— Да уж, — ответил Маати и тяжело вздохнул. — Нелегко.

— Но мы ведь можем помогать друг другу, правда? — спросила Лиат, стараясь, чтобы Маати не услышал мольбы в голосе. Тишину заполнял шум дождя. Лиат закрыла глаза. Наконец Маати произнес то, что она не решилась озвучить:

— По-моему, одному, без друзей, такое не выдержать. Наверное, мы оказались в одной лодке. Если несчастный ученик поэта, который целыми днями ходит как побитый, сможет тебе чем-то помочь, я буду рад.

— Ты не обязан мне помогать.

— Ты мне тоже, и все-таки я буду ждать.

Ее поцелуй был поспешным и сестринским — по крайней мере, таким задумывался. То, что Маати задержал дыхание, Лиат

отнесла на счет внезапности и смущения. Она улыбнулась, и он улыбнулся в ответ.

— Только взгляни на нас — один жальче другого, — сказала она. — Итани... он скоро вернется.

— Да, — подхватил Маати, — и тогда все наладится!

Дверь с толчка распахнулась, и в комнату свиданий ввалилось чье-то тело. На миг из общего зала просочились обычные звуки чайной — голоса, музыка. Потом вошел Ториш Вайт с двумя пособниками, дверь закрылась, и все стало как было.

Амат за длинным столом напряглась. У мужчины, что сидел с ней рядом в простом платье огнедержца, на лице застыло предвкушение жестокой потехи.

Упавший с трудом поднялся на колени. Его голову обматывала белая тряпка, худые руки были связаны за спиной. Ториш Вайт взял его за плечи, рывком поставил на ноги и кивнул своему помощнику. Когда тряпку сдернули, Амат сглотнула ком страха.

— Этот? — спросил Ториш.

— Да, — ответила она.

Ови Нинит повел вокруг взглядом, мутным не только от страха или злобы, но и от вина с дурманом. Лишь спустя три долгих вздоха его глаза отыскали Амат и узнали. Он шатко поднялся на ноги.

— Нинит-тя, — произнесла Амат с позой открытия переговоров. — Давненько не виделись.

Владелец дома утех разразился потоком непристойностей, который иссяк, когда один из людей Ториша Вайта ударил его по лицу. Амат сложила руки на коленях. В уголке рта у Ови Нинита повисла яркая, как рубин, капля крови. Амат стало не по себе.

— Если ты будешь меня слушать, Нинит-тя, — начала она снова, — разойдемся по-хорошему.

Он ухмыльнулся, осклабив гнилые зубы в кровавых разводах, и расхохотался, как безумный. Без капли страха. Амат пожалела, что его не нашли трезвым.

— За свою работу у тебя, Ови-тя, я ничего не получила. Поэтому я решила взять плату долей в твоем заведении. По правде

говоря, я хочу его выкупить. — Она вытащила бумажный сверток из рукава и положила на стол. — Цена приличная.

— Хоть в сто раз умножь — не хватит, — сплюнул Нийт. — Мой дом начинался с трех девчонок из подворотни. Он не продается.

Огнедержец заерзал на месте, глядя с возрастающим любопытством. Амат неожиданно растерялась. Казалось бы, она знала толк в переговорах, да и превосходство, мягко говоря, было на ее стороне, и однако же...

— Тебе придется меня убить, грязнорылая ты сука. Потому что иначе я убью тебя.

— Нет нужды... — начала она и осеклась, а потом приняла позу согласия. Ови Нийт прав. Никакие это не переговоры, а замаскированное убийство. На его лице впервые промелькнуло нечто похожее на догадку, взгляд метнулся в сторону, к Торишу Вайту.

— Сколько бы она ни назначила, я устрою цену, — сказал он.

— Амат-тя, — произнес огнедержец. — Я ценю ваше усердие, но, сдается мне, вряд ли этот господин подпишет бумаги.

Амат вздохнула и ответила жестом согласия. Кто-то за стенкой взвыл от смеха, хотя это было едва слышно: толстые стены глушили звук. Точно призрак захочотал.

— Давай, убей — все равно ничего не добьешься, — бросил Ови Нийт, по-петушиному выпячивая грудь.

— Переживу, — ответила Амат и кивнула. Ториш Вайт подсек ему колени. Двое громил тут же шагнули вперед, чтобы его удержать. Их главарь склонился над Нийтом и накинул через голову плетеный шнур. Один поворот запястья — и он натянулся, как струна, врезался в плоть, скрылся из вида. Лицо сутенера побагровело. Амат наблюдала за ним как зачарованная. Времени потребовалось больше, чем она ожидала. Когда помощники разжали руки, тело повалилось, как мешок с зерном.

Огнедержец потянулся через стол, взял двумя пальцами сверток документов и подтянул к себе. Амат обернулась к нему, точно и не было рядом никакого трупа.

— Полагаю, вы уже нашли того, кто сможет обставить его смерть?

— Я за этим прослежу, — ответила она.

— Очень хорошо. Если стража спросит, я поклянусь, что присутствовал при сделке, — сказал огнедержец, доставая из рука перо и серебряную тушечницу. — Вы заплатили Нинту-тя запрашиваемую цену, он принял и остался весьма доволен.

— Думаете, спросят?

Тушечница со щелчком открылась, перо тронуло черный брускок и нацарапало что-то на странице, скрипя, как птичий коготь.

— Разумеется, — отозвался огнедержец, придвигая бумаги ей. — На то она и стража. Им за это платят. Но пока вы будете с ними делиться, изредка приглашать в свои закрома и не причините хлопот, они о многом не спросят. Не в веселом квартале умер — и ладно. Их чести это не коснулось.

Амат изучила подпись, потом сняла с пояса кожаный мешочек и отдала огнедержцу. У того хватило такта не пересчитывать серебро при ней, и все-таки он взвесил мешок, прежде чем спрятать в рукав.

— Странно слышать упоминания о чести в подобной связи, — проговорила Амат.

Огнедержец принял позу вежливой поправки, уместной при обращении учителя к чужому ученику.

— Если бы не честь, Ториш-тя убил бы вас, а не Нинта.

Ториш Вайт хохотнул, и Амат небрежно кивнула, хотя внутренне вздрогнула. Огнедержец изменил позу на прощальную, обращаясь с ней к Амат, Ториш Вайту и — на миг — к телу Ови Нинта. Когда дверь за ним закрылась, Амат сунула подписаные документы в рукав и тоже присмотрелась к мертвцу. Он оказался тщедушнее, чем она помнила, да и руки как будто стали тоньше. Теперь, когда Нинт, бездыханный, лежал на полу, вид у него был до странного уязвимый. Амат впервые задумалась, каким он был в детстве и есть ли у него сестра или мать, которая будет его оплакивать. Вряд ли.

— Куда его девать? — спросил Ториш Вайт.

— Куда вам удобнее.

— Хотите, чтобы его нашли?

— Мне все равно, — ответила Амат.

— Страже будет легче замять дело, если он исчезнет, — сказал Ториш не то ей, не то своим людям.

— Об этом мы позаботимся, — ответил тот, кто держал жертву за правую руку. Амат ответила им позой признательности. Двое громил приподняли то, что некогда было Ови Ниитом, и уволокли прочь. «Наверное, тачку спрятали у черного хода», — подумала Амат.

— Когда вы намерены вступить во владение? — спросил Ториш Вайт, едва подельники ушли.

— Скоро.

— Вам понадобится защита. Типы из веселого квартала кверху брюхом не лягут только из-за того, что у вас все бумажки на месте.

— Да, об этом я как раз хотела поговорить, — произнесла Амат, мимоходом удивляясь тому, насколько чужими показались ей эти слова. — Мне будет нужно нанять охрану. Вам интересен подобный род деятельности?

— Смотря по обстоятельствам, — ответил Ториш Вайт, но улыбнулся. Значит, оставалось только обсудить детали. Отлично. Ее взгляд скользнул туда, где лежал Ови Ниит. Она сказала себе, что ее растерянность исключительно телесного свойства и вызвана видом смерти. Мысль о том, что теперь она владеет домом утех и будет получать прибыль от торговли женщинами и мальчиками, с которыми недавно делила кров, ее даже не тревожила. В конце концов, это делалось во имя справедливости.

Ториш Вайт переступил с ноги на ногу, чем оторвал ее от размышлений. У него было квадратное лицо и широкие плечи, на подбородке и руках виднелись шрамы, а на губах играла ухмылка, выдающая свирепый нрав. Смотрел он оценивающе и иронично.

— Что?

— Вы ведь боитесь меня, верно?

Амат улыбнулась и приняла скучающий вид.

— Верно. Однако не забывайте, что стало с последним, кто меня напугал.

Его ухмылка исчезла.

— Выше головы метите.

Она приняла позу понимания, но с оттенком вызова. По лицу Ториша было видно, что он прекрасно все понял. И зauważал ее. На это она и рассчитывала. Амат опустила руки и оперлась на стол.

— Когда я была маленькой, — сказала Амат, — сестра столкнула меня с крыши. Довольно высокой. Я никогда не была так близко к смерти и все-таки не закричала. Потому, что знала: это не поможет.

— И в чем мораль?

— Может, я и взваливаю на себя непосильную ношу, но намерена дотащить ее до конца. Бойся не бойся — легче не станет.

Ториш расхохотался. Смех у него был низким и на удивление гулким — будто топором по пустому бревну постучали.

— А ты упрямая стерва, — произнес он в виде комплимента.

«Если бы, — подумала она, улыбаясь. — И все же хорошо, что ты во мне ошибся».

13

Холодным мглистым утром корабль обогнул большой остров с белой дозорной башней и вошел в гавань Ялакета. Ота стоял у борта, наблюдая, как земля меняет очертания — от синих холмов вдалеке до зелено-серых осенних сосен. Высокие серые дома Ялакета теснились у спокойнейших вод в мире. Шум прибоя доносился до корабля, но из-за тумана звучал приглушенно, словно разговор в соседней комнате.

Суши они достигли, едва солнце поднялось в высшую точку. Огни смотрителя пристани указали им путь. Не успел Ота шагнуть на уличную брусчатку, как до него дошла новость. Все побережье гудело, обсуждая ее.

Третий сын хая Удуна убил последнего брата. Они отыскали друг друга в Чабури-Тане и схватились на ножах где-то на побережье. Или же средний сын, которого Ота видел при дворе в Сарайкете, был в конце концов отравлен. А может, напал на младшего, да промахнулся. У причалов, на улицах, в чайных домыслы множились и мешались со старыми расхожими слухами, порождая и вовсе дикие предположения. Ота подыскал местечко в дальнем углу чайной недалеко от пристани и стал слушать, что говорят люди. Младший сын займет отцовский трон — добрый знак. Стало быть, род не захирел. Поговаривали даже, что следующий хай Удуна будет особенно храбр и даровит.

Для Оты это значило лишь то, что новый хай убил двух родных братьев, а прочие, самые младшие, давно стали изгнанниками

и до сих пор обретаются где-то, отмеченные клеймом. Если только из них не сделали поэтов. Если им не посчастливилось стать такими, как Хешай.

— Что-то ты невесел, — произнес знакомый голос.

— Орай! — Ота принял позу приветствия. Посыльный сел напротив него и поднял руку, подзываая разносчика. Очень скоро перед ними появились две чаши риса с рыбой, чайник копченого чая и две нежно-зеленые пиалы. Ота принял позу поправки, но Орай его остановил.

— Такова традиция нашего Дома. После долгого пути мы угощаем попутчиков ужином.

— Правда?

— Нет, — признался Орай. — Но мне кажется, серебра у меня побольше твоего, а рыба здесь очень хороша.

Разносчик нависал над столом, переминаясь с ноги на ногу, пока Ота не рассмеялся.

— Позвольте мне хотя бы заплатить за свое, — сказал он, но Орай принял позу отказа: мол, в другой раз.

— Ну, Итани, — произнес он, — вот все и закончилось? Хотя... твоя сестра далеко живет?

— День вверх по реке или вроде того, — соврал Ота. — И два дня пешком. Она так рассказывала. Я там еще не бывал.

— Еще несколько дней по реке — и можно посмотреть на селение поэтов. Ты ведь не видел его?

— Нет, — ответил Ота.

— Если время терпит, сплавай туда — не пожалеешь. Палаты дая-кво по сути высечены из скалы. Говорят, их строили по образцу древних школ Империи, хотя сомневаюсь, чтобы эти руины можно было взять за образец. Зато звучит солидно.

— Это да.

Рыба была восхитительна — сочная от лимона и острыя от перца. После нескольких кусков Ота понял, что жутко проголодался.

— Итак, твое первое водное путешествие скоро закончится. Что скажешь? Как оно было?

— Непривычно, — признался Ота. — До сих пор земля кажется.

— Точно. Но это скоро пройдет. А в остальном? Когда я был молод, у нас говорили, что море — как женщина: ничто так не меняет мужчину. Особенно в первый раз.

— Ну, не знаю, — ответил Ота. — По-моему, я все тот же. Десять пальцев, два уха, два глаза. Плавников нет.

— Значит, это только так говорят.

Орай налил себе еще чая и подул на пиалу, чтобы остудить. Ота прикончил остатки риса и, откинувшись на спинку скамьи, обнаружил, что Орай задумчиво глядит на него. Ота принял вопросительную позу.

— Признаться, Итани, я не случайно тебя здесь встретил. Рыба — рыбой, но я тебя разыскивал. Я восемь лет работаю на Дом Сиянти и пять из них провел в пути. Думаю, это кое-чему меня научило. Смею сказать, в людях я разбираюсь неплохо. Скажем так: ты меня удивил. За эти несколько недель на корабле у меня была возможность к тебе присмотреться. Ты умный, хотя скрываешь это, увлеченный, хотя и не знаю, чем. И тебе нравится путешествовать. У тебя к этому талант.

— Вы так говорите только потому, что меня не тошнило на корабле, — отшутился Ота.

— Способность принимать пищу в первый день плавания — это дар. Не разбрасывайся им. Нет, я давно заметил в тебе затяки посыльного. Я сейчас в своем Доме на хорошем счету. Могу дать рекомендацию. Поначалу, конечно, тебе важную работу не доверят, но ездить будешь, как все, так что решайся. Жизнь непростая, зато интересная. Может быть, в этом твое призвание.

Ота склонил голову. Он был польщен и в то же время сконфужен. Орай прихлебывал чай, дожидаясь, пока Ота созреет для ответа. Ота принял позу, выражавшую благодарность и отказ.

— Мое место в Сарайкете, — сказал он. — Я еще многоного там не успел.

— Отработать по договору? Понимаю. Но ведь это не занимает много времени.

— Не только. У меня там друзья.

— И девушка, — добавил Орай.

— Да. Лиат. Я... ей вряд ли понравится, если меня все время не будет рядом.

Орай ответил позой понимания, в которой таился незаданный вопрос. Чуть погодя он все же задал вопрос, но другой.

— Сколько тебе лет?

— Двадцать.

— А ей?

— Семнадцать.

— И ты ее любишь, — закончил Орай. В его тоне слышалось едва скрытое разочарование. — Думаешь, что вы созданы друг для друга.

— Не знаю. Но должен узнать, верно?

Орай улыбнулся и жестом признал его правоту, потом задумчиво полез в рукав и выудил оттуда письмо, зашитое и скрепленное зеленым воском с узорчатой печатью.

— Понадеялся, что ты согласишься, — произнес посыльный, передавая письмо Оте. — Если вдруг случится, что эта чудесная девушка отпустит тебя на свободу, считай, мое предложение в силе.

Ота сунул письмо в рукав и изобразил признательность. Он внезапно почувствовал к Ораю такое глубокое доверие, которого нельзя было объяснить даже тесным корабельным знакомством. Быть может, подумал Ота, это море меня изменило.

— Орай, — сказал он, — ты когда-нибудь бывал влюблен?

— Да, — ответил тот. — И не раз. Иногда в очень славных женщин.

— А можно любить, если не доверяешь?

— Запросто. У меня есть сестра, которой бы я и двух медяков не одолжил, если бы надеялся получить их обратно. Когда любишь того, кому не доверяешь, главное — определить степень близости.

— Степень близости?

— Взять мою сестру. Мы любим друг друга на расстоянии, живя в разных городах. А посели нас в одном доме — вот тут начнутся сложности.

— А как быть с любимой? С подругой сердца?

Орай покачал головой.

— По моему опыту, можно спать с женщиной, не доверяя ей, или любить, не доверяя, но совмещать и то, и другое, и третью не получается.

Ота отхлебнул еле теплого чая. Мальчишеское лицо Орая с серебром в бороде посерезнело. Двое из-за соседнего столика вышли, и от открытой двери потянуло холодом. Ота поежился, поставил зеленую пиалу на стол и сложил руки. Голова пухла, словно набитая ватой.

— До того, как уехать из Сарайкета, — медленно проговорил он, — я наговорил Лиат всякого. О своей семье.

— Не потому, что не доверяешь?

— Нет, потому, что люблю и думаю, что должен доверять.

Он поднял глаза и встретился взглядом с Ораем. Посыльный ответил позой участливого понимания. Ота выразил подчинение высшим силам — богам, судьбе, воле обстоятельств. Больше слов не нашлось. Орай поднялся.

— Письмо береги, — сказал он. — И что бы ни случилось, удачи тебе. Ты был славным попутчиком, а такие встречаются редко.

— Спасибо, — ответил Ота.

Посыльный запахнул плотней халат и вышел. Ота напоследок допил чай. Ялакетская гавань была широка и спокойна — место, где окончилось его первое морское путешествие. Обуреваемый сомнениями, Ота повернулся на северо-запад и узкими сырьими улочками добрался до устья реки. В нескольких днях пути его ждало селение дая-кво.

— Это дермо! — выкрикнул одноглазый и швырнул бумаги на пол. В запале он покраснел, а шрамы, исполосовавшие щеки, наоборот, вспыхнули белизной. Амат чувствовала, что остальные в комнате согласны, но не сводила глаз с негласного поверенного Ови Ниита. — Он никогда бы этого не сделал!

Парадная половина веселого дома была битком набита людьми, но пришли они сюда не веселиться. Днем район пустовал. К

тому же стражи по ее просьбе закрыла заведение. Они до сих пор стояли рядом — хмурые гиганты, облаченные во все цвета крупнейших домов утех как знак того, что не принадлежат ни одному из них, но лишь кварталу целиком. Ни дать ни взять защитники порока.

За спиной у Амат незримо стояли и выжидали Ториш Вайт и его люди. А перед ней, прислонившись к стенам или рассевшись по столам и стульям, столпились охранники, шулеры и проститутки притона Ови Ниита. Амат поправила себя и невольно улыбнулась: ее притона. Мертвец тут уже ни при чем.

— Выходит, сделал, — произнесла она. — Если он тебе не сказал, значит, не так уж доверяет. Можешь сжечь бумажки и съесть пепел. Все равно это ничего не изменит.

Одноглазый повернулся к начальнику стражи с жестом-проклятьем. Начальник — темноглазый человек с жидкой, заплаканной в косицу бородкой — ответной позы не принял.

— Бумаги — фальшивка, — процедил одноглазый. — И вы это знаете. Если б Ниит-тя и захотел продать дело, то уж никак не утхайемской подстилке вроде нее.

— Я говорил с огнедержцем, который был свидетелем сделки, — сказал старшина.

— И кто же он? — спросил сухощавый старик. Один из игроков.

— Марат Голу. Огнедержец ткацкого квартала.

По комнате пробежал шепоток. Амат напряглась: эту подробность лучше было бы не разглашать. Старик оказался хитер.

— Боги! — возопил одноглазый. — Он?! Да у нас иные девки стоят дороже!

Амат приняла позу, требующую объяснений. Ее руки были тверды, как камень, голос — вкрадчив.

— Уж не намекаете ли вы, что представитель утхайема замешан в мошенничестве?

— Еще как намекаю! — взревел одноглазый. Старик поджал губы, но промолчал. — Бхадат Колл сменил Черного Ратви, и, раз Ниит-тя теперь мертв, все должно перейти ему!

— Нинт-тя не мертв, — поправила Амат. Заведение и все, кто к нему относится, были куплены и оплачены. Можешь сам почитать договоры. Если умеешь.

— Засунь их себе в дырку! — проорал одноглазый, брызгая слюной. Казалось, еще чуть-чуть, и его злоба выплеснется наружу. Амат потерла большой палец об указательный. Часть ее разума была объята паникой — бессознательным, животным страхом. Но этот же разум сделал ее распорядительницей Галтского Дома.

— Господа стражники, — произнесла она. — Я освобождаю этого человека от дальнейшей службы в занимаемой должности. Будьте добры, проводите его на улицу.

Вышло так, как она рассчитывала: одноглазый заорал что-то ичленораздельное, выхватил из рукава нож и бросился на нее. Амат стоило больших трудов не отпрянуть, пока стражи насаживали его на клинки.

Вслед за тем наступила полнейшая тишина. Амат оглядела обитателей дома — ее дома, — стараясь определить, что они чувствуют, о чем думают. Многие мужчины были подавлены: их жизнь рушилась на глазах. Женщины и мальчики смотрели смущенно, недоверчиво, где-то даже с надеждой. Двое сподручных Ториша-тя подобрали умирающего и выволокли наружу. Стражники вытерли кинжалы, а начальник, задумчиво пощипывая бороду, повернулся к остальным.

— Поясняю раз и навсегда: стражи квартала признает подлинность договора. Дом переходит в законное владение Амат Кян. Все, кто с этим согласен — за дальнейшими указаниями к ней. Несогласные будут иметь дело с нами. Ради спокойствия квартала.

Старик поежился и нахмурил брови. Его руки дернулись, но так и не сложились в позу.

— Не будем глупить, — добавил начальник стражи, не сводя с него глаз. Напряжение постепенно угасло. Все понимали, что договор с душком, как залежалое мясо. Но это уже не имело значения. Раз стражи за Амат, значит, она честно украла свой кусок.

— На сегодня заведение закрыто, — объявила Амат. — Отныне Ториш-тя и его люди заведуют охраной. Все, у кого есть оружие, сдадут его здесь и сейчас. За утайку последует наказание. Того, кто захочет пустить ножи в ход, ослепят и вышвырнут на улицу. Запомните: теперь вы моя собственность до тех пор, пока не отработаете кабалу или пока я не решу вас отпустить. Стража останется до окончания обыска. Ториш-тя!

Несколько человек из-за ее спины вышли вперед. Начальник стражи встал рядом с Амат. От его доспехов попахивало.

— Поздравляю: вы расшевелили гадючье гнездо, — произнес он, глядя, как ее головорезы разоружают Нийтовых. — Уверены, что вам это нужно?

— Теперь оно мое. К худу или добру.

— Стража вас прикроет, хотя без особой радости. Вы, конечно, все устроили за пределами квартала, но некоторые и этого не одобрят. Знайте: ваши беды еще не закончились.

— Перемены всегда даются с трудом, — отозвалась Амат и приняла позу согласия так небрежно, что превратила ее в прощальную. Стражник покачал головой и отошел.

Обыск продолжался — комната за комнатой — с ловкостью, говорившей о большом опыте Ториша и его людей. Амат не спеша обходила владения, осматривая изношенные матрацы, кладовые, где все лежало как попало. Дом содержался не лучше, чем счета. «Впрочем, это исправимо, — говорила она себе. — Все можно изменить, все можно поправить. Ничто не избежит перемен».

От нахлынувшей печали у нее защипало глаза. Амат смахнула слезы. Некогда плакать. Вечно некогда. Всю жизнь.

Обыск закончился, стража ушла, и Амат собрала всех своих гадюк в общей комнате на черной половине. Речь, которую она так долго готовила и тысячу раз повторяла, вдруг показалась ей вялой, слова — жалкими и неубедительными. Встав во главе длинного стола, она набрала воздуха в грудь и медленно выдохнула.

— Ну... — начала она.

В тишине вдруг раздался голосок:

— Бабушка! Это ты?

На нее смотрел мальчуган лет пяти-шести. Амат вспомнила: он спал на скамье, когда она как-то утром вылезла из своей адской каморки за тарелкой ячменной похлебки со свининой... и хралел.

— Да, — ответила она. — Я вернулась.

За следующие дни Хешаю не стало ни лучше, ни хуже. Клочковатая борода подрастала, вес сначала упал, потом снова набрался. Поэт начал бродить по дому, хотя и не выходил, если не считать вечерних прогулок к пруду, где он сидел, уставившись в черную толщу воды. Маати замечал, что Хешай на ночь ел меньше, чем поутру, переодевался, если давали одежду, мог помыться, если готовили ванну, или же обойтись так.

К счастью, хлопковая страда закончилась, и его услуги больше не требовались. Приходили лекари от хая, но Хешай отказывался их принимать. Слуги, которые пытались до него достучаться, скоро поняли, что все вопросы проще задавать Маати. Иногда он действовал, как посредник в переговорах, иногда принимал решения сам.

Его собственная жизнь протекала в неопределенности. Кроме ухода за недужным учителем, ничто его не направляло, и вскоре он научился заполнять досуг, следуя собственным порывам. Когда им овладевала тревога или усталость, он шел читать Хешаеву книгу в поисках идей, которые сможет использовать для удержания Бессемянного. Когда ему становилось совестно, он садился у постели Хешая и пытался вывести его на разговор. Когда мучило одиночество — а это часто случалось, — он разыскивал Лиат Чокави. Иногда она ему даже снилась. Она и тот краткий поцелуй.

Если Маати и путался в своих чувствах к ней, то лишь из-за ее красоты и еще потому, что она была девушкой Ота-кво. Ничего дурного в своих мечтах он не находил, ведь между ними ничего и быть не могло. А потому она оставалась его другом, единственным на весь город.

Он так хорошо заучил ее привычки и места, где она проводила дни, что когда пришло известие — его доставил дворцовый

раб вместе с завтраком, — Маати легко ее отыскал. Поляна, которую Лиат показала ему как-то вечером, находилась к западу от пристани. Оттуда открывался вид на побережье — узкий отрезок пляжа. Полуголые деревья и изгиб берега скрывали город из вида. Лиат сидела на нерукотворной скамье из камня, откинувшись на гранитную глыбу в половину своего роста, и смотрела сквозь волны.

Маати шагнул к ней, хрустнув опавшими листьями. Лиат обернулась, увидела его и, ни слова не говоря, снова перевела взгляд на море. Маати расчистил рядом с ней место и сел.

— Значит, это правда? — спросил он. — Амат Кян ушла с должности?

Лиат кивнула.

— Вилсин-тя, наверное, рвет и мечет.

Она пожала плечами. Маати наклонился вперед, уперев локти в колени. Волны накатывали на песок и всякий раз отступали, чтобы дать место следующим. На востоке с криками кружили чайки, а у горизонта стоял на якоре огромный гальтский корабль. Больше о городе ничего не напоминало. Маати разгребал пяткой кучу сухих листьев, пока не показалась темная земля.

— Ты знала?

— Она мне не сказала, — ответила Лиат. В ее спокойном тоне звучала пустота и отрешенность. — Просто ушла, и все. У нее в доме не осталось ничего, кроме шкатулки конторских бумаг и письма для Вилсина-тя.

— Что ж, значит, она не от одной тебя это скрыла. А почему она ушла, известно?

— Нет, — сказала Лиат. — Я виню себя. Если бы я постаралась, не поставила бы всех в дурацкое положение...

— Ты сделала так, как было приказано. Не будь этот торг двойной игрой, тебя похвалили бы.

— Может быть, — вяло согласилась Лиат. — Теперь-то какая разница! Ее нет. Вилсин-тя мне не доверяет. Я — ученица без учителя.

— Выходит, мы оба.

У Лиат вырвался смешок.

— Похоже на то, — проговорила она и накрыла его руку ладонью, сплела с ним пальцы. У Маати сердце пустилось вскачь, а во рту неожиданно пересохло. Им овладело чувство вроде паники, но светлое. Маати замер: только бы Лиат не убрала руку.

— Как думаешь, где он сейчас? — спросил Маати, призываая дух Оты — своего друга, ее любимого, — чтобы доказать: в этом миге, в этом сплетении пальцев нет ничего дурного. Чистая дружба, и ничего больше.

— Он должен был доплыть до Ялакета. Может, уже там, — сказала Лиат. — По крайней мере, близко.

— Значит, ждать осталось недолго.

— Несколько недель, — поправила она.

— Выходит, все же долго.

— Как Хешай-кво? Ему не лучше?

— Не лучше. И не хуже. Он слишком много спит и слишком мало ест. А борода...

— Выросла?

— Не то слово. Ему точно не мешало бы побриться.

Лиат пожала плечами, и Маати показалось, будто она к нему придвинулась. Значит, вот каково дружить с женщиной, подумал он. Ему нравилось это уютное, согревающее единение.

— Когда я приходила, он выглядел лучше, — заметила Лиат.

— По-моему, при тебе он старается. Почему — не знаю.

— Потому, что я девушка.

— Вполне возможно, — согласился Маати.

Лиат выпустила его руку, встала и потянулась. Маати вздохнула, понимая, что миг прошел — краткий, но прекрасный эпизод его жизни. Он слышал предания старины, где рассказывалось о таких мгновениях юности, которые навсегда остаются в сердце и не покидают человека до самого смертного одра, чтобы в последний сон тот погружался мирно и безмятежно. «Наверное, — думал Маати, — это как раз такой миг. Если уж запоминать, то это: запах моря, безоблачное небо, листья, рев прибоя и рука, хранящая тепло ее прикосновения».

— Значит, мне нужно приходить почаше, — сказала Лиат. — Раз это помогает.

— Не хочу навязываться, — произнес Маати, вставая. — Но если будет время...

— Сомневаюсь, что мне в скором будущем доверят что-либо значительное. Кроме того, мне нравится бывать у вас в доме. Там так красиво...

— С тобой еще красивее, — заметил Маати.

Лиат усмехнулась. Маати жестом поздравил сам себя, на что Лиат отозвалась вопросительной позой.

— Мне удалось тебя развеселить, — объяснил он.

Лиат взвесила его слова, глядя на горизонт, и кивнула, как если бы он указал ей на улицу, не виденную раньше, или на хитрый узор ветвей. Она улыбнулась снова, мягче.

— Пожалуй... Правда, порядка в мире от этого не прибавилось.

— Миром я займусь позже. После обеда. Хочешь, пойдем обратно?

— Да, так будет лучше. Я и так просыла глупой неумехой. Ни к чему становиться нытиком!

И они отправились в город. Когда Маати мучило беспокойство за Лиат, дорога казалась длиннее. А теперь, как неспешно они ни брали, почти тотчас их окружили городские стены. Поднявшись по Бусинной улице, Лиат и Маати задержались у прилавка, где мальчуган лет восьми с важным видом продавал пирожки в сахарной пудре, послушали нищего, который хрипло, но мелодично выводил песню о своем многопечальном житье, чем растрогал Маати чуть не до слез. Тем не менее они дошли до перекрестка дорог, одна из которых вела к Вилсину, а вторая — к тосклившему Хешаеву дому, еще до полудня.

— Так что, — произнесла Лиат, — зайти к поэту, когда я у себя закончу?

Позу просьбы она приняла так неформально, словно ответ не оставлял сомнений.

Маати изобразил раздумье и следом позу приглашения. Лиат поблагодарила, но осталась стоять на месте. Маати наморщил лоб. Лиат жестами спросила, в чем дело, а он даже не знал, что ответить.

— Лиат-тя, — начал он.

— «Тя»?

Маати поднял ладони. Не то чтобы поза, но смысл передавала. «Позволь мне продолжить».

— Лиат-тя. Я знаю, Оте-кво пришлось уехать только из-за андата и того, что случилось. Если бы это зависело от меня, я никогда бы не допустил ничего подобного. Но мне всегда хотелось познакомиться с тобой поближе, и я очень ценю твою дружбу.

Лиат посмотрела на него — неопределенно, но вовсе не обиженно.

— Ты что, заучил это?

— Нет. Я даже не знал, что скажу, пока не сказал.

Она улыбнулась и тут же помрачнела, словно он коснулся чего-то личного, какой-то тайной боли. В груди у него упало. Лиат поймала его взгляд и улыбнулась опять.

— Хочу тебе кое-что показать, Маати-кя. Идем со мной.

Он молча пошел за ней в Дом Вилсинов. С каждым шагом ему становилось все тревожнее. Люди, встречавшиеся на пути, не оглядывались и, казалось, не обращали на них внимания. Маати пытался вести себя как ни в чем не бывало, словно они шли по делу. Когда Лиат закрыла дверь своей комнаты, он начал извиняться.

— Лиат-тя, — сказал Маати. — Если я что-то сделал не так...

Она шлепнула его по рукам, и он оставил позу. К его удивлению, Лиат шагнула вперед, вплотную к нему. Ее губы мягко прижались к его губам. В комнате стало нечем дышать. Лиат от страшилась. Ее лицо было печально и нежно. Она коснулась его волос.

— Ступай. Я приду к вам сегодня вечером.

— Ага, — только и ответил он. Больше на ум ничего не пришло.

Маати остановился в садах нижних дворцов, сел на траву и потрогал губы — будто хотел убедиться, что они на месте, что они есть. Она его поцеловала! По-настоящему! Погладила по волосам... Это было невероятно и жутко: точно идешь по знакомой дорожке и вдруг падаешь в пропасть.

И летиши.

Плот был большой — выдерживал восьмерых. Четверка волов медленно, но верно тянула его против течения по веками проторенной колее. Ота спал на спине, завернувшись в дорожный плащ и несколько грубых шерстяных одеял, одолженных владельцем плота и его девятнадцатилетней дочерью. По утрам дочка зажигала жаровню и готовила сладкий рис на миндальном молоке с корицей. По ночам, когда они приставали к берегу, ее отец кормил всех ужином, обычно из курятинки и ячменного супа.

Так тянулся день за днем. Отечества нечем было себя занять — оставалось только смотреть на ползущие мимо деревья, слушать воду да волов, развлекать хозяйскую дочку шутками и песнями, а самого хозяина расспрашивать о речной жизни. К концу последнего дня на воде оба — и хозяин, и дочка — были с ним накоротке. Хозяин угостил его сливовым вином, когда прощие пассажиры отправились спать. О матери девочки никто так и не обмолвился. Впрочем, Ота не спрашивал.

Путешествие подошло к концу в городке-предместье — самом крупном из всех, что Ота видел после Ялакета. Его широкие улицы были вымощены булыжником, а в домах, смотревших на реку или близлежащий сосновый лес, насчитывалось до трех этажей. Благосостояние городка отражалось во всем: в постройках, в пище, на лицах людей. Словно какой-нибудь безымянный квартал хайемского города отделили и перевезли сюда, в лесную глушь.

Ширина и чистота дороги к селению дая-кво Оту не удивила, а поразило другое: можно было нанять паланкин и доехать за день до самых ворот дворца дая-кво, вот только плата оказалась чересчур высока. Ота прошел мимо людей в дорогих шерстяных одеяниях, отороченных мехом — посланников от хайских дворов и торговых представителей, — и направился дальше. На лотках с едой лежали дорогие изысканные яства для заезжей знати и перловая похлебка с курятиной для простолюдинов вроде него.

Ота уже успел привыкнуть к роскошествам и удобствам дороги, но от зрелища селения дая-кво у него по-настоящему захватило дух. Целиком высеченная в скале, деревня, казалось, принадлежала наполовину миру людей, наполовину — солнцу, океану и великим силам неба.

Ота засмотрелся на сверкающие окна и улицы, лестницы, башни и купола. Золотая ленточка водопада врезалась в череду построек, а в теплом предзакатном свете скала отливалась бронзой. Колокольчики, звонкие, как птичий щебет, и гулкие, как их большие собратья, звенели на ветру. Если вид деревни был призван пробудить в посетителе благоговейный страх, зодчий мог спать спокойно: ему это удалось. «А ведь Маати жил здесь, учился, — подумал Ота. — А я отказался».

Он представил себе, каково было прибыть сюда мальчишкой, увидеть все это великолепие и знать, что заслужил его, что оно по праву твое.

Тропинку к приемным покоям оказалось легко найти по людскому потоку. Отнедержцы — здесь они подчинялись непосредственно даю-кво — топили печи на всех перекрестках и у каждой чайной, предлагая тепло и уют перед наступлением ночи. Ота у них не задержался.

Он дошел до приемных покоев: высокого сводчатого здания, выходящего окнами на запад. Его белый фасад на закате пыпал. Люди — только мужчины, отметил Ота — заходили в зал, сновали из коридора в коридор, открывали и закрывали двери розового дерева и дуба. Оте пришлось остановить слугу, который замыгал фонари, и спросить дорогу к распорядителю дая-кво.

Распорядитель оказался пожилым человеком с добрым лицом в буром одеянии поэта. Когда Ота подошел к столу, старик принял позу радущия с вопросительным оттенком, отмеченную той же текучей грацией, что у хая Сарайкетского и андата.

Ота ответил позой приветствия и на миг снова ощутил себя учеником в холодных гулких коридорах школы.

— У меня послание для дай-кво, — сказал он, отгоняя воспоминания. — От Маати Ваупатая из Сарайкета.

— А-а! — воскликнул распорядитель. — Прекрасно. Я пролежу, чтобы он тотчас получил его.

Старик протянул тонкую руку, чтобы принять письмо, которое посыпал еще даже не вынул из рукава. Пока Ота разглядывал сухопарую длань, будто вырезанную из дерева, его вдруг разбрала тревога.

— Я надеялся на личную встречу.

Лицо распорядителя приобрело сочувственное выражение.

— Дай-кво очень занят, мой друг. Он едва находит время выслушать меня, а ведь я слежу за его распорядком. Отдайте письмо мне, и, обещаю, он его получит.

Ота вытащил конверт и отдал старику, уже глубоко сожалея. Конечно, было бы странно, если бы дай-кво встречался с простыми письмоносцами самолично. Этого следовало ожидать.

— Намерены ли вы дождаться ответа?

— Да, — сказал Ота. — Если он последует.

— Завтра я дам вам знать о желании высочайшего на сей счет. Где вас найти?

Ота извинился и объяснил, что еще не снимал комнаты и деревни не знает. Распорядитель так терпеливо все ему растолковал, что Оте представился дедушка, поучающий любимого, но несколько бестолкового внука.

Когда Ота вышел на улицу, покончив с делом, уже смеркнулось. На горизонте мерцала лиловая с золотом полоска от едва зашедшего солнца. Теперь можно было осмотреться, как бы стремительно ни темнело вокруг. До него впервые дошло, что от самой дороги он не встретил ни одной женщины. Печами огнедержцев, прилавками с едой, постоялым двором, куда его направи-

ли — всем заправляли мужчины. На всем темном спуске аллеи он не встретил ни одного женского лица.

Приглядевшись пристальнее, Ота нашел и другие приметы того, что жизнь в деревне дая-кво не походила на ту, что он знал. На улицах, в отличие от сарайкетских, не было грязи, между дорожных камней не росло ни травинки, в углах стен — ни пятнышка мха. Неестественная чистота еще скорее, нежели однополость жителей, наделяла это место чуждой и тревожной стерильностью.

Ота поужинал в одиночестве дичью с вином и черным хлебом, сидя за низким столиком спиной к огню. На него нашло уныние. Мечты о них с Лиат, маленьком домике, каком-нибудь простом ремесле, собственном хлебе в печи и мясе на вертеле манили и в то же время вызывали усмешку. Он сделал то, за чем его посыпали. Письмо попало к даю-кво — или скоро попадет.

Однако у Оты были и свои причины для приезда сюда. Он, шестой сын хая Мати, отвернулся от величайшей власти мира. Ему выпал шанс повелевать андатом, а он его упустил. Здесь, в бутафорской деревне, Ота впервые представил, как посмотрели бы на это его братья, учителя или ученики, которые в свое время приняли такое предложение с радостью. В том числе и Маати.

Тогда кто же такой Итани Нойгу, простой грузчик с нехитрыми запросами? Он вдруг понял, что проехал половину земель Хайема ради ответа на этот единственный вопрос, а в итоге только и сделал, что передал старику какие-то бумажки. Он вспомнил, как много значило это путешествие, когда он только пускался в дорогу, не только для Хешая и Бессемянного, Мати и Сарайкета, а лично для него. А теперь он сам почти забыл, чего ждал, на что надеялся, помимо передачи письма.

Ему выделили крохотную комнатку, где едва помещались раскладушка и столик со свечой. Одеяла были теплыми и мягкими, матрац — чистым, без намека на блох или вшей. В комнате пахло кедровой древесиной, а не крысиной мочой или немытым телом. В общем, скромные размеры не умаляли ее достоинств.

Ота потушил свечу и уже почти спал, когда дверь открылась и на пороге возник маленький, лысый как яйцо человечек

с фонарем в руке. На круглом лице выделялись кустистые брови, черные с проседью. Ота спросонья уставился на него и тут же вскочил, как по тревоге. Он принял позу приветствия и, как учили в школе, расплылся в приторной улыбке.

— Ваш приход — великая честь, высочайший дай-кво!

Тахи-кво покосился на него и подошел ближе, поднес фонарь к лицу Оты и светил до тех пор, пока у того от яркого огня не потемнело перед глазами. Впрочем, Ота не отвернулся.

— Это и впрямь ты.

— Да.

— Покажи руки, — велел старый учитель.

Ота послушно выставил ладони, и фонарь сдвинулся в сторону: Тахи-кво разглядывал его мозоли. Он так низко наклонился, что Ота чувствовал пальцами его дыхание, видел, как бегают глаза.

— Значит, это правда, — произнес Тахи-кво. — Ты стал грузчиком.

Ота спрятал ладони. Слова эти он уже слышал, но тон уязвил его. Он считал, что мнение Тахи-кво давно для него ничего не значит. Ота улыбнулся своей особенной, обезоруживающей улыбкой и спрятался за нее, как за маску, а голосу придал спокойствие и легкую иронию.

— Я выбрал свой путь.

— Не лучший выбор.

— Зато мой.

Старик — Тахи-кво, дай-кво, самый могущественный человек в мире — затряс головой от отвращения. Шелковые одежды зашелестели. Он склонил голову набок, словно гриф.

— Я посоветуюсь кое с кем по твоему вопросу. На составление ответа может уйти несколько дней.

Ота решил было, что услышит какую-нибудь колкость или свист розги, но Тахи-кво только стоял и смотрел на него. Наконец Ота принял позу согласия.

— Я подожду.

В глазах Тахи-кво сверкнуло что-то похожее на грусть или нетерпение, а потом он, не прощаясь, ушел. Дверь закрылась,

Ота снова лег в постель. В ночи было тихо, если не считать звука медленно удаляющихся шагов, который растаял куда раньше, чем Ота смог унять стук в груди.

Следующие дни жизни Амат Кян оказались чуть ли не самыми тяжкими. Заведение и так переживало не лучшие времена, а ее приход лишь добавил беспорядка. Все его обитатели, включая женщин, стражу, виноторговцев, игроков, взялись проверять новую хозяйку на прочность. Три раза возникали драки. Почти каждый день ей приходилось пресекать очередную вольность и всякий раз слышать обиженное: «Ови Нинт это разрешал!». «Можно подумать, — ворчала она про себя, — он был безотказнейшим и щедрейшим из людей». Смерть сделала его добряком. Что ж, этого следовало ожидать.

Если бы этим все ограничилось, ее бы вряд ли мучила бесконница. Сложности усугубило появление Мадж. Никто, кроме Амат, не говорил на нипшуанском, а женщина еще толком не могла изъясняться по-хайятски. С тех пор, как она переселилась сюда, Амат дергали по каждой ее нужде — независимо от времени суток или важности повода.

К счастью, Ториш Вайт оказался способен ко многому помимо охраны. В частности, он согласился пустить в порту слух о том, что Амат Кян ищет сведения о поставках гальтского жемчуга. Затевать тяжбу с Гальтским Домом было все равно что начинать жизнь заново. Дом утеш покроет расходы, если привести его в порядок, но даже безденежье — пустяк по сравнению с нехваткой времени, а она — Амат — уже не девочка, чтобы всюду успевать.

На ранних этапах можно было положиться и на наемников. Правда, иногда ей припоминались жалобы западных торговцев на то, каково иметь дело с продажными воинами. До тех пор, пока она будет обеспечивать их деньгами и женщинами, они останутся при ней. Но если почувствуют себя незаменимыми — жди беды.

Ее просторный кабинет — бывший Нинтов — был весь завален документами, записями, планами. Утреннее солнце заглянуло

в узкую щель поверх подогнанных ставень — их задвигали, чтобы можно было спать днем. Амат отпила чая из чашки, пока Митат, ее ближайшая советчица по делам заведения, шагала взад-вперед, шелестя бумагами.

— Это уже слишком, — сказала она. — Никогда не подумала бы, что скажу это, но вы даете им чересчур много свободы. Выбирать, с кем из мужчин ложиться? Амат-тя, при всем уважении, вы хозяйка публичного дома. Когда приходит мужчина с деньгами, ваша задача — предоставить ему женщину. Или мальчика. Или трех девчонок и курицу — смотря что попросит. Если дать им право отказывать клиентам...

— Они будут получать меньше денег, — закончила Амат спокойным и рассудительным тоном, хотя знала, что Митат права. — Те, кто хорошо работает, хорошо получают. А при такой свободе и возможности заработать больше мы будем привлекать женщин, которые подыскивают приличное заведение.

Митат остановилась. Она ничего не сказала — ее напряженный взгляд говорил сам за себя. Амат закрыла глаза и откинулась в кресле.

— Не секите их без причины, — произнесла Митат. — Не позволяйте никому резать там, где останется шрам. Платите вовремя. Это все, что можно сейчас сделать. Через год-два, пожалуй, можно будет попробовать что-нибудь этакое, но сейчас оно будет воспринято как проявление слабости.

— Да. Наверное, ты права. Спасибо, Митат-тя.

Когда она снова открыла глаза, Митат стояла перед ней в позе беспокойства. Амат отмахнулась.

— У вас усталый вид, бабушка.

— Пустяки.

Митат замялась, как будто хотела что-то добавить, и вернула ей документы. Не успела Амат спросить, что случилось, как на лестнице раздались шаги, и в дверь вежливо постучали. Вслед за тем в комнату вошел Ториш Вайт. Вид у него был настороженный.

— Тут вас кое-кто спрашивает, — сказал он Амат.

— Кто?

— Марчат Вилсийн.

У Амат свело нутро. Она глубоко вздохнула.

— С ним кто-нибудь есть?

— Нет. От него немного несет вином, но он безоружен.

— А где Мадж?

— Спит. Мы отвели ей вашу старую комнату.

— Поставьте охрану у той двери. Никого не впускать, ее не выпускать. Марчату незачем знать, что мы ее здесь держим.

— Так вы его примете? — изумилась Митат.

— Я больше тридцати лет проработала под его началом, — ответила Амат, как будто это проясняло суть дела. — Торищтя, мне понадобится дежурный за дверью. Чтобы по первому зову быть здесь. Если все будет тихо — не мешать нам и не беспокоить. Договорим позже, Митат.

Оба удалились, закрыв за собой дверь. Амат встала, взяла трость и прошла к выходу на собственную веранду. Ночью шел дождь, в воздухе до сих пор стояла влага. «Вот почему, — сказала себе Амат, — так тяжело дышится». Дверь за спиной открылась и снова закрылась. Амат обернулась не сразу. По ту сторону веранды лежал веселый квартал — улица за улицей. Флаги трепетали, нищие пели. Чудный город, даже этот район. Поэтому-то она и затеяла то, что затеяла. Ради него, ради Мадж и ребенка, которого та потеряла. Амат мысленно собралась с духом.

На пороге в темно-зеленом, почти черном халате стоял Марчат Вилсийн. Его лицо посерело, глаза воспалились. Он выглядел испуганно и растерянно — ни дать ни взять мышь, окруженная котами. У Амат сжалось сердце.

— Здравствуй, старый друг, — сказала она. — Кто бы подумал, что мы встретимся здесь?

— Зачем ты так, Амат?

Боль в его голосе почти сразила ее. Ей захотелось подойти к нему, утешить. Взять за руку и уверять, что все будет хорошо, несмотря на то, что все будет плохо. Задним числом она поняла, что если бы позволила ему объясниться тогда, признаться в любви, то могла и не найти в себе сил уйти из Дома Вилсийнов.

— Это называется нападением. То, что случилось с поэтом и с девушкой, — ответила она. — И мы оба это знаем. Ты напал на Сарайкет.

Он шагнул вперед, протягивая открытые ладони.

— Амат, как ты не поймешь? Я тут ни при чем!

— Чую не желаешь? — спросила она.

Марчат озадаченно сел на скамейку и схватился за голову в немом отчаянии. Амат вспомнила, как впервые его встретила: темные волосы, заморские манеры. Тогда он любил смеяться, но смотрел властно. Амат налила ему чая. Когда он не взял чашку, она поставила ее на столик у его колена и вернулась к своему столу.

— Ничего не вышло, Амат. План не удался. Поэт жив, андант по-прежнему в пленау. Они поняли, что ничего не добываются, так что больше этого не повторится. Только бы ты бросила свою затею...

— Не могу.

— Почему?

— Потому, что ты поступила подло с Мадж. Она хотела этого ребенка. И потому, что Сарайкет — мой дом. А еще потому, что ты предал меня.

Марчат вспыхнул и так неловко сложил позу, что она могла означать что угодно.

— Тебя? Как я тебя предал? Я делал все, чтобы тебя это не коснулось: предупредил насчет Ошайя, а когда ты вернулась, замолвил слово в твою защиту. Я рисковал собой ради тебя!

— Ты втянул меня в это, — процедила Амат, дивясь злости в своем голосе и тому, как запылали щеки. — Ты заварил кашу и сделал так, что мне пришлось пожертвовать всем — всем! — чтобы себя оправдать. Узнай я вовремя, ничего бы не случилось. Я бы тебя удержала. Ты понимал это, когда просил найти тебе охрану. Надеялся, что я тебя вытащу.

— Тогда я плохо соображал. Теперь — дело другое.

— Неужели? Как я могу поступить иначе, Марчат-ка? Промолчать — все равно что одобрить ваше злодейство. А я этого не хочу.

Его взгляд стал тверже. Он не спеша поднес к губам чашку и выпил одним долгим глотком. Когда он поставил ее обратно — только фарфор стукнул о дерево столика, — в нем снова приснулся тот Вилсин, которого она знала. Он отмел чувства в сторону и приготовился к переговорам, которые могли бы спасти его жизнь, его дело. Могли бы — сумей он убедить ее или даже сорвать с выбранного пути. Она улыбнулась краем губ. Ей отчалило хотелось, чтобы у него это вышло.

— Предположим, случилось что-то плохое, — сказал Марчат. — И я был в этом замешан — не по своей воле. Забудем даже, что меня заставили. Забудем, что не я это придумал. Позволь спросить тебя вот о чем: какого возмездия ты хочешь?

— Не знаю, — ответила Амат. — Решать каю и его людям. Он сложил позу досады.

— Ты отлично понимаешь, какова будет его воля относительно меня и Дома Вилсинов. И всего Гальта заодно со мной. О Мадж он даже не вспомнит. Его будут заботить лишь собственные интересы.

— И интересы города.

— И сколько же стоит город, Амат? Пусть во имя справедливости. Если хай решит вырвать тысячу гальтских младенцев из материнских утроб, этого хватит? Если гальты начнут вымирать, потому что посевы не родят семян, этого хватит? Ты хочешь возмездия, Амат, я знаю. Но так мы придем только к мести.

Пахнущий морем ветерок всколыхнул занавеси. Двери вееранды со стуком захлопнулись, и в комнате стало темно.

— Ты думаешь сердцем, — продолжал Вилсин. — То, что случилось, ужасно. Я этого не отрицаю. Нас затянуло в нечто огромное, нелепое и зловещее. Однако не забывай о том, чего это стоило. Одна жизнь. Сколько выкидышей случается за год? Сколько женщин не донашивают детей из-за того, что их бьют мужья, от падений или от болезней? Мне припоминаются шесть случаев за последние пять месяцев. Случилось дурное, Амат, и, клянусь, я сделаю все, чтобы это исправить. Но только не такой ценой.

Он подался вперед. Амат искала, что возразить, но быстро не выходило.

— Теперь они поняли: эта тактика не подошла, — продолжил Вилсин. — Они не смогли избавиться от Бессемянного, пока он был с ними заодно. Теперь они будут знать, что никогда не сумеют освободить их всех разом. Опыт провалился. Конечно, однажды они попытаются сделать это еще раз, но нескоро. Пока же они направят свои усилия на Западные земли, как прежде, или, может, на юг, или к островам. Война сюда не придет. Пока они не будут уверены в собственной безопасности.

У Амат кровь застыла в жилах. Она опустила глаза, чтобы не выдать потрясения. Ей-то казалось, что дело в торговле. Не будет Бессемянного, и торговля захиреет. Ее город пострадает, тогда как прочие рынки хлопка начнут процветать. Как она могла быть такой недалекой! Восемь поколений минуло без войны. Сотни лет сырой и мирной жизни под защитой андатов. Дело было уже не в торговле. Это первый шаг на пути к вторжению, и гальт не знает, что она его проглядела.

Амат заставила себя улыбнуться и поднять голову. Без андатов города падут. Богатство Хайема пойдет на покупку наемников. Однако немногие захотят встать на заведомо слабую сторону в войне с гальтской военной машиной, немногие сохранят договоры с Хайемом.

Мир, каким она его знала, грозил рухнуть.

— Вернись, Амат, — увещевал Вилсин. — Скоро начнутся переговоры конца сезона, и мне без тебя не обойтись. Ты мне нужна, как раньше.

Амат резко выкрикнула «Ко мне!», и в комнату ворвалась охрана. Марчат — ее старый друг, делец, умеющий быть забавным, тот, кто подобрал ее на улице и вывел в люди, кто полюбил ее, хотя не осмелился в этом признаться — растерялся. Амат приняла позу прощения перед долгой разлукой. Она была почти уверена, что он не уловил оттенка «навсегда», хотя вложила этот смысл скорее для себя.

— Прошлое — прекрасное время, Марчат-ка, — ответила Амат. — Я уже по нему скучаю.

И следом охранникам:

— Выведите его прочь.

* * *

Исцеление Хешая произошло внезапно, как перемена погоды. Лиат была в гостиной — чистила апельсин. Маати зачем-то поднялся к себе, попросив ее подождать внизу. Потом послышались шаги на лестнице — медленные и грузные, словно Маати нес что-то большое и неухватистое. Лиат обернулась и увидела вместо него Хешая — чистого, выбритого и одетого в строгое платье. Она вскочила на ноги и приняла позу приветствия высокопоставленной особы. На сиденье осталась тонкая золотая полоска кожуры, свисающая с сочного шара. Поэт изобразил краткое «добро пожаловать» и подошел к ней, не сводя глаз с апельсина. Наконец он улыбнулся — неуверенно, словно не привык так складывать губы. Лиат стала вспоминать, смеялся ли он когда-нибудь при ней.

— Тут, конечно, не хватит на то, чтобы поделиться со стариком, а? — спросил он почти робко.

— Конечно, хватит, — ответила Лиат, взяла апельсин и отломила большую дольку. Хешай принял ее с благодарственным жестом и тут же сунул в рот. Его лицо было бледным, как рыбье брюхо, под глазами виднелись темные мешки. После злополучной церемонии поэт сильно исхудал, и все же, когда он опять улыбнулся — уже увереннее, — Лиат не смогла сдержать ответной улыбки. На мгновение она совершенно ясно увидела, каким он был в детстве.

— Вы выглядите гораздо лучше.

— Сколько ж можно шататься по дому и грустить, — ответил Хешай. — Пора бы и пройтись. Давненько я уже не был в хорошей чайной.

С лестницы донеслись знакомые легкие шаги — и вдруг стихли. Маати забыл о книге в руке и смотрел вниз, разинув рот.

— Спускайся, — окликнул его Хешай. — Мы не секретничаем, просто устроили перекус. Тебе тоже хватит, я думаю.

— Хешай-кво...

— Я тут рассказывал Лиат-кя, что решил размять ноги на ночь глядя. Нельзя все-таки слишком надолго уходить в себя.

А завтра у нас есть кое-какие дела. Давно пора всерьез заняться твоим обучением, верно?

Маати изобразил позу согласия, неуклюже из-за книги в руке. Впрочем, Лиат видела, что он этого почти не заметил. Она перехватила его взгляд и попыталась подсказать, чтобы Маати хотя бы для приличия изобразил радость.

— Буду ждать, Хешай-кво, — ответил он.

Если его голос и дрогнул, поэт этого не заметил. Он лишь попрощался с Лиат более церемонно, чем требовал ее статус, изобразил позу поздравления Маати — конечно, тайком от Лиат — и отбыл. Маати с Лиат сели на ступени у двери и стали смотреть, как Хешай переходит мост и скрывается за поворотом дороги. Маати трясло от ярости.

— Я думала, мы этого и хотели, — мягко сказала Лиат.

Он мотнул головой: ее слова вернули его к реальности.

— Да, но чтобы так...

— Он ведь встал с постели. Пшел в город.

— Да, как ни в чем не бывало, — отозвался Маати. — Словно и не лежал неделями. Встал и пошел.

Лиат погладила его по шее. Маати напрягся было, потом расслабился и повернулся к ней.

— Ты ждал извинений, — сказала она. — Или благодарности за то, что ты для него сделал.

Маати положил рядом с собой книгу и плотнее закутался в накидку. Долгое время они сидели молча. Деревья облетали, падающие листья устилали землю. Зима еще не пришла, но осень была в самом разгаре.

— Я был неправ, — произнес Маати голосом, полным стыда и злости. — Мне бы радоваться, что он поправился...

— Возможно, он сейчас по-другому не может, — сказала Лиат. — Дай ему времени.

Маати кивнул и взял ее за руку, переплел пальцы. Она протянула свободную руку и подобрала его книгу — старую, тяжелую, в кожаном переплете с медными накладками.

— Почитай мне поэму, о которой ты рассказывал.

Много позже, когда наступила темнота, Лиат лежала рядом с Маати на его кровати и прислушивалась к его дыханию. От сквозняка, всколыхнувшего сетку, ее кожа покрылась мурашками, а Маати лежал все такой же теплый и мягкий, как кот. Она погладила его по волосам. Было спокойно, уютно и... совестно до тошноты. Она никогда еще никому не изменяла. Думала, что это будет трудно, что люди будут глазеть на улицах и сплетничать за спиной. А вышло так, что никто даже не обратил внимания. После случая с андатом все от нее отдалились — Амат, Вилсин-тя, сослуживцы, и, что хуже всего, Итани. Рядом с Маати было легче переживать одиночество. Он всегда слушал, когда она говорила о себе, своих ошибках, о том, как позволила Мадж потерять дитя.

Пламя ночной свечи задрожало. Три мотылька бились у стеклянных стенок колпака. Лиат пошевелилась. Маати пробормотал что-то во сне и отвернулся. Она развела сетку и встала, подставляя тело ночной прохладе. После близости тело было липким. Она подумала было сходить в бани, однако гулять по городу в темноте и без Маати не хотелось. «Уж лучше, — решила она, — останусь здесь, даже если придется мерзнуть. Поделом мне за все грехи». Лиат накинула халат, но завязывать пояс не стала.

В темном небе сияли звездные россыпи. Далекие дворцовые и городские огни почти терялись среди них. Лиат залюбовалась луной — сияющим серпом света, обнимающим ноздреватую тьму. Сверчки и лягушки распевали вовсю, подстриженная трава у пруда с карпами щекотала ноги. Лиат внимательно огляделась и только потом вылезла из халата. Прудовая вода была ничуть не хуже банной. Рыбы метнулись от нее врассыпную. Камыши у берега при каждом колебании воды шуршали листьями — словно сухие ладони по коже.

Лиат лежала на спине, медленно перебирая ногами, и думала об Итани. Она не чувствовала себя изменницей, хотя знала, что это так. Маати и Итани — Ота — как будто заняли совершенно разные части ее сердца. Итани был ее возлюбленным, тем, с кем она делила постель многие месяцы; а Маати — ее другом, поверенным всех тайн, единственным утешителем в мире, где

сейчас нет даже Оты. За эту поддержку она готова была посту-
питься и чистой совестью и спокойствием. Лиат сама не понима-
ла, как жизнь может быть так легка и одновременно трудна.

Холод пробрал ее до костей. Лиат перевернулась и свободно
подплыла к берегу. Пальцы ног увязли в речном иле. После воды
воздух казался во много крат холоднее. Когда она нашла халат,
ее била дрожь. Ночь обезмоловела, птицы и насекомые утихли.

— Должно быть какое-то правило поведения в подобных слу-
чаях, — произнес Бессемянный из темноты, — но мне оно не-
известно.

Лицо андата как будто висело в воздухе; бледные губы кри-
вились в ироничной и одновременно мрачной усмешке. Он шаг-
нул вперед. Лиат рывком запахнула халат. Его одежды — чер-
ные с синим отливом — то растворялись в темноте, то снова по-
являлись. Андат что-то вынул из рукава и протянул ей. Косынку.

— Когда я увидел, где ты, то решил тебе принести.

Лиат взяла ее и машинально изобразила благодарность. Ан-
дат небрежно ответил, сел на корточки у пруда и стал смотреть
на воду.

— Ты выбрался из ящика.

— Из одного — да. Хешай-кво меня выпустил. Он уже не-
сколько дней позволяет мне выходить при условии, что я буду
оставаться в пределах видимости. Я принес священную клятву,
хотя, наверное, все равно ее как-нибудь нарушу. Из-за меня он
пошел на поправку. Запереть свою половину — особенно постыд-
ную — значит дать ей возобладать над другой. Этим-то и опас-
но делить себя надвое, не находишь?

— Не понимаю, о чём ты, — ответила Лиат.

Бессемянный усмехнулся. Похоже, его забавлял этот раз-
говор.

— Высуши волосы, — сказал он. — Я не сужу тебя, доро-
гуша. Я ведь детоубийца. А ты — семнадцатилетняя девочка,
которая завела второго любовника. Куда мне с тобой тягаться.

Лиат обмотала голову и повернулась, чтобы уйти. Под нога-
ми прошуршали сухие листья. Вдогонку прозвучали три слова —
так тихо, что она почти приписала их воображению.

— Я знаю про Оту.

Лиат остановилась. В тот же миг, как по сигналу, снова грянул хор сверчков.

— Что ты знаешь?

— Достаточно.

— Откуда?

— Догадался. Что ты будешь делать, когда он вернется?

Лиат не ответила. Бессемянный повернулся и окинул ее взглядом, потом принял позу снятия вопроса. В груди Лиат вспыхнул гнев.

— Я люблю его. Он мой друг сердца.

— А Маати?

— Его я тоже люблю.

— Но он не друг сердца.

Лиат снова умолкла. В тусклом свете луны и звезд было видно, как андат печально улыбнулся и принял позу, выражавшую понимание, сочувствие и приятие.

— Я и Маати... мы просто нужны друг другу. Врезультате нам плохо. Мы с ним оба совсем одиноки.

— Что ж, это хотя бы ненадолго. Он скоро вернется, — произнес андат. — Завтра, может быть. Или через день.

— Кто?

— Ота.

Лиат почувствовала, что задыхается. Чувство было очень похоже на страх.

— Нет, еще рано. Он не успеет!

— А по-моему, успеет, — возразил андат.

— Ему только до Ялакета плыть три недели. Даже если он найдет быструю переправу вверх по реке, то только сейчас прибудет туда.

— Уверена?

— Еще бы.

— Тогда признаю свою ошибку, — сказал андат так уступчиво, что у Лиат не нашлось ответа. Вдруг андат рассмеялся и охватил голову руками.

— Что? — удивилась Лиат.

— Ну и дурак же я. Ота — это тот самый Ота-кво, о котором рассказывал Маати. Он не поэт и у него нет клейма, вот я и не сопоставил одного с другим. Но если Маати отправил его к даю-кво... Да, несомненно. Это он.

— Я думала, ты все знал насчет Оты, — сказала Лиат упавшим голосом.

— Возможно, я преувеличил. Ота-кво... Ученик из «черных одежд», который не принял клейма и не стал поэтом. Кажется... кажется, я слышал подобную историю. Что ж, задам пару вопросов Хешаю и все раскопаю.

Лиат охватил ужас при мысли о содеянном. Она не столько осела, сколько рухнула на траву. Под ее весом хрустнули листья. Андат встревоженно глянул на нее.

— Ты меня провел! — прошептала она.

Бессемянный склонил голову набок и странно улыбнулся — чувственно, жалостливо и вместе с тем удивленно. Его руки приняли позу утешения.

— Ты не виновата, Лиат-кя. Маати рассказал мне все давным-давно, еще когда не знал, кто я. Если ты и предала сегодня своего друга сердца — а тому есть серьезные подтверждения, — то не со мной. Хочешь — верь, хочешь — нет, но эта тайна останется тайной.

— Останется, как же. Не верю!

Андат улыбнулся. На миг он напомнил ей Хешая-кво: лицо того было так же искренно.

— Обладать тайной — все равно, что сидеть на крыше с камнем в руках. Пока ты его держишь, жизни тех, кто ходит внизу, в твоей власти. Уронишь — останется только наслаждаться видом. Я не выдам твоей тайны без выгоды, а при нынешнем положении дел выгоды не наблюдается. Так что пока твои секреты останутся при мне.

Лиат встала в позу вызова.

— Поклянись!

— Ты забыла, с кем ты разговариваешь? Как, интересно, меня обяжет эта клятва?

Лиат уронила руки.

— Я тебя не выдам, — сказал Бессемянный. — Во-первых, незачем, а во-вторых, это расстроит Маати.

— Маати?

Андат пожал плечами.

— Я его полюбил. Он... он еще молод и недолго живет на этом свете. Однако у него хватит таланта и обаяния, чтобы избежать нашей участи. А вот достанет ли ума...

— Ты говоришь, как Хешай.

— Разумеется.

— А тебе... ты ведь не всерьез печешься о Маати?

Бессемянный встал. В его движениях ощущались легкость и свобода катящегося камня. На нем было просторное одеяние темнее ночи, а лицо казалось совершенной маской — фарфорово-белой, гладкой, как яичная скорлупа, и такой же бесстрастной. Сверчки до того разошлись, что Лиат едва уловила следующие слова андата:

— Через десять лет, Лиат-кя, оглянись назад, вспомни этот разговор и спроси себя, кто из нас был добре к Маати.

15

Жизнь в селении дая-кво тянулась какой-то изысканной мукой. Чистый воздух, холодный камень улиц, всеобщее совершенство, однополость, одухотворенность и красота делали ее похожей на сон. Ота бродил по переулкам, останавливался у печей огнедержцев, слушал сплетни и перезвон ветряных колокольчиков. Посланники всех городов, облаченные в пышные наряды, прибывали и исчезали каждый день. Даже вода отдавала могуществом, даже воздух пах властью.

Когда-то, пока Ота целыми днями таскал на спине тюки и выбирал у себя клещей, Маати жил здесь, в этих хоромах. Каждый вечер Ота возвращался к себе на постоянный двор, измученный ожиданием, и гадал, кем бы он был, если бы принял предложение старого дая-кво. А потом вспоминал школу — жестокость, злобу, уроки, битье и глумление сильных над слабыми — и удивлялся, как смог продолжать учебу Маати.

Пятого дня пополудни его разыскал человек в белых одеждах высокопоставленного слуги. Ота сидел на широкой террасе чайной.

— Вы принесли письмо от Маати Ваупатая? — спросил слуга, принимая уважительно-вопросительную позу. Ота ответил утвердительно. — Дай-кво желает с вами говорить. Прошу за мной.

Библиотека была из мрамора; вдоль стен стояли высокие шкафы для свитков и переплетенных томов, сквозь череду окон с прозрачным, как воздух, стеклом, лился солнечный свет. Тахи-кво —

дай-кво — сидел за длинным столом резного эбена. Железная жаровня согревала комнату, распространяя запах дыма, нагретого металла и благовоний. Когда дай-кво поднял глаза, слуга принял позу готовности и глубочайшего, почти смехотворного смирения. Ота стоял прямо.

— Ступай, — сказал дай-кво слуге, и тот удалился, затворив за собой широкие двери.

Учитель некоторое время разглядывал Оту из-под хмурых бровей, а потом толкнул ему через стол запечатанное письмо. Ота подошел, взял его и спрятал в рукав. Какой-то миг они стояли молча.

— Глупо было являться сюда, — произнес Тахи-кво как бы между прочим. — Если твои братья узнают, что ты жив, то прекратят следить друг за другом и сплотятся против тебя.

— Вполне может быть. Вы им скажете?

— Нет. — Тахи-кво встал и пошел вдоль шкафов, повернувшись к нему спиной. — Мой учитель умер, знаешь ли. На следующий год после твоего ухода.

— Мне жаль, — ответил Ота.

— Зачем ты приехал? Почему именно ты?

— Мы с Маати друзья. А больше довериться было некому. Другие причины он не хотел открывать. Они касались только его.

Тахи-кво провел пальцами по корешкам книг и горько усмехнулся — это было видно даже из-за плеча.

— А тебе, выходит, он доверяет? Тебе, Оте Мати? Наверное, по молодости. А может, он просто не знает тебя так, как я. Хочешь услышать, что я ему написал?

— Если он решит со мной поделиться, — сказал Ота.

Тахи-кво снял с полки древний фолиант в деревянной обложке с железным окладом, толщиной в раскрытую ладонь, взвесил его в руках и положил на стол.

— В письме говорится, что он должен предотвратить освобождение андата. Что ему в обозримом будущем нет замены. Если Бессемянный исчезнет, мне некого будет послать, и Сарайкет станет обычным предметом, только побольше. Вот что я написал.

Брови Тахи-кво вызывающие поползли вверх. Ота принял старую позу ученика, выслушавшего урок.

— С каждым поколением становится все труднее, — продолжил Тахи-кво, словно злясь на сами слова. — Учеников все меньше, андатов все тяжелее удержать. Даже таких, как Бессемянный или Нетронутый. Придут времена — не при мне, но при моем преемнике или после него, — когда андаты покинут нас навсегда. Хайем будет завоеван галтами или западниками. Ты понимаешь, о чём я тебе говорю?

— Да, — ответил Ота, — только не понимаю зачем.

— Потому, что из тебя мог выйти толк, — с горечью отозвался учитель. — И потому, что ты мне не нравишься. Но я все-таки должен задать этот вопрос. Ота Мати, не потому ли ты приехал сюда, что жалеешь о своем отказе? Может, письмо было поводом поговорить со мной, а на самом деле ты хочешь стать поэтом?

Ота не засмеялся, хотя вопросы прозвучали нелепо. Нелепо и — если вспомнить все зрелица и запахи селения — почти печально. А самое главное, он не был уверен в ответе. Может, он и впрямь прибыл увидеть, что потерял, и убедиться, верит ли в выбор, который сделал когда-то давно, ребенком.

— Нет, — сказал Ота.

Тахи-кво кивнул и разъял застежки древнего тома. Подобных букв Ота раньше не видел. Поэт вперил в него неприязненный взгляд.

— Так я и думал, — произнес он. — Ступай же. И не возвращайся, пока не поймешь, что созрел для этой работы. Мне некогда возиться с детьми.

Ота принял прощальную позу, а потом замялся.

— Мне правда жаль, Тахи-кво, — сказал он, — что ваш учитель умер. Что вам пришлось прожить этот путь. С самого начала. Жаль, что мир так устроен.

— Вини солнце за то, что садится, — отозвался дай-кво, не глядя на него.

Ота повернулся и ушел. Дворец поражал великолепием. Даже хай Сарайкета не мог себе такого позволить. На широких аллеях

за стенами толпились важные люди в шелках и тончайшей коже, прибывшие сюда со столь же важными поручениями. Ота про никся всем этим роскошеством и впервые почувствовал пустоту, которая за ним крылась. Точно такую пустоту он видел в глазах Хешая. Одно, без сомнения, порождало другое.

Дойдя до границы селения, он удивился тому, насколько это все его опечалило. Он сам не знал, по ком плачет — по Маати или по Хешаю, по Тахи-кво или мальчикам его класса, которых раскидало по свету, по тщеславию власти или по себе самому. Вопрос, с каким он приехал — кто он такой: хайский сын Ота Мати или грузчик Итани Нойту, — остался нерешенным, но ответ он все же получил.

Кто угодно, только не поэт.

— Когда? — кричала Мадж, сложив руки на груди. Ее щеки раскраснелись, изо рта разило вином. — Я уже третью неделю живу среди шлюх. Ты говорила, что убийцы моего ребенка ответят за все! Так когда, я тебя спрашиваю?

Островитянка метнулась к столу Амат, схватила вазу и запустила в стену. Раздался звон, цветы и осколки посыпались на пол. На стене появился мокрый потек. Не успела Амат шевельнуться, как в комнату влетел охранник с кинжалом наголо. Амат встала и вытолкнула его обратно, несмотря на возражения, после чего закрыла дверь. Ее нога жутко болела. За последние недели боль донимала ее все сильнее и сильнее, пополняя и без того немалый список напастей. Однако она держалась стойко. Мадж — то ее союзница, то подопечная — вздернула подбородок и выпятила грудь, словно маленький задира. Амат приторно улыбнулась, медленно шагнула вперед и шлепнула ее по губам.

— Ради тебя я корплю с утра до полуночи, — произнесла Амат. — Я содержу этот мерзкий притон, чтобы было на что обратиться в суд. Ради тебя я поступилась всем, что у меня было. Разве я просила меня благодарить? Только помочь, вот и все.

В светлых глазах Мадж появились слезы и потекли по затянувшим щекам. Накал ярости в груди Амат спал. Она тихонько

прошла к куче бумаг у дальней стены и тяжело, щадя ногу, опустилась на колени.

— Мое дело непростое, — проговорила Амат и принялась не глядя собирать черепки и поломанные цветы. — Вилсин-тя не сохранил записей, упоминающих его имя в непосредственной связи с торгом, а из тех, что остались, не яствует, знал он об обмане или нет. Мне придется это доказать. Или можешь хоть сейчас отправляться домой.

Пол заскрипел под шагами, но Амат не подняла головы. Она подогнула подол платья, сложила туда остатки вазы, а в них — лепестки. Даже загубленные цветы пахли чудесно. Амат стало жалко их выбрасывать. Мадж села рядом на корточки и стала помогать прибираться.

— Все-таки мы кое-чего добились, — сказала Амат уже тише, слыша усталость в собственных словах. — У меня есть все записи о сделках. Жемчуг, преподнесенный хаю, прибыл на гальтском корабле, но на каком именно, мне еще предстоит узнать.

— А этого будет достаточно?

— Для начала — да, — ответила Амат. — Дальше — больше. Ториш-тя послал своих людей на пристань с предложением награды за сведения. Пока никто не откликнулся, но это не страшно. Такие дела всегда требуют времени.

Мадж наклонилась ближе и высыпала горсть мусора Амат в подол. Конечно, хотела помочь, однако все равно похоронила цветы. Амат встретилась с ней взглядом. Мадж робко улыбнулась.

— Ты пьяна, — тихо сказала Амат. — Тебе нужно пойти и поспать. Утром все будет казаться лучше.

— А вечером — снова хуже. — Мадж покачала головой, потом порывисто наклонилась к Амат и поцеловала в губы.

Когда она ушла, сказав охраннику у двери несколько неуклюжих фраз на хайтском, Амат ссыпала останки вазы в небольшую урну. Ее руки и голова потяжелели, но рядом еще ждали неизученные книги, неотданные распоряжения и непроизведенные расчеты.

Она знала, что работает за троих. Будь ей на сорок лет меньше, это еще представлялось возможным, но сейчас каждый день

приближал срыв. Утро Амат начинала с составления списка неотложных дел по дому утех и по расследованию против Дома Вилсинов, которое она продвигала пядь за пядью, а засыпая, сокрушилась из-за двух-трех невыполненных пунктов и мучилась мыслью, что забыла какую-то важную мелочь.

Заведение покрывало расходы на следствие, взятки и вознаграждения, но оказалось сущим гадючим гнездом — о чем ее и предупреждали. Здесь на выручку приходила Митат — она хорошо знала местные нравы и каким-то образом завоевала доверие Ториша Вайта. Несмотря на это, все решения приходилось принимать самой Амат: с кем разорвать договор, а с кем продлить; как наказывать за провинность женщин, чьим телом она торговала, шулеров, продавцов вин и дурмана. Когда навязывать свою волю уважением, а когда страхом. Да и Митат, если вспомнить, раньше приворовывала из выручки...

Когда Амат отложила перо, осенняя ночная свеча — более длинная, из твердого воска — прогорела до последней отметины. Три раза Амат складывала колонку чисел, и все три итога оказались разными. Она высвободилась из платья, задернула полог и мгновенно заснула тревожным сном, в котором вспоминала о чем-то жизненно важном с опозданием в ладонь.

Проснулась Амат оттого, что кто-то робко скребся в дверь. После ее слов «войдите!» на пороге появилась Митат с подносом в руках. Два щедрых ломтя хлеба и пиала горького чая. Амат села, откинула сетку и приняла позу благодарности. Помощница поставила поднос на постель рядом с ней.

— Ты сегодня хорошо выглядишь, — сказала Амат.

И не преувеличила. На Митат было строгое платье бледно-желтого цвета, которое очень шло к ее глазам. Вдобавок она выглядела отдохнувшей, что само по себе украшало.

— Нужно сделать очередное отчисление страже, — сказала Митат. — Я надеялась, вы позволите мне вас сопровождать.

Амат зажмурилась. Серебро для стражи. Ну, конечно же! Как она могла забыть? Так уютно было за закрытыми веками, что ей захотелось продлить этот момент. Еще бы немного спать...

— Бабушка?

— Конечно, — ответила Амат, открыв глаза и потянувшись за пиялой. — Я не против общества. Но, надеюсь, ты поймешь, если деньги будут у меня.

Митат ухмыльнулась.

— А вы никогда не упустите случая мне напомнить, да?

— Вряд ли. Будь добра, подай мне хорошее платье. Вон то, синее с серой каймой, пожалуй, будет в самый раз.

На улицах веселого квартала было тихо. Амат, чей рукав оттягивали коробочки с серебром, опиралась на трость. После ночных дождя воздух посвежел, и солнце, светлое, точно свежее сливочное масло, сияло на мостовой и искрилось на вывесках крупных заведений. Печи булочников источали запахи хлеба и дыма. Митат шла рядом, будто сама взяла такой неторопливый шаг, огибая лужи и стоки нечистот из переулков. В разгар лета сочетание жары и влажности было бы невыносимо, а сейчас, в ласковой осенней прохладе, утро выдалось вполне приятным.

Митат ввела хозяйку в курс последних событий. Тиян думает, что беременна. Люди Ториша недовольны, что надо платить за услуги девочек — в других-де домах охрану обслуживаю задаром. Два ткача шулерничали за игорным столом, но не попались.

— Когда попадутся, доставьте их ко мне, — сказала Амат. — Если не пожелают расплачиваться, позовем стражу, но, по-моему, лучше не выносить это на люди.

— Хорошо, бабушка.

— И пошли за Уррат на Бусинную улицу. Она определит, понесла Тиян или нет, а если понесла, даст нужный настой.

Митат приняла позу согласия, но что-то в ее лице — какое-то приятное удивление — побудило Амат спросить, что случилось.

— Ови Нийт оттащил бы ее на задний двор и пинал бы, пока сама не выкинет, — ответила Митат. — А потом сказал бы «так дешевле». Вы, наверное, сами не знаете, как вас уважают. Мужчинам, кроме Ториша-тя и иже с ним, все равно, но все девушки хвалят богов за то, что вы вернулись.

— Со мной этот притон лучше не стал.

— Нет, стал, — сказала Митат тоном, не принимающим возражений. — Стал. Вы просто не видите...

Не успела Амат отскочить, как из подворотни на нее вывалился какой-то пьянчуга. Трость не удержала ее, и она оступилась. Всю ногу от бедра до колена пронзила боль, но единственное, о чем она в тот миг подумал, а — схватиться за рукав с сребром. Однако воровать незнакомец как будто не собирался. Шкатулки остались на месте, а пьяница принял позу глубокого сожаления.

— Ты соображаешь, что делаешь? — вскричала Митат. Ее глаза пылали, подбородок смотрел вперед. — Еще и полудня нет. Как можно напиваться с утра?

Толстяк в заляпанной бурой одежде тряхнул головой и поклонился со смиренным изяществом.

— Виноват, — пробубнил он. — Я один во всем виноват. Я вел себя, как полный осел.

Амат схватила спутницу за руку, чтобы та молчала, и шагнула вперед, несмотря на лютую боль в ноге. Пьяный нагнулся ниже, тряся головой. Амат почти протянула руку — потрогать его и убедиться, что это не сон, что она не лежит в постели, дожидаясь завтрака.

— Хешай-тя?

Поэт поднял глаза. Они были красные и уставшие, с пожелтевшими белками. От одежды несло вином и чем-то похуже. Он долго не мог сосредоточить на ней взгляд, а потом, буквально через миг, узнал ее. Его лицо посерело.

— Я дела, Хешай-тя. Вы меня не задели. Что...

— Я вас знаю. Вы служите Дому Вилсинов. Вы... вы видели ту девушку?

— Мадж, — ответила Амат. — Ее зовут Мадж. О ней хорошо заботятся, не волнуйтесь. Нам с вами нужно поговорить. Вы не знаете всей правды. В случившемся были замешаны и другие...

— Нет! Нет, я один во всем виноват! Это моя ошибка!

На той стороне улицы хлопнули ставни и высунулось удивленное лицо. Хешай принял покаянную позу, смазанную лишь легким пошатыванием. Его губы сжались, а глаза, когда он открыл их, стали совсем черными. Он смотрел на нее так, словно она его оскорбила, и в это мгновение Амат поняла, что андат Бессемянный, несмотря на красоту и прекрасный голос, воистину произошел от этого человека.

— Я осрамился, — сказал он. Потом скруто кивнул ей с Митат и нетвердой походкой побрел прочь.

— Боги! — воскликнула Митат, провожая взглядом его широкую спину. — Кто это был?

— Поэт Сарайкета, — отозвалась Амат. Она тем временем осматривала закоулок, из которого он появился. Там было совсем тесно — не шире щели между домами, — к тому же невыметено и гадко от запаха отбросов.

— А что там? — спросила Амат.

— Не знаю.

Она замерла в нерешительности, заранее ужасаясь тому, что предстояло сделать. «Учитывая, как эта жижа пахнет, — думала она, — платье придется подрубать заново».

— Идем, — сказала она.

Найти нужную дверь оказалось нетрудно. Поэт оставил свежие неровные следы. В двери виднелся железный замок, а ставни на узких окошках были заперты изнутри. Амат, чье подогретое любопытство не давало ей хода назад, постучала в дверь и окликнула хозяев, но никто не открыл.

— Иногда мужчины снимают себе номер, чтобы не показываться в заведениях, — сказала Митат.

— Вроде этого?

— Обычно лучше, — поправилась Митат. — Ни одна из моих знакомых не пошла бы в такую дыру. Хотя, если хорошо заплатили бы...

Амат хлопнула по двери ладонью. Дерево было твердым, эвонким. «Замок, — подумала она, — можно и взломать, при правильном подборе инструментов. Если есть в этом тоскливом

тайнике что-то стоящее таких мер». Ее горло на миг свело нечто вроде ужаса.

— Бабушка, нам пора.

Амат приняла позу согласия, поворачиваясь к улице. К любопытству добавилось облегчение: убежище поэта осталось позади. Шагая в караульное здание, она размышляла о том, что находится за той дверью, как это может пригодиться в ее тихой войне и хочет ли она сделать тайное явным.

В летние города пришла зима. Опали последние листья, голые деревья подготовились к долгим ночам сна. По улицам молочной дымкой разлились холодные туманы. Маати стал надевать плотные одежды из шелка и чесаной шерсти, хотя и не самые теплые: даже самая злая сарайкетская стужа была мягче северной весны. Иными ночами они с Лиат бродили по улицам, обнавившись для тепла, но и тогда в воздухе редко виднелся парок от дыхания. В Патае, в школе, а потом у дая-кво — большую часть жизни Маати провел в холодном климате, но постоянная жара Сарайкета его изнежила, и теперь он ощущал холод острее, чем раньше.

Выздоровление Хешая как будто стерло из утхайемских умов память об убитом младенце. В течение следующих ужасающие коротких недель Хешай водил Маати на приемы и пиры, представлял знатным семействам и постоянно давал понять, что Лиат — желанная гостья в его доме. Хай и его приближенные остались недовольны, узнав о послаблении, которое он устроил андату, однако ничем это недовольство не выразили. Пока поэт казался здоровым и не вызывал всеобщего волнения, все было относительно хорошо.

Чайная, в которой укрылись Лиат и Маати, стояла у городской черты. Дома и улицы уходили и дальше на север вдоль берега реки, но лишь здесь старый город пророс кварталами новой застройки. «Она только на словах новая, — отметил Маати, — а на деле ровесница моему пропадеду».

Они взяли отдельную комнатку едва шире кладовой, со столиком и скамьей, на которую оба уселись. Сквозь деревянное

кружево перегородки проникали свет, музыка и аромат жаркого, а сверху висела круглая жаровня, излучая тепло, как маленькое чугунное солнце.

Лиат налила себе горячего чая, и тут же, не спросив — в чашку Маати. Он поблагодарил и поднес тонкий фарфор к губам. От поверхности поднимался густой терпкий парок, сбоку прислонилась теплая Лиат.

— Он скоро вернется, — проговорил Маати.

Лиат не сжалась, просто замерла. Он отпил чай и обжег губы. Потом не столько увидел, сколько почувствовал, как Лиат похала плечами.

— Давай не будем об этом.

— Когда он приедет, я так больше не смогу. Я и сейчас половину времени чувствую себя так, будто кого-то убил. Когда он вернется...

— Когда он вернется, мы будем вместе, — тихо закончила Лиат. — Все трое. Я снова стану его девушкой, а ты — другом. И никто не будет одинок.

— Мне в это как-то не верится, — заметил Маати.

— Не все будет просто. Давай оставим этот разговор. Все и так случится достаточно скоро, чтобы приближать волнения.

Маати ответил согласием. Впрочем, через миг Лиат вздохнула и взяла его за руку.

— Я не хотела тебя обидеть.

— Ты и не обидела, — сказал Маати.

— Спасибо, что так говоришь.

Перед домом запела женщина или ребенок — голос был высоким, нежным и чистым. Разговоры утихли, оставляя простор для песни. Эту балладу Маати слышал уже много раз — историю о любви потерянной и обретенной, которую сочинили еще в эпоху Империи. Маати откинулся назад, прижавшись спиной к стене, и обнял Лиат за плечи. Его голова плыла от избытка чувств, половину которых он не мог назвать. Маати закрыл глаза и позволил языку древности омывать его, словно морю. Лиат вздрогнула. Когда Маати нагнулся к ней, ее лицо было красным, губы плотно сжаты, а в глазах стояли слезы.

— Пойдем домой, — сказал он, и Лиат кивнула.

Маати вынул из рукава шесть полос меди и выложил рядом на столе — чтобы расплатиться, этого хватит с лихвой. Потом они поднялись, толкнули дверь и вышли. Когда они ступили за порог, песня все еще лилась. Луна едва народилась, и улицы стояли в темноте, за исключением перекрестков, освещаемых факелами, и тех мест, где стояли печи огнедержцев. Маати с Лиат рука в руке отправились на север.

— А почему вас называют поэтами? — спросила Лиат. — Вы ведь на самом деле не читаете стихов. Обычные люди читают, но они не работают на хая.

— Нас по-разному называют, — ответил Маати. — Можно звать мастерами или скульпторами, ткачами мыслей. Так повелось из-за ритуала воплощения.

— Разве андаты — стихи?

— Они похожи на стихи. Переводы с языка мыслей в форму, обладающую собственной волей. Когда ты берешь письмо на хайятском и переводишь на гальтский, есть разные способы выразить нужный смысл. Так и воплощение: оно подобно идеальному переводу с одного языка на другой. Ты объясняешь то же самое, но другими словами, а если их не хватает — например, нет в гальтском такого термина, — создаешь свой, чтобы сохранить смысл. Старинные грамматики отлично подходят для таких случаев.

— И что вы делаете с этим объяснением?

— Держим в уме. Всю жизнь.

Слова иссякли. Маати с Лиат шли все дальше и дальше. Высокие стены складского района кончились, потянулись приземистые дома ткачей. Дворцовый холм над городом сиял фонарями и факелами, точно лоскут звездного неба упал и накрыл землю. Потом прекрасный вид снова скрылся за стеной, теперь уже вокруг купеческих и малых торговых домов.

— Ты бывал в летних городах на Ночь свечей? — спросила Лиат.

— Нет, — ответил Маати. — Зато ее праздновали в селении дая-кво. Было очень красиво. Все улицы были полны людей, а гора светилась изнутри, как храм.

— Здесь тебе тоже понравится, — сказала Лиат. — Вина будет точно побольше, чем у дая-кво.

Маати усмехнулся и притянул ее — маленькую и теплую — к себе.

— Это точно, — сказал он. — В школе нам не...

Удар был таким резким, что Маати даже не успел его почувствовать. Его сбило на землю. Ободранные ладони уперлись в камни мостовой, из всех мыслей осталась одна: что-то случилось и надо действовать. Лиат лежала рядом и не двигалась. Между ними, словно выброшенная подушка, валялся квадрат черепицы из красной обожженной глины в локоть шириной и три пальца толщиной. Сверху раздался какой-то шорох, словно бы крысы заскреблись между стен. Маати рассеянно оглянулся, и в этот миг упала еще одна плитка, разбившись о мостовую рядом с Лиат. Растерянность Маати испарилась, и он пополз к Лиат. Ее платье на плече пропиталось кровью, глаза были закрыты.

— Лиат! Очнись! Тут с крыши сыплется!

Она не отвечала. Маати поднял голову. Его руки тряслись, но не от страха, а от ужасной растерянности. Что делать? Куда бежать? Черепица больше не двигалась, но что-то на крыше — птица? белка? человек? — шмыгнуло за ребро ската. Маати положил руку Лиат на плечо и попытался придумать хотя бы подобие плана. Здесь им грозила опасность. Надо было убираться от стены. А Лиат не могла.

Маати осторожно подхватил ее под мышки и поволок. При каждом шаге его бок нещадно ломило, но он все же оттащил Лиат на середину улицы. Там его и скрутило. Согнувшись над ее телом, он по-настоящему запаниковал: ему показалось, что она не дышит. Однако в этот миг под влажным от крови платьем наметилось движение. Помощь. Им нужна помощь.

Маати встал и пошатнулся. Улица словно вымерла, зато рядом стояли большие кованые ворота, за которыми виднелись мраморные ступеньки и двойные деревянные двери. Маати рванулся туда, чувствуя, что мышцы не слушаются, будто он не владеет собственным телом. Он стоял на лестнице и барабанил в тяже-

лую дверь, уже не надеясь кого-нибудь увидеть. Утер со лба пот и только тут заметил, что это кровь.

Маати пытался сообразить, хватит ли у него сил дойти до другой двери, огнедержца или более людной улицы, когда ему вдруг открыли. На него смотрел худой, как палка, старик. Маати принял позу мольбы.

— Вы должны спасти ее, — произнес он. — Она ранена.

— Боги! — воскликнул старик, подхватывая Маати, который сполз на ступеньки. — Не шевелись, мальчик. Лежи смирино. Тиян! Сюда, скорее! Тут дети ранены!

«Скажите Оте-кво, — подумал Маати, но от слабости не смог произнести. — Развыщите Оту-кво и передайте ему. Он разберется».

Маати очнулся в незнакомом ярко освещенном покое. К какой-то молодой мужчина больно тыкал чем-то ему в голову. Он попытался оттолкнуть его руку, но не смог. Незнакомец что-то спросил, Маати ответил утвердительно и тут же забыл, о чем спрашивали. Кто-то помог ему выпить некрепкого горького чая, а потом все вокруг померкло.

Марчат Вилсин очнулся от беспокойного сна, услышав тихие шаги в коридоре. Когда в дверь постучали, он уже сидел. Вшел Эпани. Его лицо в отблесках свечи выглядело уныло.

— Вилсин-ти...

— Это он, да?

Эпани молча подтвердил его слова. Марчат почувствовал, как ужас, мешавший ему спать, подступил к горлу, но все же напустил на себя бравый вид, отбросил полог и облачился в толстый шерстяной халат. Эпани все это время молчал. «Амат, — подумал Вилсин, — наверняка бы что-нибудь сказала».

Он вышел в комнату для особых встреч. Ее дверь стояла открыта, свет лампы проливался на стены коридора. В проеме маячила, то и дело загораживая лампу, черная тень. В груди у Марчата упало — точно камень лег на сердце. Он расправил плечи и вошел.

Бессемянный мерил шагами комнату. Вид у него был напряженный, как у кота перед прыжком. Его одежда, черная с красной нитью, сливалась с темнотой, так что он сам казался порождением тени. Марчат принял позу приветствия. Андат сделал вид, что не заметил, хотя на лице у него появился намек на улыбку.

— Это вышло случайно, — сказал Марчат. — Они его не узнали. Им было велено только избавиться от девчонки.

Бессемянный остановился. Его лицо было абсолютно бесстрастно, взгляд — холoden. От него так и дышало яростью.

— Ты ранил моего мальчика, — прощедил он.

— Вини Амат, если тебе нужны крайние, — отозвался Виллин. — Если бы не ее месть... Она хочет нас выдать — жизнь на это кладет. Так что не я это начал.

Бессемянный прищурился. Марчат переборол желание отвести взгляд.

— Она почти подобралась к нам. Сейчас разыскивает записи о поставках жемчуга из Гальта и пытается увязать их с оплатой торга. Учитывая, сколько она предлагает за сведения, рано или поздно они будут у нее. Оставлять Лиат в живых было... Девчонка может нам навредить. Если хай обо всем узнает, ее допросят, и...

— Но твоя старая распорядительница не посвятила ученицу в свои дела?

— А ты бы посвятил? Лиат — славная девочка, но я не доверил бы ей даже стирку.

— Она плохо работает?

— Нет, просто молода еще!

Эти слова почему-то подействовали усмиряюще, словно для андата в них скрывался особый смысл. Марчат в первый раз за ночь перевел дух.

— Так значит, ты решил удалить ее с доски, — проговорил Бессемянный. — Несчастный случай с черепицей.

— Черепицу я не заказывал. Только чтобы все выглядело правдоподобно.

— Ты не говорил им не трогать Маати?

— Говорил! Но эту парочку теперь водой не разольешь. Мои люди... не утерпели. Решили, что смогут все сделать, не навредив мальчишке.

— Они просчитались.

— Знаю. Больше этого не повторится.

Андат скользнул вперед и сел на стол рядом с лампой. Марчат невольно попытился. Андат переплел бледные пальцы и улыбнулся. Его лицо в этот миг было исполнено такой невыразимой красоты и такой злобы, что его никак нельзя было принять за человеческое.

— Если бы Маати погиб, — произнес Бессемянный глухим, как далекий гром, голосом, — все посевы в Гальте завяли бы. Все коровы и овцы не принесли бы потомства. Ваш народ бы вымер. Ты это понимаешь? Не помогли бы ни угрозы, ни уговоры. Просто так вышло бы, и никто бы даже не узнал, почему. Этот мальчик для тебя — самое ценное, потому что пока он жив, твой народ вне опасности.

— Ты шутишь, да? — спросил Марчат, уже зная, что андат совершенно серьезен. Ему стало дурно. Он покачал головой и принял позу согласия, которая, как он надеялся, могла увести разговор подальше от этой темы. Сейчас беседа все больше напоминала хождение по краю пропасти. — Нам нужен план. Что делать в том случае, если Амат затеет разбирательство перед хаем. Если мы не подготовим защиту, она, чего доброго, сумеет его убедить. Собаку на этом съела.

— Да. Я всегда ею восхищался.

— Итак, — продолжил Марчат, садясь и поднимая глаза к нависшей над ним тени. — Что мы предпримем? Если она раскопает правду и ее докажет?

— Я буду делать, что мне велят. Я же раб. Приказывают — подчиняюсь. Ну, а тебе отрубят голову и член и отошлют это все в Верховный Совет Гальта — вот, мол, из-за кого целое поколение гальтских младенцев погибло недоношенными. Конечно, это лишь предположение. Хай может быть милостив. — Бессемянный ухмыльнулся. — Как говорится, и камни умеют плавать, хотя я не стал бы особенно обольщаться.

— Все не так уж плохо! Если ты скажешь, что Ошай и его люди...

— Не выйдет. — Андат отмахнулся от него, как от лишней чарки. — Если дело дойдет до суда, я расскажу им все, что знаю.

Марчат рассмеялся — не смог удержаться. Но, даже смеясь, почувствовал, как кровь отливает от лица. Бессемянный поптичили склонил голову набок.

— Не сможешь! — произнес Марчат. — Ты увяз в этом не меньше меня.

— Брось, Вилсин-кя. Что они мне сделают? Я кровь, питающая их город. Если наш заговорщик выплынет наружу, платить будешь ты, а не я. Славно мы потрудились, славно. Как вспомню Хешаеву физиономию, когда этот выкидыш упал в таз... в общем, не зря мы потратили столько месяцев. Затея удалась. Только не думай, что мы теперь братья навек. Я начал новую игру с новыми фишками. И тебя в ней нет.

— Ты это не всерьез! — опешил Вилсин. Андат встал, скрестив руки, и посмотрел на пламя лампы.

— Любопытно было бы уничтожить целый народ, — проговорил Бессемянный, казалось, больше самому себе. — Правда, не уверен, как Хешай это воспримет. Но...

Андат со вздохом повернулся, шагнул к креслу Вилсина и опустился перед ним на пол. Бледная рука легла ему на колено, а злая усмешка сверкнула кинжалом, небрежно приставленным к горлу. Марчату почудилось, будто андат пахнет дымом курений и пеплом.

— ...но, Вилсин-кя, больше не заблуждайся на тот счет, будто ты или твое племя для меня что-то значат. Наши пути разошлись. Ты меня понял?

— Ты не посмеешь, — произнес Вилсин. — Мы вместе начали это — ты и Совет. Разве тебе в чем-нибудь отказал?

— Нет. Пожалуй, нет.

— Тогда ты нам кое-чем обязан, — продолжил Вилсин и тотчас устыдился отчаяния в своем голосе.

Андат обдумал его слова, затем медленно встал и принял позу благодарности с оттенком прощания и насмешки.

— В таком случае вот тебе моя признательность. Вилсин-тя, ты был изворотлив, себялюбив и близорук как блоха, но для этой работы я не нашел бы лучшего инструмента. За это тебе спасибо. Навредишь Маати еще раз, и твой народ умрет. Помешаешь моим планам, и я расскажу Амат Кяан всю правду — облегчу ей задачу. В этой игре тебе нет места, человечишка. Ты до нее не дорох, так что не лезь.

Сон, если только это ей приснилось, был мучительным и отрывочным. Лиат морещился чей-то плач — она еще подумала, что плакали от боли. Но болело у нее, а плакал кто-то другой.

Потом она оказалась у стен храма в грозу, и все двери были заперты. Звала-звала, но никто не отпирал. Вместо капель застучали градины, они становились все больше, пока не выросли с детский кулак, а ей ничего не оставалось делать, кроме как свернуться калачиком и подставить затылок и шею их ледяным ударам.

Проснулась Лиат — если только этот подъем из обмороенных глубин был пробуждением — с головной болью. Она лежала в чужой кровати из дерева и латуни, в незнакомой, но богато обставленной комнате. Из-за открытых ставень налетел ветерок и всколыхнул шелковый сетчатый полог. Запахло дождем. Кто-то рядом хрюпло кашлянул. Лиат резко обернулась, и от шеи до живота ее пронзила острыя боль. Она зажмурилась, стараясь перервать ее, а открыв глаза, увидела у кровати поэта — Хешая — в позе извинения.

— Я не заметил, что ты проснулась, — сказал он, робко улыбаясь лягушачьим ртом. — Иначе предупредил бы, что я здесь. Ты во Втором дворце. Я бы отнес тебя к себе, но отсюда ближе к лекарям.

Лиат попыталась ответить позой дружеского прощения, но обнаружила, что правая рука забинтована. Надо было понять, где она и как сюда попала. Что-то произошло... сначала чайная с Маати, а потом... что-то еще. Лиат прижала девую ладонь ко лбу. Вот бы боль ушла и дала ей подумать... Послышался шелест отодвигаемой ткани, и матрац слева от нее просел: поэт опустился на кровать.

— А Маати? — спросила она.

— С ним все хорошо, — ответил Хешай. — Тебе досталось больше всех. У него было легкое сотрясение, и кусок кожи над ухом осколком срезало. Лекарь сказал, небольшое кровопускание мальчишкам даже на пользу.

— Что случилось?

— О боги! Конечно, ты же не знаешь. Две черепицы упали. Утхайем взыскал пенью с хозяина усадьбы за то, что тот не починил вовремя крышу. Твоя рука — осторожно! — забинтована не зря: там перелом. Когда в Маати узнали ученика поэта, вас

обоих доставили во дворец. Вот уже три дня вы под присмотром у личных лекарей хая. Я сам их сюда вызвал.

Лиат с трудом следила за его речью. Слова ускользали, метались туда-сюда, в голове стоял сплошной туман. Она ухватилась за одну мысль.

— Три дня? Я столько проспала?

— Не совсем проспала. Мы давали тебе маковое молочко для снятия боли. В основном с тобой сидел Маати. Сегодня утром я отправил его отдохнуть. Обещал следить за тобой в его отсутствие. Хочешь чаю? Я принесу.

Лиат начала жест благодарности, и шея с плечом тут же сильно заныли. Она побледнела и кивнула. Поэт встал медленно — чтобы случайно не причинить ей боли, догадалась Лиат — и почти сразу вернулся с чашкой лимонно-медового чая, помог его выпить. У Лиат скрутило живот, но рот и горло блаженствовали, как пустыня после дождя. Когда Хешай убрал чашку и осторожно опустил голову Лиат, в его лице промелькнуло что-то похожее на нежность. Она всегда считала Хешая довольно безобразным, но в этот миг, при этом свете даже широкий рот и редеющие волосы показались ей вполне красивыми. Сейчас он был силен и мягок, а его движения — по-матерински заботливы и проворны. И как она раньше этого не замечала?

— В каком-то смысле я тебе благодарен, — сказал он. — Ты дала мне возможность отчасти отплатить Маати за то, что он для меня сделал. Хотя, конечно, мы с ним об этом не говорим.

— Не понимаю.

Хешай горько усмехнулся.

— Я знаю, чего ему стоило меня выхаживать. Такое обычно не обсуждают, но я все понимаю. Нелегко видеть, как тот, кто должен быть твоим учителем, разваливается на куски. Да и быть рядом, когда он приходит в себя — удовольствие так себе. Еще чаю хочешь? Лекарь сказал, пить можно сколько угодно, а с едой придется быть осторожнее.

— Нет. Больше не надо, спасибо. Но я все-таки не понимаю...

— Ты его поддерживала эти последние недели, — сказал Хешай чуть тише. — Теперь я могу о тебе позаботиться и немножко отплатить ему за добро.

— Не думала, что вы это заметите, — сказала Лиат. Поэт изобразил вопросительный жест. — Вы были так... заняты другими делами. Простите. Не мне вам это говорить...

— Нет-нет, все правильно. Я... мы с Маати не вполне притерлись друг к другу. Воображаю, какого вы с ним обо мне мнения. Я сам виноват. Так мне и надо.

Лиат закрыла глаза, приводя мысли в порядок, а когда открыла, была уже ночь, и Хешай ушел.

Она не помнила, как заснула. Ночная свеча внутри фонаря у ее постели оплыла больше чем наполовину, а саму ее укутали в теплые одеяла. Невзирая на боль, она выбралась из кровати, нашла ночной горшок и воспользовалась им, после чего, обессилен, улеглась обратно. Однако сон не спешил возвращаться. В голове у Лиат прояснилось, а тело, несмотря на боль, то тупую, саднящую, а то и пронзающую, было вполне послушным. Так она и лежала в тусклом свете свечи и ловила шорохи ночи: завывание ветра в ставнях, потрескивание остыивающих стен. В комнате пахло мятой и подогретым пряным вином. Видно, кто-то пил, — подумала она, — а может, лекари нарочно пустили такой приятный запах, чтобы ей поскорее выздоравливалось. Робко заявил о себе голод.

Свеча прогорала, ночь тянулась, а Лиат все больше приходила в себя. Она решила проверить, сколько сможет двигаться без приступов боли, и даже прошлась по комнате. Рука и плечо были по-прежнему стянуты, зато она научилась свободно дышать — только бок слегка покалывал. Ходить тоже оказалось нетрудно, если ни на что не натыкаться. Лиат представила, как Маати сторожит ее сон, забывая о собственных ранах. А Хешай, почти подружески, даже по-отечески, сменяет его. Никогда еще они так не сближались — учитель и ученик. Лиат было неловко и, как ни странно, немного лестно оттого, что это случилось из-за нее.

На вешалке у двери она нашла плотную зимнюю накидку и надела ее, завязав поверх бинтов свободной рукой. Пришлось повозиться, но Лиат в конце концов справилась и смогла сесть в кресло, которым, видимо, пользовались Хешай и Маати во время ночных дежурств. Когда пришла служанка, она попросила

никому не рассказывать о том, что встала — хотела удивить Маати. Девушка ответила позой понимания, притом такой официальной и почтительной, что Лиат задумалась, не сочли ли ее слуги какой-то заморской принцессой. Неужели Хешай не сказал им, кто она?

Маати пришел один. Его одежда была мятой, волосы расстрепались. Он тихо вошел и застыл на пороге, увидев пустую кровать и Лиат, сидящую в кресле. Она как можно плавнее встала и протянула ему здоровую руку. Маати шагнул вперед и взял ее в ладони, но к себе привлекать не стал. Его глаза были красивыми и блестели. Он отпустил ее пальцы даже раньше, чем Лиат разжала свои. Она вопросительно улыбнулась.

— Лиат-тя, — начал он. Его голос сорвался от горечи. — Рад, что тебе стало лучше.

— Что случилось?

— Хорошие новости. Ота-кво вернулся. Он прибыл прошлой ночью с письмом от самого дая-кво. Другого андата на смену Бессемянному нет. Поэтому я должен сделать все от меня зависящее, чтобы поддержать Хешая-кво в добром здравии. Но раз он и так поправился, это несложно. Никто пока не готов занять место Хешая, и в ближайшие годы таковых не предвидится, поэтому очень важно...

Его голос ушел в пустоту, на губах застыла улыбка, а глаза говорили совсем о другом. У Лиат замерло сердце. Она проглотила ком в горле и кивнула.

— Где он? — спросила она. — Где Итани?

— С Хешаем-кво. Он пошел к нему прямо с корабля. Было уже поздно, да и дорога его утомила. Он хотел сразу бежать сюда, но я подумал, ты будешь спать. Он придет, как только проснеться. Лиат, я надеюсь... То есть я не...

Он понуро мотнул головой, а когда поднял глаза, его улыбка была печальной и горькой, сквозь слезы.

— Мы ведь знали, что будет тяжело? — спросил Маати.

Лиат шагнула вперед, точно что-то ее толкнуло. Она пригнула его голову, коснулась его лба своим, почувствовала его слезы — теплые, соленые, родные. У Лиат сжалось горло.

— Хешай очень... — начал Маати, но она оборвала его поцелуем. Давно знакомые губы скривились в болезненной гримасе. Он плотно сжал их и отступил. Ее тянуло к нему, как брошенный камень — к земле, тянуло обнять и не отпускать, однако выражение его лица удержало ее. Мальчик Маати исчез, вместо него появился мужчина, незнакомец. Черты и манеры его были те же, и только в глазах, в самой глубине, застыла какая-то потаенная боль.

— Лиат-тя... Ота вернулся.

Лиат набрала воздуха в грудь и медленно выдохнула.

— Спасибо, Маати-тя, — ответила она. От вежливого «тя» во рту будто пепел остался. — Может... может быть, мы встретимся позже? Кажется, я устала больше, чем думала.

— Конечно, — ответил Маати. — Я пришлю кого-нибудь, чтобы помочь тебе переодеться.

Она сделала жест благодарности здоровой рукой. Маати ответил простой позой. Их глаза встретились, и все невысказанное стало явным: их общее желание быть вместе, его решимость. Утренний дождь стучал по ставням, отбивая время. Маати отвернулся и ушел, расправив плечи.

На один вздох ей захотелось окликнуть его, затащить в комнату, в кровать. В последний раз ощутить кожей его тепло. Нечестно, что их телам так и не позволили сказать свое «прощай». И ничто бы ее не остановило, даже знание того, что Итани... Ота вернулся и спит сейчас в доме поэта, уже таком знакомом. Она бы окликнула, если бы не знала, что отказ Маати разобьет ей сердце. А он бы непременно ответил отказом.

Только и оставалось, что лежать в постели и заживлять телесные раны, болея душой. Она думала, что будет разрываться между двух любовей, а оказалось, ее саму вытолкнули из круга. Дружба Оты и Маати оказалась сильнее, чем ее связь с каждым из них. Они покидали ее друг ради друга, и осознание этого стояло камнем в горле.

Маати стоял на мосту, глядя в бурый, как чай, пруд. В животе у него залегла тяжесть, а грудь стиснуло так, что сснутились плечи. Ветер пах дождем, хотя небо уже прояснилось. Мир казался унылым и помертвевшим.

Он — Маати — конечно, знал, что Лиат ему не принадлежит. Если они и были вместе эти драгоценные недели, то лишь ради утешения и поддержки друг друга. И не больше. Теперь, когда Ота вернулся, все могло стать по-старому — как и должно было. Только раньше ему не было так больно. И не мучили воспоминания о Лиат — ее теле, ее губах. И не хотелось провалиться от стыда, глядя на серьезное продолговатое лицо Оты.

Нет, теперь уже ничто не могло стать по-старому. Наивно было считать иначе.

— Что, справился?

Маати повернулся налево, в сторону дворца. На мост поднялся Бессемянный, шелестя черным одеянием. Выражение его лица было каким-то неясным.

— Не знаю, о чем ты.

— Ты все-таки порвал с нашей дорогой Лиат. Вернул ее туда, откуда пришла. Теперь ее грузчик приплыл домой.

— Не знаю, о чем ты, — повторил Маати, возвращаясь к созерцанию пруда. Андат встал рядом. Их лица отразились в водной глади, бледные и расплывчатые. Маати пожалел, что у него нет камня — разбить это отражение.

— Ответ неверный, — произнес андат. — Я не дурак. И не слепой. Ты потерял девушку и тоскуешь.

— Никого я не терял. Просто обстоятельства изменились. Я знал, что так будет.

— Что ж, — чуть мягче произнес Бессемянный, — это все упрощает, верно? Он еще спит?

— Не знаю. Я к нему еще не ходил.

— К нему? Он в твоей собственной кровати, между прочим.

— Все равно, — пожал плечами Маати. — Я пока не готов с ним встретиться. Может, вечером. Главное, не сейчас.

Они надолго замолчали. С крон деревьев каркали вороны, подскакивая на тонких лапках, распластав черные крылья. Где-то в пруду вяло возились, посыпая круги по воде, карпы-кои.

— Если я скажу, что мне очень жаль, легче станет? — спросил Бессемянный.

— Не особенно.

— И все-таки.

— Трудно поверить, что тебя это волнует, Бессемянный-тя. Мне казалось, ты обрадуешься.

— Совсем нет. С одной стороны, что бы ты ни думал, я не в восторге от твоих страданий. По крайней мере, пока. Вот если ты примешь Хешаево бремя... впрочем, тогда у нас обоих не останется иного выбора. С другой стороны, все это уподобляет тебя ему: женщина, которую ты любил и потерял, боль, которую носишь. Выходит, ты встал на тот же путь.

— Значит, когда ты говоришь, что тебе очень жаль, ты считаешь, что мне будет легче заменить Хешая?

— Невольно призадумашься, стоит ли оно того, а? — произнес Бессемянный веселым тоном, но без улыбки. — Правда, едва ли дая-кво разделит наши тревоги. Тебе так не кажется?

— Кажется, — вздохнул Маати. — Зато он хотя бы знает, что правильно.

— Да мы и сами не дураки, — сказал Бессемянный. — Хотя насчет тебя я поторопился. Пока ты страдаешь, я что-нибудь придумаю. Может быть.

Маати повернулся к нему, но бледное гладкое лицо андата не выражало ничего, кроме легкого лукавства.

— Что именно? — спросил Маати. Бессемянный не ответил.

Ота пробудился от долгого сна к свету, льющемуся сквозь прикрытие ставни. На миг он забыл, что сошел на берег. Тело еще качалось, как на борту корабля. Потом светлое дерево и благовония, свитки и книги, запах и шум зимнего дождя призвали его к реальности, и он встал. В очаге горел огонь, освещая комнату изнутри. Хешая и Маати не было, зато на столе возле раскрытоего письма от дая-кво стояло блюдо сушеных фруктов и свежего хлеба. Ота сел и поел в одиночестве.

Путь назад был нетруден. Река принесла его в Ялакет, а там он сел на груженный мехами торговый корабль до Эддени-си. На борт Оту взяли с условием отработки проезда. Ота не плохо потрудился, даже завел дружбу с матросами и капитаном. «Сейчас они, наверное, просаживают последние деньги в

веселом квартале, — подумал Ота. — Дают себе волю перед долгим плаванием».

Хешай как будто поправился, стал внимательнее и живее. Казалось даже, что они с Маати сблизились с тех пор, как Ота уехал. Видно, общие беды их объединили. То ли дело было в дурной вести о Лиат, то ли в его собственной усталости и растерянности, но Оте казалось, что что-то не так. В глазах у Маати поселилась странная, смутно знакомая печаль.

Перво-наперво Оте нужно было помыться. Потом навестить Лиат. А дальше... он еще не загадывал. К даю-кво съездил, вернулся обратно с советом, который, как оказалось, запоздал. Если верить Маати, Хешай-кво поборол болезнь без помощи учителя. Трагедия умершего ребенка стерлась из памяти горожан, а на первый план вышли другие скандалы: на северных полях гниет хлопок, один красильщик, проиграв годовое жалованье, свел счеты с жизнью, старая начальница Лиат — Амат Кян — бросила работу и завела свое дело в веселом квартале. И снова грызутся между собой сыновья хайема.

Вопросы жизненной важности со временем решились сами, а лично Оте путешествие почти ничего не принесло. Захоти он, можно было бы поговорить с Мухатией-тя пополудни — вдруг Дом Вилсинов возьмет его назад до окончания договорного срока. Да мало ли в городе мест, где можно отработать еду и жилье? Перед ним лежал целый мир. Можно было бы даже воспользоваться письмом Орая Баухетера и стать посыльным. Если бы не Лиат, Маати и жизнь, которую он выстроил под именем Итани Нойгу.

Ота задумчиво жевал ломтики сушеных яблок и слив, отмечая, как меняется вкус. А она не так уж плоха — жизнь Итани Нойгу. Немудреная работа, в которой он знал толк. Чуть больше усилий, и он легко получил бы место в торговом доме, у какого-нибудь чиновника или в любом из сотни других мест, где требовался бы человек со знанием азбуки и приветливым лицом. Полгода назад ему этого хватило бы. Ота или Итани? Вопрос все еще висел.

— Проснулся, — произнес тихий голос. — А дома еще никого. Вот и славно. Нам с тобой есть о чем поговорить.

Бессемянный прислонился к книжному шкафу, скрестив руки. Темные глаза смотрели оценивающе. Ота сунул в рот последнюю сливу и принял позу приветствия, уместную для простолюдина в адрес представителя утхайема. Насколько он знал, этикет обращений к андату на грузчиков не распространялся. Бессемянный отмел приветствие и выплыл вперед, шелестя шелковым черно-синим одеянием.

— Ота Мати, — произнес он. — Ота Неклейменый. Слишком мудрый для поэта и слишком глупый для клейма. Так вот ты каков.

Ота встретил взгляд мерцающих черных глаз и почувствовал, что краснеет. Слова возражения вертелись на языке, тело замерло в полупозе, но что-то в бледном лице-маске андата остановило его. Он опустил руки.

— То-то, — сказал Бессемянный. — Я надеялся, что ты не станешь отпираться. Время, знаешь ли, поджимает.

— Как ты узнал?

— Слушал. Хитрил. Обычный порядок действий для того, кто хочет выведать тайну. Ты уже виделся с Лиат?

— Еще нет.

— А что случилось, уже знаешь, да? Насчет черепицы.

— Маати рассказал.

— Черепица неспроста упала, — проговорил андат. — Ее сбросили.

Ота нахмурился, зная, что андат смотрит на него, вчитывается в лицо и движения. Он напустил на себя будничный вид — не без труда.

— Ты?

— Нет, боги упаси, — отозвался Бессемянный, усаживаясь на кушетку и поджимая ноги, словно на встрече старых друзей. — Во-первых, я не стал бы этого делать. А если бы стал, то не промахнулся бы. Нет, это работа Вилсина и его людей.

Ота наклонился вперед, не сдерживая улыбку. Андат не шелохнулся, даже не вздохнул.

— Ты знаешь, что у меня нет ни одной разумной причины тебе верить.

— Верно, — отозвался андат. — Но сначала выслушай все, что я скажу, чтобы если уж усомниться, то во всем сразу.

— У Вилсина-тя нет причин желать Лиат зла.

— Еще как есть. Его, видишь ли, грешки душат. Помнишь случай с девицей-островитянкой и ее выкидышем?³ Там все было гораздо сложнее, чем кажется. Слушай меня внимательно. Эти сведения из тех, за которые убивают. Эварушку с ребенком подстроил Верховный Совет Гальта. Вилсин-тя помогал. Амат Кян — его распорядительница — разузнала, и теперь тратит остаток жизни на то, чтобы вскрыть этот гнусный заговор, как устрицу. Вилсин-тя по исключительному скудоумию взялся истреблять улики и свидетелей — все, что могло бы пригодиться Амат-тя в расследовании. И Лиат в том числе.

Ота отмахнулся от него и встал, разыскивая глазами плащ.

— С меня хватит.

— Я знаю, кто ты такой, парень. Так что сядь, или я прекрасно все твои похождения, и тебе придется остаток жизни бегать от братьев вокруг трона, который тебе даже не нужен.

Ота подумал и сел.

— Так-то лучше. У Гальтского Совета был план объединиться с андатами. Мы, несчастные духи, отправимся на свободу, а гальты тем самым разрушат подпорки, возвышающие города Хайема над всем миром, после чего нагрянут сюда, как в эдденийский амбар, только более сытый и менее охраняемый. Страшный план.

— Неужели?

— Да. Андаты непредсказуемы. Это нас и роднит — тебя и меня. Да расслабься же, Ота-тя. Можно подумать, я тебе нож к горлу приставил.

— А разве не так?

Андат откинулся назад и обвел жестом пустой дом. В очаге потрескивал огонь, за окном шумел дождь.

— Нас никто не услышит. Все, сказанное здесь, останется между нами, если мы не решим иначе.

— И я должен верить, что ты будешь молчать?³

— Нет, конечно. Не глупи. Однако, чем меньше ты скажешь, тем меньше я передам другим, верно? Итак. Амат вот-вот получит желаемое, и ее не остановить. Она — сущий бойцовский пес: вцепится — не оторвешь. А знаешь, что будет, когда она найдет доказательства?

— Она пойдет с ними к хаю.

— Да! — воскликнул андат, хлопнув в ладоши, словно Ота выиграл ярмарочный приз. — А что сделает хай?

— Не знаю.

— Правда? Ты меня огорчаешь. Хай сделает что-нибудь мерзкое, дерзкое и возмутительное. Устроит что-нибудь вроде кары небесной из старых легенд. Мой вариант — это лишь предположение, сугубо частное, хотя я считаю себя довольно сведущим в вопросах неограниченной власти — таков: он направит нашу с Хешаем силу против всех беременных женщин Гальта. Это будет не сложнее, чем извлечь семена из хлопковой ваты. Тысячу семян. Или больше. Кто знает?

— Хешая это убьет, — сказал Ота.

— Не убьет. Согнет пополам, но не переломит. Один ребенок уже погиб прямо перед ним, а на расстоянии трагедии не так ощущаются. Можно и пальцем закрыть гору, если поднести его к глазу. Пара тысяч гальтских выкидышей — неприятно, конечно, но Хешай этого не увидит. Ну, погорюет себе, зальет тоску дешевым вином. А потом займется обучением Маати. И все Хешаево одиночество, отвращение к себе и пожизненная обязанность следить за мной перейдут к нему. Это уже происходит. Хешай любил и потерял, и с тех самых пор терзается виной. С Маати будет то же самое.

— Не будет.

Бессемянный рассмеялся.

— А ты еще глупее, чем я думал! Но пока оставим это. Посмотрим на ближайшее будущее. Я обещаю тебе, Ота Мати: Амат своего добьется. Лиат убьют до того, как хай все узнает, а может, и не убьют, но Амат своего добьется. В Гальте будет кровопролитие. Маати будет страдать до конца дней. Да, и я выдам тебя братьям, хотя с твоей стороны теперь очень низко о том вол-

новаться. По сравнению с чужими бедами это просто мелочь. — Бессемянный замолк. — Ты меня понял?

— Да.

— Усек теперь, что мы должны действовать?

— Мы?

— Ты и я, Ота. Мы можем это предотвратить. Спасти всех. Вот почему я к тебе обратился.

Лицо андата было совершенно серьезно, руки — воздеты в позе мольбы. Ота медленно принял позу вопроса. В ставнях засучал ветер, затылок тронуло холодом.

— Мы можем спасти тех, кого любим. Сарайкет падет, ему уже ничем не поможешь. Город падет, но мы убережем Лиат, Маати и всех младенцев с материами, которые ко всему этому не причастны. Все, что от тебя потребуется — убить одного типа, который, клянусь, готов сам напороться на нож, если его кто-нибудь подержит. Тебе придется убить меня.

— Так тебя или Хешая?

— Это одно и то же.

Ота встал. Бессемянный поднялся следом. На совершенном лице выразилась боль, поза выражала отчаянную мольбу.

— Прошу тебя! Я все расскажу: куда он ходит, где и когда бывает, сколько вина ему нужно, чтобы упиться до бесчувствия. Всего-то и надо будет...

— Нет, — оборвал его Ота. — Убить? По твоему слову? Никогда.

Бессемянный уронил руки и расстроенно, даже презрительно покачал головой.

— Тогда смотри, как те, кто тебе дорог, страдают и гибнут, кусай локти. Если захочешь передумать, не тяни, радость моя. Амат ближе к правде, чем ей кажется. Времени осталось мало.

— Нужно что-то делать, — сказал Ториши Вайт. — Вчера Мадж вышла на улицу. Неизвестно, что бы она выкинула, если бы ее приняли за шлюху. Учитывая, какая она бешеная, нас уже могла бы разыскивать стражка. Нельзя этого допустить.

В комнатах Амат царил полумрак: двери-окна были завешены вышитыми коврами, чтобы не пропускать жару и свет. Внизу все еще спали — женщины, дети, даже Митат, даже Мадж. Только не Амат с Торишием. Ей до боли хотелось выснуться, но отдохнуть было рано.

— Я отдаю себе отчет, чего нельзя, а что можно, — ответила Амат. — Разберусь с этим позже.

Бандит, убийца и начальник ее личной стражи покачал головой. Вид у него был мрачный.

— При всем уважении, бабушка, — произнес он, — эту песню я уже слышал. Бедная островитянка и все прочее. Еще один выговор не поможет.

Амат негодующе выпрямилась — негодующе отчасти потому, что знала: он прав. Она приняла вопросительную позу.

— Не думала, что ты здесь хозяин.

Ториши опять покачал большой медвежьей головой, потупившись не то от сожаления, не то от стыда.

— Хозяйка ты, — ответил он, — но люди мои. Если пойдешь против стражи, их никаким серебром не заманишь. Извини.

— Ты расторгнешь договоры?

— Нет. Но возобновлять не стану. Не на таких условиях. Мы нечасто заключали такие выгодные соглашения, однако я не хочу драться при заведомом проигрыше. Либо ты будешь держать эту девицу на поводке, либо простишься с нами. А по правде сказать, мы тебе нужны.

— Она потеряла ребенка.

— Случается, — неожиданно мягко отозвался Ториш Вайт. — Но нужно жить дальше.

Он, конечно, был прав, и это ужасно раздражало. На его месте Амат сделала бы то же самое. Она сотворила позу согласия.

— Я понимаю твои сложности, Ториш-тя. Буду следить, чтобы Мадж отныне не ставила твоих людей или наш договор под угрозу. Дай мне день-другой, и я все уложу.

Он кивнул, повернулся и вышел. Слава богам, у него хватило такта не спрашивать, что она задумала. Она не смогла бы ему ответить. Амат встала, подобрала трость и отправилась к себе на веранду. Дождь прекратился, опрокинутая небесная чаша поблекла точно выбеленный хлопок. Кружили над крышами и перекликались чайки. Амат глубоко вздохнула и дала волю слезам. Плач не принес облегчения, только утомил не меньше дневного труда.

После вчерашнего дождя, который шел весь день и всю ночь, на улицах веселого квартала было почти безлюдно. Поэтому двое юношей, вышедших бок о бок из-за угла, сразу привлекли ее внимание. Старший был широк в плечах — не то моряк, не то рабочий в простой строгой одежде, а младший — поменьше и пощуплее, в буром платье поэта. Не успели они свернуть на ее улицу, как Амат поняла, что сна не будет. Они приблизились настолько, что из окна их уже не было видно. Амат собралась с духом. Чуть позже, чем ожидалось, о них доложила стража. Видимо, Ториш-тя заметил, как она вымотана.

Юноша постарше оказался Итани Нойгу, исчезнувшим ухажером Лиат; младший, разумеется, молодым поэтом Маати. Амат, не вставая из-за стола, изобразила позу приветствия и указала на стулья, которые принесли по ее приказу. Молодые люди сели.

Любопытный они составляли контраст. Оба серьезные, сосредоточенные донельзя, но если Итани глазами походил на саму Амат — весь был устремлен вовне, разглядывал ее, комнату, будто что-то искал, — то юный поэт, задумчивый, погруженный в себя, напоминал своего учителя. И Марчата Вилсина. Амат сложила руки на коленях и чуть подалась вперед.

— По какому делу вы сюда прибыли, господа? — спросила она. Ее тон был вежлив, приятен и не выдавал и доли чувств. Однако тут ее мастерство ведения переговоров не помогло: старший приятель, Итани, явно собрался рубить сплеча.

— Амат-тя, — начал он. — Мне сказали, что вы желаете доказать сговор Гальтского Совета с андатом Бессемянным, когда тот минувшим летом погубил недоношенного ребенка ниппушанки.

— Я расследую это дело, — сказала Амат. — Я порвала с Домом Вилсинов, но не знаю, насколько уместно говорить о причастности Гальтского Совета к...

— Амат-тя, — вмешался юный поэт, Маати. — Кто-то пытался убить Лиат Чокави. Марчат Вилсин держит это в секрете, но я был рядом. Итани думает, что это могло быть связано с вами и Домом Вилсинов.

У Амат перехватило дыхание. Марчат, старый дурень, запаниковал. Лиат Чокави была бы его лучшим защитником перед хаем — нужно было только научить ее нужным словам. А он побоялся. Он еще слишком молода, слишком неопытна для таких игр, потому он и выбрал ее изначально. Амат слегка подурнело.

— Вполне возможно. Как она?

— Приходит в себя, — ответил Итани. — Идет на поправку. Скоро — завтра — ее перенесут из хайских палат домой. Вилсин-тя обещал ее встретить.

— Нет, — сказала Амат. — Туда ей нельзя.

— Значит, это правда, — мрачно произнес Итани.

Что ж, не так уж он чужд уловкам. Амат сложила руки в позе признания.

— Я не смогла предотвратить то, что случилось с Мадж, но все именно так. Дом Вилсинов знал об обмане. Полагаю, Гальт-

ский Совет — тоже, хотя доказать это пока нечем. В этом-то как раз большой тайны нет. Кто угодно мог догадаться. А вот вопрос о том, почему я так думаю, уже сложнее...

— Защитите Лиат, — вмешался Маати, — и мы сделаем для вас все, что сможем.

— Итани-тя, ты с ним заодно?

— Да, — ответил тот.

— Может, понадобится выступить перед хаем. Рассказать, где ты был в ту ночь, когда Вилсин-тя брал тебя телохранителем.

Итани задумался, но потом изобразил согласие.

Амат откинулась в кресле и попросила жестом миг-другой на размышление. Не то чтобы она предвидела такой поворот событий, но он мог оказаться на руку. Если юный поэт повлияет на Хешая или вспомнит какую-нибудь мелочь из переговоров, которая доказывала бы, что Марчат Вилсин знал о сговоре с андатом заранее... Однако кое-что не увязывалось с остальным — она чувствовала это совершенно точно. Одна деталь выпадала из картины.

— Присутствие Итани-тя мне понятно, — произнесла Амат. — А почему молодого поэта заботит судьба Лиат?

— Она мой друг, — ответил Маати, чуть вздернув подбородок. Его глаза смотрели с вызовом.

«А-а, — сказала себе Амат. — Вот оно что». Интересно, насколько далеко все зашло и знает ли Итани. Впрочем, ни для нее, ни для следующего этапа это несущественно.

Лиат. С ней, как обычно, закавыка. С одной стороны, она могла бы помочь Амат в деле, засвидетельствовать, что Марчат знал о двуличности переводчика Ошая. С другой стороны, втягивать Лиат в борьбу было бы небезопасно — в первую очередь для нее. Амат уже думала над этим с тех пор, как порвала с Марчатом, но ничего определенного не решила. А теперь, выходит, решение ей навязали.

«Лиат могла бы жить вместе с Мадж, — предположила она. — Нет, это определенно ничем хорошим не кончится. Хотя не с проститутками же ей ночевать! Может, поставить у себя кущетку или снять домик в пригороде. С охраной, само собой...»

Потом. Это решится позже. Амат встала. Юноши тоже.

— Ведите ее сюда, — сказала она. — Сегодня же ночью. Только чтобы Вилсин-тя не узнал. И ей не говорите, пока не придется. А тут уж я за ней присмотрю. Можете на меня рассчитывать.

— Спасибо, Амат-тя, — ответил Итани. — Но если это затягнется... Я не хочу обременять вас надолго. Ведь расследование может продлиться годы, верно?

— О боги. Надеюсь, что нет, — произнесла Амат. — Но обещаю, длисся оно хоть сто лет, я доведу его до конца. Чего бы это ни стоило, я доведу его до конца!

— Верю, — отозвался Итани.

Амат умолкла. В его тоне была странная вескость, словно он был готов к такому ответу. Она подтвердила то, что он уже подозревал, и ей стало любопытно: с чего бы? Узнать это было невозможно.

Амат кликнула Ториша, представила ему юношей и дала им полностью обсудить план. Вечером, чуть только стемнеет, девушку приведут к черному ходу заведения. Двое людей Ториша встретят их у дворцов и проводят. Итани отправится с ними.

Когда Амат отослала друзей обратно, был уже почти полдень. Она опустилась на постель и наконец позволила глазам отдохнуть. Боязнь того, что заботы не дадут заснуть, оказалась беспочвенной: сон накатил на нее, как волна. Она проснулась уже ввечеру, и заходящее солнце сверкнуло ей в глаза: одна занавесь съехала набок.

Амат вызвала Митат для короткого совещания, которым обыкновенно начинала день. Рыжеволосая помощница принесла миску тушеной говядины с рисом и бутылочку хорошего красного вина. Амат села за стол и стала между едой слушать новости: наблюдатель за игрой в хет вычислил за столом шулеров; у Крош-ки Нами появилась сыпь на спине, которую стоит показать лекарю; Тиян поправляется после визита на Бусинную улицу и вскоре вернется к работе; две девицы сбежали, и Митат придется подыскивать им замену. Амат выслушала все это, вплетая в сложнейший узор, каким стала ее жизнь.

— Ториш-тя послал своих людей охранять девушку, о которой вы говорили с ним утром, — продолжала Митат. — Они скоро вернутся.

— Нужно будет где-то ее разместить, — сказала Амат. — Поставьте кушетку в моей комнате, у стены.

Митат приняла позу понимания. В ней был какой-то загадочный оттенок — Амат угадала его даже не в жестах, а в еле заметной улыбке. Когда Митат поняла это, то улыбнулась во весь рот.

— Что? — спросил Амат.

— По поводу вашего дела, — пояснила помощница. — На счет Мадж и гальтов. Приходил человек от одного дома наемных рабочих и спрашивал, не пригодятся ли вам заодно сведения о другой девушке, не островитянке.

Амат перестала жевать.

— О другой?

— Той, что Ошай привозил в прошлом году.

Амат откинулась на спинку кресла, переваривая услышанное. В беспростенности ее трудов забрезжил луч надежды и облегчения.

— Так была еще одна девушка?!

— Я так и знала, что вы заинтересуетесь! — сказала Митат.

Маати сидел на деревянных ступенях дома поэта и смотрел на голые, как палки, стволы деревьев, на темную воду пруда, на узорчатые хайские дворцы в окружении светляков-фонарей. Уже опустились сумерки, хотя на западе еще сияли последние лучи солнца. Лицо и руки у Маати замерзли, а сам он сгорбился, но уютный и теплый дом за спиной его не манил.

Ота и Лиат ушли перед самым закатом. «Сейчас, — думал Маати, — они, наверное, уже у веселого квартала». Он представил, как они быстрым шагом идут по узким улочкам, как Ота обнимает ее за плечи. Ота-кво сможет ее защитить. А он, Маати, был бы рядом с ними лишним, ненужным.

За его спиной скрипнула дверца. Маати не обернулся. Достаточно было услышать тяжелую, неуклюжую поступь, чтобы понять: это не Бессемянный, а учитель.

— Там курица осталась, — произнес Хешай. — И хлеб еще свежий.

— Спасибо. Может, попозже, — отозвался Маати.

Поэт, кряхтя, опустился рядом с ним на ступеньку и посмотрел на темнеющий пустынный пейзаж. Сквозь воронье карканье Маати слышал его сиплое дыхание.

— Как она, поправляется? — спросил Хешай.

— Наверное.

— Скоро вернется к Вилсин-тя...

— Она к нему не пойдет, — оборвал Маати. — Старая распорядительница — Амат Кяан — взяла ее к себе.

— Значит, Дом Вилсинов потеряет еще одну хорошую работницу. Марчату это не понравится, — сказал Хешай и пожал плечами. — Ну и поделом старому хрычу! Обращался бы с ними лучше, не остался бы с носом.

— Может быть.

— Вижу, твой приятель-грузчик вернулся.

Маати не ответил. Ему было холодно снаружи и внутри. Хешай окинул его взглядом и вздохнул. Пухлая рука похлопала Маати по колену. Так, наверное, утешил бы его отец, будь мир иным. Маати почувствовал, как выступают непрошеные слезы.

— Зайди в дом, мой мальчик, — сказал поэт. — Я подогрею вина.

Маати позволил увлечь себя в дом. С выздоровлением Хешая комнаты мало-помалу приобрели прежний неряшливый вид: прямо на столе лежал стертый от частого употребления бруск туси, рядом с ним и возле дивана валялись развернутые свитки. Маати присел у очага, глядя на огонь теми же пустыми глазами, что и до этого — на темноту.

Хешай прошелся туда-сюда по дому, и вскоре в воздухе разлился густой аромат вина с пряностями. У Маати заурчало в животе. Он через силу поднялся, подошел к столу, где его ожидались остатки ужина, оторвал от куриного хребта ножку и уставился на нее. Хешай сел напротив и передал ему ломоть черного хлеба. Маати изобразил беглую позу благодарности. Хешай на-

полнил толстостенную глиняную пиалу вином и вручил ему. Вино оказалось густым, недурным на вкус и согревающим.

— Неделька нам предстоит насыщенная, — произнес Хешай-кво. — Завтрашний ужин с посланниками Сетани и Удуна, пожалуй, надо посетить. А потом в храме выступит толкователь писания. Если хочешь...

— Я не против, Хешай-кво, — сказал Маати.

— Не стал бы так торопиться, — заметил поэт. — Я всегда считал этих толкователей болванами.

Старый поэт смотрел с озорством — видимо, упиваясь собственным кощунством. Маати на миг разглядел в нем молодого Хешая и невольно слегка улыбнулся в ответ. Хешай хлопнул по столу.

— Ну вот! — воскликнул он. — Я же знал, что тебя можно отогреть!

Маати покачал головой и еще раз жестом поблагодарил Хешая, но теплее и искреннее, чем в первый раз. Хешай-кво ответил ему позой, с какой дядя обратился бы к племяннику. Маати мысленно подтолкнул себя: сейчас как раз удобно завести разговор.

— Бессемянный здесь? — спросил Маати.

— Что? Нет. Нет, он, по-моему, ушел показывать кому-то свое остроумие, — горько ответил Хешай. — Знаю, надо было бы держать его при себе, но этот ящик...

— Пусть. Так даже лучше. Я хотел поговорить с вами кое о чем в его отсутствие.

Поэт нахмурился, но кивнул.

— Это насчет той девушки, островитянки — того, что с ней произошло. Я думаю... Хешай-кво, все было подстроено. Марчат Вилсин знал, что так будет. Он затеял это по приказу Верховного Совета гальтов. А Амат Кян — та, у кого пока поживет Лиат, — добывает доказательства этого, чтобы представить их на суд хая.

Поэт побелел, потом побагровел, поджал лягушачьи губы и покачал головой — сердито и в то же время покорно судьбе.

— Это она тебе сказала? — спросил он. — Распорядительница?

- Не только она, — ответил Маати.
- Она ошибается. Все было иначе.
- Хешай-кво, а по-моему, так.
- Нет!

Хешай встал. Лицо его было непроницаемо. Он подошел к огню, отвернулся спиной и начал греть руки. Дрова потрескивали и шипели. Маати отложил нетронутый хлеб и повернулся к учителю.

- Амат Кян не единственная...

— Значит, и все остальные неправы. Задумайся на мгновение, Маати. Просто подумай. Если бы за этой мерзостью впрямь стоял Гальтский Совет, что было бы дальше? Если бы хай узнал это наверняка? Он бы их покарал. А как, по-твоему?

— Использовал бы против них вас с Бессемянным, — ответил Маати.

- Верно. И что, кому-нибудь стало бы лучше?

Маати принял позу недоумения, но Хешай не обернулся и не увидел ее. Через миг Маати уронил руки. Пламя в очаге плясало и подмигивало, отчего силуэт Хешая почти сливался с ним. Маати подошел к поэту.

- Это правда, — сказал он.

— Правда или нет, значения не имеет, — отозвался Хешай-кво. — Иные кары хуже наказаний. Что было, то прошло. И если цепляться за прошлое, ничего не создаешь.

— Вы сами в это не верите, — сказал Маати жестче, чем ожидал. Хешай обернулся. Его глаза были сухи и спокойны.

— Ребенка уже ничем не вернешь, — сказал он. — Так чего ради метаться?

— Есть еще справедливость, — ответил Маати. Хешай рассмеялся неприятным, резким смехом. Он встал и пошел на ученика, а тот невольно попятился.

— Справедливость? Так ты этого хочешь? Было бы о чем беспокоиться! Для нас с тобой главное — чтобы за будущий год никто из наших божков не затопил и не спалил город, а может, и весь свет. Вот что важно! Беречь Сарайкет. Играть в дворцовые игры, чтобы хай не решили отобрать друг у друга женщин и

игрушки силой. И ты лезешь сюда со своей справедливостью? Я всю жизнь положил ради мира, которому до меня нет дела даже за деньги. Тебя, меня — нас обоих отняли от семей. Того мальчишку из Удуна, которого мы видели при дворе, зарезал собственный брат, и все аплодировали. Я и его убийцу наказать должен?

— Вы должны поступить правильно, — ответил Маати.

Хешай-кво отмахнулся.

— То, чем мы занимаемся, превыше всех «правильно» и «неправильно»! И если дай-кво тебе этого не разъяснил, считай это моим лучшим уроком.

— Я не согласен. Если не бороться за справедливость...

Хешай-кво помрачнел. Затем он принял позу вопрошания божественной мудрости с оттенком иронии. Маати сглотнул, но от своих слов не отказался.

— Любишь справедливость? — спросил Хешай. — Так знай: она черствее камня. Можешь любить ее сколько угодно — взаимности все равно не дождешься.

— Вряд ли это...

— Только не говори мне, что никогда не грешил, — резко оборвал его Хешай. — Никогда не таскал еду с кухни, не лгал учителю. Не спал с женщиной, которая принадлежит другому.

Маати почувствовал, как что-то внутри него надломилось, как кость, хоть и без боли. В ушах загудело, словно туда влетел пчелиный рой. Он взялся за угол стола и приподнял. Еда, вино, книги, свитки — все съехало на пол. Маати схватился за стул и швырнул его в сторону, а пиалой с бордовой лужицей на дне запустил об стену. Пиала разбилась вдребезги с отрадно громким звоном. Поэт смотрел на него разинув рот, точно у Маати вдруг выросли крылья.

Миг — и ярость ушла так же внезапно, как появилась, а Маати упал на колени, словно кукла с обрезанными нитями. Его тряслось от неуемых, как рвота, рыданий. Он почти не заметил, как поэт подошел к нему, склонился и обнял. Маати держался за его широкие плечи и плакал в бурые складки его одеяния, пока тот укачивал его и шептал: прости, прости, прости...

Казалось, это будет тянуться вечно, подобно тому, как река боли может течь сквозь него и никогда не иссякнуть. Однако вышло иначе: спустя некоторое время усталость его успокоила. Маати сел рядом с наставником у перевернутого стола. Огонь успел прогореть — угли, сияющие золотым и алым, еще держали форму поленьев, которыми когда-то были.

— Что ж, — произнес наконец Маати. Его голос звучал глухо. — Я выставил себя ослом, да?

Хешай-кво хмыкнул, узнав собственные слова. Маати неожиданно для себя улыбнулся.

— Для первого раза неплохо, — ответил Хешай-кво. — Со временем научишься. Я ведь не хотел этого говорить. Приплетать сюда Лиат-кя. Просто это дело... с ниппункой... если бы я как следует постарался в тот, самый первый раз, когда задумывал Бессемянного, этого бы не произошло. Я не хочу ничего усугублять. Хочу, чтобы все закончилось.

— Я знаю, — сказал Маати.

Некоторое время они сидели молча. Угли в очаге посерели и рассыпались в пепел.

— Говорят, не забываются лишь первая любовь и первая любовница. А если это одна женщина, то и подавно...

— Одна, — проронил Маати.

— Да. И со мной было так же, — сказал Хешай. — Ее звали Ариат Миу. Прекрасней голоса, чем у нее, я в жизни не слышал. Что с ней стало, не знаю.

Маати наклонился к Хешаю и обнял его за плечи. Какое-то время они так и сидели, как два собутыльника. Хешай кивнул, словно в ответ Маати, потом глубоко вздохнул и выдохнул сквозь зубы.

— Что же, надо бы здесь прибраться, пока слуги не увидели. Подбрось дров, ладно? А я зажгу свечи. Темнеть стало раненько...

— Сейчас, Хешай-кво, — ответил Маати.

— Послушай, — окликнул его Хешай. — Ты ведь знаешь, что я никому не расскажу, правда?

Маати принял утвердительную позу. В тусклом свете было не разобрать, заметил ли ее поэт, поэтому юноша опустил руки и сказал в темноту:

— Спасибо.

Они неспешно брали по улице — быстрее раны Лиат не позволяли. Один наемник открывал шествие, второй — замыкал, а Ота двигался рядом. Поначалу, у хайских дворцов, он обнял ее за талию, думая поддержать, однако ее рука, плечо и ребра слишком болели. Как ни странно, Ота даже обрадовался: теперь он мог пристальнее следить за проулками и подворотнями, крышами, тележками торговцев и печами огнедержцев.

В воздухе пахло дымом от сотен очагов. Густая, стылая мгла, слишком плотная для тумана и невесомая для дождя, покрыла влагой камни мостовой и стены домов. Под толстой безразмерной накидкой Лиат могла сойти за кого угодно. Ота поймал себя на том, что разминает руки, словно готовясь к нападению. Однако все обошлось.

У двери опустевшего дома Амат на краю веселого квартала Лиат дала знак остановиться. Охранники нетерпеливо посмотрели на Оту, потом переглянулись, но послушались.

— Тебе нехорошо? — спросил Ота, наклоняясь к глубоко-му капюшону Лиат. — Я могу принести воды...

— Нет, — ответила она. И добавила: — Тани, я не хочу туда.

— Куда? — спросил он, касаясь перебинтованной руки.

— К Амат Клан. Я так сплоховала... Вряд ли ей захочется меня видеть. И вообще...

— Милая, — перебил Ота. — С ней ты будешь в безопасности. Пока мы не узнаем, что...

Лиат заглянула ему в лицо. Ее взгляд выражал страх и нетерпение.

— Я же не сказала, что не пойду, — объяснила она. — Я сказала, что не хочу идти.

Ота наклонился к ней и нежно поцеловал в губы. Лиат приобняла его здоровой рукой.

— Не оставляй меня, — сказала она чуть слышно.

— Куда я денусь? — отшатнулся он, за нежным тоном пряча вопрос. Лиат, такая маленькая и смелая, улыбнулась и кивнула. Весь остаток пути она продержала его за руку.

В веселом квартале не бывало по-настоящему тихих ночей. Фонари отбрасывали на стены домов пляшущие отсветы, из дверей заведений лилась музыка: флейты и барабаны, рожки и голоса. По дороге им дважды встречались дома с балконами, где замерзшие полуодетые проститутки зазывно висели на перилах, точно туши в мясницкой. Все состояние Сарайкета, богатейшего из городов юга, текло по этим улицам, захлестывая и увлекая с собой. Ота, против ожидаемого, не почувствовал в себе ни вожделения, ни неприязни.

Наконец они приблизились к дому утх Амат, прошли обитые железом ворота в высокой каменной стене, миновали жалкий садик, что отделял основную часть от кухни, и очутились в общей комнате черной половины. Там все бурлило от суеты. Рыжеволосая Митат помогала хозяйке раскладывать на столах свитки и документы. За ними, нетерпеливо покусывая ноготь, ходила Мадж. Когда охранники отправились вглубь дома, приветствуя товарищей, Ота заметил двух юношей — одного в одеждах Дома Янаани, другого — со знаком таможенной службы гавани. Те выжидательно переминались с ноги на ногу. «Посланцы, — сказал себе Ота. — Значит, что-то произошло».

Припомнилось: «Амат ближе к правде, чем ей кажется. Времени осталось мало».

— Лиат-кя, — произнесла Амат, приветственно поднимая ладонь. — Подойди-ка. Я хочу тебя кое о чем спросить.

Лиат вышла вперед, Ота — за ней. Глаза Амат сияли каким-то торжеством. Она ласково обняла Лиат, и та в ответ обхватила ее здоровой рукой. Ота заметил, что девушка вот-вот расплачется.

— Прости, — сказала Амат. — Я думала, тебе ничего не угрожает. А сделать надо было так много, что... Я недооценила ситуацию. Нужно было тебя предупредить.

— Почтеннейшая наставница, — начала Лиат и не смогла договорить. Улыбка Амат согревала, как летнее солнце.

— Мадж ты, конечно, помнишь. Это Митат, а вон тот громила у стены — Ториш Вайт, начальник моей стражи.

В этот миг Мадж заговорила, но не на своем наречии, а похайятски. Несмотря на сильный акцент, Ота разобрал слова:

— Не думай видеть тебя снова.

Улыбка Лиат приутасла.

— Ты очень хорошо говоришь, Мадж-тя.

— Я здесь жду недели, — холодно отозвалась Мадж. — Что я еще делай?

Амат оглянулась. Ота заметил, как женщина по имени Митат встретилась с ней глазами, потом перевела взгляд на островитянку и потупилась. В воздухе повисло напряжение, от которого умолкли все. Даже посланцы перестали переминаться с ноги на ногу и уставились на них.

— Она пришла помочь, — сказала Амат.

— Она пришла, потому что ты ее позвать, — возразила Мадж. — Потому, что ты ей нужна.

— Мы все друг другу нужны, — повелительно сказала Амат и выпрямилась во весь рост. Казалось, она заполнила собой комнату. — Я попросила ее прийти. У нас есть почти все, что необходимо. Без нее нам не справиться.

Мадж медленно отвернулась от Амат и приняла позу приветствия — совсем по-детски, неловко. Ота заметил румянец на ее бледных щеках и все понял. Островитянка была пьяна. Амат подвела Лиат к столу и засыпала вопросами о датах поставок и документах на ввоз, о том, что и когда Вилсин и Ошай говорили друг другу. Ота сел на скамью неподалеку, чтобы можно было слышать их разговор, видеть лица и притом не сойти за участника допроса.

На миг ему показалось, будто он стал невидимкой. Накал и воодушевление, отчаяние и сдержанная ярость кипели вокруг него, словно в спектакле, где он был единственным зрителем. Он видел все это извне. Вдруг Ота ненароком поймал взгляд островитянки, и та улыбнулась ему и кивнула. Ота угадал этот знак без труда: так, наверное, приветствовали друг друга все незнакомцы, сведенные волей судьбы. Мадж при своем плохом знании

языка не могла быть полноправным участником заговора, который набирал обороты в этой комнате. Ота же не мог по прямому противоположной причине: в ушах у него до сих пор звенели пророчества Бессемянного: «Лиат могут убить... в Гальте будет кровопролитие... Маати будет страдать до конца дней... я выдам тебя братьям», и это тайное знание ощущалось, как заразная болезнь. Каждый шаг Амат приближал их к концу. Ота неожиданно застолбился, что сделал правильный выбор.

В течение четверти свечи Амат, Лиат, Митат и иногда даже Ториш Вайт обсуждали, как лучше выступить перед хаем. Попланцев опросили, их письма присовокупили к бумагам, стопкой выложенным на столе, а самих отправили восвояси с ответными записками в рукавах. Ота слушал и смотрел, как ее доводы приобретают вес. Доказательства выплат, показания очевидцев, соппадения дат, письма из Гальта — все росло, как снежный ком, вокруг Мадж, главной свидетельницы и жертвы, живого символа произошедшего. Та же цепь совпадений, прослеженная по документам, повторялась раньше, год назад, с другой девушкой, которая испугалась и убежала. Прямых улик не было, однако факты, точно кусочки мозаики, составляли довольно четкую и мрачную картину.

Собственно, особых улик и не требовалось. Стоит Амат завладеть воображением судей, как остальное приложится. Когда суд заработает в полную мощь, Хешая-кво привлекут к ответу вместе с Бессемяным, и тому придется сказать правду. Может, он будет даже рад вызвать катастрофу, сравнимую по разрушительности с собственным освобождением.

Ночь шла своим чередом, луна незримо катилась по небу, и через некоторое время Лиат начало пошатывать. Амат это заметила и посмотрела на Оту.

— Лиат-кя, я совсем тебя замучила, — сказала она, принимая позу извинения. — Ты устала и не совсем поправилась, а я все пристаю к тебе с расспросами.

Лиат замахала руками, но отрицание вышло вялым, что только подтвердило правоту наставницы. Ота подошел к девушке и помог встать на ноги. Лиат со вздохом оперлась на него.

— Наверху постелено, — сказала Митат. — В комнате Амат-тя.

— А где будет спать Тани?

— Я обойдусь, милая, — ответил он, опередив Амат, которая явно не ожидала такого вопроса. — Меня ждут ребята в бараках. Если не приду, начнут волноваться.

На самом деле его никто не ждал, но сейчас это было неважно. Ему совсем не хотелось оставаться в доме утеш и наблюдать, как Амат близится к цели. Его удерживали только сонно-расстроенные глаза Лиат.

— Я побуду здесь, пока ты не заснешь, — сказал он. Это как будто ее успокоило. Они пожелали всем спокойной ночи и поднялись по деревянным ступеням. Ота шел медленно, чтобы поберечь Лиат. У них за спиной снова зазвучали голоса: работа над планом продолжалась. В комнате Ота запер за собой дверь. Ставни были плотно закрыты, но оранжевый свет факелов с улицы высвечивал щели. Ночная свеча на столе оплыла за половину и потрескивала. Кровать была из плотного холста на деревянной раме, с матрацем в три пальца толщиной и пологом, хотя кровососы в разгар зимы прилетали редко. Обнимая Лиат за хрупкую талию, Ота увидел на стене нечеткую тень, точнее, две тени: свою и ее, слившиеся воедино.

— Наверное, она меня ненавидит, — произнесла Лиат вполголоса.

— С чего ты взяла? Амат-тя была исключительно...

— Да не она. Мадж.

Ота замолчал. Он хотел бы и сейчас ее разубедить — сказать, что никто не держит на нее зла, что все будет хорошо, стоит только поверить. Однако он не знал, будет ли это правильно и разумно ли так думать. Ведь от Вилсина-тя тоже никто не ждал подвоха, а Лиат едва не погибла. Ота почувствовал, как его молчание разливается в воздухе, будто холод. Лиат сбросила его руку и дернула завязку плаща.

— Дай я, — сказал Ота, расстегнул ее плащ и сложил на пол под кроватью.

— А платье?

В темноте он не увидел, а скорее почувствовал ее взгляд. Или ему показалось. Просто было что-то в ее тоне, какой-то оттенок, который он не различил бы, когда бы не делил с ней постель многие месяцы. Ота заколебался — по многим причинам.

— Пожалуйста, — сказала Лиат.

— Ты еще не поправилась, любимая. Тебе ведь даже по лестнице было тяжело подниматься...

— Итани...

— Здесь же комната Амат-тя. Вдруг она зайдет?

— Ее еще долго не будет. Помоги мне раздеться. Прошу тебя.

Терзаясь сомнениями, Ота однако же подошел к ней, подчинился и ее желанию, и своему собственному. Он бережно развязал шнурки у нее на платье и снянул его, пока Лиат не осталась в одних бинтах. Даже в полутьме были видны синяки. Она взяла его за руку и поцеловала, потом потянулась к завязкам на его одежде. Ота не стал ее останавливать. Не хотел, да и это было бы жестоко.

Они любили друг друга медленно и осторожно, как будто к влечению примешалась печаль. Ее кожа отливалась в свечном сиянии темным медом, а волосы — чернью, как вороново крыло. Утомленные, они откинулись на постель. Ота привалился к ледяной стене, чтобы Лиат легла поудобнее. Ее глаза были прикрыты, уголки рта — опущены. Когда она поежилась, Ота приподнялся и укрыл ее одеялом. Сам забираться под него не стал, хотя немного продрог.

— Тебя так долго не было, — сказала Лиат. — Порой я даже начинала думать, что ты не вернешься.

— Но ведь вернулся же.

— Точно, вернулся. Как-там было? Расскажи.

И он стал рассказывать ей о своем плавании: как корабль ходил туда-сюда под ногами, как скрипели канаты и шумела вода, ударяя в борта. Рассказал о посыльном с его шутками и байками и о том, как Орай сразу угадал, что он оставил на сушке подругу. О Ялакете — серых высоких домах и узких улицах с воротами, которые запирались на ночь.

Он мог продолжать и дальше — про дорогу к даю-кво, про гору, селение из одних мужчин, про странное полу предложение

Дай-кво принять его обратно. Он был даже готов поведать даже об угрозах Бессемянного выдать его происхождение — с этой мыслью он еще не до конца сжился. О том, что, если Бессемянный останется жить, Итани Нойту умрет... Однако Лиат дышала уже глубоко и мерно, а когда он приподнялся над ней, чтобы вылезти из постели, пробормотала что-то и забралась глубже под одеяло. Ота оделся. Ночная свеча показывала три четверти: ночь близилась к рассвету. Ота впервые заметил, что руки и ноги у него стали как ватные. Надо было где-то поспать. Снять номер, а может, какую-нибудь койку на пристани, в комнатушке с жаровней на девятеро упившихся моряков.

В желтом, как сливочное масло, свете общей комнаты все так же совещались, хотя тема определенно поменялась. Мадж, которая раньше только наблюдала, сидела теперь напротив Амат, тыча в стол пальцем, и то и дело разражалась долгой цепочкой звуков без заметных промежутков. Ее лицо раскраснелось. Ота слышал гнев в ее голосе, хотя не различал ни слова. Гнев и хмель. Амат оглянулась, заметив, что Ота спускается по лестнице. Она выглядела старше обычного.

Мадж проследила за ее взглядом, посмотрела на закрытую дверь у него за спиной и добавила что-то еще. Амат ответила на том же языке, спокойно, но твердо. Мадж встала, громыхнув скамьей, и направилась к Оте.

— Твоя женщина спать? — спросила она.

— Да, она уснула.

— У моя к ней вопросы. Разбуди ее, — сказала Мадж и встала в повелительную позу. От нее несло вином. Сзади Амат отрицательно покачала головой. Ота жестом извинился. Его отказ словно переломил что-то в островитянке. Глаза у нее засияли, по щекам побежали слезы.

— Недели, — произнесла она умоляюще. — Я ждать много недели, и все зря. Здесь нет справедливость. Вы, люди, не знай справедливость!

Митат подошла к ней и положила руку на плечо, но Мадж вырвалась и выскочила в другую дверь, вытирая глаза. Когда дверь за ней закрылась, Ота принял позу вопроса.

— Мы сказали ей, что хай, возможно, пожелает провести собственное расследование. А она не поняла, зачем. Думает, он должен покарать преступников немедленно. Когда она услышала, что разбирательство откладывается... — объяснила Митат.

— Не стоит ее слишком винить, — добавила Амат. — Ей все это очень непросто.

Начальник стражи, огромный, как медведь, кашлянул. Увидев, как они с Амат переглянулись, Ота догадался, что речь об островитянке шла не раз.

— Скоро все это закончится, — продолжила Амат. — По крайней мере, для нас. Пока она здесь и готова выступить перед хаем, начало будет положено. А потом пусть едет домой, если захочет.

— А если она захочет сейчас? — спросила Митат, усаживаясь на стол.

— Не захочет, — ответила Амат. — Она в гневе и не уедет, пока не отомстит за дитя. Как Лиат, отдыхает?

— Да, Амат-тя, — отозвался Ота, принимая позу благодарности. — Спит.

— Вилсин-тя уже должен был ее хватиться, — сказала распорядительница. — Ей нельзя выходить наружу, пока все не уляжется.

— Что, еще одна? Да сколько можно? — проворчал Ториш Вайт.

Амат опустила голову на руки. Усталость и время согнули ее — она даже как будто съежилась, — но не сломили. В этот миг Ота проникся к старой наставнице Лиат восхищением.

— Утром я снаряжу гонца, — сказала Амат. — Среди зимы аудиенции приходится ждать не меньше недели.

— Так скоро? — воскликнула Митат. — Но ведь мы даже не знаем, где держали первую девушку и куда она сбежала. У нас не хватит времени ее разыскать!

— Мы воссоздали цепочку событий, — ответила Амат. — Если чего-то и не хватает, утхайем это выяснит, когда нас выслушает хай. Я, конечно, рассчитывала на большее, но хватит и этого. Должно хватить.

18

На памяти Марчата Вилсина лесные пожары не расползались быстрее, чем эта новость. Еще не рассвело, а прошение Амат Клан уже попало в руки слуг Господина вестей — раскормленного хайского секретаря, чей титул Вилсин давно считал образчиком глупости. Когда солнце встало на две ладони, в баню к Марчату прибыл посланец с запиской от Эпани. Сверчок-паникер переписал для него основной смысл прошения, да так спешил, что получились едва разборчивые каракули. Впрочем, это было уже неважно. Колесники завертелись.

Письмо Эпани плавало по воде. Зимой, пусть и несурой, вода в бассейне подогревалась, и от тонущей бумаги шел парок. Чернила размылись, едва соприкоснувшись с водой, и исходили в глубину темными нитями-тенями. Все кончено. Марчат подумал, что уже не в силах помочь миру, и эта мысль, как ни странно, вызвала облегчение. Из ночи в ночь, с тех пор, как Бессемянный, этот хайятский божок-призрак, заявился к нему домой, Марчат не смыкал глаз. А ведь когда-то он слыл умным человеком! Однако в те черные дни ему ничего не приходило в голову, ни единой идеи, ни плана, который изящным ударом все бы предотвратил. Теперь, перед лицом неминуемой беды, он мог лишь одно — прекратить думать. Марчат закрыл глаза и на миг отдался притяжению глубины, уйдя с головой под мелкую водную рябь. Да, наконец больше ни о чем не надо думать.

Он лежал под водой, пока не закололо в груди, и даже дольше, не желая нарушать мимолетное ощущение покоя. Однако время и легкие не ждали. Марчат вынырнул и вылез из бассейна. Вода стекала с кожи, покрывая ее мурашками. Марчат поспешил вытерся по пути в раздевалку, где жар от широкой черной жаровни мешался с водными парами. Для жителей Сарайкета малейшее дуновение холода было бы губительно. Летние города не мыслили себя в морозы, и Марчат, проведший здесь полжизни, наверное, тоже. Натягивая шерстяные халаты — слой за слоем, — он с удивлением осознал, что не помнит, когда в последний раз видел снег. Тогда он, наверное, и не подозревал, что больше снега не увидит, иначе бы постарался сберечь его в памяти.

Вот мимо прошли двое мужчин — круглощих, черноволосых, — перебрасываясь больше жестами, нежели словами. Такие же, как большинство сарайкетцев. Он один выделялся среди них — бледнокожий, кудрявый, до нелепого бородатый. Подумать только: прожил здесь целую вечность и не стал своим. Все ждал, что придет день, когда его отзовут в Гальт. Марчату следалось горько от этой мысли. Незнакомцы, поравнявшись с ним, приняли позу приветствия, и он машинально ответил тем же. Руки сами знали, что делать.

Марчат медленно брел к Дому Вилсинов. Медленно не потому, что боялся, хотя — боги свидетели — от будущего тоже подарков не ждал. Потому, что ошибка словно открыла ему глаза. Звуки и запахи города стали свежи, незнакомы. Это было сродни возвращению домой после странствий в юности: таким же близким и одновременно далеким казался район, где жила его семья. Теперь его домом стал Сарайкет. Когда-то он думал, что просто отвык от дома, а теперь понимал, что путешествие его изменило. Как сейчас — письмо Эпани. Город остался прежним, но на него смотрел новый человек. Марчат видел другими глазами древнюю кладку стен, увившую их лозу, которую каждый год отводили от стены, но безрезультатно; новыми ушами вбирал смесь наречий всего мира, песни нищих и птичий крик.

Очень скоро, слишком скоро он очутился у собственных ворот, где, как всегда, возвышалось бронзовое Гальтское Древо и

журчал фонтан. Интересно, кому достанется должность главы Дома после него. Наверное, такой же безотцовщине, от которой семейство всегда не прочь избавиться. Какому-нибудь мальчишке, жаждущему проявить себя на дальнем и богатом поприще. Если только хайяты не разнесут здесь все по кусочкам и не спалят обломки. Маловероятно, но все же возможно.

В личных покоях его дождался Эпани, заламывая руки от расстройства. Марчат расстройства не почувствовал, разве что легкое раздражение от вида помошника.

— Вилсин-тя, я только что услышал. Аудиенция состоится. Через шесть дней. Осталось всего шесть дней!

Марчат поднял ладонь, и стрекотание прекратилось.

— Пошли гонца во дворец. Кого-нибудь из старших служащих. Или сам сходи. Передай людям хая, что слушание по делу Амат Клан, вероятно, будет касаться частных дел Гальтского Дома и что мы просим отложить аудиенцию до тех пор, пока не подготовим надлежащий ответ.

— Слушаюсь, Вилсин-тя.

— Кстати, принеси мне бумаги и свежий бруск туши, — продолжил Марчат. — Нужно написать пару писем.

Было в его тоне нечто, какая-то особыя серьезность, потому что Эпани тотчас изобразил позу послушания и бросился прочь с почти осязаемым чувством облегчения. Марчат отправился за ним, но недалеко — послать кого-нибудь за вином с пряностями, — после чего уселся за стол и начал приготовления. В ящичке рядом с его ногой лежал крошечный серебряный пузырек, запечатанный зеленым воском. Когда Марчат встряхнул его, внутри что-то звякнуло, будто там находилась не жидкость, а кусочек металла. На самом деле в пузырьке был раствор того самого дурмана, которыми в веселом квартале приправляли вино, только гораздо насыщеннее. Наперстка этой жидкости хватило бы, чтобы погрузить человека в беспробудный сон. Марчат спрятал флакончик в ладони.

Не так он хотел все решить. Но на худой конец...

Он убрал пузырек на место как раз тогда, когда появился Эпани-тя с бумагой, тушью и перьями в обеих руках. Марчат поблагодарил его и отоспал, а потом повернулся к чистому листу.

Я, Марчат Вилсин из Гальтского Дома Вилсинов, — начал он и поскреб пером черный кирпичик, — пишу это с тем, чтобы признаться в своих преступлениях и объяснить, чем они продиктованы. Во всем, что случилось, виноват я один...

Он поднял перо. *Я один...* Конечно, можно так поступить. Можно взвалить все на себя и спасти менее виноватых от наказания. Спасти Гальт от гнева Хайема. Впервые с тех пор, как Марчат прочитал кривые от страха каракули домоправителя, на него навалилась тоска. Дурное время быть одному.

Слуга принес вино, и Марчат медленно выпил его, перечитывая свои несколько строк. Разумеется, он все сочинил: мол, надеялся перевернуть торговлю Сарайкету в убыток и тем самым окончить свое изгнание. Якобы тешил себя мечтами о доме и послушался своей дурной природы. Потом надо покаяться перед хаэм в грехах, признать себя трусом, попросить о снисхождении и отписать все состояние островитянке Мадж, жестоко от него потерпевшей, и Амат Кян, которая в своей преданности не поверила, что он способен на подобное коварство, и предположила участие высших гальтских чинов.

«Последний штрих особенно мил, — подумал Марчат. — Если я покажу Амат женщиной слишком верной и слишком влюбленной, чтобы разглядеть мое истинное лицо, она, несомненно, оценит иронию».

Виноват я один.

Он взял начатое признание, подул на тушь и отложил в сторону. В самом деле, к чему спешить? Любой день из шести оставшихся подойдет, особенно если хай отложит аудиенцию и даст ему еще несколько вечеров жизни. К тому же писем предстояло написать много. Например, семье, в Гальт. Извиниться перед Верховным Советом за собственное злодейство — с расчетом, что письмо перехватят. Или что-нибудь более личное. Настоящее.

Он провел пером по туши и поставил металлическое острье на чистый лист.

Здравствуй, Амат. Здравствуй, старый и дорогой друг. Видишь, до чего я докатился? Даже сейчас, на последнем при-

вале, у меня не хватает духу написать правильно. Амат, любовь моя. Я так и не открыл тебе своих чувств из боязни услышать смех или, еще хуже, вежливый отказ. Кто бы мог подумать, что так выйдет?

Ота очнулся ближе к вечеру от тяжелого, беспокойного сна. В комнате никого не было: хозяева остальных коек разошлись по делам. Жаровня остыла, зато в окно, затянутое тонкой кожей, светило солнце. Ота собрал вещи, которые перед сном втиснул между собой и стеной, чтобы никто не стащил, и на всякий случай проверил. Денег было ровно столько, сколько и вчера. Он медленно оделся, дожидаясь, пока обрывки снов — что-то про потоп и тонущих в нем бродячих собак — не сотрутся из памяти.

На прибрежных улицах стояло обычное оживление. Даже зимой приставали суда и почти тотчас отходили, устремляясь большей частью на юг, в теплые порты. Сейчас путешествие в Ялакет было бы в высшей степени неприятным. У лотка рядом с пристанью Ота купил маленький кулек печеных яблок в масле и черном сахаре и стал есть, перебрасывая с руки на руку. Он вспомнил об Орае, Мати, лютых северных холодах и о том, что на морозе горячие яблоки были бы еще вкуснее.

В каждой чайной, возле каждой печи огнедержца, на всех углах и улицах обсуждали одно: прошение Амат Кяан об аудиенции у хая. Просьбу выступить с обвинением Дома Вилсинов. Ота слушал и обаятельно улыбался, хотя в душе ему было не до улыбок. «Амат хочет рассказать, как торговый дом избегал уплаты налогов», — говорили одни. «Нет, — спорили другие, — это все из-за скорбного торга. Андат вступил в сговор с соперничающим Домом и нарочно подстроил так, чтобы очернить Вилсина, а Амат затеяла разбирательство, потому что ей за это платят». Третий утверждали, будто ребенок девушки с островов был на самом деле от Вилсина, а может, от самого хая Сарайкетского. Или другого хая, который решил избавиться от отпрыска, чтобы не делать из него поэта-полуниппуанца.

В общем, шума было не больше и не меньше обычного — такие скандалы тысячами будоражили кровь Сарайкета. Ота,

впрочем, держал свою версию при себе, даже когда встречал знакомых. Скоро все выяснится само.

На западе садилось солнце, проваливаясь в низкие холмы и тростниковые поля. Ота отправился по широким улицам в сторону дворцов, где, миновав сады, очутился у дома поэта. Стоял дом в стороне от величественных чертогов хая и утхайема и оттого казался уединенным, скромным и каким-то настоящим. Ота оставил позади голые деревья и прошел по мосту над прудом, где плескались карпы-кон. Здесь вода никогда не замерзала.

Не успел Ота подойти к дверям, как Маати открыл их. Из дома пахнуло теплом, запахом дыма и пряного вина. Маати приветствовал его как ученик — уважаемого наставника, а Ота рассмеялся и развел его руки в стороны. Только когда Маати не улыбнулся в ответ, он понял, что поза была искренней. Ота принял позу извинения, но Маати молча покачал головой и пригласил его внутрь.

Беспорядка в доме прибавилось: книги, бумаги, пара стоптанных башмаков, недоеденный завтрак лежали и стояли как попало. В очаге догорал огонь; Маати опустился в одно из кресел перед ним. Ота занял второе.

— Ты вчера оставался с ней на ночь? — спросил Маати.

— Не на всю, — произнес Ота, наклоняясь вперед. — Под утро снял койку у пристани. Не хотелось там ночевать. Ты слышал, что Амат Клан...

— Да. По-моему, Хешаю-кво сообщили даже раньше хая.

— И как он это воспринял?

— Отправился в веселый квартал. Вряд ли мы скоро его увидим.

— Думаешь, он у Амат Клан?

— Сомневаюсь. Судя по виду, он намерен не решать проблемы, а в них участвовать.

— А он знает? То есть ты говорил ему, с чем она собирается выступить?

Маати издал полусмешок-полустон.

— Говорил. Только он не поверил. Или поверил, но не хочет признаваться. Он сказал, что справедливость этого не стоит.

— Не могу с ним согласиться, — произнес Ота. И добавил: — Хотя, может, справедливости вообще нет.

Настало долгое молчание. У огня Ота заметил большую чашу вина. Большую, а вина на донышке.

— А как ты воспринял эту новость?

Маати пожал плечами. Выглядел он некорошо, нездорохо. Лицо посерело, под глазами виднелись мешки — то ли от недосыпа, то ли от пересыпания. Приглядевшись, Ота заметил, что голова у Маати чуть-чуть подрагивает в такт сердцебиению. Он был пьян.

— Что случилось, Маати?

— Ты должен был прийти сюда, — ответил молодой поэт. — Не надо спать на пристани или в доме утес. Тебе здесь всегда рады.

— Спасибо, но боюсь, людям покажется странным...

— Людям! — буркнул Маати и притих. Ота встал, нашел котелок с вином, который грелся на жаровенке, сгреб на сторону бумаги, лежавшие слишком близко к углам, и налил себе. Маати сонно проводил его взглядом.

— Я бы сам тебе налил.

— Какая разница? Я справился. Как ты себя чувствуешь, Маати? Выглядишь... будто тебя что-то гнетет.

— Я так же подумал о тебе. С тех пор, как ты вернулся от дая-кво, между нами... все как-то сложно. Тебе не кажется?

— Наверное, — ответил Ота и пригубил вино. Оно было горячим — пришлось подуть на него, прежде чем пить, но не перегретым, так что спирт не успел выпариться. Питье приятно согревало горло. — Я сам виноват. Кое-чего нарочно старался не замечать. Орай говорит, море меняет человека, меняет самую его суть.

— Может, дело и не в том, — тихо произнес Маати.

— А в чем?

Маати склонился вперед, опершись локтями о колени и, глядя в огонь, заговорил. Его голос был жестким, как камень.

— Я обещал никому об этом не рассказывать, но сейчас я нарушу свое обещание. Ота-кво, я совершил нечто ужасное.

Я не собирался этого делать, и если бы я мог все отменить — клянусь богами, отменил бы сей же миг. Пока ты был в отъезде, мы с Лиат... нам больше не с кем было поговорить. Только мы знали всю правду. И мы часто бывали вместе...

«Тебе нельзя ехать, — говорила Лиат, когда он собирался к даю-кво. — Кто-то должен меня поддержать».

Вспомнил он и то, что сказал Бессемянный в день его приезда: «Хешай любил и потерял, и с тех самых пор терзается виной. С Маати будет то же самое».

Ота со скрипом откинулся в кресле. Как вода из опрокинутого ведра, на него хлынуло прозрение. Он понял, в чем дело, что произошло без него. Ота медленно отставил пиалу. Маати сидел молча, чуть заметно покачивая головой. Его лицо покраснело, и хотя он ни разу не всхлипнул, не вздохнул, на кончике его носа повисла единственная слеза. Можно было бы посмеяться, если бы это был не Маати.

— Она замечательная, — ответил Ота, подбирав слова. — Правда, иногда ей трудно доверять, но все-таки славная.

Маати кивнул.

— Я, пожалуй, пойду, — тихо сказал Ота.

— Прости меня, — прошептал Маати огню. — Ота-кво, я так виноват перед тобой.

— Ты поступил так, как поступали тысячу раз до тебя тысячи людей.

— Да, но не с тобой. Я предал тебя! Ты ведь ее любишь.

— Но не доверяю.

— И мне теперь тоже.

— И тебе, — согласился Ота, и, запахнув поплотнее одежду, вышел из дома в темноту. Закрыл за собой дверь и врезал по ней кулаком так, что ссадил палец.

В груди саднило, и злился он не на шутку, но, что удивительно, ему стало легче. Он побрел к пруду, жалея, что посыльный Орай направлялся не в Сарайкет, а в Мати. Однако мир не прислушивался к его желаниям. Лиат и Маати стали любовниками, и это ломало юного поэта так же, как когда-то другая беда сломила его учителя. Амат Кян со дня на день должна выступить в

суде. Все, что предсказывал Бессемянный, сбывалось. И теперь он, Ота, стоял на холоде у моста и ждал, бросая камни в темную воду, слушая, как они падают, тонут и пропадают. Он знал, что андат придет, стоит лишь подождать.

Не прошло и пол-ладони.

— Значит, он признался-таки, — произнес Бессемянный.

Бледное лицо висело в ночном воздухе с горькой усмешкой на совершенных, чувственных губах.

— Ты знал?

— Боги! Весь свет знал. Они таились не больше, чем лоси во время гона. Я лишь надеялся, что ты узнаешь об этом после того, как окажешь мне услугу. Жаль, правда, жаль. Хотя, по-моему, я неплохо держусь для неудачника, а?

Ота глубоко вдохнул и медленно выдохнул. В воздухе еле заметно мелькнул белый пар. Андат рядом с ним не дышал. В конце концов, он только выглядел человеком.

— А я... потерпел неудачу, — произнес Бессемянный неожиданно осторожным, испытующим тоном. — Так ведь? Я могу растрезвонить твои тайны, но не tolknut тебя на убийство. И как теперь рассчитывать, что ты убьешь человека ради спасения неверной девицы и дорогого друга, забравшегося к ней в постель?

Ота вспомнил сердитое, полное отвращения к себе лицо Мати, и что-то в нем шевельнулось. Какой-то порыв родился в нем, как полжизни назад, в детстве, перед неперекопанной грядкой. Порыв не снял ни гнева, ни боли, скорее усилил их.

— Один человек сказал мне, что можно или любить и не доверять, или спать и не доверять, но не все три одновременно.

— Не знал, — произнес андат. — Видишь ли, мои познания в любви довольно ограничены.

— Скажи, что я должен знать.

В лунном свете бледные руки сложились в просьбу о пояснении.

— Ты говорил, что знаешь, где он бывает. За сколько напивается до бесчувствия. Рассказывай.

— И ты выполнишь мою просьбу?

— Увидишь, — ответил Ота.

* * *

На утро после появления в доме утех — с тех пор прошло уже два дня — Лиат проснулась и услышала тихое посапывание наставницы. Сквозь ставни просочился лишь тонкий луч дневного света — здесь ложились и вставали поздно. Простыни хранили еле слышный запах Итани. Лиат встала, кривясь от боли, и кое-как оделась, почти жалея о вчерашней выпрошенной близости. Амат проснулась и отвела ее вниз. Заведение было устроено без затей: несколько спален с койками у стен, где женщины лежали, как свитки в футлярах, пологи из дешевого полотна вместо сетчатых, кухни в задней части дома, просторная баня, где днем стирали и мылись, а вечером принимали гостей, предварительно сменив воду и добавив душистые масла. В гостевую часть дома Лиат выходить запрещалось. Пока Вилсину не было предъявлено обвинение, Амат не разрешила ей покидать дом утех, равно как и показываться гостям. Ставки были слишком высоки, а Вилсин-тя уже один раз опустился до нападения.

С тех пор Лиат спала, ела, мылась, сидела за столом Амат, слушая уличных музыкантов, и все это время от Итани с Маати не приходило ни слова. Вечером второго дня Лиат послала весточку в бараки, где спали приятели Итани. Записка вернулась поутру с ответом от Мухатии-тя. Итани Нойгу ушел из-под кабалы и нарушил договор. В бараках его не видели и видеть не хотят. После прочтения этих слов Лиат сделалось жутко до дурноты. Когда же она показала записку своей старой наставнице, та нахмурилась и спрятала ее в рукав.

— А что, если Вилсин-тя его убил? — спросила Лиат, стараясь не выдать голосом паники.

Амат Кян изобразила позу успокоения.

— Ему это незачем. Мне будет довольно вас с Мадж. Если Марчат его убьет, это только укрепит наши позиции. Вдобавок, как мне показалось, твой друг способен сам о себе позаботиться. — Видя, что ее слова оказались слабым утешением, Амат добавила: — Но я могу послать людей Ториша-тя спрашивать.

— Он бы вернулся, если бы все было в порядке.

— Все далеко не в порядке, — произнесла Амат. Ее взгляд был ясен, суров и утомлен. — Но это не значит, что Итани в беде. Наверное, надо было оставить его здесь. А ты не посыпала гонца в дом поэта? Может, Маати о нем слышал? Или даже Итани живет у него.

Амат взяла трость и встала, указывая на стол, чистую бумагу и тушь.

— Мне нужно кое-что сделать. Бери все, что нужно, и мы снарядим к нему гонца.

Лиат приняла позу благодарности и села составлять письмо. Когда она взялась за перо, ее рука задрожала. Кончик пера завис над бумагой, словно ждал, чье имя она в конце концов выберет. В конце концов на обороте появилось имя Маати. Так его в любом случае прочитают.

Когда гонец отбыл, Лиат стало нечего делать, кроме как ходить по комнате. После полудня, впрочем, тревога согнала ее вниз. В общей комнате пахло жареной свининой и вином, а на столах дожидались уборки блюда с костями. Женщины пошли спать, а обслуга из гостевой половины тоже либо спала, либо отправилась по домам. Веселый квартал жил иначе, нежели знакомый ей мир: днем здесь отдыхали, а ночью — работали. Если Амат отправилась по делам с Митат и охраной, это означало, что она не доспит положенные часы. До слушания дела оставалось всего пять дней.

Лиат прошла по опустевшей общей комнате, остановилась почесать за ухом старого пса. Совсем несложно было бы притвориться, будто идешь на кухню, а самой выбраться черным ходом во двор и на улицу. Она представила, как разыскивает Итани, как отводит его сюда, в безопасное место. Глупая, конечно, затея, и она не собиралась так делать, но мечта захватила ее воображение. Мечта о том, что можно взять и все исправить.

Неожиданно внимание Лиат привлек тихий звук — чуть слышнее вздоха. Донесся он от длинной ниши в стене, где стояли швейные верстаки с кипами тряпья и кожи, из которых, по словам Амат, шились костюмы и реквизит для выступлений. Лиат направилась к нему, стараясь не поднимать шума. За неаккуратными

ворохами ткани и нитей она обнаружила Мадж: та сидел, поджав ноги, стянув волосы на затылке, и трудилась над чем-то, лежавшим у нее на коленях, с таким сосредоточенным видом, что Лиат побоялась ее отвлечь. Когда Мадж подвинула руки, она мельком разглядела крошечный ткацкий станок и ленту черной материи.

— Что это? — спросила Лиат из любопытства и чтобы как-то отвлечься.

— Траурный покрывало, — ответила Мадж, не отрываясь. Ее акцент был так силен, что Лиат засомневалась, правильно ли поняла. Мадж добавила: — Для ребенка.

Лиат подошла ближе. Ткань была тонкой, полупрозрачной, черной с удивительно нежным узором из крошечных бисеринок. Нижний край полотна улегся складками рядом с коленом Мадж.

— Очень красивое, — сказала Лиат.

Мадж пожала плечами.

— Так время идти быстрее. Я работать уже недели.

Лиат присела. Бледные глаза Мадж задержали на ней взгляд — вопросительный, а может, вызывающий, после чего вновь обратились к станку. Лиат наблюдала, как пальцы островитянки бесшумно мелькают, переплетая нити и бусины. Нити были очень тонкими, того сорта, из которого больше двух-трех пядей за день не соткешь. Лиат провела рукой по складкам законченной материи. Она была шириной с две ее ладони, а длиной, как ей показалось, в рост Мадж.

— А какой он должен быть длины?

— Пока не закончить ткать, — ответила она. — Обычно его делай, пока боль свежа. Заканчивай дела по дому — тки, пронсись среди ночи — тки. Когда приходи время хоти петь с друзьями и плавай в пруду и не тки, пора остановиться.

— Значит, ты и раньше ткала их — траурные покрывала?

— Для мамы, для брата. Я тогда моложе, чем теперь, — пропиесла Мадж тяжело и устало. — Их покрывало короче.

Лиат села, глядя, как Мадж нитет бисер и вплетает его в ткань черным узором, слушая, как еле различимо шелестит станок. Долгое время они сидели молча.

— Мне жаль, — выговорила наконец Лиат. — Что так случилось.

— Твоя был затея?

— Нет, я вообще не знала, что происходит.

— Так зачем жалей?

— Я должна была догадаться, — ответила Лиат, — и не догадалась.

Мадж подняла глаза и отложила станок.

— А почему ты не догадайся? — спросила она, строго глядя на Лиат.

— Потому, что верила Вилсину-тя, — ответила та. — Думала, ты его сама попросила. Думала, что помогаю.

— Вилсин сделай тебе? — спросила Мадж, показывая на обвязанное плечо Лиат.

— Его люди. Так говорит Амат-тя.

— А ей ты верить?

— Конечно. А ты разве нет?

— Я здесь уже месяцы, больше. У нас дома, когда человек делай зло, киопия учиняй суд и — раз! — Мадж хлопнула в ладоши. — Его наказать. Здесь я недели живи в тесной комнате и жди. Слушай, как никто ничего не делай и жди. А теперь они говори, что хай еще долго наказывай тех, кто убить мой малыш. Зачем жди, если он верить Амат Кян? А если не верить, зачем я оставайся? Зачем я здесь, если не ради справедливость?

— Все сложно, — сказала Лиат. — Все очень сложно.

Мадж сердито и нетерпеливо фыркнула.

— Все просто! Я думай, ты приходить, потому что все знать тогда, и хоти нас остановить, а оказаться, ты просто глупый, слабый, самолюбивый девчонка. Уходи. Я ткать.

Обиженная Лиат вскочила, открыла рот для ответа, но не нашлась, что сказать. Мадж небрежно плонула ей под ноги.

После этого Лиат не один час провела у Амат на веранде, остужая гнев. Зимнее солнце согревало только в безветрие, любой ветерок вызывал дрожь. Где-то в вышине облака тянулись через все небо, словно царапины. На сердце у Лиат было неспокойно, хотя она не могла точно сказать, отчего именно: из-за

обвинений Мадж, из-за Итани с Маати или в предчувствии разбирательства у хая. Дважды она поворачивалась, чтобы спуститься и потребовать у Мадж извинений или принести свои, но оба раза останавливалась, не дойдя до стола Амат. Так она и терзаясь, силясь отыскать в мыслях хоть сколько-нибудь ясности, когда ее внимание привлекла фигура на улице. Маати в буром одеянии поэта бежал к дверям дома. Полы его одежд развевались, лицо покраснело. У Лиат екнуло сердце от страха. Что-то случилось.

Она сбежала по широкой деревянной лестнице, перескакивая через две ступеньки, и ворвалась в общую комнату. Из-за двери черного хода слышался взволнованный голос Маати, словно он спорил с кем-то на повышенных тонах. Отперев дверь, Лиат обнаружила охранника, препротивившего ему путь. Маати стоял в позе приказа и требовал, чтобы его пропустили. Увидев Лиат, он осекся и побледнел. Лиат тронула стражника за руку.

— Впустите, пожалуйста, — попросила она. — Он ко мне.

— Старая о нем ничего не говорила.

— Она не знала, что он придет. Пожалуйста. Ему можно.

Охранник косо посмотрел на нее, но отошел в сторону. Маати вышел. Выглядел он больным: серый цвет лица, воспаленные глаза, мятая, словно жеваная, одежда. Лиат не заметила, как взяла его за руку.

— Я получил твое письмо, — сказал Маати. — Пришел, как только смог. Его здесь нет?

— Нет, — ответила Лиат. — Я думала, раз он жил у тебя после путешествия, может, и на этот раз...

— Так и было, — произнес Маати и сел. — Позавчера от тебя он ходил ночевать к морякам, а вчера был у меня.

— Но не ночевал?

Маати сжал губы и отвернулся. Он выглядел таким пристыженным, что Лиат стало наплевать на то, что подумает островитянка, которая следила за ними из своего закутка. Маати мягким движением высвободил ладонь. Рука Лиат повисла вдоль тела, как плеть.

— Он узнал? — тихо спросила она. — О том, что случилось?

— Я рассказал, — ответил Маати. — Я должен был рассказать. Думал, он вернется к тебе.

— Нет. Не вернулся.

— Думаешь... Вилсин нашел его?

— Амат сомневается, что Вилсин на него нападет. Ему это невыгодно. Скорее Итани не хочет нас видеть.

Маати рухнул на скамью и схватился за голову. Лиат села рядом и обняла его за плечи невредимой рукой. Итани ушел. Она его потеряла. Это было ясно, как день. Лиат положила голову на плечо Маати и закрыла глаза, отчаянно страшась того, что и он ее покинет.

— Дай ему время, — прошептала она. — Ему нужно время подумать. Все будет хорошо.

— Не будет, — ответил Маати. Не сердито, не горько, а самым обычным тоном. — Все будет плохо, и я ничего не могу с этим поделать.

Лиат закрыла глаза, чувствуя подъемы и спады его дыхания, точно волны, накатывающие на берег. Он повернулся и сжал ее в объятиях. Плечу стало больно, но Лиат скорее прокусила бы язык, чем пожаловалась. Она гладила Маати по голове и плакала.

— Не бросай меня! Я не перенесу, если потеряю вас обоих.

— Я скорее перестану дышать, — ответил Маати. — Клянусь, я скорее умру, чем тебя брошу. Но мне нужно разыскать Ота-кво.

Мучительные, но чудесные объятья раскрылись, и Маати встал. Его лицо было серьезно, почти мрачно. Он взял ее за руку.

— Если Ота-кво... если вы не помиритесь... Лиат, без тебя я буду не я. Моя жизнь не принадлежит мне одному — у меня долг перед Хайемом и даем-кво, — но ту часть, где я вправе решать, я хочу разделить с тобой.

Лиат сморгнула слезы.

— Ты останешься со мной? Не с ним?

Маати пораженно замер. В этот миг Лиат отчаянно захотелось отменить свои слова, заставить его забыть их, но время неумолимо текло вперед. Маати снова встретил ее взгляд.

— Я не могу потерять ни тебя, ни его, — сказал он. — К какому бы миру мы с ним ни придем, если такое вообще случится, это будет касаться только нас двоих. А то, что я чувствую к тебе... за это я жизнь отдам — так ты стала для меня важна. Если ты решишь выбрать его, я навсегда буду твоим другом.

Словно холодной водой полили на ожог. Лиат немного успокоилась.

— Так ступай же. Найди его и передай, как я сожалею о том, что случилось. А потом, даже если его не разыщешь, возвращайся ко мне. Обещай, что вернешься!

Лишь через несколько минут Маати оторвался от нее и вышел на улицу. После его ухода Лиат села на лавку и закрыла глаза, прислушиваясь к себе, пытаясь различить отдельные чувства в том, что ее переполняло. Вина и радость. Страх и вместе с тем облегчение. Она любит Маати — теперь это ясно. Так же, как раньше любила Итани, когда они только начинали встречаться. Лиат подняла глаза и увидела, что за ней наблюдают. В замешательстве она совсем об этом забыла.

Мадж смотрела на нее, прижав руку ко рту. В ее глазах стояли слезы. Лиат медленно поднялась и приняла вопросительную позу. Мадж прошла к ней через всю комнату, положила ей руки на плечи и поцеловала прямо в губы, чем немного смущила Лиат.

— Бедный зайчонок! Бедный глупый зайчонок. Моя очень жаль. Ты и этот мальчик... Я глядеть на вас и вспоминать о человек, который... об отце. Я называть тебя глупой и слабой потому, что забыть, какова юность. И я когда-то была такая же, а сейчас не в уме. То, что я сказала обидное, забираю назад.

Лиат кивнула. Она уловила извинение, хотя и не весь его смысл. Мадж ответила длинной фразой на ниппурском. Слух Лиат выхватил только слова «опыт» и «боль». Мадж ласково погладила ее по щеке и ушла.

19

— **В**ас это беспокоит, бабушка? — спросила Митат по пути. Она говорила тихо, чтобы их никто больше не слышал, даже наемники, которые шли по два впереди и сзади.

— Объяснись, а то я сейчас вспомню дюжину поводов для беспокойства, — сказала Амат.

— Выступление против Вилсина.

— Конечно. Но тут уж ничего не поделаешь.

— Просто... Дом Вилснов был к вам добр столько лет... как вторая семья, правда? Порвать с ними сейчас...

Амат сощурилась. Митат вспыхнула и приняла позу извинения. Амат сделала вид, что не заметила.

— Речь, кажется, не обо мне?

— Не совсем, — ответила Митат.

С моря подул зябкий ветер, а солнце, клоняющееся к закату, только удлинило тени и окрасило все оранжевым. Флаги над домом охраны затрепетали, зашуршали, как чей-то голос из-за стены. Стражники открыли дверь, кивнули караульным внутри и пригласили Амат с помощницей, подругой и первой настоящей союзницей во всем этом неприятном деле, войти.

— Если ты думаешь об уходе — ты и твой друг, — у меня две просьбы. Во-первых, дождемся слушания. Во-вторых, дай мне предложить свои условия. Если не договоримся, отпущу тебя с благословением.

— Моя кабала была довольно суровой, так что...

— Ой, не будь дурочкой! — перебила Амат. — Ты ведь заключала договор с Ови Ниитом? А между моими условиями и его — большая разница.

Митат улыбнулась — немного печально, как Амат показалось — и жестом подтвердила соглашение. В караульном помещении Амат заплатила за охрану, подписала и заверила документы, взяла копию для отчетности. На следующий лунный цикл она и ее подопечные получали все привилегии честных обитателей веселого квартала. Она отправилась обратно со своими пятью попутчиками, но все такая же одинокая.

У лотка старого лавочника ее пленил запах чесночных колбасок. Амат отчаянно пожелала остановиться, отослать прочь охрану и устроиться где-нибудь рядом с Митат, поболтать по душам, как подруги. Она бы выяснила, за какую цену та согласилась бы остаться, и заплатила бы, сколько бы это ни стоило. Но стражники не давали им ни сбавить шаг, ни поговорить наедине. Да и Митат не согласилась бы. Амат сама понимала, как это неразумно: Марчат Вилсин, наверное, сейчас бьется в отчаянии, а его, как оказалось, нельзя недооценивать. Опасно было даже выходить из заведения. И все же хоть сколько-нибудь простая жизнь соблазняла, манила сильнее любой продажной женщины.

Амат шаг за шагом двигалась вперед. Придет время и для покоя, говорила она себе. Потом, когда раскроется гальтский заговор и расследование переложат на кого-то другого. Когда смерть ребенка будет отомщена, ее город избавится от угрозы, а душа — от мук совести. Когда она снова станет собой, если от прошлой нее еще что-то осталось, или создаст себя заново.

У парадного входа в заведение их дожидался гонец — совсем юноша, не старше Лиат, но в одежде цветов правящего дома. «Послание от хая Сарайкета», — поняла Амат. У нее замерло сердце.

— Ты ищешь Амат Клан? — спросила она.

Гонец, юноша с близко поставленными глазами и тонким носом, принял уважительно-утвердительную позу. Позу придворного.

— Ты ее разыскал.

Юноша вынула из рукава письмо с хайской печатью. Амат вскрыла его тут же, на улице. Почерк был прекрасным, как и во всех посланиях из дворца, и так изобиловал вензелями, что буквы с трудом узнавались. Впрочем, Амат уже приоровилась его разбирать. Она вздохнула и приняла позу благодарности, отпуская гонца.

— Я все поняла, — сказала она. — Ответа от меня не будет.

— Что случилось? — спросила Митат, переступая через порог с остальными. — Дурные вести?

— Нет, — пояснила Амат. — Обычная проволочка. Хай отложил слушание на четыре дня. Другая сторона желает подготовить ответ.

— Вилсин?

— Полагаю, да. На самом деле, это и нам на руку. Теперь у нас больше времени на подготовку.

Амат остановилась посреди передней комнаты, похлопала сложенным письмом по краю игрального стола. В глубине гостевой половины, где клиенты выбирали себе женщин, раздался девичий смех. Странный звук, подумала Амат. Ей сейчас всякое проявление радости казалось странным. Будь она Марчатом Вилсином, можно было сыграть в последнюю игру: бросить дротик в небо и понадеяться на чудо.

— Приведи ко мне Ториша-тя, — сказала она. — Я хочу еще раз обсудить нашу безопасность. Кстати, друг Лиат, Итани, не объявлялся?

— Пока нет, — ответил стражник у главных ворот. — А второй был. Уже ушел.

— Если кто-то из них придет, отсылайте ко мне.

Она прошла в заднюю половину. Митат — за ней.

— Скорее всего, эта задержка — формальность, но если Марчат хочет ей воспользоваться, я должна быть готова.

— Бабушка...

Они пришли в общую комнату, заполненную женщинами и мальчиками в костюмах, людьми, которые следили за игрой и наливали гостям вино, запахом свежего хлеба и жареного барашка

и людским гомоном. Митат встала у двери, скрестив руки. Амат сложила позу недоумения.

— Кому-то придется сообщить Мадж, — пояснила помощница.

Амат закрыла глаза. Конечно! Сообщить Мадж. Как будто не хватало других забот. Ну и ладно. Если перепалки не избежать, пусть она будет на ниппуанском. Амат дважды глубоко вздохнула и посмотрела на Митат. На лице той появилась виноватая улыбка.

— А ведь я могла стать танцовщицей, — сказала Амат. — В детстве подавала большие надежды. Живи я сейчас танцами, не пришлось бы проходить через все это дермо.

— Если хотите, я ей скажу, — предложила Митат.

Амат только улыбнулась, покачала головой и пошла к двери комнатушки Мадж, крепясь перед неизбежной грозой.

Ота Мати, шестой сын хая Мати, сидел на краю пристани и смотрел на море. В сумерках лишь половинка луны освещала его, приплясывая на верхушках волн. Набережная заканчивала дневные труды, начиналась ночь — пора развлечений. Ота не обращал внимания на суету, ел кусочки острой курятины с имбирем из бумажного кулька и не думал ни о чем.

У него было две медных полоски. Годы работы, годы попыток прижиться в этом городе, и вот с чем он остался: с двумя кусками меди. Хватит на пиалу вина, если не привередничать. Все остальное пропало: растрячено, выброшено, пущено по ветру. Зато ему это не в новинку. Внизу, под сваями, начинался прилив. До зари он опять склоняется.

Время пришло.

Ота прошел вдоль берега, бросил бумагу, пропитавшуюся куриным жиром и пряностями, в печь огнедержца, где та вспыхнула и обуглилась, осветив на миг лица прохожих, гревшихся у огня. Склады стояли запертые и темные, широкая Нантань обезлюдела. У дверей чайной жалостливо пела нищенка над коробкой для денег, в которой было втрое больше того, что осталось у Оты. Он бросил ей одну полоску меди — на удачу.

В веселом квартале начиналась самая обычная ночь. Все было как всегда: флейты и барабаны, ароматы благовоний и каких-то иных дымов, меланхоличные взгляды женщин, торгующих собой с низких балконов и из проемов окон. Только Ота будто пришел сюда впервые, из другого края. «Еще не поздно повернуть назад», — говорил себе Ота. Даже сейчас можно было отказаться и уйти, как он ушел из школы давным-давно. Уйти и назвать это силой воли или нравственной чистотой. Или безмятежностью камня. Всегда найдутся слова для оправдания, но сути они не изменят.

Проулок был там, где показал Бессемянный — почти незаметный в тенях окружавших домов. Ота ненадолго задержался у поворота. Где-то в глубине горел фонарь, ничего, кроме себя, не освещая. Мимо проковылял борец с разбитой в кровь головой. Два ткача на другой стороне улицы засмеялись, показывая на него пальцами. Ота шагнул в темноту.

Под ногами хлюпала грязь и нечистоты, словно он шел по илистому мелководью. Фонарь с каждым шагом делался ярче, хотя идти до него не пришлось: дверь, описанная андатом, нашлась раньше. Ота надавил на нее рукой. Доски были крепкими, замок — чугунным. Сквозь ставни пробивался свет. «Значит, внутри, — подумал Ота, — горит огонь. Значит, поэт там, в своем тайном убежище — скрывается от дворцовых красот и дома, доставшегося в придачу к ноше». Он осторожно подергал дверь, но та была заперта. Потом он поскребся, постучал, но никто ему не открыл. Можно было бы вломать замок ножом, поднять щеколду — пьяный этого даже не заметит. Но на улицах было еще слишком людно, а андат советовал приходить за полночь. Сейчас же свеча еще не прогорела до первой четверти.

— Хешай-кво! — громко окликнул Ота. Его голос прозвучал гулко среди каменных стен. — Отоприте!

Довольно долго никто изнури не отзывался, но потом полоска света вокруг ставней потемнела, щеколда тяжело звякнула и дверь, скрипя, отворилась. На пороге возникла приземистая темная фигура Хешая-кво. Его халат был мятным, волосы — всклокоченными, широкий рот неодобрительно кривился.

— Ты что тут забыл?

— Надо поговорить, — сказал Ота.

— Нам не о чем разговаривать, — отрезал поэт и шагнул назад, толкая дверь. — Ступай прочь.

Ота навалился на дверь со своей стороны — сначала поддал плечом, потом уперся спиной и ногами. Поэт с удивленным «ох» упал навзничь.

В доме было тесно, грязно и убого. Деревянная раскладушка стояла почти вплотную к очагу, пол усеивали пустые бутылки. С просевших потолочных балок на стены сползали потеки плесени. Пахло болотной гнилью. Ота закрыл за собой дверь.

— Ч-чего тебе надо? — промямлил поэт, бледнея от страха.

— Надо поговорить, — повторил Ота. — Бессемянный сказал мне, где вы скрываетесь. Он послал меня вас убить.

— Убить? — переспросил Хешай и вдруг хмыкнул. Его страх как будто улетучился. Казалось, ему даже смешно. — Убить меня. Боги...

Качая головой, он протопал к раскладушке и уселся на нее так, что холст затрещал. Ота встал между очагом и дверью, готовясь перехватить Хешая по пути, если тот бросится бежать. Хешай и не пытался.

— Стало быть, явился меня прикончить? Ну что же. Парень ты крепкий, а я старый, жирный и почти пьяный, поэтому много хлопот не доставлю.

— Бессемянный сказал, что вы были бы рады умереть, — произнес Ота. — Хотя, по мне, это он хватил. В любом случае я ему не марионетка.

Поэт хмуро посмотрел на него, щуря красные глаза от яркого пламени. Ота ступил вперед, сел, поджав ноги, как в школе, и сотворил жест обращения к учителю.

— Вы ведь знаете, что происходит. Насчет Амат Кян и ее выступления перед хаем. Вы должны знать, что за этим последует.

Медленно, словно нехотя, Хешай принял утвердительную позу.

— Бессемянный надеялся, что я убью вас и предотвращу этот кошмар. Я не убийца, — сказал Ота. — Только ставки... цена, которую заплатят невинные... и Маати... слишком высока. Я не могу этого позволить.

— Понимаю, — произнес Хешай. Потом он надолго замолк — только пламя потрескивало в тишине. Наконец поэт задумчиво потянулся куда-то вниз и поднял недопитую бутылку. Ота смотрел, как он пьет, слышал, как булькает в глотке. Вскоре раздалось:

— И как же ты намерен выйти из положения?

— Освободите андата, — сказал Ота. — Я пришел просить, чтобы вы дали Бессемянному волю.

— Вот так просто?

— Да.

— Не могу.

— А по-моему, можете.

— Я не сказал, что это невозможно. Боги, чего уж проще. Надо было бы только... — Он развел пальцы в жесте освобождения. — Однако мне это не под силу — вот что я хотел сказать. Сожалею, парень. Знаю, с твоей стороны все кажется просто, но это не так. Я поэт Сарайкета, а этого не отменишь, даже если очень устал. Даже если тебя разрывает изнутри. Даже если гибнут дети. Суди сам: если бы тебе пришлось выбирать — спасти город или подержать в руке горящую головню, ты бы потерпел. Если ты, конечно, приличный человек.

— А каким вы будете человеком, если позволите хаю мстить невинным людям?

— Я буду поэтом, — ответил Хешай с печальной улыбкой. — Тебе, молодому, не понять. Я держал эту головню, когда тебя еще на свете не было. И бросить не могу — потому что не могу. Слишком тесно со всем этим связан. Если остановлюсь хоть на миг, то стану никем и ничем.

— Мне кажется, вы ошибаетесь.

— Да. Да, я вижу, что тебе так кажется, но твое мнение здесь ничего не решает. Хотя ты ведь это предвидел, так?

Оте и до того было тягостно, а теперь будто камень в желудок упал. Он принял позу подтверждения. Поэт наклонился вперед и накрыл его руку своей широкой лапицей.

— Ты ведь знал, что я не соглашусь, — сказал он.

— Я надеялся...

— Но должен был попробовать, — одобрительно закончил Хешай. — Это говорит в твою пользу. Ты должен был попробовать. Не вини себя. Я не нашел в себе сил это прекратить — после стольких-то лет самого живого участия. Выпьешь?

Ота принял бутылку, глотнул и отдал. Вино оказалось крепким, с примесью чего-то еще, что оставляло травяной привкус в горлани. В животе разлилось тепло. Хешай, видя его удивление, рассмеялся.

— Забыл предупредить. Вино непростое — к телячим потрохам его не подают, но мне нравится. Оно меня усыпляет. А почему — прости за нескромный вопрос — наш общий знакомый решил, что ты пойдешь для него на убийство?

Слово за слово, Ота рассказал ему свою историю — свою тайну и Вилсинову, кто сбросил на Лиат черепицу и почему Матти обречен на страдания. Хешай внимательно слушал, время от времени кивая и задавая вопросы для пояснений. Когда всплыла тайна происхождения Оты, поэт только округлил глаза, но ни словом не отозвался. Он дважды протягивал бутылку, и Ота пил с ним вместе. Удивительно было облекать все в слова, слышать из собственных уст еще только наполовину обдуманные мысли, историю его судьбы, чужих судеб, рассказ о справедливости и предательстве, верности и переменах, которые море творит с человеком. Вино, страх, боль и тяжесть в груди Оты превратили старика поэта в его поверенного, исповедника, друга — пусть на один миг.

Ночная свеча прогорела почти до половины, когда Ота подытожил признание — свои мысли и промахи, тайны и неудачи. Об одном он пока не был готов упомянуть — о корабле, где на последнее серебро заказал два места, чтобы отплыть на юг перед рассветом. О маленьком кораблике с Запада, решившемся на

зимний торговый рейд в край, где море не покрывается льдом. О корабле для убийцы в бегах и его подручного. Эту тайну он придержал.

— Тяжело, — вымолвил поэт. — Тяжело. Маати — славный мальчуган. Несмотря на все. Просто еще молодой.

— Прошу вас, Хешай-кво, — сказал Ота. — Остановите это.

— Я не властен. И к тому же, если даже я позволю чудовищу ускользнуть, твоя знакомая владелица дома утеш наверняка потрясет всех своим рассказом. Следующий андат, которого прислал дай-кво, может оказаться не лучше. Или наш хай попросит помочь у других правителей, чтобы выступить от имени всех летних городов. Если меня убить, Маати спасется и твоя тайна останется при тебе, но Лиат... Гальты...

— Я думал об этом.

— В любом случае я уже стар для таких игр. Менять имена, меняться самому, примерять жизни, как халаты — занятие молодых. В моем возу слишком много прожитых лет, а с таким грузом сильно заносит на поворотах. Кстати, как бы ты стал это делать?

— Что делать?

— Меня убивать.

— Бессемянный советовал прийти перед рассветом, — сказал Ота. — Говорил, если взять шнур и затянуть тую на шее, вы не вскрикнете.

Хешай хмыкнул, на этот раз мрачно. Допил вино, оставил у изгиба горлышка гущу из черных листьев, потом пошарил под кушеткой, извлек новую бутыль, рывком откупорил и бросил пробку в огонь.

— Он слишком хорошего обо мне мнения, — произнес поэт. — Учитывая, сколько я выпиваю, уже к трем четвертям свечи меня можно будет кантовать, как ящик камней.

Ота нахмурился, и в тот же миг его будто холодной водой обдало, едва он понял весь смысл сказанного. Он так ужаснулся, что свело внутренности, но ни слова не выронил. Поэт смотрел

в огонь. Слабое, гаснущее пламя бросало отсветы на его печальные крупные черты. Оте вдруг захотелось обнять его или встряхнуть, но этот порыв скоро оставил его, как волна, которая, нахлынув, уходит обратно в море. Когда старый поэт поднял глаза, Ота увидел в них отражение собственной тьмы.

— Я всегда делал так, как мне велели, мой мальчик. А в на-граду получал совсем не то, чего ждал. Ты не убийца. Я поэт. Чтобы всех спасти, одному из нас надо измениться.

— Мне пора, — сказал Ота, поднимаясь на ноги.

Хешай-кво принял позу прощания, по-родственному теплую.

Ота ответил тем же. По щекам поэта и по его собственным текли слезы.

— Вам лучше закрыть за мной, — сказал Ота.

— Потом, — отозвался Хешай. — Если вспомню.

Смрадный стылый воздух переулка словно пробудил его ото сна или вывел из полудремы. В небе сквозь клочья и пальцы облаков, прозрачные, как вуаль, сиял полумесяц. Ота шел с поднятой головой, но не мог сдержать слез, как ни стыдился. Сейчас он станет убийцей. Глядя на себя со стороны, он видел внутри тоску и дегтярно-черный ужас, который разнился со страхом лишь отсутствием сомнений. Как его братья смогут, когда придет пора, восстать друг против друга, хладнокровно, в трезвом рассудке поднять руку на человека?

Дом утх Амат Кян сиял в ночи подобно другим заведениям этого рода. Звучали музыка, женский смех и проклятия игроков за столами. Богатства города перетекали из одних рук в другие, обращаясь в деньги и удовольствие. Ота знал: так будет не всегда. Он стоял посреди улицы и впитывал запахи, звуки, золотой свет и яркие вывески, радость и печаль веселого квартала. Завтра город изменится.

Стражник у двери узнал его.

— Бабушка хотела тебя видеть.

Ота словно со стороны смотрел, как его руки складываются в ответный жест, а губы — в обычную приятную улыбку.

— Где мне ее найти?

— На втором этаже, с девчонкой Вилсина.

Ота поблагодарил его и прошел внутрь. Общая комната не пустовала: несколько женщин ели и разговаривали за столами, а в нише стояла полуторальная черноволосая девушка, обрачивая вокруг груди полоску полупрозрачного шелка с видом торговки, придающей товарный вид треске. Ота окинул взглядом широкую грубо сколоченную лестницу в покой Амат Клан, к Лиат. На втором этаже было заперто. Он отвернулся и тихо поскребся в дверь другой комнаты, за которой при нем скрылась Мадж в ту ночь, когда они разговаривали.

Дверь приоткрылась, в проеме возникло лицо островитянки. Ее щеки были румяными, глаза лихорадочно блестели. Ота приблизился к ней.

— Прошу, нам надо поговорить!

Мадж подозрительно прищурилась, но через миг отступила назад, и Ота вошел в комнату и закрыл за собой. Мадж стояла, выпятив грудь и вздернув подбородок, словно ребенок перед дракой. Единственная лампа на столе освещала ее кровать, ручной ткацкий станок и кипу платья в ожидании стирки. В углу валялась опрокинутая винная пиала. Мадж была пьяна. Ота быстро это понял и счел, что так даже лучше.

— Мадж-тя, — сказал он. — Прости, но мне нужна твоя помощь. А я смогу удержать тебе.

— Я здесь жить, — ответила она. — А не работай. Я не из таких девиц. Уходи.

— Нет-нет, — поправился Ота. — Я пришел не за этим. Мадж, я могу сделать так, что твоя месть совершился нынче же ночью. Человек, который повелевает андатом. Тот, который отнял твое дитя. Я могу отвести тебя к нему.

Мадж нахмурилась и медленно покачала головой, не сводя глаз с Оты. Он тихо и быстро, в самых простых словах и нейтральных позах объяснил, что гальты служили орудием Бессемянному, что Хешай им управляет, и что он, Ота, может отвести ее к этому, если они уйдут без промедления. Она как будто оттаяла и смотрела с некоторой надеждой.

— Но потом, — добавил он, — ты должна позволить мне отвезти тебя домой. Я подготовил корабль. Он отплывает на рассвете.

— Я спросить бабушка, — сказала Мадж и направилась к двери. Ота преградил ей путь.

— Нет. Ей нельзя об этом знать. Она хочет наказать гальтов, а не поэта. Если ты ей расскажешь, тебе придется пойти с ней. Придется выступать перед хаем и ждать, что он решит. А я могу дать тебе отомстить сегодня. Но тогда ты должна будешь уйти от Амат и не видеть хая. Таково мое условие.

— Думать, я дура? Почему я должна верить? Зачем тебе это?

— Ты не дура. И мне можно верить, потому, что я могу исполнить твои желания: покончить с неизвестностью, отомстить и вернуться домой. Я делаю это затем, чтобы другие женщины не пострадали, как ты, и чтобы тварь, причинившая тебе зло, исчезла из мира.

«Затем, чтобы спасти Маати и Лиат. И Хешая. Затем, что это ужасно и вместе с тем правильно. И затем, чтобы наконец увезти тебя из этого дома».

Бледные полные губы Мадж дрогнули в полуулыбке.

— Ты кто, — спросила она, — человек или дух?

Ота принял позу недоумения. Мадж протянула руку и коснулась его, словно чтобы удостовериться в его телесности.

— Если ты человек, я уставать от обманов. Ты врать мне, и я убить тебя этими зубами. Если ты дух, может быть, тот, о ком я молить.

— Если ты молилась об этом, — сказал Ота, — значит, я ответ на твои молитвы. Только собирайся побыстрее. Нам пора, и обратно мы не вернемся.

На миг она заколебалась, но потом в ее глазах вспыхнул гнев, который Ота видел раньше — гнев с отчаянием. Его-то он и ждал, на него и рассчитывал. Мадж оглядела свою комнатушку, подобрала что-то вроде недотканного полотенца и сплюнула на пол.

— Больше ничего здесь не想要, — произнесла Мадж. — Ты вести меня сейчас. Показывай. Если не так, как сказал, я убить тебя. Ты не верить?

— Нет, — ответил он. — Верю.

Отвлечь стражника оказалось нетрудно — надо было только отослать его наверх поговорить с Амат. Да и охрана здесь стояла для защиты, а не против побега. За четыре-пять вздохов Ота вывел Мадж наружу. Еще дюжина — и они исчезли, скрылись в лабиринте уочек и подворотен веселого квартала.

Мадж держалась как можно ближе к Оте. Когда они проходили под уличными фонарями или факелами, он мельком поглядывал на нее, ошалевшую от свободы и жаркого гнева. Нужный им переулок был пуст. Ота толкнул дверь. Не заперта.

Маати шагнул за порог дома поэта. Ноги у него гудели, голова — еще больше. В доме было тихо, темно и холодно. Лишь единственный огонек ночной свечи стоял, как часовой, внутри стеклянного колпака. Свеча прогорела больше, чем наполовину, а значит, ночь была больше чем наполовину изжита. Маати рухнул на диван с вышитым покрывалом и с головой укрылся тяжелой тканью. Он обошел все чайные, расспросил всех знакомых, но Ота-кво точно канул в туманы пристани, превратился в воспоминание. Каждый шаг стал для Маати долгим странствием, каждая пядь лунной дуги вмещала целую жизнь. Свергнувшись под покрывалом, Маати думал, что быстро заснет, но желтый свет отвлекал его, будил, едва он прощался с прошедшим днем. Маати завозился, и платье сбилось комом под ребрами. Казалось, прошло полночи, прежде чем он сдался и сел. Импровизированное одеяло свалилось на пол. Однако на ночной свече было все так же меньше трех четвертей.

— Не спится — выпей вина, — раздался из тени на лестнице знакомый голос. — В продолжение традиции. Сколькоnochей наш благородный поэт провел рядом с лужей собственной рвоты, воняющей перебродившим виноградом...

— Умолкни, — вяло отозвался Маати. В нем уже не осталось сил, чтобы отбиваться от навязчивого внимания андата. Мало-помалу из темноты показались совершенные руки и лицо. Одет андат был в белое платье, бледное, как его кожа. Траурное одеяние. Бессемянный, как обычно, усился на второй ступеньке,

вытянул ноги и с улыбкой посмотрел на Маати — по обыкновению, ироничный, лукавый, лживый и печальный. Впрочем, что-то в нем чувствовалось необычное, какая-то скрытая сила, которую Маати не мог постичь.

— Я лишь хотел сказать, что тяжелую ночь можно сократить, если хочешь. И если не боишься последствий.

— Оставь меня в покое, — отозвался Маати. — Я не хочу с тобой разговаривать.

— А если я скажу, что заходил твой дружок с пристани?

У Маати перехватило дух, а сердце будто зажило собственной жизнью. Он принял позу вопроса.

— Обманули! — со смехом произнес Бессемянный. — Я просто проверял твои условия. Либо ты не хотел разговаривать совсем, либо были какие-то оговорки. Все чисто теоретически.

Маати покраснел от стыда и злости, схватил первое, что попалось под руку, и швырнул в Бессемянного. Оказалось, вышитой бисером подушкой. Она легко отскочила от коленей андата. Бессемянный принял позу раскаяния и вернул подушку на место.

— Я не хотел тебя обидеть, мой мальчик. Просто у тебя такой вид, словно кто-то украл твоего щенка, вот я и решил тебя развеселить. Теперь вижу, что зря. Прости.

— А где Хешай?

Андат замолчал, глядя в сторону, словно мог видеть сквозь стены и деревья и найти поэта, где бы он ни был. Его губы изогнулись в легкой улыбке.

— Далеко. В своем пыточном ящике. Как всегда, я полагаю.

— Здесь его нет.

— Нет, — бесхитростно отозвался андат.

— Мне нужно с ним поговорить.

Бессемянный уселся рядом с Маати на кровать и начал отстраненно его разглядывать. Траурное платье андата было не новым, хотя его очень давно не надевали. Покрой был простым, а ткань — грубой, не смягченной многочисленными стирками. Судя по тому, как оно висело, платье предназначалась кому-то

покрупнее андата. Хешаю оно было как раз впору. Бессемянный, видимо, проследил за взглядом Маати и осмотрел себя, точно впервые заметил, что на нем надето.

— Он заказал его по случаю смерти матери, — пояснил андат. — Когда еще учился у дая-кво. Новость до него дошла уже после похорон. А выбрасывать не стал, чтобы не пришлось покупать новое, когда кто-нибудь еще умрет.

— А с какой стати ты его надел?

Бессемянный пожал плечами и развел руки, обозначая все и ничего разом.

— Из уважения к мертвым. Зачем же еще?

— Все бы тебе издеваться, — сказал Маати. От усталости у него еле язык ворочался, но спать хотелось не больше, чем по возвращении. Его словно лихорадило. — Ничего святого.

— Неправда, — возразил андат. — Пусть для меня это игра, но я отношусь к ней серьезно.

— О боги. Неужели Хешай-кво тебя так создал, чтобы ты всегда нес околосицу? С тобой говорить, что с дыром.

— Я могу отвечать прямо, если тебе так хочется. Спрашивай, о чем пожелаешь.

— Мне не о чем тебя спрашивать, а тебе нечему меня учить, — Маати встал. — Я иду спать. Все равно завтра хуже быть не может.

— Возможность — штука пространная, мальчик мой. «Не может быть» — слова зашоренного ума, — произнес Бессемянный у него за спиной, но Маати не обернулся.

В комнате юноши было холоднее, чем в гостиной. Он зажег огонь в жаровне, забрался под шерстяные одеяла, скинул туфли и попытался заснуть. В мозгу у него мелькали картины и ощущения минувшего дня: отчаяние Лиат и тепло ее прикосновений, последние слова Оты-кво и рвущаяся из них боль. Только бы разыскать его, поговорить еще раз...

В полудреме Маати начал вспоминать места, где бывал ночью — вдруг что-то просмотрел. Представляя себе ночные улочки Сарайкета, он понял, что движется по ним уже во сне: за переулком — переулок, за площадью — площадь, пока не оказался

в местах, какие существовали только в его разочарованном, отчаявшемся воображении. И все это время он понимал, что видит сон, но не спит.

Маати отпихнул одеяла, задыхаясь от невидимого гнета. Маленькая жаровня не грела, и вскоре холод привел его в сознание. Он лежал в темноте и плакал. Когда и это не принесло облегчения, он встал, переоделся в свежее и спустился в гостиную.

Андат разжег в очаге пламя. Над огнем висел медный котелок с вином, наполняя комнату густым ароматом. На коленях у Бессемянного лежала книга в коричневом переплете — книга, где говорилось о его собственном создании и ошибках создателя. Маати подошел к огню и стал греть ноги. Андат не оглянулся. Когда он заговорил, голос звучал устало.

— Спирт выветрился. Можно пить, сколько влезет, и не опьянеть.

— А в чем тогда смысл?

— В приятности. Хотя вкус будет крепковат. Я думал, ты спустишься раньше. Если долго его кипятить, загустеет.

Маати повернулся к андату спиной, взял старый медный черпак и наполнил себе чашу. Когда он отхлебнул, вино оказалось горячим, терпким и действительно приятным.

— Хорошее, — произнес он.

Зашелестела бумага — Бессемянный за его спиной закрыл книгу. Повисло такое долгое молчание, что Маати невольно оглянулся. Бессемянный сидел неподвижно, как статуя. Дыхание не тревожило его одежду, лицо ничего не выражало. Потом грудь андата поднялась, вбирая воздух, и он произнес:

— А что бы ты сделал, если бы его нашел?

Маати поджал под себя ноги и подул на вино, а потом ответил:

— Попросил бы прощения.

— Считаешь, ты его заслужил?

— Не знаю. Наверное, нет. Я поступил плохо.

Бессемянный хмыкнул, подался вперед и переплел длинные изящные пальцы.

— Ну еще бы, — произнес он. — Разве просят прощения за что-нибудь хорошее? Но скажи-ка, раз уж мы затронули

тему наказания и милосердия, зачем просить того, чего не заслужил?

— Ты говоришь, как Хешай-кво.

— Конечно, а ты уходишь от ответа. Если не нравится вопрос, попробую задать другой. Ты простишь меня? Я знаю, что поступил дурно. Так сделаешь ли ты для меня то, что хочешь получить от другого?

— А ты бы хотел?

— Да, — ответил андат на удивление жалобно. Маати никогда раньше не замечал в нем такого чувства. — Да, я хочу получить прощение.

Маати отпил вина, а после покачал головой.

— Чтобы ты опять принялся за свое? Будь у тебя возможность, ты бы предал все и вся, чтобы ранить Хешая-кво.

— Ты так думаешь?

— Да.

Бессемянный склонил голову, коснувшись волосами рук.

— Наверное, ты прав, — сказал он. — Хорошо, тогда такой вопрос. Ты простишь бы Хешаю-кво его недостатки? Как безалаберного учителя, как поэта, который сотворил такое опасно ущербное существо, как я? Верно, он неполноценен во всем, какое качество ни возьми. Разве он заслуживает милосердия?

— Может быть, — ответил Маати. — Он не хотел того, что случилось.

— А, значит, раз я действовал преднамеренно, то он виноват меньше?

— Да.

— Выходит, ты забыл, что мы друг для друга — я и он. Но довольно об этом. Если бы твой любезный грузчик — кстати, ты назвал его Ота-кво, надо быть осторожнее — так вот, если бы твой Ота-кво сделал бы что-нибудь дурное, совершил или помог совершить преступление, ты спустил бы это ему с рук?

— Ты знаешь... откуда?

— Я знаю об этом уже много недель. Пусть это тебя не тревожит. Я никому не рассказывал. Отвечай на вопрос: ты бы упрекнул его в грехах так же, как упрекаешь меня?

— Нет, вряд ли. Кто тебе сказал, что Ота...

Бессемянный откинулся в кресле и принял позу победоносности.

— А какая между нами — грузчиком и андатом — разница, если ты отмечашь его грехи и не прощаешь моих?

Маати улыбнулся.

— Ты — не он.

— И его ты любишь, — добавил андат.

Маати ответил жестом утверждения.

— А любовь важнее справедливости, — закончил Бессемянный.

— Иногда — так.

Андат улыбнулся и кивнул.

— Какая жуткая мысль, — проговорил он. — Что любовь идет рука об руку с несправедливостью.

Маати пожал плечами. Андат в ответ снова взял коричневую книгу и принялся шуршать рукописными страницами, словно что-то искал. Маати зажмурился и вдохнул пары вина. Ему стало так спокойно, словно сон — настоящий сон — был уже недалеко. Он медленно покачивался в кресле, невольно попадая в ритм с сердцебиением. Но смутное ощущение тревоги разбудило его, и он, не открывая глаз, произнес:

— Не говори никому об Оте-кво. Если его семья узнает...

— Не узнает, — сказал андат. — По крайней мере, не от меня.

— Я тебе не верю.

— На этот раз можешь поверить. Хешай ведь старался быть хорошим учителем. Ты это знаешь? Несмотря на все те гадости, которые мы позволяли себе в своей междоусобице, ты был принят в наш дом, и...

Андат вдруг осекся. Маати открыл глаза. Бессемянный не смотрел ни на него, ни в книгу. Его взгляд был устремлен на юг, как будто что-то по ту сторону стен, деревьев и расстояний привило его и не отпускало. Маати невольно проследил за ним, но, кроме стен, ничего не увидел. Когда андат обернулся, его лицо светилось восторгом.

— Что случилось? — спросил Маати, леденея от дурного предчувствия.

— Ота-кво, — сказал Бессемянный. — Он тебя простили.

Горела единственная свеча, отмеряяочные часы. На кушетке, где Ота его и оставил, спал поэт. Его лицо в тусклом свете казалось выцветшим. Он спал с разинутым ртом, дыша глубоко и ровно. Мадж опустилась рядом с ним на колени, всмотрелась. Ота закрыл дверь.

— Он это, — глухо сказала Мадж. — Тот, что поступай так со мной. С моим ребенком.

Ота вышел вперед, стараясь не греметь бутылками на полу и двигаться бесшумно, чтобы не разбудить спящего.

— Да, это он.

Мадж молча вытащила из рукава нож — кинжал с длинным, с ладонь, лезвием, но уже пальца. Ота тронул ее за руку и покачал головой.

— Нет, — сказал он. — Надо тихо.

— А как тогда?

Ота пошарил в рукаве и достал шнур. Он был совсем тонкий, сплетенный из бамбукового волокна, зато такой крепкий, что выдержал бы вес Оты и не лопнул. Концы шнура заканчивались деревянными ручками, чтобы он не врезался в пальцы, если его затянуть. Оружие подлеца. Ота смотрел на свои руки, как на чужие. Тяжесть в животе разлилась, заполнила его изнутри, выплыла в мир и оторвала от всего сущего. Он был словно кукла, которую дергали за невидимые нити.

— Я держать его, — сказала Мадж. — Ты делай.

Ота посмотрел на спящего, не чувствуя ни ярости себе в помощь, ни ненависти в оправдание. На миг ему захотелось все бросить, разбудить поэта или позвать стражу. Было бы так просто, даже сейчас, повернуть назад. Мадж как будто прочла его мысли. Ее неестественно-светлые глаза смотрели на него.

— Ты делай, — повторила она.

«Он готов сам напороться на нож...»

— Ноги, — сказал Ота. — Я разберусь с руками, а ты держи ноги, чтобы не брыкался.

Мадж подобралась так близко к кушетке, что, казалось, была готова забраться на нее рядом с Хешаем, и занесла руки над бугром его коленей. Ота свернул из шнура петлю, чтобы набросить поэту на голову, нащупал выемки на рукоятках. Шагнул вперед. Звон опрокинутой бутылки громом разорвал тишину. Поэт покачнулся и сонно приподнялся на локте.

Руки Оты точно ждали этой команды. Он молниеносно набросил петлю и затянул. Тихая возня Мадж, налегшей поэту на ноги и давящей, тянувшей его вниз, осталась где-то далеко. Поэт тянулся руками к горлу, пытаясь ухватить шнур, который почти исчез, врезавшись в кожу. У Оты плечи горели от напряжения, пальцы свело, но он изо всех сил продолжал тянуть. Лицо поэта побагровело, губы стали почти черными. Ота закрыл глаза, но хватки не умерил. Сопротивление поэта слабело, движения рук, тянувшихся к удавке, превратились в мягкие шлепки младенца, а потом и вовсе утихли. В темноте сомкнутых век Ота продолжал тянуть, боясь, что если он остановится слишком рано, придется начинать все заново. Где-то зажурчало и запахло испражнениями. Спина Оты напряглась, как тетива. Он сосчитал дюжину вздохов, потом еще полдюжины и открыл глаза.

Мадж стояла в изножье кровати. Ее платье было измято, на щеке расцветал кровоподтек, но в остальном она была безмятежна, как статуя. Ота отпустил шнур, еле расцепив пальцы. Он старался держать голову прямо, чтобы не видеть тела. Что угодно, только не это.

— Все кончено, — произнес он дрогнувшим голосом. — Нам пора.

Мадж что-то ответила, но не ему, а мертвому, лежащему между ними. Ее речь была текучей, прекрасной и совершенно непонятной. Потом она повернулась и торжественно, почти царственно вышла из комнаты, оставляя Оту позади. Он замешкался в дверях: желание оглянуться боролось со страхом. Он не знал, ужасаться ли содеянному или вздыхать от облегчения. Ему не хотелось уходить, не простившись с Хешаем — это было бы грубостью.

— Спасибо, Хешай-кво, — произнес он наконец и принял позу ученика, который обращается к уважаемому учителю. Через несколько вздохов он опустил руки, вышел и закрыл за собой дверь.

Воздух в проулке был колким от холода и влажным в преддверии дождя. На какой-то краткий миг Оте почудилось, что он один, что Мадж его бросила, но, не успев испугаться, он нашел ее по звуку. Мадж рвала. Она стояла, перегнувшись пополам над сточной канавой, плакала и сплевывала. Ота положил ей руку на плечо и гладил, мягко и ободряюще, пока ей не полегчало. Когда она встала, он кое-как оттер ее платье и вывел на улицу, а затем к западу, до самой пристани, и прочь из Сарайкета.

— О чём это ты? — спросил Маати. — Как Ота-кво...

И осекся, потому, что в этот миг Бессемянный издал нечто похожее на вздох и исчез, оставив после себя лишь пустую одежду и запах дождя.

20

3

Утро началось как любое другое, пока не подоспела новость. Едва Лиат ее услышала в гудении общей комнаты — Мадж исчезла, поэт убит, — она бросилась к дворцу, забыв о собственной безопасности, если в этот миг где-то могло быть безопасно. Когда она перебежала через мост над водой, бурой от опавшей листвы, бока у нее болели, а в раненой руке с каждым ударом сердца отдавалась боль.

Лиат не знала, что сказать, как передать Маати услышанное. Когда она открыла дверь, нужда отпала сама собой.

Удобная изысканная мебель была отодвинута к стенам, ковры — скатаны, так что середина комнаты осталась голой, словно поляна в лесу. В воздухе пахло дождем и дымом. Маати, одетый в кое-как подвязанное церемониальное платье, стоял на коленях посреди круга. Его лицо было бледным, волосы — всклокоченными. Перед ним лежала раскрытая книга в кожаном переплете, исписанная красивым почерком. Маати читал ее вслух. Его тихий, гулкий речитатив отражался от стен, дробился и несся обратно к нему, сложный, как музыка. Лиат зачарованно смотрела, как Маати шевелит губами и раскачивается взад-вперед, творя странные жесты. Внезапно что-то похожее на ветер коснулось ее, не задев платья. В комнате чувствовалось чье-то присутствие, словно в хайском дворце, только тысячекратно усиленное и бесконечно далекое от человеческого.

— Прекрати это! — выкрикнула она, едва поняв, что происходит. — Прекрати!

Лиат бросилась вперед, преодолевая сопротивление невидимой силы. На нее дохнуло как из горнила, только не жаром, а чем-то другим. Маати как будто услышал ее краем уха. Он повернул голову, открыл глаза, и нить заклинания прервалась. Отголоски зазвучали вразнобой и начали гаснуть, словно аплодисменты, редеющие до жидких хлопков. И вот уже в комнате стало тихо и пусто, не считая их двоих.

— Это невозможно! — сказала Лиат. — Ты же сам говорил, это почти то же самое, что Хешай делал прежде. Сам говорил, что ничего не получится. Твои слова, Маати!

— Я должен попробовать, — ответил он. Это звучало так просто, что Лиат не нашлась, что возразить. Она просто осела перед ним, поджав ноги. Маати моргал, как в полусне.

— Должен попробовать. Если не медлить, то может быть... если попытаться сейчас, вдруг Бессемянного еще можно вернуть... Я смогу перехватить его, пока Хешаев труд не совсем...

Прозвучавшее имя поэта вывело Лиат из оцепенения. Оно подсказывало ей, о чем говорить. Лиат взяла Маати за руки. Он слегка скривился, словно от боли, и она немножко разжала пальцы, но не отпустила его.

— Хешай умер, Маати. Его больше нет. И сколько бы ни прошло — час, день или год, — живее не станет. А Бессемянный... его уже нет. Их обоих нет.

Маати закачал головой.

— Не верю, — сказал он. — Я понимаю Хешая лучше, чем кто-либо. Я знаю Бессемянного. Еще недавно они были здесь. Времени у меня мало, но если мне удастся...

— Уже поздно, Маати. Уже слишком поздно, и сделать это — все равно что кинуться в реку. Ты умрешь. Ты сам мне так сказал. Сам. Если поэту не удается воплотить андата, он погибает. А это... — она кивнула на открытую книгу, написанную умершим, — ...это тебе не поможет. Ты сам так сказал.

— Теперь все изменилось, — сказал он.

— Каким образом?

— Таким, что я должен попробовать. Я поэт, любимая. Вот кто я такой. И ты не хуже меня знаешь, что замены Бессемянному нет.

— Нет так нет.

— Значит, Сарайкет...

— Сарайкет — просто город, Маати. Дороги, дома, люди, склады, статуи. Он тебя не знает. Он тебя не любит. А я люблю. Прошу, не делай этого!

Маати мягко, осторожно высвободил руки. Когда он улыбнулся, в его лице было столько же нежности, сколько печали.

— Тебе пора, — сказал он. — А мне нужно закончить начатое. Если выйдет, как я хочу, мы скоро встретимся.

Лиат встала. Комната расплывалась сквозь пелену слез. Лиат бросило в жар, но не от грусти, а от негодования, подогреваемого болью.

— Можешь губить себя, если хочешь! — выпалила она. — Давай, погибни сейчас, и может, тебя даже назовут героем. Но мне будет виднее!

Она развернулась и скрепя сердце вышла. На ступеньках Лиат остановилась. Солнце холодно сияло в голых ветвях. Она зажмурилась, готовясь вот-вот услышать мрачный, неестественный речитатив. Вороны прыгали с ветки на ветку и вдруг, как по сигналу, снялись и полетели на юг. Лиатостояла почти полладони, чувствуя, как холод давит на нее со всех сторон.

Она гадала, сколько еще сможет ждать. Спрашивала себя, где сейчас Итани и знает ли он, что случилось. Простит ли когда-нибудь ее за любовь к другому. Лиат стала жевать щеку, пока та не заболела.

Сзади скрипнула дверь. Вышел Маати, запихивая книгу в рукав. Выглядел он подавленно.

— Что ж, — произнес он, подходя к Лиат, — придется мне вернуться к даю-кво и сказать, что я не оправдал надежд.

Она шагнула вплотную к нему, прильнула к плечу головой — теплое. А может, она слишком долгоостояла на холоде. На мгновение Лиат вспомнила объятия Итани и запах его кожи.

— Спасибо, — сказала она.

Со дня смерти поэта минуло три недели. Дольше город не мог затаивать дыхание. Напряжение еще оставалось, как и страх, и неуверенность. Амат видела их на лицах и в позах прохожих, слышала в громком деланном смехе, в ругани пьяниц на улицах веселого квартала. Однако первое потрясение сходило на нет. Время, застывшее от внезапной утраты андата, снова двинулось вперед, и это выманило Амат из убежища — дома утх — в город. Ее город.

В седине зимнего тумана улицы походили на воспоминания — вот из мглы выплывал знакомый фонтан, обретал форму и вес. Резные фигуры корабля и рыбы, орла и лучника отливали каменным глянцем, а стоило удалиться — блекли, серели и наконец смешивались с темнотой и обращались в ничто. Амат задержалась у прилавка на набережной, купила кулек жареного миндаля, покрытого бурым сахаром. Женщина, которой она отдала полосу меди, приняла позу благодарности. Амат пошла к кромке воды, разглядывая прячущиеся под парапетом волны, вдыхая привычную смесь запахов соли и пряностей, курений и отбросов. Она резко подула на сладости, чтобы остыть их, как когда-то в детстве, и приготовилась к последней встрече. Опустошив кулек, Амат смыла его и уронила в море.

Дом Вилсинов одним из первых показал своей бурной деятельностью, что сулит новое будущее. Еще не дойдя до имения, Амат встретила несколько повозок, мчащих в противоположную сторону. Склады стремительно опустошались, товары отправляли в Галт или Западные земли. Людские очереди, стекающиеся к знакомому подворью, напомнили Амат дорожки муравьев вокруг куска сахара. Она задержалась перед Древом гальтов, прозрительно оглядела его и... нашла забавным, чем удивила саму себя. Видимо, ей тоже оказалось не под силу задерживать дыхание целых три недели.

— Амат-тя?

Она обернулась. Во дворе стоял Эпани, тщедушный домоправитель Вилсина, который стал распорядителем после нее. Он сложил руки в позе приветствия, хотя на его лице застыла

неловкость. Амат ответила сообразно, только более изящно и вежливо.

— Передай, что я хочу с ним поговорить, хорошо?

— Он не... то есть...

— Эпани-тя. Ступай, скажи ему, что я здесь и хочу с ним поговорить. Я не спалю дом в твое отсутствие.

Видимо, укол подействовал, и Эпани ушел в темные недра дома. Амат подошла к фонтану и стала слушать журчание воды, точно голос старого друга. Кто-то, вдруг заметила она, выловил из него все медные полоски, брошенные на счастье. Дом Вилсинов ничего не оставлял позади.

Эпани вернулся и молча провел ее знакомыми коридорами в комнаты для личных встреч. Там было все так же темно, если не считать света от крошечного окошка и теплого, оранжевого пламени лампы. За столом сидел Марчат Вилсин. Его лицо, подсвеченное с разных сторон, как будто принадлежало двум людям. Амат сложила позу приветствия и благодарности. Марчат неловко, почти неуверенно, ответил простой позой радушия.

— Не ждал, что увижу тебя снова, — промолвил он осторожно.

— Однако я здесь. Вижу, слухи верны: Дом Вилсинов и впрямь подался в бега. А как же репутация? Могут подумать, что ты струхнул, Марчат-тя.

— Так и есть, — спокойно ответил Вилсин, точно они обсуждали цены на краску. — В Сарайкете стало слишком опасно вести дела. Дядя вызывает меня домой. Должно быть, на него снизошло прозрение, и он испугался. То, что к весне мы вывезти не сможем, распродаем себе в убыток. Дому нужны будут годы, чтобы оправиться. И, конечно, я отплываю на последнем корабле. Ты пришла сказать, что готова выступить перед хаем?

Амат приняла позу, требующую пояснения, более небрежную, чем надо бы. Она подразумевала иронию, и Марчат, судя по робкой усмешке, догадался об этом.

— Мое положение несколько пошатнулось с тех пор, как жертва, которой предстояло тронуть сердца утхайема, убила поэта и уничтожила город. Во мне начали сомневаться.

— Так это все-таки она?

— Наверняка не знаю. Похоже на то.

— Я бы посочувствовал, но...

Амат не считала лет, потраченных с Вилсином за разговорами, будь то утренние встречи в бане или беседы во время прогулок. Она их ощущала всем телом, как старую привычку. Амат села, тяжело вздохнула и покачала головой.

— Я сделала, что могла, — произнесла она. — А теперь... кто мне поверит? И что это изменит?

— Кто-нибудь, может, и поверит. Из других хасев.

— Если бы ты так думал, твои молодцы меня бы уже удавили.

Вилсин помрачнел. В уголках его глаз спряталась не то боль, не то печаль.

— Мне это было бы неприятно.

Прозвучало очень правдиво, но Амат рассмеялась. А может, как раз поэтому рассмеялась.

— Лиат Чокави еще у тебя? — спросил Марчат и тут же изобразил позу благих намерений. — Просто у меня ее старые вещи — целый ларь. Ну, и еще пара мелочей там завалялась. Извинением это не назовешь, и все же...

— К сожалению, нет, — ответила Амат. — Хотя я предлагаала ей место. Боги свидетели, мне бы пригодилась помощь знающего человека. Она ушла с учеником поэта. Похоже, они — друзья сердца.

Марчат хмыкнул.

— Тоже мне парочка! — промолвил он с удивительно мягкой иронией.

— Вели Эпани подать нам чая, — предложила Амат. — Хоть будет польза. А потом поговорим о делах.

Марчат сделал, как она просила, и вскоре Амат уже держала в руках прелестную чашечку и дула на горячий чай. Марчат налил и себе, но пить не стал. Он сложил руки и оперся на них бородой. Амат чувствовала, что он замолчал не нарочно — просто не знал, что сказать. Значит, первый ход был за ней.

— Мне кое-что от тебя нужно, — сказала она.

— Сделаю что смогу, — отозвался он.

— Нантаньские склады. Я хочу снять их у Дома Вилсинов.

Марчат откинулся назад и склонил голову набок, словно пес, услышавший новый звук. Потом принял позу вопроса. Амат отпила чай, но тот был еще слишком горяч, и она поставила чашку на стол.

— Поскольку андат нас покинул, я собираюсь вложить средства в Дом чесальщиков. Мне удалось разыскать десятерых человек, которые прочесывали хлопок при прошлом андате. Они хотят быть десятниками. Первые договора всегда идут сложно. Есть люди, которые желают вложить свои средства, при условии, что я найду помещение. Кроме того, их беспокоит, что я плохо рассталась с предыдущим работодателем. Если ты сдашь мне склады, я разом решу оба вопроса.

— Но Амат...

— Я проиграла, — сказала она. — И ты это знаешь. Я сделала все, что могла, но события повернулись против меня. Теперь мне остается либо упорствовать с обвинением, убеждать тех, кого могу убедить ценой последнего доверия к себе, либо затеять новое дело. Основать законное предприятие, сплотить город, помочь ему залатать раны, насколько это возможно. Помирить тех, кто считает себя соперниками. Однако на два фронта меня не хватит. Нельзя, чтобы обо мне отзывались, как о старухе, которая шарахается от теней, пока я буду уговаривать ткачей и канатчиков, извечных врагов, пожать друг другу руки.

Марчат Вилсин поднял брови. Амат видела, как он на нее смотрит: словно вина и ужас, угрозы и предательство на миг забылись, и они снова вступили в игру под названием «купи-продай», где им не было равных. У Амат скалось сердце, но она это утаила, как Вилсин таил от нее свои чувства. В лампе затрещало пламя, так, что вздрогнул абажур, и снова загорелось ровным светом.

— Ничего не выйдет, — произнес наконец Вилсин. — Им дороже предрассудки и старинные союзники. Они найдут способ куснуть друг друга исподтишка, даже пожимая руки. Хочешь, чтобы они мирно трудились на благо города? В Западных землях или в Гальте это еще прошло бы, но здесь... Твоя затея обречена.

— Я не из тех, кто сдается заранее, — ответила Амат.

— Просто помни, что я тебя предупредил. А сколько ты предлагаешь за склады?

— Шестьдесят полос серебра в год и пять сотых прибыли.

— Ты ведь понимаешь, что это мало до неприличия.

— Не забывай: мне еще придется утаивать планы Гальтского Совета касательно устраниния андата. Поэтому цена уже справедливая, но надо же соблюсти видимость сделки, ты так не считаешь?

Марчат задумался. Едва заметный изгиб губ, намек на улыбку, подсказал ей то, что она хотела знать.

— И ты впрямь решила сделать на этом прибыль? Вычесывать семена из хлопка — работа не из приятных.

— У меня всегда найдутся женщины, желающие уйти с еще более мерзкой работы, — сказала Амат. — Думаю, мы сможем помочь друг другу.

— А если я соглашусь, — продолжил Марчат, неожиданно смягчившись и сворачивая с проторенной колеи, — будет ли это значить, что ты меня простила?

— По-моему, прощения изжили себя, — ответила она. — Мы заложники собственного долга. Вот и все.

— Ладно, бывают ответы и хуже. Что ж, по рукам. Эпани составит договоры. Отнести их в твое гнездо разврата?

— Да, — ответила Амат. — Было бы замечательно. Спасибо, Марчат-тя.

— Это меньшее, что я мог сделать, — отозвался он и допил оставшающий чай. — И скорее всего, наибольшее. Мой дядя едва ли оценит этот жест. В Гальте дела ведут отнюдь не так тонко, как в городах Хайема.

— Потому, что ваша культура только-только вылупилась, — заявила Амат. — Когда у вас за плечами будет тысяча лет Империи, вы будете глядеть на мир иначе.

Марчат кисло посмотрел на нее и налил себе еще чая. Амат подвинула к нему свою чашку, и он наклонился, чтобы ее наполнить. Носик чайника звякнул о тонкий фарфор.

— Будет война, — проговорила Амат после долгого молчания. — Между моим народом и твоим. Рано или поздно будет.

— Гальт — странное место. Я так долго там не был, что не знаю, впишусь ли теперь. Мы неплохо преуспели в войнах. За последнее поколение почти вдвое расширили пахотные земли. Веришь ли, у нас есть места, не уступающие городам Хайема. Только мы добиваемся этого самыми безжалостными и бесчеловечными методами. Тому, кто не бывал в Гальте, не понять. Там совсем иначе, чем здесь.

Амат приняла позу настойчивости, дожидаясь ответа на свои слова. Марчат испустил долгий свистящий вздох.

— Да. Когда-нибудь будет война. Но не при нашей жизни.

Амат жестом поблагодарила его за слова. Марчат повертел в пальцах чашку.

— Амат, перед уходом... возьми письмо. Я написал его, когда думал, что ты вот-вот огласишь обвинение, что Гальт и меня ожидает расплата. Хочу, чтобы оно было у тебя.

У него, как у мальчишки, все отпечаталось на лице. Амат не доумевала, как он мог быть таким осторожным и хитрым в делах и таким неуклюжим в любви. «Если он сейчас продолжит, — подумала она, — то потом предложит мне работу в Гальте». И ей, несмотря ни на что, будет жаль отказаться.

— Пусть пока полежит у тебя, — сказала она. — Я заберу его в свое время.

— И когда же?

Амат мягко ответила, стараясь его не обидеть и в то же время выразить печаль. Уж очень много оба потеряли...

— Потом. Когда закончится война. Тогда и отдашь.

Ота спал и видел себя в людном месте — не то на углу улицы, не то в бане, не то на складе. Вокруг царило оживление, разговоры прохожих сливались в приятный гул. Вдруг он оторопел: в толпе ходил Хешай-кво и говорил, как живой, но все же был мертвым. Во сне это не на шутку пугало.

Ота вскочил, хватая ртом воздух. Кругом было темно, как в погребе. Только когда сердце немного успокоилось и прошла

одышка, скрип корабельных досок и стук волн в борта напомнил ему, где он находится. Ота прижал ладони к глазам, пока в них не замелькали круги. Снизу Мадж что-то пробормотала сквозь сон.

Трюмная кабинка была крошечной — высоты едва хватало для двух гамаков, не говоря о том, чтобы встать в полный рост, — и такой тесной, что, разведя руки, можно было коснуться противоположных стен. Жаровни в ней не было, поэтому спать приходилось одетыми.

Ота осторожно спустился, чтобы не потревожить Мадж, и оставил этот гроб, вместилище кошмаров, ради палубы, луны и свежего ветра. Его встретили трое палубных караульных. Ота улыбнулся и, как его ни тянуло уединиться, побрел навстречу. Пара фраз, пущенная по кругу бутылка, сальная шуточка — такой малостью покупалось расположение людей, которым он доверил судьбу. Много времени это не отняло, и скоро он мог удаляться в тихое место у борта и смотреть на невидимый горизонт, где туман над водой стирал черту между морем и небом. Ота сел, облокотившись на вытертый борт, и стал ждать, пока сон не выветрится из головы. Как каждую ночь. В полсвечи караул смешился, и снова надо было изображать дружелюбие. Пора любопытных или тревожных взглядов, которые Ота ловил на себе в первые ночи на палубе, миновала. Люди к нему привыкли.

Мадж вышла на палубу где-то в три четверти свечи, хотя ночью море зачастую творило со временем странности. Иногда Оте казалось, что он смотрит на темные волны и дробящийся лунный свет уже недели.

Бледная кожа Мадж почти сияла в холодных лучах. Она озирала бескрайние просторы вод с видом хозяйки. Ота смотрел, как она отыскивает его взглядом, подходит ближе. Никто из моряков с ней не разговаривал, хотя по меньшей мере один владел ниппуанским. Мадж села на палубу, скрестив ноги. Ее глаза выглядели почти бесцветными.

— Сны? — спросила она.

Ота ответил утвердительной позой.

— Если бы был ручной станок, ты бы ткать, — сказала она. — Занял ум настоящим. Тебя ест прошлое.

— Справлюсь, — отозвался он.

— Ты грустный по дому. Я знаю. Я вижу.

— Наверное, — согласился Ота. — Я все думаю, правильно ли мы поступили.

— Думай нет?

Ота опустил взгляд на воду. Что-то вырвалось на поверхность и снова исчезло в глубине. Он не успел разглядеть, что.

— Вряд ли. Я думаю, мы сделали, что смогли. Но вот это дело... Правильно ли мы поступили?

— Убийство, — поправила Мадж. — Называй своим именем. Не «это дело». Когда прячешь имена, даешь им власть.

— Меня беспокоит, правильно ли мы сделали, что... убили его. По ночам я об этом думаю.

— А если вернуться назад, сделай по-другому, ты бы сделал?

— Нет, я поступил бы так же. Это тоже меня волнует.

— Ты слишком долго жить в городах, — заметила Мадж. — Тебе было лучше уехать.

Ота промолчал, хотя мог бы поспорить. Ночь тянулась к рассвету. Еще неделя, и они достигнут Квиана, самого южного из Восточных островов. Груз — тонкие ткани и канаты Сарайкета, пряности и кованые изделия прочих городов Хайема — поменяют на жемчуг и перламутр, шкуры необычных островных животных и красочные птичьи перья. Спустя недели корабль начнет принимать на борт рыбу и сущеные фрукты, лес, соленую дранку и рабов. И лишь с первыми днями весны, спустя несколько недель, через десять портов, они достигнут Ниппу.

Заработок от долгих лет на пристани, подарки и деньги от Маати на поездку к даю-кво — все, что у него было — Ота вложил в это плавание. Он гадал, что будет делать дальше, когда попадет на Ниппу, когда доставит Мадж в целости и сохранности родным. Когда она вернется домой ни с чем, кроме воспоминаний о кошмаре. Без ребенка.

«Можно было бы поработать на кораблях», — подумал Ота. Он уже был готов к простому грубому труду вроде сворачивания канатов или мытья палубы. Вернуться бы только в летние города, хотя... В мире множество открытых путей для того, у кого

ничего не осталось. Его, как и сказала Мадж, обступило прошлое, потому что он отбросил настоящее.

— Ты думать о ней, — произнесла Мадж.

— Что? А, о Лиат? Нет, не очень. Сейчас — нет.

— Ты оставить ее — свою любимую. Ты сердиться из-за нее и того мальчика.

Оту кольнула досада, но ответил он вполне спокойно.

— Они причинили мне боль, и все же я по ним скучаю. Хотя...

— Это освободить тебя, — закончила Мадж. — Для меня тоже так. С ребенком. Я боялась, когда первый раз поехала в города. Думать, никогда не подойду, никогда не приживусь. Никогда не стану хорошая мать без моей итиру, которая рассказать, как растить меня маленькую. Боялась много. И что? Ничего. Потерять все — не самое плохое, что есть.

— Это значит начать все заново, с чистого листа, — понял Ота.

— Точно так, — согласилась Мадж и добавила чуть погодя: — Начать заново и сделать лучше.

Они сидели и молча смотрели, как невидимое солнце освещает край моря и неба. Едва над водой взошел рассветный пламень, молочно-белая кружевная дымка сгорела, и вот уже вся команда корабля высыпала на палубу поднимать паруса. Зазвучали песни, окрики, топот босых ног.

Ота поднялся, разминая затекшую спину, Мадж отряхнулась и тоже встала. Пока снаружи закипала работа, Ота спустился вслед за Мадж в трюм, где надеялся усыпить совесть и отдохнуть еще ладонь-другую. Его думы, однако, были по-прежнему обращены к неизвестности, что ждала впереди, и покинутому Сарайкету — городу, еще не осознавшему своего падения.

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **буква**

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, т. (495) 232-19-05
- м. «Алексеевская», пр-т Мира, д. 114, стр. 2 (Му-Му), т. (495) 687-45-86
- м. «Алтуфьево», Дмитровское ш., д. 163 А, ТРЦ «РИО»
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, д. 16, т. (495) 267-72-15
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, д. 22, ТЦ «Александр Лэнд», этаж 0, т. (495) 406-92-65
- м. «ВДНХ», г. Мытиши, ул. Коммунистическая, д. 1, ТРК «XL - 2», т. (495) 641-22-89
- м. «Домодедовская», Ореховый б-р, вл. 14, стр. 3, ТЦ «Домодедовский», т. (495) 983-03-54
- м. «Каховская», Чонгарский б-р, д. 18, т. (499) 619-90-89
- м. «Коломенская», ул. Судостроительная, д. 1, стр. 1, т. (499) 616-20-48
- м. «Коньково», ул. Профсоюзная, д. 109, корп. 2, т. (495) 429-72-55
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18, корп. 1, т. (495) 413-24-34, доб. 31
- м. «Крылатское», Рублевское ш., д. 62, ТРК «Евро Парк», т. (495) 258-36-14
- м. «Марксистская»/«Таганская», Бол. Факельный пер., д. 3, стр. 2, т. (495) 911-21-07
- м. «Маяковская», ул. 1-я Тверская-Ямская, д. 8, т. (495) 251-97-16
- м. «Менделеевская»/«Новослободская», ул. Новослободская, д. 26, т. (495) 251-02-96
- м. «Новые Черемушки», ТЦ «Черемушки», ул. Профсоюзная, д. 56, 4-й этаж, пав. 4а-09, т. (495) 739-63-52
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, д. 17, стр. 1, т. (499) 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, т. (495) 306-18-97
- м. «Петровско-Разумовская», ТРК «XL», Дмитровское ш., д. 89, т. (495) 783-97-08
- м. «Пражская», ул. Красного Маяка, д. 26, ТЦ «Пражский Пассаж», т. (495) 721-82-34
- м. «Преображенская площадь», ул. Бол.Черкизовская, д. 2, корп.1, т. (499) 161-43-11
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр-т, д. 76, корп. 1, 3-й этаж, т. (495) 781-40-76
- м. «Теплый стан», Новоясеневский пр-т., вл. 1, ТРЦ «Принц Плаза»
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., д. 15, корп. 1, т. (495) 977-74-44
- м. «Тульская», ул.Большая Тульская, д. 13, ТЦ «Ереван Плаза», т. (495) 542-55-38
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, корп. 1, т. (495) 322-28-22
- м. «Университет», Мичуринский пр-т, д. 8, стр. 29, т. (499) 783-40-00
- м. «Шелковская», ул. Уральская, д. 2
- м. «Шукинская», ул.Шукинская, вл. 42, ТРК «Шука», т. (495) 229-97-40
- м. «Юго-Западная», Солнцевский пр-т., д. 21, ТЦ «Столица», т. (495) 787-04-25
- м. «Ясенево», ул. Паустовского, д. 5, корп. 1, т. (495) 423-27-00
- М.О., г. Железнодорожный, ул. Советская, ТЦ «Эдельвейс»
- М.О., г. Зеленоград, ТЦ «Иридиум», Крюковская площадь, д. 1
- М.О., г. Клин, ул. Карла Маркса, д. 4, ТЦ «Дарья», т. (496)(24) 6-55-57
- М.О., г. Коломна, Советская площадь, д. 3, Дом Торговли, т. (496)(61) 50-3-22
- М.О., г. Люберцы, Октябрьский пр-т, д. 151/9, т. (495) 554-61-10
- М.О., г. Сергиев Посад, ул. Вознесенская, д. 32А, ТЦ «Счастливая семья»
- М.О., г. Электросталь, ул. Ленина, д. 010, ТЦ «Эльград»

РЕГИОНЫ:

- Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, т. (8182) 65-00-95
- Белгород, Народный б-р, д. 82, т. (4722) 32-53-26
- Владимир, ул. Дворянская, д. 10, т. (4922) 42-06-59
- Волгоград, ул. Мира, д. 11, т. (8442) 33-13-19
- Екатеринбург, ул. Сулимова, д. 50, ТРК «Парк Хаус», т. (343) 216-55-02
- Ижевск, ул. Автозаводская, д. 3а, ТРЦ «Столица», т. (3412) 90-38-31
- Калининград, ул. Карла Маркса, д. 18, т. (4012) 71-85-64
- Краснодар, ул. Дзержинского, д. 100, ТЦ «Красная площадь», т. (861) 210-41-60
- Красноярск, пр-т Мира, д. 91, т. (3912) 23-17-65
- Курган, ул. Гоголя, д. 55, т. (3522) 43-39-29
- Курск, ул. Радищева, д. 86, т. (4712) 56-70-74
- Курск, ул. Ленина, д. 11, т. (4712) 70-18-42
- Липецк, пл. Коммунальная, д. 3, т. (4742) 22-27-16
- Мурманск, пр-т Ленина, д. 53, т. (8152) 47-20-43
- Новосибирск, ул. Ватутина, д. 107, ТЦ «Мега», т. (383) 230-12-91
- Пенза, ул. Московская, д. 83, ТЦ «Пассаж», т. (8412) 20-80-35
- Пермь, ул. Революции, д. 60/1, ТЦ «7 пятниц», т. (342) 233-40-49
- Ростов-на-Дону, Новочеркасское ш., д. 33, ТЦ «Мега», т. (863) 265-83-34
- Рязань, Первомайский пр-т, д. 70, корп. 1, ТЦ «Виктория Плаза», т. (4912) 95-72-11
- Самара, ул. Дыбенко, д. 30, ТЦ «Космопорт», т. 8-908-374-19-60
- Санкт-Петербург, Гражданский пр-т, д. 41, ТЦ «Академический», т. (812) 380-17-84
- Санкт-Петербург, ул. Чернышевская, д. 11/57, т. (812) 273-44-13
- Санкт-Петербург, Лиговский пр-т, д. 185, т. (812) 766-22-88
- Тверь, ул. Советская, д. 7, т. (4822) 34-53-11
- Тольятти, ул. Ленинградская, д. 55, т. (8482) 28-37-68
- Тула, ул. Первомайская, д. 12, т. (4872) 31-09-22
- Тула, пр-т Ленина, д. 18, т. (4872) 36-29-22
- Тюмень, ул. М.Горького, д. 44, стр. 4, ТРЦ «Гудвин», т. (3452) 79-05-13
- Уфа, пр. Октября, д.26-40, ТРЦ «Семья», т. (3472)293-62-88
- Чебоксары, ТЦ «Мега Молл», ул. Калинина, д. 105а, т. (8352) 28-12-59
- Череповец, Советский пр-т, д. 88а, т. (8202) 53-61-22
- Ярославль, ул. Свободы, д. 12, т. (4852) 72-86-61

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой»
или на сайте: shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковью:
Тел/факс: +7(495)259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в Интернете на сайте: www.ozon.ru

Издательская группа АСТ www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: zakaz@ast.ru

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
 правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Абрахам Дэниел
Тень среди лета
Цикл «Суровая расплата»

Редактор Е. Мартинкевич
Художественный редактор О. Адаскина
Компьютерная верстка: В. Кудымов
Технический редактор О. Панкращина
Младший редактор Н. Дмитриева

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 – книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.009937.09.08 от 15.09.08 г.

ООО «Издательство АСТ»
141100, Россия, Московская обл., г. Щелково, ул. Заречная, д. 96
Наши электронные адреса: WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

ООО Издательство «АСТ МОСКВА»
129085, г. Москва, Звездный б-р, д. 21, стр. 1

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии ООО «Полиграфиздат»
144003, г. Электросталь, Московская область, ул. Тевосяна, д. 25

Странный, экзотический мир...
Здесь на руинах древней империи образовались
города Хайема, коими управляют
могущественные властители — хаи, и коим
вечно угрожает воинственный сосед — царство Гальт.
Здесь поэзия имеет магическую силу, ибо только поэты
в силах призывать и подчинять своей власти
тайных духов — андатов, способных помочь
людям и в мирные дни, и в грозную годину войны.
Но одному из андатов — Безымянному — не по вкусу
состоять на службе у Хешая, славного поэта города
Сарайкет. Он желает свободы и власти — а потому затевает
рискованную и опасную игру, цель которой — погубить
поэта и способствовать Гальту в завоевании Сарайкета.
Своим орудием Безымянnyй выбирает Ота, знатного
юношу, сбежавшего из школы поэтов и состоящего
в обучении у купца, его друга детства — любимого ученика
Хешая Маати и его возлюбленную Лиат...

Бек
Димитров

2000281 542785